

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ■ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск **1**

Минск
«Беларуская навука»
2010

УДК 316.42(476)(082)

В первом выпуске сборника представлены статьи ведущих белорусских и российских социологов, посвященные актуальным проблемам развития белорусского общества, социальной теории, методологии и методикам социологических исследований, а также материалы, содержащие результаты научных исследований сотрудников Института социологии за 2000–2009 гг. Посвящается 20-летию Института социологии НАН Беларуси.

Расчитан на студентов, аспирантов, профессиональных социологов, а также читательскую аудиторию, интересующуюся современным социальным развитием Беларуси.

Редакционная коллегия:

И. В. Котляров (главный редактор), В. Л. Абушенко (зам. главного редактора),
М. И. Артюхин, Е. М. Бабосов (зам. главного редактора),
Н. А. Барановский, А. Н. Елсуков, Л. Е. Земляков, В. В. Кириенко,
В. А. Клименко, А. А. Коваленя, Н. Е. Лихачев, Ю. М. Резник, В. И. Русецкая,
Р. А. Смирнова, Г. Н. Соколова (зам. главного редактора),
С. А. Шавель, Н. Н. Сечко (отв. секретарь)

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор С. В. Решетников,
доктор философских наук, профессор Л. Е. Криштапович

© Институт социологии НАН Беларуси, 2010
© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора

<i>Котляров И. В.</i> Прошлое, настоящее и будущее национальной социологии (к 20-летию Института социологии НАН Беларуси)	5
Актуальные проблемы развития белорусского общества	13
<i>Бабосов Е. М.</i> Креативное управление и его роль в преодолении кризиса	13
<i>Антонович И. И.</i> Европейская интеграция и уроки исторического опыта	20
<i>Котляров И. В.</i> Политические партии Беларуси в начале XXI в.: социально-политический анализ	30
<i>Шавель С. А.</i> Социология и экономика потребления. К единой парадигме	39
<i>Соколова Г. Н.</i> Социальные проблемы реализации инновационной стратегии в Республике Беларусь	49
<i>Смирнова Р. А.</i> Рыночная активность белорусского крестьянства в условиях реформирования АПК	59
<i>Барановский Н. А.</i> Социально-негативные девиации и стратегии антидевиантной политики	68

Теория, методология, методика социологических исследований

<i>Резник Ю. М.</i> Социальная теория вчера и сегодня: рефлексивные заметки об одной рефлексивной перспективе	77
<i>Тузова Т. М.</i> Картина мира и образ человека в структуре обоснования специфики гуманитарного познания	88
<i>Кройтор С. Н.</i> Культурная память как механизм воспроизводства социальных практик	97
<i>Безнюк Д. К.</i> Методологические аспекты анализа взаимодействия государства и религии	106
<i>Белая Е. А.</i> Концептуализация понятия «общность» в классической социологии	114
<i>Шухатович В. Р.</i> Категория «призвание» в историческом и культурном измерении	122
<i>Дмитриев Е. И.</i> От парадигмы социального пространства к парадигме информационно-коммуникационного пространства	131
<i>Хузеева Т. В.</i> Гражданское общество Республики Беларусь как объект социально-правового регулирования	139
<i>Леонов Н. Н.</i> Методы нечеткой классификации в социологических исследованиях	147

Социология науки, культуры и идентичности

<i>Кириенко В. В.</i> Этнонациональный менталитет как фактор и следствие общественного реформирования	156
<i>Титаренко Л. Г.</i> Формирование новой модели развития белорусской идентичности в условиях многовекторного воздействия глобальных и национальных факторов	162
<i>Науменко Л. И.</i> Белорусская идентичность. Концептуализация понятия	171
<i>Климов А. Г.</i> Славянская идентичность: социальные и социокультурные аспекты	181
<i>Ластовский А. А.</i> Историческая память как фактор укрепления белорусской национальной идентичности	187

<i>Балич Н. Л.</i> Социологическое исследование идентификации верующих в религиозных общинах	196
<i>Бабосова Е. С.</i> Роль научных школ в развитии мотивационной ориентированности молодежи на научную деятельность	204
<i>Хурс М. Н.</i> Ученые степени и звания в контексте совершенствования механизма мотивации научной деятельности	210
<i>Шарый И. Н.</i> Кадровая политика в науке и ее молодежная составляющая в условиях становления инновационной экономики	217
Социально-экономические аспекты развития белорусского общества	
<i>Русецкая В. И.</i> Динамика показателей качества жизни белорусов	224
<i>Лашук И. В.</i> Динамика уровня и качества жизни населения Республики Беларусь	231
<i>Сечко Н. Н.</i> Динамика трудовых ценностей белорусского населения	242
<i>Таранова Е. В.</i> Экономическое неравенство и социальная структура белорусского общества: анализ современного состояния	253
<i>Ображей О. Н., Подвальская В. С.</i> Актуальность изучения самосохранительного поведения населения	262
<i>Никулина Ю. В.</i> Урбанизационные процессы в контексте системной трансформации общества	270
<i>Пушкин А. Л.</i> Проблема устойчивого развития общества в условиях социальных и техногенных рисков современной цивилизации	276
Прикладные исследования. Социология миграции и девиантного поведения	
<i>Артюхин М. И.</i> Основные тенденции развития внешней миграции населения Республики Беларусь за 2000–2008 г.	283
<i>Димитрук П. П., Антонова Т. А.</i> Внутриреспубликанская миграция населения Республики Беларусь: анализ по итогам 2008 г.	287
<i>Зайцев А. В.</i> Внешняя трудовая миграция населения Республики Беларусь: структура и основные тенденции развития за 1999–2008 гг.	296
<i>Балакирева Т. С.</i> Миграционное поведение сельчан в условиях рыночных преобразований в агросфере	301
<i>Рыбчак С. В.</i> Основные способы социально-психологической адаптации личности	309
<i>Кузьменко Т. В.</i> Особенности крестьянского менталитета как фактор адаптации к рыночным преобразованиям	314
<i>Тарасов В. С.</i> Эффективность мер профилактики и борьбы с курением в Беларуси	322

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УДК 316:061.62(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,

*доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

(к 20-летию Института социологии НАН Беларуси)

В статье проанализирована деятельность Института социологии Национальной академии наук Беларуси за 20 лет работы. Показаны ее основные направления, достижения и недостатки, названы лучшие ученые, поставлены задачи на будущее.

Почти 20 лет тому назад, 16 января 1990 г., Совет Министров БССР принял постановление, на основании которого Президиумом Академии наук БССР на базе пяти отделов Института философии и права АН БССР (теории, методологии и методики социологических исследований, социологии общественного мнения, социальной динамики сельского населения, социальных проблем молодежи, социологических исследований идеологических процессов), двух отделов Института экономики АН БССР (социально-экономических проблем демографического развития и занятости населения и науковедения), а также лаборатории социальной психологии личности и коллектива Института технической кибернетики АН БССР был создан Институт социологии АН БССР.

Инициатором создания Института социологии и его первым директором был известный белорусский ученый Е. М. Бабосов. С 1998 г. обязанности директора исполнял В. В. Бушик. С 2000 по 2008 г. институт возглавлял Г. М. Евелькин. С апреля по декабрь 2008 г. обязанности директора исполнял В. Л. Абушенко. В декабре 2008 г. директором Института социологии НАН Беларуси назначен доктор социологических наук, профессор И. В. Котляров.

Сегодня Институт социологии НАН Беларуси является важнейшей структурой страны, занимающейся изучением теоретических и прикладных аспектов социологии. В нем работают известные ученые, имеющие научные школы, добившиеся значительных научных достижений. Институт обладает серьезным научным ресурсом. Коллектив формировался долгие годы по принципу слияния профессиональной зрелости и творческой молодости, что служит обеспечением преемственности научного опыта и глубокого знания. В настоящее время в структуре Института социологии НАН Беларуси находятся пять отделов и один центр, в состав которых входят 12 научно-исследовательских секторов. Численность сотрудников составляет более 60 человек, из них 7 докторов и 17 кандидатов наук.

Институт принимает активное участие в развитии традиционных и формировании новых отраслей социологического знания, решении важнейших политических, социально-экономических и культурных проблем страны. Он участвовал в разработке концепции идеологии белорусского государства, концепции развития науки на период до 2015 г., Государственной программы Республики Беларусь по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, Государственной программы по развитию ядерной энергетики и многих других. В последние годы институт участвовал в выполнении многих важных для белорусского государства программ и научных проектов. Среди них можно выделить следующие: «Социологическое исследование социальных процессов в современной Беларуси (*Социальные процессы*)», «*Экономика и общество*», «*По минимизации и преодолению последствий чернобыльской катастрофы на территории Республики Беларусь*», «*Снижение рисков чрезвычайных ситуаций*»; Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 гг.; Государственные программы «*Научные кадры*» и «*Предупреждение преступности*» и др.

К наиболее значимым результатам научной деятельности института, полученным за последние годы, относятся следующие:

разработка *методологии выявления потребностей общества* в инновационном развитии;

создание *модели инновационного развития как фактора формирования восприимчивости к инновациям*;

выявление отношения сельских жителей к социальным инновациям в АПК;

разработка теоретической модели национальной идентичности населения Беларуси на основе анализа внутренних и внешних факторов, воздействующих на формирование менталитета населения страны;

разработка методики определения степени и эффективности влияния средств массовой информации на различные социальные группы (слои) общества;

выявление основных уровней социальной детерминации антиобщественных явлений;

создание концепции формирования оптимальной структуры научных кадров в условиях национальной инновационной экономики, разработка теоретико-методологических основ прогнозирования воспроизводства научных кадров по приоритетным направлениям развития научной и инновационной сфер.

Можно назвать и другие конкретные примеры теоретической деятельности ученых института, направленной на инновационное развитие страны. Постоянно и целенаправленно шло накопление и осмысление эмпирических знаний о различных аспектах развития белорусского общества, предлагались конкретные пути решения имеющихся проблем.

Важнейший вывод многолетних социологических изысканий – Республика Беларусь как сильное и независимое государство состоялась. Создан прочный фундамент, позволяющий белорусскому обществу и национальному государ-

ству энергично и эффективно развиваться по многим направлениям. Социологические исследования показали, что, несмотря на сложнейшую социально-политическую ситуацию, экономические и финансовые проблемы, колоссальное давление извне, белорусское общество благодаря общественной солидарности и согласию стабильно развивается.

Институт социологии НАН Беларуси является научным учреждением, ведущим комплексные социологические исследования и на *прикладном* уровне. С 2002 г. в институте проводится *республиканский мониторинг изучения социально-политической и экономической ситуации в стране* – систематически повторяющиеся социологические исследования, проводимые по специально разработанной методике с применением специализированного инструментария. Благодаря мониторингу можно выявить проблемные ситуации в развитии белорусского общества, определить политические и социально-экономические изменения в социальных ценностях населения, предложить властным структурам конкретные рекомендации по разрешению проблем.

Особый интерес представляет мониторинг изучения зрительской активности населения страны, проводимый при помощи современного аппаратного метода – *ниплетрии*. Данный мониторинг позволяет определить, кто, что, когда и на каком телевизионном канале смотрит; рейтинг популярности телепередач и доверия телеканалам; самое смотрибельное время; информационное поведение и телевизионные интересы самой различной белорусской аудитории.

Постоянно проводится комплексный анализ *социально-трудовых отношений* на отечественных предприятиях, социологическая экспертиза состояния и перспектив развития белорусского рынка труда; социологический анализ социальных проблем становления инновационной экономики в Беларуси. Можно привести и другие конкретные примеры прикладных социологических исследований.

Как показывают многолетние мониторинговые социологические исследования, ситуация в Республике Беларусь на протяжении последних десяти лет характеризуется стабилизацией большинства социально-политических и экономических параметров. Так, по данным социологического мониторинга, только пятая часть опрошенных респондентов считают, что материальное положение их семей за прошлый год ухудшилось. У половины опрошенных оно не изменилось, а у остальных респондентов – улучшилось. Примерно в такой пропорции распределились ответы и по изменению социально-политического положения в стране. Каждые четыре из пяти опрошенных считают себя в полной безопасности на улицах своего населенного пункта, девять из десяти – в собственном жилище, три четверти – в общественных местах (на стадионах, концертах и т. д.). В то же время самая сложная социально-политическая и экономическая ситуация в Беларуси, по мнению респондентов, была во времена правления С. Шушкевича, М. Гриба, В. Кебича. Например, в 1992 г. 95% населения страны считали, что в ближайшем будущем произойдет социальный взрыв. С избранием Президентом страны А. Лукашенко социально-политическая и экономическая ситуация стала постепенно улучшаться.

Результаты проведенных фундаментальных и прикладных научных исследований сотрудниками института регулярно докладываются на научных конференциях, получили отражение в более чем 600 научных и научно-популярных публикациях. За последние пять лет издано 32 монографии, 10 учебников и учебных пособий, 6 сборников научных трудов, более 300 научных статей. Ежегодно издается сборник научных трудов института. Совместно с Институтом экономики НАН Беларуси и «**БИП** – Институтом правоведения» Институтом социологии издается журнал «Сацыяльна-эканамічныя і правыя даследаванні».

Коллектив института активно работает в сфере *подготовки научных кадров*. Его сотрудники преподают во многих ведущих вузах страны, в том числе Белорусском государственном университете, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусском государственном педагогическом университете им. Максима Танка, Белорусском государственном экономическом университете, Белорусском национальном техническом университете, Белорусском государственном университете культуры, Гродненском государственном университете, Минском институте управления.

За 20 лет существования Института социологии в нем сложились признанные в СНГ и за его пределами *научные школы* академика Е. М. Бабосова, доктора философских наук, профессора Г. Н. Соколовой, доктора социологических наук С. А. Шавеля. Е. М. Бабосов подготовил 18 докторов и свыше 60 кандидатов философских и социологических наук. Под научным руководством Г. Н. Соколовой защитили докторские диссертации – 7, кандидатские диссертации – 30 человек.

В институте успешно работает *аспирантура*. Результативность ее работы за последние пять лет в целом является достаточно высокой. Число защитившихся составляет 47,1% от общего количества выпускников, что по академическим меркам является хорошим показателем.

Успешно работает *специализированный совет по защите диссертаций*. За последние пять лет в нем состоялась защита 3 докторских и 31 кандидатской диссертации. Сотрудники института успешно защитили 8 кандидатских диссертаций. Коллектив института готовит кадры высшей квалификации и для других учреждений Республики Беларусь и зарубежных стран.

В соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь при НАН Беларуси создана *Комиссия по опросам общественного мнения*, функции организационного обеспечения деятельности которой возложены на Институт социологии. Комиссия оказывает методологическую и методическую помощь социологическим службам страны, проводит аккредитацию республиканских социологических структур, ведет работу по совершенствованию нормативно-правового регулирования их деятельности.

Следует особо подчеркнуть, что в условиях *мирового кризиса* существенно обострился интерес к теоретическим и прикладным аспектам формирования экономической, социальной и политической стабильности в условиях на-

растающей неустойчивости, непредсказуемости и нестабильности. Поэтому на первый план научных исследований выдвигаются **теоретико-методологические проблемы**, решение которых позволяет принимать конкретные политические и управленческие решения. Достаточно острая проблема заключается в выявлении основных социально-политических факторов преодоления общественного кризиса в национальных и региональных масштабах. Стабильное инновационное развитие обеспечивается реализацией комплекса определенных целенаправленных, внутренне детерминированных, эффективных методов, приемов, технологий, действий, направленных на прогрессивное изменение социума и его подсистем, повышение уровня их организации. Социологический аспект исследований помогает учесть мнение большинства субъектов общественной жизни, а это дает основание утверждать, что в таком случае решения будут выполнены, задачи реализованы.

Можно сделать вывод, что белорусскому обществу нужна **принципиально новая социологическая парадигма** выхода из кризиса, обеспечения стабильного развития национального государства с учетом современных интеграционных процессов, менталитета и идентичности белорусов. Это ведет к необходимости создания принципиально новых механизмов регулирования общественной жизни, разработке принципиально новых теоретико-методологических оснований формирования стабильного инновационного развития белорусского общества. Разработка этих механизмов – одна из задач ученых института.

В период кризисных явлений существенно возрастает роль **государства** в регулировании социально-политических и экономических процессов в обществе. В Беларуси создаются антикризисные программы, призванные снизить уровень рисков, которым подвергаются важнейшие промышленные предприятия. В то же время практически не меняется модель государственного управления. Структуры государственной власти отстают от требований времени. Они оказались неспособными управлять изменениями, ставить людям и организациям антикризисные задачи, вносить определенность в действия многих управленческих структур. В условиях кризиса требуются новые механизмы регулирования и государственного управления, которые будут эффективно работать и в дальнейшем.

Сегодня многие понимают, что от социологической экспертизы социальных последствий экономических и политических преобразований в значительной мере зависит обеспечение темпов и условий переориентации белорусской экономики на инновационные сценарии. Поэтому приоритетным направлением академической социологии становятся разработка и внедрение новой системы индикаторов развития белорусского общества, которые будут учитываться в оценке эффективности тех или иных стратегий.

Для решения кризисных вопросов важно учитывать территориальные особенности Беларуси, которые определяются не только природно-климатическими, ресурсными и демографическими условиями, но и социально-политическими и экономическими инновациями. В стране существуют местные раз-

личия в адаптации населения к рыночным условиям; несбалансированное развитие отдельных регионов, связанное с неравными территориальными возможностями; увеличение разрыва в уровне и качестве жизни между городом и деревней; «размывание» крестьянского образа жизни. Роль села в жизни белорусского общества до сих пор должным образом не понята и не оценена. Это ведет к определенным просчетам в социальной и экономической политике и как следствие – к существенным социально-экономическим потерям. Без решения этих проблем нереален выход из кризиса и обеспечение стабильного инновационного развития страны.

Поэтому в институте разрабатывается *стратегия* развития белорусской социологической науки. Проблемы постоянно обсуждаются с широкой научной общественностью, намечена серия региональных семинаров. Совместно с Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь проведен первый из них. В семинаре участвовали представители всех социологических служб. Состоялся откровенный разговор. Были обсуждены важнейшие для белорусского государства и национальной социологии проблемы. По многим из них были найдены интересные решения.

Ученые пришли к выводу, что современная жизнь ставит перед белорусской социологической наукой массу принципиально новых теоретических задач, начиная от ответа на вопрос «*Кто мы?*» до переосмысления роли человека в инновационном развитии Республики Беларусь. В условиях, когда в Беларуси практически нет своих энергоресурсов, человеческий капитал становится основным ресурсом стабильного инновационного развития республики.

Необходимо расширять *спектр социологических исследований*. Особое внимание следует уделить новому направлению социологической науки в Беларуси – *политической социологии*. Она должна углубленно изучать весь комплекс проблем, связанных с политическими отношениями и деятельностью, политическими сознанием и культурой, законами их функционирования и изменения. Важно исследовать политические ценности и нормы, концепции и идеалы, обычаи и традиции, деятельность политических партий и объединений, институтов и организаций, политические интересы и действия, властные отношения и взаимодействия. К сожалению, ранее этим в стране практически не занимались, а проблем, как оказалось, достаточно много.

Другой важный объект политической социологии – *органы государственного управления*. В настоящее время власть в стране уважают и почитают. Правда, отношение к властным структурам белорусского государства у людей совершенно разное. Наибольшим авторитетом и доверием среди властных структур пользуется институт Президента. За все годы наблюдений, рейтинг института Президента остается стабильно высоким. Следует отметить, что высокий уровень доверия наблюдается и у таких социальных институтов, как Православная церковь и армия. По сравнению с институтом Президента другие структуры государственной власти, прежде всего представительной, пользуются меньшим авторитетом. Почему это так? Оказывается, что ожидания

избирателей, как правило, не совпадают с наступившей реальностью. Кандидаты в парламентарии обещают многое, а становясь депутатами, делают до удивления мало. Нужны конкретные рекомендации по улучшению деятельности данной ветви власти, новая теоретическая модель государственного управления.

Необходимы принципиально *новые социологические концепции как теории среднего уровня*. Они важны как для накопления знаний и систематизации научных фактов, так и для постановки новых задач. Необходимо, например, осмысление политической мотивации и социального настроения как движущих сил общественной деятельности, социологического видения нравственности и права, роли и места социальных субъектов в белорусском обществе, социологических парадигм и дифференциации моделей деятельности в сфере образования и здравоохранения, спорта и культуры, научно-технического прогресса и социальной защиты, религии и национального самосознания. Однако в центре деятельности института должны быть прежде всего приоритеты инновационного развития как обеспечения стабильности в белорусском обществе.

В условиях глобального кризиса очень важны *прикладные проекты*, которые смогут давать быстрый эффект и отдачу. Над этой проблемой коллектив института и работает на методологических семинарах и научно-практических конференциях. На собрании трудового коллектива было решено, что во всех теоретических изысканиях обязателен выход на прикладной уровень. Каждое исследование должно заканчиваться аналитической запиской, важными частями которой являются, во-первых, конкретные рекомендации, направленные на решение тех или иных проблем, во-вторых, научные прогнозы развития изучаемых процессов или объектов. Сегодня каждый сотрудник института прекрасно понимает, что в условиях кризиса одной из важнейших функций социологии является прогностическая. Нельзя идти вдогонку за событиями. Их надо прогнозировать, предсказывать и принимать конкретные меры по недопущению негативных явлений. Подобный подход позволит более эффективно использовать новое социологическое знание на благо белорусского государства.

Еще одно средство реализации ранее названных целей. Некоторые исследователи называют его *«упреждающей социологией»*. В настоящее время многие законодательные решения, нормативные акты и правительственные предложения еще в виде проектов широко обсуждаются в белорусском обществе. А почему бы уже на этой стадии специально созданной экспертной группе Института социологии не заявить о своей позиции с точки зрения экспертной оценки ими общественного мнения? Авторитет академической социологии и ее головного института, их роль в разработке государственных решений в данном случае только возрастет.

Особое внимание руководство института уделяет профессиональному росту научных сотрудников. В институте созданы *постоянно действующие мето-*

дологические семинары трехуровневого характера – для аспирантов, молодых научных сотрудников, всего коллектива. На общеинститутском методологическом семинаре приоритет получают проблемы комплексного, междисциплинарного характера, обсуждение которых позволяет соединить национальную специфику с глобальными проблемами, найти принципиально новые, прорывные социологические проекты. На двух других семинарах проводится обучение аспирантов и молодых научных сотрудников собственно интеллектуальной деятельности, направленной на получение принципиально нового научного знания. Научные сотрудники прекрасно понимают, что коллективу Института социологии НАН Беларуси необходимо приложить максимум усилий, чтобы еще более повысить авторитет академической социологии, направить ее деятельность на укрепление белорусского государства, улучшение жизнедеятельности общества.

I. V. KOTLIAROV

PAST, PRESENT AND FUTURE OF THE NATIONAL SOCIOLOGY

Summary

The activities of the Institute of sociology of the National academy of sciences of Belarus pending 20 years of work are analysed in the article. Its main directions are analysed, achievements and shortcomings are shown, the best scientists are nominated, the tasks for the future are set.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.354:351.82

Е. М. БАБОСОВ,

*академик, доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

КРЕАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА

Раскрываются сущность и особенности креативного мышления, основные пути его реализации в конструировании социальной реальности и в управленческой деятельности.

В последнее время в средствах массовой информации все чаще стали появляться термины «креативное мышление», «креативная экономика», «креативный менеджмент». При различной содержательной наполняемости этих терминов общим для них является наличие прилагательного «креативный». Поэтому для четкого представления о том, в чем заключается своеобразие креативного управления, существенное значение имеет выяснение смысла понятия «креативность».

В социально-психологическом плане креативность – это способность субъекта (индивида, группы, социальной общности) адаптивно реагировать на происходящие в окружающей действительности изменения и генерировать новые знания, подходы, продукты, новые решения и действия, направленные на творческое преобразование природной, социальной и духовной реальности. Специфическими свойствами креативного решения, действия, продукта и личности являются их состоятельность, оригинальность, адекватность намеченной цели и задаче, оптимальный способ или форма, соответствующие месту и времени совершаемой деятельности. Креативные действия и их продукты могут быть беспредельно разнообразны: новые виды труда, новые стили одежды и музыки, новые спортивные упражнения, новые научные теории и философские доктрины, новые виды станков и оборудования, новые сорта тканей и удобрений, оригинальные управленческие решения и т. д. Именно в креативности мышления, действия и его продуктах воплощается сознательно-творческая, созидательная сущность человеческой жизнедеятельности, в том числе и в сфере управления.

Необходимость широкого и эффективного применения креативных способов мышления и действия в сфере управления обусловлена в первую очередь безмолвной революцией в потоках информации. В настоящее время благодаря повсеместному использованию Интернета передача информации происходит

мгновенно вне зависимости от расстояния, а масштабы ее распространения беспрецедентны. В неразрывной взаимосвязи с информационной революцией происходит развитие и функционирование глобальных информационных сетей, эффективно использующих суперкомпьютеры и другие технико-технологические новшества. Это ставит в принципиально новые, непривычные условия как производство, сохранение и передачу информации, так и обеспечение информационной безопасности, а также принятие и осуществление управленческих решений. Настоятельной необходимостью для управленцев любого ранга становится выработка умения переосмысливать настоящее и видеть перспективы будущего. Добиться этого невозможно без творчества, без развития и применения креативных управленческих новшеств. Такой радикальный поворот связан с переходом от промышленной экономики к экономике знаний. Если менеджмент в системе промышленной экономики базируется на технологии, представляющей собой применение знаний вчерашнего дня, то менеджмент в системе экономики знаний должен основываться на знаниях самых современных и уметь применять эти знания к знаниям, способностям и умениям других людей. Это означает, что менеджер современного типа должен работать не только с металлом, пластмассой, станками и оборудованием, но прежде всего – с людьми, которые сильно отличаются друг от друга, чувствуют и думают по-разному, воспринимают окружающий мир и принимаемые в нем решения иначе, чем остальные. Поэтому управлять ими успешно можно только в том случае, если управленческие решения станут нетривиальными, творческими, креативными, ориентированными на людей и их способность к творчеству. А для этого нужно научиться быстро и эффективно синтезировать новую информацию, основанную на знаниях, и думать критически, нетривиально, следовательно – креативно.

Одним из существенных признаков креативного управленческого действия является сдвиг от управления материальными ресурсами и активами к управлению главным образом использованием нематериальных активов организаций и предприятий: взаимоотношениями с клиентами и конкурентами, информационными технологиями, инновационными продуктами и услугами, способностями, умениями, навыками и мотивациями персонала. Возникают новые стратегии, соответствующие требованиям информационной эпохи. Современными обученными и подготовленными управленческими кадрами, работающими в организациях, в которых применяются новейшие технологии и информационные системы, все более отдаются себе отчет в том, что источником эффективной деятельности и конкурентоспособности на внутреннем и международных рынках становятся в большей степени нематериальные активы и факторы (информация, знания, квалификация и умения работников, взаимоотношения между ними), чем материальные факторы производства (станки, оборудование и т. п.). В такой ситуации возникает настоятельная потребность в стратегическом соответствии управленческой деятельности стремительно развивающемуся технико-технологическому базису современного производства, а в бо-

лее широких масштабах – особенностям экономики, основанной на знаниях и инновациях, воплощенных в информации, творчески применяемой квалифицированными работниками.

В системе креативной работы с персоналом одно из приоритетных мест занимает формирование и повышение трудовой мотивации персонала путем ее оптимизации с учетом индивидуальных особенностей сотрудников и потребностей предприятия. Мотиваторами трудовой деятельности могут выступать: 1) интересы и потребности личности, удовлетворение которых возможно посредством труда; 2) блага, которые можно получить в качестве вознаграждения за труд; 3) процесс, посредством которого осуществляется связь между потребностями и конечными благами, их удовлетворяющими; 4) возможность самореализации и профессионального роста в процессе трудовой деятельности; 5) престиж профессии или того предприятия, где собирается работать или уже работает данный человек. На основании ранжирования этих мотивов по степени их значимости для работника может быть составлена карта мотиваторов по каждому сотруднику или кандидату на определенную должность. Такая работа делается, например, в екатеринбургской компании Targem Games, разрабатывающей компьютерные игры. Карты мотиваторов могут быть использованы при подборе персонала с целью оценки соответствия кандидата требованиям должности, а также для повышения эффективности деятельности персонала и предприятия в целом.

Большое значение в работе с персоналом имеет формирование нормального психологического климата в коллективе, который создает предпосылки для раскрытия лучших творческих, коммуникационных и других качеств работников, благоприятствует более эффективной производственной деятельности. Благоприятный социально-психологический климат открывает возможности для развития продуктивных межперсональных отношений и взаимодействий работников с ближайшим окружением и содействует развитию личностного ресурса, конструктивной производственной деятельности, социальной адаптации сотрудников к изменяющимся условиям работы предприятия.

Успешность экономической, организационно-управленческой и всякой иной деятельности обусловлена не использованием отдельной идеи, а постоянно воспроизводимой способностью генерации и внедрения системы таких идей в жизнь, т. е. непрерывным творчеством. При этом следует различать традиционное понятие творчества и креативность как процесс творческого генерирования и конструирования новых идей, замыслов, новаторских управленческих решений, воплощаемых в действии. В таком понимании креативность предстает как способность генерации нового знания и практического действия путем расширения и трансформации видения реальности в перспективе будущего, способного системно реорганизовать настоящее в будущее в соответствии с определенными целями. Возрастающая значимость креативного управления детерминируется его способностью связать воедино нелинейную логику и теорию когнитивных процессов с практической управленческой деятельностью.

В результате происходит мыслительная, а затем и вещественно-действенная трансформация (переконструирование) элементов реальности, позволяющая создать своеобразный эталон (аттреактор), определяющий сборку отдельных элементов в целостную, эффективно действующую систему – креативное управленческое решение.

В отличие от традиционно-реактивного управления, осуществляемого как реакция на изменения, происходящие во внешней и внутренней среде организации (предприятия, фирмы, учреждения), креативное управление реализуется как активное целенаправленное воздействие на персонал данной организации, ее соперников, конкурентов и потребителей ее продукции (услуг), ориентированное на преобразование нынешней реальности сквозь призму возможного будущего, которое влияет на настоящее, т. е. является в своей сущности проактивным. Проактивность в процессах управления проявляется как способность активно осуществлять выбор цели, средства ее достижения, адекватные данной цели, подчинять ей свои стремления, мысли, действия, проявлять инициативу, конструировать новаторские идеи, решения и действия, преобразовывать нынешнюю реальность в перспективе возможного будущего, связанного с достижением поставленной цели и решением вытекающих из нее задач.

Одним из недавно вошедших в практику креативного менеджмента новых объектов стало создание брэндов – специфических товарных знаков, торговых марок и рекламных образцов. Активная деятельность в этом направлении составляет один из необходимых компонентов креативного управления предприятием. Например, во всемирно известной компании «Кока-Кола» основными нематериальными активами считаются работающие там сотрудники и самый дорогой в мире брэнд фирмы. Активно работающая на белорусском потребительском рынке компания «Мобильные Теле-Системы» (МТС), по оценкам на конец 2008 г., обладает брэндом, стоимость которого составляет 9,2 млрд долл. Характерно, что 51% акций этой компании принадлежит белорусскому государству, а работает оно по зарубежным брэндам, все его операторы – зарубежные, поэтому и львиная доля прибыли утекает в зарубежные страны. Возникает резонный вопрос: а свойственны ли креативные управленческие действия тем нашим руководящим кадрам, которые принимают и осуществляют управленческие решения в данной сфере?

Для осуществления креативного управления важное значение имеет выход за пределы трафаретного мышления, активный креативный поиск технико-технологических новшеств. Одним из реальных каналов такого поиска является использование данных функционирующего с 2003 г. в Беларуси Республиканского центра трансфератехнологий, который дает возможность искать и находить партнеров в новизне в инновационной сфере не только на внутреннем рынке, но и в рамках СНГ и в Евросоюзе. Однако к началу 2009 г. на 933 предложения инновационных организаций, имеющих в данном центре, поступило только 273 запроса, причем запросов от отечественных организаций было вдвое меньше, чем от европейских предприятий (соответственно 92 и 181).

Это свидетельствует о низком уровне развития креативно-инновационного мышления и поиска в сфере белорусского менеджмента.

Существенная особенность креативного управления заключается в том, что при его осуществлении действует принцип парадоксальной креативности, согласно которому наиболее эффективны управленческие решения – парадоксальны. В таком случае ошибки в процессе разработки и осуществления управленческих решений признаются допустимыми, а сама ошибка воспринимается и оценивается как новая возможность совершенствования управленческой деятельности. Именно для такого понимания и применения креативного управления необходимо, чтобы управленческие кадры отчетливо понимали, что самая главная инвестиция – это люди, работающие в организации, развитие их знаний и практическое применение таких знаний. А для этого необходимо научиться интерпретировать новые знания, объединять их и стратегически применять в соответствии с миссией и целями предприятия, фирмы или учреждения.

Новые знания и их реализация в творческой деятельности работников, прежде всего разработчиков новой техники (и иных товаров), становятся для креативного управления важной частью инновационного процесса, делового взаимодействия с клиентами, а самое главное – приоритетным направлением управления людьми и практической реализацией их знаний и профессиональных навыков.

Обобщение изложенных в данной статье суждений, оценок и примеров из практического опыта ряда предприятий позволяет сделать вывод о том, что креативное управление обладает рядом специфических сущностных характеристик. Наиболее важными из них являются следующие:

1. Гносеологическое разнообразие по отношению к объекту управленческой деятельности, что обусловлено возросшим в условиях становления инновационной экономики знания динамизмом как самого объекта управления, так и воплощающего этот динамизм в своих основных параметрах управленческого решения.

2. Смена парадигмальных ориентаций управленческой деятельности: выдвигание на передний план вместо свойственных доинформационному (классическому) стилю управления субъект-объектных управленческих отношений существенно отличных от них инновационных, творческих субъект-субъектных отношений между управляющими и управляемыми людьми.

3. Возрастание значимости гносеологической адекватности управленческого мышления непрерывно изменяющемуся (часто непредвиденным, многовариантным образом) объекту управления.

4. Первенствующее значение онтологической адекватности управленческих действий непредсказуемо меняющемуся объекту управления, воплощающееся в практическом управлении, конструирующем образ желаемого и планируемого будущего, которое влияет на настоящее, формирует в нем условия и тенденции совершенствования и возрастания эффективности функционирования.

5. Главенствующая потребность в формировании креативности в мышлении и действиях всего персонала, работающего в организации (предприятии, фирме), во внедрении творческих, инновационных начал в повседневной мыслительной, производственной, организационных и иных видах деятельности.

6. Замена характерного для традиционного способа управления принципа единственности управленческого решения принципом множественности возможных решений (дивергентное мышление), исходящим из того, что в неравновесных, неустойчивых, нелинейно развивающихся системах со свойственными им точками бифуркации и аттракторами возможных управленческих решений – множество.

7. Оценка полученных вариантов управленческих решений на основе принципа критической рациональности, утверждающего, что один принципиальный «минус» способен перевесить дюжину принципиальных «плюсов».

8. Использование принципа нелинейности управления в его «мягком» варианте, суть которого заключается в признании того, что типологически правильно организованное малое управленческое воздействие (резонансное воздействие) может оказаться гораздо более эффективным, чем сильное воздействие, примененное не в надлежащее время и не в том месте.

9. Непреклонное воплощение в практическую управленческую деятельность основополагающего принципа, согласно которому основным системообразующим ядром креативного управления является управление людьми, их знаниями и реализацией этих знаний в профессиональных навыках в повседневном труде.

Системообразующей частью креативного менеджмента является эффективное управление индивидуальной и коллективной креативностью. Возникающая в результате такого управления системная креативность базируется на том, что принципиально новая, творческая идея возникает первоначально в уме и интуиции одного конкретного человека, но конкретизируется, ограничивается, приобретает осязаемые черты и направления практической реализации в результате заинтересованного (нередко критического) обсуждения в кругу коллег, оппонентов, экспертов, руководителей. Именно в коллективном творческом обсуждении происходит оценка и выбор наиболее жизнеспособных управленческих решений и действий, ориентированных на осуществление миссии данной социальной системы (организации) и достижение ее стратегической цели.

Мировой экономический кризис вызвал огромное, почти необъятное количество разнообразных, казалось бы поверхностных, но ставших реальными, непредсказуемых изменений, которые в своей противоречивой совокупности меняют облик современного мира, а вместе с тем и ареал управленческих решений и действий. Сейчас почти для всех становится очевидным, что впереди нас ждут еще более радикальные изменения и эти грядущие перемены надвигаются с нарастающей масштабностью и скоростью. Одновременно с этим стремительное развитие новейших информационных технологий, нарастающие

потоки информационных, в том числе аудио-, видео-, данных, конструирование все новых сюжетов **виртуализации**, разнообразных коммуникационных связей, которые необходимо осознать, проанализировать и включить в разрабатываемые варианты управленческого мышления и действия, диктуют необходимость перехода от отдельных креативных решений в системе управления к разработке системной креативности. Это предполагает все более решительную замену традиционных управленческих действий, основанных на использовании уже готовых и апробированных знаний, возрастающих в своих масштабах и инновационности генерированием новых знаний и их практическим применением в практике креативного управления. Именно креативное управление становится в настоящее время ключевым элементом, интегрирующим ядром современной управленческой деятельности, особенно если она осуществляется в кризисных ситуациях.

Литература

1. Бабосов, Е. М. Управление человеческими ресурсами / Е. М. Бабосов // Социальное управление / Е. М. Бабосов. – Минск, 2008.
2. Друкер, П. Практика менеджмента / П. Друкер. – М., 2006.
3. Шевырев, А. Креативный менеджмент: синергетический подход / А. Шевырев. – Белгород, 2007.
4. Эдерхейм, Э. Х. Лучшие идеи Питера Друкера / Э. Х. Эдерхейм. – М.; СПб., 2008.

E. M. BABOSOV

CREATIVE MENAGEMENT AND ITS ROLE IN OVERCOMING THE CRISIS

Summary

The author reveals essence and features of creative thinking, the basic ways of its realization in designing social reality and in administrative activity.

УДК 339.924(4)

И. И. АНТОНОВИЧ,

*доктор философских наук, профессор, действительный член
Академии социальных наук Российской Федерации, г. Москва*

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И УРОКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

В статье рассмотрена совокупность текущих проблем в рамках европейской интеграции и связь этих проблем с игнорированием уроков исторического опыта. Сделаны выводы о том, что европейское будущее зависит от способности государств осмыслить исторический опыт XX века.

Социодинамика истории противоречива. Многие планы и действия политических сил, формирующих общественные системы, и лидеров, их возглавляющих, часто приводят к результатам, которых они сами не ожидали и которые противоположны первоначальному замыслу. Ввиду этого понимание исторического процесса, особенно в его современном проявлении, всегда становится объектом противоборства политических сил, поддается разносторонней, часто взаимоисключающей, интерпретации. В начале XXI столетия история переписывается снова и снова. Очень ярко в исторических исследованиях проявляется себя субъективный элемент, когда побежденные хотят представить себя победителями, а победители защищают свое право на историческое признание и заслуги. 2009 год – год углубления всеобщего экономического кризиса и обострения социально-политических противоречий – дал нам много свидетельств этого рода. Угнетенное мировое общественное мнение, напуганное негативными последствиями кризиса осенью 2009 г., было взбудоражено несколькими неожиданными и неординарными событиями. В их числе – подписание Лиссабонского договора, дающего Евросоюзу основополагающий юридический документ, который начал действовать с 1 декабря 2009 г.

После длительного периода неудач Евросоюз сумел, наконец, выйти на правовой документ, который именуется Лиссабонским договором. Достаточно вспомнить, что первоначально правовой документ, регулирующий взаимоотношения стран в Европейском союзе, предполагалось назвать Европейской конституцией. Над ней долгое время работали эксперты из стран–членов Евросоюза, и по итогам работы было решено представить европейскую конституцию на утверждение на референдумы в странах–членах Евросоюза.

Однако случилось непредвиденное: Франция – одна из членов–основателей Евросоюза – отвергла этот договор в результате общенационального референ-

дума. Также поступили и Нидерланды. Это было шоком для Евросоюза, и после длительных размышлений руководители государств-членов Евросоюза отказались от одобрения документа референдумами и решили утверждать его в парламентах своих стран. Новый замысел нарушила Ирландия, которая отказалась утверждать конституцию ЕС парламентом, вынесла договор на всенародное голосование – и народ отверг его. В конечном итоге после длительных размышлений и поправок конституция ЕС была преобразована в Лиссабонский договор, который был вынесен на парламент стран-членов Евросоюза. Это сокращенный, упрощенный вариант, но и здесь не обошлось без трудностей. Возражения нашлись у Польши и Чехии, особенно после того, как США отказались разместить там свои ракетные установки. Чехия была последней из стран-членов ЕС, которая, после длительных колебаний, подписала этот договор. Он начинает действовать с 1 января 2010 г., составив, таким образом, основную правовую базу существования союза.

Дело здесь не в том, что Евросоюзу не хватает правовых оснований для своей деятельности. Скорее наоборот: сейчас в Брюсселе накоплена юридическая база, регламентирующая различные стороны деятельности Евросоюза, общим объемом более 70 тыс. страниц, и называется она претенциозно – «Общее европейское достояние» (*l'acquis communautaire*). Она регулирует все стороны совместной деятельности стран-членов Евросоюза. Страны ЕС ощущают, что они связаны «по рукам и ногам» системой обязательств. На основе этой системы брюссельская бюрократия все более энергично и даже агрессивно вторгается во внутриэкономические и политические дела стран-членов Евросоюза, диктуя формы поведения, очень часто идущие вразрез с желаниями и намерениями самих стран-членов Евросоюза, весьма серьезно ограничивая их национальный суверенитет. Это особенно болезненно ощущают лидеры малых государств-членов ЕС, которых Брюссель просто вынуждает принимать трудные и неприемлемые для них решения. Все это свидетельствует о том, что Европейский союз никак не может стать сегодня олицетворением демократии. Так, избрание президента и министра иностранных дел Евросоюза, в соответствии с Лиссабонским договором, определяли не 500 млн. человек, проживающих в странах-членах ЕС, а 27 лидеров государств за ужином в Брюсселе. Каждая страна предложила своего кандидата и опять всплыли многие противоречия. Сначала Франция и Англия предложили в президенты Евросоюза бывшего Премьер-министра Великобритании Энтони Блэра, однако этому воспротивились Германия и ряд других стран Евросоюза, которые помнят покорную роль Блэра, подчинившегося диктату США и ставшего одним из инициаторов войны в Ираке.

После этого французы и немцы объединились, решив избрать на пост президента Евросоюза представителя маленькой страны, которая находилась бы под их диктатом. У стран Восточной Европы были свои предпочтения, но они были ориентированы на то, что им скажут США. Главное в том, что выборы руководителей Евросоюза состоялись не в демократической процедуре, где

каждое государство имеет свой голос, а путем очень сложных и изнурительных закулисных интриг. Полумиллиардное население Евросоюза оказалось как бы вне участия в этом процессе. В итоге новые Президент Евросоюза бельгиец Херман Ван Ромпей и новый министр иностранных дел англичанка баронесса Кэтрин Эштон – малоизвестные политики названы европейской прессой «скучными, зато настойчивыми экономистами», которым предстоит заняться в основном проблемами экономического сотрудничества. Внешнюю политику государств члены оставляют себе, что мгновенно уловили китайские обозреватели, заявив, что, похоже, «Европа будет многоголосной» [1]. Это значит, что европейская интеграция будет и впредь осуществляться как медленный и противоречивый процесс.

Президент Чехии В. Клаус, согласившийся подписать Лиссабонский договор после того, как Конституционный суд его страны принял решение, что договор не противоречит конституции страны, высказал опасения по поводу потери его страной своего суверенитета и даже предположил, что она может выйти из-за этого из ЕС. Такие опасения разделяют многие политики–члены Евросоюза. Похоже, что внутрисоюзные разногласия в зависимости от национальных приоритетов развития, от беззастенчивого давления брюссельской бюрократии подгоняют страны под одну общую программу, создают серьезную угрозу не только единству действий этих стран, но и будущему Евросоюза. Руководители европейских государств, остро сознавая опасность раскола внутри европейского сообщества, настойчиво ищут пути политического объединения, достижения состояния «европейской солидарности» между государствами–членами Евросоюза и формирования на этой основе единого общеевропейского мировоззрения, общих принципов и даже сближения образа жизни отдельных стран.

Поводом для такой демонстрации европейского единства послужило 20-летие со дня падения Берлинской стены в ноябре 1989 г. Канцлер Германии Ангела Меркель пригласила на празднование всех руководителей европейских государств и заявила, что день падения Берлинской стены – самый счастливый день в новейшей истории Германии. Возможно, это и так. Но празднование, которое состоялось, явилось не столько триумфом немцев в их стремлении к свободе, сколько демонстрацией антирусских, антироссийских настроений. Смысл празднества состоял в том, что падение Берлинской стены явилось как бы победой народов, борющихся против советского тоталитаризма. Это историческое событие чрезвычайной важности таким образом было подано в искаженной ценностной перспективе, которая фальсифицирует итоги Второй мировой войны и историческую достоверность событий на европейском континенте во второй половине XX в. Наблюдая церемониал, слушая выступления государственных деятелей, приглашенных на празднование, трудно было отвлечься от мысли, что «демократические» немцы праздновали свою победу над «авторитарными» русскими.

Традиционные, исторически обусловленные противоречия ведущих европейских государств, чрезмерные претензии к ним вновь принятых государств

Центральной и Восточной Европы, неравенство социально-экономического развития «старой» и «новой» Европы готовят Евросоюзу конфликтное будущее. Это проявилось, как мы видим, уже в трудностях при принятии основополагающего документа.

Однако вернемся к прошлому: коренные перемены в политическом ландшафте Европы в конце 80-х годов XX в. произошли исключительно из-за того, что социализм в Европе не справился с социально-экономическими трудностями, а не ввиду «особых заслуг» Запада. Процессы критики социализма в социалистических странах, включая и ГДР, начались в 1989 г., когда программа перестройки, объявленная М. С. Горбачевым в 1986 г., ознаменовалась в СССР полным экономическим крахом. Страна вошла в затяжную зону экономических неурядиц. В крупнейших городах Советского Союза произошли огромные нарушения в снабжении продовольствием. В самой Москве в конце 1989 г. не хватало зубной пасты, мыла, электрических лампочек, нижнего мужского белья и ряда других предметов первой необходимости. Дискредитация перестройки была полной. Руководители социалистических стран не могли не видеть этого.

Несмотря на это, М. С. Горбачев и его команда продолжали оптимистически утверждать, что перестройка все больше овладевает умами и сердцами людей, вызывая неуважение и недоверие к себе, неверие в способность реального социализма в СССР построить новое, более динамичное общество. В странах социалистического лагеря существовали немалые силы, которые готовы были сотрудничать с Советским Союзом в преобразовании общества на социалистических началах и удержать ситуацию под контролем. Однако неуспехи СССР и дискредитация в связи с этим КПСС дали повод отдельным фракциям в коммунистических партиях социалистических стран начать критику перестройки, реального социализма, предлагать повернуть страну на западный путь развития.

Возглавили это движение реформаторские силы Польши и Венгрии, которые поначалу ориентировались лишь на позитивные преобразования в рамках социалистической общественной жизни. В итоге противостояния конфликтных социально-политических сил в 1989 г. в Польше был организован «круглый стол», в ходе которого было достигнуто согласие о создании коалиции, проведены свободные выборы, в которых большинство получила «Солидарность», но за Польской рабочей партией была сохранена должность президента, которым оставался Ярузельский. Таким образом, позитивные преобразования в Польше были проведены по инициативе социалистических властей и социалистические же власти мирно сдали ее противостоящим силам в ходе выборов. Это не мешает им вплоть до настоящего времени терзать инициатора перемен тогдашнего президента Польши Ярузельского бесконечными процессами, в которых стоит один вопрос: ответственен ли он за применение силы при разгоне демонстрации в Польше или нет? И это несмотря на то, что, когда применялась сила, Ярузельский не находился у власти.

Следующей социалистической страной, которая произвела радикальные перемены во властных структурах своего общества, была Венгрия. Однако здесь к программе реформ была подключена антисоветская составляющая. Пока секретарь Венгерской социалистической рабочей партии пребывал на форуме в Давосе, премьер-министр Миклош Немеш, оставшийся дома, заявил в телеинтервью, что события 1956 г. (речь идет о восстании в Будапеште) представляют собой национальное восстание против олигархической унижающей нацию формы правления. Впервые сделан совершенно конкретный намек на Советский Союз как виновника венгерских неурядиц и силы, которая навязала Венгрии иностранную форму правления. Венгры напряженно ждали реакции из Москвы. Ее не последовало – ни отрицательной, ни положительной. И только несколько позже во время визита в Москву Каролу Грошу, секретарю ЦК Венгерской социалистической партии по пропаганде, слегка попеняли за «слишком резкие высказывания».

Социалистические страны поняли, что помощи от Советского Союза ждать больше не приходится. Они начали искать свой путь выхода из кризиса, и социалистический лагерь раскололся. Если в Венгрии и Польше власть постепенно брали в руки управляемые Западом антисоциалистические силы, то в Румынии, ГДР, Болгарии консервативное руководство удерживалось у власти, сопротивлялось всяким переменам, видя в этом угрозу своему правлению. В январе 1989 г. на последнем заседании Варшавского пакта Чаушеску просил Горбачева о применении силы для подавления «беспорядков» в Польше. Горбачев ответил отказом. Тогда эти события «перебросились» в Румынию и привели там к демонтажу социалистического строя и гибели самого Чаушеску.

Социалистический лагерь выходил из-под контроля Советского Союза, а «антисоветская карта» стала своего рода талисманом, обеспечивающим полную поддержку антисоциалистическим силам, умело использующим неудачи реформ для прихода к власти. В это время почти миллионная армия СССР находилась в социалистических странах. В Германии были расквартированы около 400 тыс. человек, 200 тыс. – в Венгрии, 200 тыс. – в Польше, столько же в Чехословакии. Эта миллионная армия могла остановить любое проявление антисоциалистических движений, и перемены власти были бы невозможны. Однако руководство СССР, занятое внутренними интригами, не вмешалось в процесс этих перемен ни умом, ни силой.

Сегодня Горбачева можно упрекнуть в том, что по итогам преобразований в социалистических странах он оставил без защиты своих союзников и руководство этих стран. Известно, каким унижениям и жестким преследованиям, репрессиям подверглись члены руководства коммунистических партий в Польше, Венгрии, ГДР после того, как там был демонтирован социалистический строй. Кстати, уже через два месяца после падения Берлинской стены деятели коммунистических партий – инициаторы этих преобразований как в Венгрии, так и в Польше и Чехии – оказались не у власти и были обречены на жалкое существование под огнем хорошо управляемой критики, откровенных репрес-

сий и судебных преследований. В Польше, Венгрии, ГДР были проведены люстрации, в результате которых всех членов правящих социалистических партий «вычистили» с ответственных должностей в администрации, управлении, в научно-исследовательских и культурных центрах. Новые властелины не отягощали себя соображениями демократии, гуманности и справедливости. Они просто исполняли наказания стратегов из США, суть которых заключалась в том, чтобы освободить социалистические страны Европы от всяких признаков коммунистического правления.

История никогда не простит Горбачеву того, что социалистические приобретения, которыми пользовалось население этих стран, а также руководство и лидеры этих стран были отданы на растерзание враждебным силам. Сам факт воссоединения Германии проходил медленно и очень болезненно. Руководство ФРГ, поглотившее ГДР, готово было идти на значительные уступки, а «откупилось» от Горбачева кредитом в 15 млрд долл. В тогдашней, даже ослабленной, социалистической стране разворовать эти кредиты так, как потом разворовывались кредиты Международного валютного фонда при президенте Борисе Ельцине, было невозможно. Однако они все были потрачены на приобретение товаров потребления, которые в СССР так и не дошли до широких кругов населения.

Преобразования по демонтажу социализма в Европе стали возникать благодаря невмешательству СССР. Руководители Советского Союза больше не считали возможным проливать кровь за торжество своих идеалов. Таким образом, в нынешней Европе в ее мирном развитии и в ходе процессов постсоветской интеграции значительна роль Советского Союза, который, идя путем неудачных и неумело организованных реформ, позволил Европе развиваться по англо-саксонской модели, пренебрегшей историческими, социальными и культурными достижениями социализма.

Реформы в Советском Союзе привели к распаду СССР, и сегодня важнейший урок, который извлекают граждане европейских стран, состоит в том, что распад социализма в социалистических странах не привел к повышению жизненного уровня или увеличению количества свобод. 20-летие со дня падения Берлинской стены ознаменовалось в Германии и других странах-членах Евросоюза публикациями о том, что ностальгия по ГДР прочно укоренилась в умах и душах восточных немцев, которые помнят о том, что, хотя уровень жизни в целом был ниже, чем в ФРГ, им была гарантирована возможность бесплатного образования, трудоустройства по специальности, полноценного современного медицинского обслуживания, бесплатного жилья, которое (хоть и приходилось ждать достаточно долго) было гарантировано всем гражданам. В целом жизнь в социалистической ГДР была спокойнее, увереннее и приятнее. Таково мнение большинства граждан бывшей ГДР.

Подобная ностальгия сегодня царит и в Прибалтийских странах, вступивших в Евросоюз и рассчитывавших на быстрое повышение жизненного уровня. Однако само вступление в Евросоюз стран постсоветского пространства про-

исходило в ускоренном режиме и диктовалось целями западной, в основном американской, стратегии мирового господства, а не жизненными интересами граждан этих стран. Характерно, что уже первые три страны, вступившие в Евросоюз к 2004 г. – Венгрия, Польша и Чехия, – были предварительно поставлены перед условием: сначала вступление в НАТО (что и свершилось в 1999 г.), а затем – в Евросоюз. Эта ускоренная стратегия диктовалась необходимостью как можно быстрее использовать «свежие» людские резервы для организации военных экспедиций НАТО. Не случайно, что почти все страны, вступающие в НАТО и Евросоюз, и даже те, которые только собирались туда вступить, послали свои контингенты в Ирак, посылают сегодня за свой счет контингенты в Афганистан, а граждане этих стран регулярно получают оттуда гробы своих близких. Сам ход вступления восточноевропейских стран в Евросоюз был своеобразным: если, скажем, Испания и Португалия (две последние страны, принятые в Евросоюз в Западной Европе) готовились к этому шагу в течение 20 лет, в ходе которого была произведена крупнейшая экономическая реформа, преобразованы и модернизированы производственные и социально-экономические структуры, жизненный уровень «поднят» до средне-статистического уровня ведущих западно-европейских стран, то в случае с восточно-европейскими странами ничего сделано не было. В Евросоюзе великолепно понимали, что принятие этих стран ничего не добавит к экономическому потенциалу Евросоюза. Более того, все страны, поступившие из Восточной Европы, сразу начали требовать субсидий из западноевропейских стран и от управленческих структур Евросоюза.

Однако и с этим в Брюсселе не спешили. Предварительное вступление восточно-европейских стран в НАТО уже приучило их к дисциплине и покорности и фактически их экономические системы были отданы на «милость победителя», т. е. брюссельской бюрократии. За время пребывания в Евросоюзе в этих странах был разрушен целый ряд отраслей национальной промышленности, способных конкурировать с западноевропейскими. Поэтому кризис 2008–2009 гг. сказался на восточно-европейских странах самым разрушительным образом. Во многих из них, например Прибалтийских странах, безработица увеличилась до 20%, усилилось общественное недовольство.

Празднование 20-летия со дня падения Берлинской стены вряд ли серьезным образом укрепит единство в группе этих стран. Среди стран-членов Евросоюза противоречия в экономическом развитии и несовпадения в стратегических национальных целях обещают быть весьма существенными, замедляющими ход позитивных экономических реформ.

Одним из негативных последствий расширения Евросоюза стало внедрение русофобии в отношении между Евросоюзом как новым геополитическим образованием и постсоветской Россией. Инициаторами антироссийских настроений явились страны Восточной Европы (Польша, Прибалтийские страны), которые, действуя под давлением американцев, стали выдвигать к России претензии и нагнетать русофобские настроения в среде своего населения.

Особенно усердствует в этом нынешнее руководство Польши, которое не ограничивается претензиями только к России, но и предъявляет их к Германии. Одной из претензий нынешнего президента Польши является то, что Европа недостаточно заплатила за вклад Польши в обретение свободы восточно-европейскими странами. Все это предполагает достаточно напряженное политическое будущее для стран-членов Евросоюза и для тех стран Восточной Европы, которые сейчас стали объектом интеграционных устремлений стран Евросоюза.

В мае 2008 г. Польша и Швеция выступили с инициативой Восточного партнерства, целью которого было обеспечить «сближение» шести постсоветских стран (Беларусь, Украина, Молдова, Грузия, Азербайджан, Армения) с Евросоюзом. После конфликта на Кавказе, в результате которого агрессивные устремления нынешнего режима в Грузии были подавлены силой и защищено право на суверенитет народов Абхазии и Южной Осетии, стратегия Восточного партнерства приобретает явно выраженный политический подтекст отторжения этих стран от союзничества с Россией, от разрушения социально-экономических связей СНГ и от России как слабого партнера. И здесь игнорируется важнейший исторический урок прошлого: каждый раз, когда государства Европы планировали какие-то мировые и международные акции без активного участия России, эти акции были обречены на провал. Страны-участницы Восточного партнерства в ходе своего сотрудничества предусматривают целый ряд проектов по улучшению торговых связей, обмена опытом по повышению качества управления; договоренность о свободном перемещении населения, в частности рабочей силы, и сотрудничества в сферах охраны окружающей среды; малого и среднего бизнеса. Это, безусловно, позитивные прогнозы.

В данную программу активно включилась Беларусь, и надо полагать, что сотрудничество будет полезным. Белорусская внешнеполитическая стратегия осуществляется в этом направлении достаточно продуманно и осмотрительно, и Беларусь от этой программы никак не может изолироваться, так как является европейской страной, находящейся на стыке важных мировых торгово-экономических и других путей. В первые годы XXI в. нередко были оценки аналитиков относительно того, что в Европе только Беларусь и Россия проводили по-настоящему суверенную политику. В группе стран Восточного партнерства Беларусь является одной из самых благополучных: она – равноценный партнер, заинтересованный в развитии сотрудничества с Евросоюзом.

Однако было бы ошибкой думать, что Восточное партнерство может дать серьезный толчок развитию экономического потенциала, повышению производственных возможностей, совершенствованию торговых отношений Беларуси. На пять лет Евросоюз предусматривает на все страны около 600 млн евро, т. е. немногим более 100 млн на одну страну. Естественно, конкретной экономической и производственной помощи в этих условиях ожидать нельзя. Речь пойдет, скорее всего, об обмене опытом, ноу-хау по проблемам менеджмента, торгово-экономическими и другими отношениями.

В этих условиях чрезвычайно важно, исходя из изложенного, осознать, что без активного сотрудничества с Россией Восточное партнерство малоуспешно. Оно не компенсирует нормальность русско-белорусских и русско-украинских отношений. Здесь особую роль и значение приобретает сотрудничество России, Украины и Беларуси – трех ветвей мощного восточноевропейского массива, которое может вылиться в субрегиональное объединение, способное стать партнером Евросоюза. Сама программа «Восточное партнерство» не предусматривает быстрого приема в члены Евросоюза стран-участниц. Развитие эффективных и всесторонних связей между Россией, Украиной и Беларусью в рамках стратегического партнерства означало бы создание особых возможностей для более эффективного налаживания европейского сотрудничества и русского субрегиона. Субрегиональное сотрудничество России, Украины и Беларуси, ориентированное вовнутрь с целью укрепления традиционных исторических связей дружбы и взаимопомощи, поможет организовать более конструктивное сотрудничество и с Евросоюзом. Только благодаря этому стратегия европейской интеграции получит общеевропейский масштаб и измерение, социально-экономические и политические признаки, которые сделают новое объединение важной глобальной политической силой.

Восточноевропейская интеграция, предусматривающая новое социально-историческое объединение, которое можно условно назвать «русский мир», в случае своего успеха преодолет традиционные недостатки всех проектов европейского объединения, которых было немало в ходе 200-летней новой истории. Без присоединения к Западной Европе потенциалов, возможностей и ресурсов Восточной Европы серьезный прогресс Евросоюза невозможен. Но для этого странам Евросоюза надо извлечь главный урок из исторического опыта: каждый раз русофобия, недоверие к России и в имперские времена, и во времена Советского Союза, и в нынешнее время кончаются провалом европейских объединительных планов. Мирные намерения России обозначились достаточно ясно: с завершением подготовительных работ по реализации проектов Южного и Северного потоков (все заинтересованные страны дали, наконец, свое согласие на строительство трубопроводов) Россия настраивается на длительное взаимовыгодное экономическое сотрудничество с Европой, в котором их экономические интересы полностью совпадают.

России нужно сотрудничество для получения необходимых ей резервов твердой валюты, научно-технических знаний и опыта. Западная Европа, уже сейчас серьезно зависящая от поставок российского газа и нефти, обретает таким образом надежный гарантированный источник энергоресурсов как минимум до 2050 г. Становится все более очевидным, что проекты строительства «обходных» газопроводов, таких как Одесса–Броды и другие, обсуждаются странами, у которых нет для этого ни достаточных ресурсов, ни ноу-хау, ни политического веса на мировой арене. Странам Восточной Европы, заинтересованным в функционировании нынешних ниток водо- и газопроводов, не стоит беспокоиться. Они получают свою долю требуемых ресурсов, если отка-

жуются от соблазна активно интриговать против России исходя из своих меркантильных целей. Эта невозможность реализации новых интриг в значительной степени успокоит их и смягчит их русофобию.

Западная Европа сегодня, по мнению некоторых обозревателей, напоминает «мерседес» новейшей конструкции, бензобак которого пуст. Требуемые объемы энергоресурсов бензина сегодня могут прийти в основном из России. Это создает экономическую основу для сотрудничества во всех областях жизни и деятельности, в ходе которой Европа может стать зоной мира, добрососедства и благополучия. На этом пути немало трудностей, и пока эта стратегия плохо воспринимается в Вашингтоне, где по-прежнему нет заинтересованности в том, чтобы в мире формировался самостоятельный центр силы, способный конкурировать с США.

Между тем реальная действительность сегодня такова, что появление центра мировой силы, основанного на экономическом сотрудничестве, является важным фактором снижения агрессивности США и поражения тех реакционных сил в США, которые хотели бы утверждать свое лидерство с помощью насилия и войн. Исторический опыт учит: Европа никогда не добивалась успехов в своей жизни, когда позволяла противоречиям межгосударственного характера довлеть над интересами своих народов. Европейское будущее зависит сейчас от доброй воли государств, способных осмыслить драматический опыт прошлых веков и найти новые сферы соприкосновения интересов, обеспечивающих взаимовыгодность и долгосрочность сотрудничества. Именно в долгосрочности сотрудничества главный залог мира в Европе, а мир в Европе станет своего рода моделью для строительства мирного будущего в других регионах мира. Только в этом случае Европа постепенно и неуклонно сможет реализовать свой потенциал «мягкой силы», т. е. способности влиять на мировую ситуацию распространением знаний, новых технологий, ноу-хау. Благодаря этому при условии объединения усилий Европа может стать в авангарде мирового движения на ближайшие десятилетия.

Литература

1. International Herald Tribune. – 2009. – 22 November.

I. I. ANTONOVITCH

EUROPEAN INTEGRATION AND THE LESSONS OF THE HISTORICAL EXPERIENCE

Summary

This article examines the set of current problems within the limits of the European integration and connection of these problems with ignoring of the lessons from historical experience. The conclusions that the European future is depending on ability of the states to comprehend historical experience of the XX-th century are drawn.

УДК 329(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,

*доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XXI в.: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье показана история формирования современной многопартийности в Республике Беларусь. Отмечены основные недостатки политических партий Беларуси в настоящее время. Предложены конкретные меры по повышению эффективности белорусских политических партий.

Современные политические партии представляют собой сложные социальные модели, в которых органически соединены партийные лидеры и простые члены партии, политические идеологии и установки, идеи и программы, целенаправленная деятельность партийных структур по удовлетворению тех или иных потребностей людей, отношение партии к политическим явлениям и процессам и т. д. Как показывает политическая реальность, политические партии – это наиболее сознательная и организованная часть какой-либо социальной группы или класса, которая активно борется за политическую власть или участие в ее осуществлении. Это самые подвижные и активные элементы современного общества, основные инструменты взаимосвязи между государством и людьми. Именно политические партии формулируют и выражают политические, экономические и другие интересы различных социальных групп, представляют их в законодательных органах, содействуют политической социализации граждан, являются своеобразным механизмом саморегуляции общественной активности. Основное функциональное предназначение современных политических партий – это организация политических процессов, выражаемая в суммировании общественных и личных интересов, принятие на их основе политических решений, формирование идеологических и политических позиций, поиск и продвижение кандидатов для избрания или назначения в органы государственной власти и местного самоуправления. Именно они направляют неуправляемую стихийную энергию социальных протестов в русло легитимной борьбы за политическую власть, за лучшее будущее.

В настоящее время в мире не существует ни одной «беспартийной демократии». Как утверждает известный ученый Ф. Шмиттер, «представительная демократия, контролируемая посредством многопартийных, состязательных

выборов, служит ориентиром демократической трансформации поставторитарных обществ в любом культурно-географическом регионе мира» [1, с. 27].

Современной, или «новейшей», многопартийной системе Республики Беларусь чуть меньше двадцати лет. Ее возникновение стало возможным после январского (1990 г.) съезда народных депутатов, где было принято решение об отмене шестой статьи Конституции СССР, февральского (1990 г.) Пленума ЦК КПСС, на котором Коммунистическая партия Советского Союза отказалась от статуса «руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы». Решения данного пленума и III съезда народных депутатов СССР создали реальную возможность для признания различных неформальных объединений легитимными политическими структурами и превращения их в политические партии. В октябре 1990 г. был принят Закон СССР «Об общественных объединениях» и «Временное положение о порядке образования и деятельности общественных объединений граждан в Белорусской ССР». Эти документы институализировали создание политических партий, их регистрацию, обретение права юридического лица, вступление в блоки, участие в избирательном процессе и т. д.

Первая политическая партия в новейшей белорусской истории была создана в 1990 г., зарегистрирована – в 1991 г. С того времени в стране созданы 43 политические партии. Сейчас их осталось по разным причинам лишь 15. Первые социологические исследования, направленные на определение популярности белорусских политических структур, были проведены группой социологов под руководством автора в марте и ноябре 1991 г., в процессе которых выявились следующие рейтинги (табл. 1):

Таблица 1. Рейтинги политических партий в Беларуси в 1991 г., %

Партия	Март 1991 г.	Ноябрь 1991 г.
БНФ	9,1	18,6
КПБ	52,1	5,1
Вновь созданные партии (из социологических анкет)	3,6	4,2

После распада Советского Союза, становления независимого национального государства в Республике Беларусь сформировалась многопартийная система. Авторитет политических партий постепенно рос. Особенно это ярко проявлялось во время знаковых политических кампаний. Социологические исследования помогли определить популярность политических партий во время первых парламентских выборов в независимой Беларуси (табл. 2). Следует подчеркнуть, что парламентские выборы в принципе подтвердили правильность результатов социологических исследований. Победу на выборах среди политических партий одержали коммунисты, которые получили больше всего депутатских мандатов – 45. Второе место заняла Аграрная партия, которая провела 33 своих сторонников. Остальные политические партии провели в парламент значительно меньшее число своих членов.

Таблица 2. Рейтинги политических партий в Беларуси в 1995 г., %

Партия	Рейтинг
Партия коммунистов Белорусская (ПКБ)	34,9
Аграрная партия (АП)	7,4
Белорусская партия женщин «Надежда» (БПЖ«Н»)	6,9
Белорусский народный фронт (БНФ)	6,5
Партия любителей пива (ПЛП)	4,2
Партия здравого смысла (ПЗС)	3,8

В настоящее время белорусская многопартийная система находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. Причем почти все политические партии Беларуси переживают несколько локальных кризисов – кризис доверия, кризис лидерства и кризис идеологической идентичности. По данным социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, им доверяют только 6,9% населения страны, не доверяют – 45,3%. Если бы в ближайшее время в нашей стране проходили выборы в парламент по пропорциональной избирательной системе или «партийным спискам», как, например, в России, то 22,3% избирателей проголосовали бы против всех политических партий республики. Две трети граждан вполне вероятно вообще бы не пошли на выборы, так как они ничего о белорусских политических партиях не знают. Избирательный барьер следовало бы устанавливать минимальный – два процента. И то его преодолела бы только одна политическая структура страны – Либерально-демократическая партия. Популярность некогда мощной политической силы – Коммунистической партии Беларуси упала за последние 18 лет почти в 40 раз (с 52,1% в марте 1991 г. до 1,4% в настоящее время). Перед выборами в Верховный Совет XIII созыва каждый третий житель страны был готов поддержать коммунистов. А что теперь? Не лучше положение и в других политических партиях страны.

Попробуем определить основные причины подобного положения, провести концептуальный анализ этой сложнейшей политической ситуации. На первом месте в таблице «народной любви» находится самая многочисленная в республике политическая структура – Либерально-демократическая партия. Она достаточно успешно ведет организаторскую работу, на всех парламентских выборах старается выставить своих кандидатов во всех избирательных округах. Во время президентских выборов ее лидер, известный в стране политик Сергей Гайдукевич был одним из кандидатов на этот пост. Ранее он избирался депутатом Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Теперь о партии знают во всех регионах страны. Главной проблемой для Либерально-демократической партии является отсутствие понятных народу популярных лозунгов, признанных многими людьми партийных идей.

Однако почему такой оглушительный провал случился с некогда мощной политической силой – КПБ? Есть несколько существенных проблем. В партии

практически не ведется теоретическая и идеологическая работа. Иногда кажется, что руководители КПБ никогда не читали Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина, не могут отличить Бернштейна от Бронштейна. По-прежнему слаба периодическая печать. Годами лидеры КПБ не выходят на большой экран и страницы многотиражных газет, нулевые позиции в среде интеллигенции. Депутаты-коммунисты в белорусском парламенте ни разу не выразили мнение партии по актуальным проблемам развития белорусского государства. В КП Беларуси состоят прежде всего пожилые люди, юношей и девушек значительно меньше. Основная причина подобного положения – неверие молодых людей в ценности партии, которые в партийных документах выражены крайне невразумительно. Практически отсутствует организационная работа. Секретари ЦК КПБ редко бывают в низовых партийных организациях – они или боятся людей, или им нечего сказать. Но самая главная проблема КПБ – отсутствие у многих ее руководителей крепкого идеологического стержня, сформированного в труднейшие времена распада СССР и КПСС, в сложнейшей борьбе против противников Советского Союза и социализма. Ведь в руководстве партии практически не осталось людей, состоящих в партии в самый трудный для нее период (1991–1993 гг.).

Белорусский народный фронт в начале 90-х годов прошлого столетия собирал на митинги десятки тысяч своих сторонников. Сегодня суммарный рейтинг обеих политических партий БНФ около 2%. Националистический угар приелся избирателям, националистический огонь погас и, судя по социологическим исследованиям, уже не возгорится никогда.

Огромное количество проблем и у других политических партий страны. Каких и почему? Как утверждает социально-политическая теория, современные политические партии должны обладать комплексом необходимых параметров, причем существующих не формально, а реально, вне зависимости от конъюнктуры и политической ситуации, поддержки государства или наличия в парламенте своих представителей. Важнейшими среди них являются организационные структуры и система партийного строительства, идеи политических партий и их популярность в обществе, стремление политических партий к участию во властных процессах и наличие харизматического лидера, теоретическая деятельность и целенаправленная идеологическая работа и т. д.

В идеале необходимо наличие всех этих параметров, однако отсутствие одного-двух из них может быть компенсировано эффективностью и стабильностью других параметров. Например, при четкой и хорошо разработанной, с точки зрения избирателей, идеологии личность лидера имеет особо важное значение. Политическая история или социальная база помогают партиям находиться долгое время на верху «турнирной таблицы» даже при отсутствии «продвинутого», раскрученного лидера. Однако если внимательно проанализировать современные белорусские политические партии, то можно сделать вывод, что ни одна из них не обладает даже большинством из необходимых параметров и характеристик.

Политические партии должны быть открытыми структурами, их действия должны быть понятны избирателям и всем другим субъектам политических процессов. Деятельность любой политической организации должна вызывать ограниченный и одновременно достаточный набор понятий, характеристик, представлений, ассоциаций, четко и конкретно показывающих ее основное назначение, цель и место в обществе и государстве. Люди, чьи интересы партия поддерживает, выражает и представляет в представительных органах власти, не должны воспринимать ее как закрытую, совершенно не понятную им организацию. У нас чаще всего бывает так: собрались партийцы на собрание или митинг, поговорили о чем-то своем, поругали оппонентов и разошлись.

Важный структурный компонент любой политической партии – ее *идеология*. Партийные идеологии формируют общие концептуальные устремления политических партий, представляют комплекс их основных способов борьбы за политическую власть и системообразующих позиций по вопросам будущего. Партийные идеологии являются идентификационными признаками политических партий, позволяющих отличать их друг от друга и формировать политические предпочтения у граждан. Партии, не имеющие хорошо разработанной и популярной системы идей, не могут быть полноценными субъектами политического процесса, так как полностью лишены политического смысла. Идеологические платформы подавляющего большинства белорусских политических партий неясны, неточны, эклектичны, повторяются с небольшими отклонениями друг от друга. Как донести такие партийные идеологии до широких народных масс, убедить людей в правильности партийных идей? Практически ни у кого из партийных идеологов нет однозначного ответа на этот вопрос.

Одним из ключевых вопросов современных политических партий является *содержание* их деятельности. Если политическая партия не заявляет о себе в публичной политике, не принимает активного участия в политической деятельности, не инициирует политические и информационные процессы, то такой политической силе предстоит недолгая жизнь. Содержательная направляющая деятельность политической партии формируется через систематическое взаимодействие с людьми, электоратом и обществом, благодаря которому у широких народных масс появляются конкретные представления об идеалах, перспективах и установках политической организации. В прошлом году в ходе социологических интервью во время грузино-осетинского конфликта многие люди спрашивали: «Почему молчат коммунисты? Почему они активно не протестуют?» Однако ответы на эти вопросы до сих пор никто так и не смог дать. Еще хуже, когда повседневная деятельность не соответствует программным заявлениям партии. В Беларуси многие партии от выборов до выборов представляют аморфную, желеобразную массу, которую нереально встряхнуть, но и очень трудно выбросить. Может быть, они еще понадобятся партийным боссам для решения собственных проблем?

Как показывает политическая реальность, белорусские политические партии практически не претендуют на политическую власть. Когда в Беларуси

обсуждают «большую политику», они стараются дистанцироваться от принятия важнейших политических решений.

Особое место в современных политических партиях занимают политические *лидеры*. Они, как правило, являются их брендом, особенно в ходе избирательных кампаний и общении с людьми и средствами массовой информации. Партийные лидеры обязаны выражать существующие интересы, в этом смысле – быть отражением настроений партийного электората, своих избирателей – находиться впереди «на белом коне». Они во многом проецируются на политическую партию, в некоторых случаях полностью отождествляются с ней, растворяются в ней. Роль партийных лидеров особенно важна в современных условиях, когда партии сталкиваются с огромным количеством проблем. Во-первых, у многих людей полностью отсутствует интерес к политике как способу решения своих интересов и потребностей. Как показали социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси, только 4% жителей страны считают, что активное участие в политической деятельности поможет им решить существующие проблемы. Во-вторых, политические партии постепенно превращаются в институт, решающий главным образом электоральные задачи, причем прежде всего партийной элиты. В-третьих, развитие информационных технологий заставляет партийных лидеров жить по новым, ранее совершенно не знакомым и не понятным им правилам – быть компетентными и мобильными, элегантными и эрудированными, выражать социальные ожидания и заказы людей, а не быть «бабой-ягой», пытающейся заклинаниями звать за собой электорат к лучшей жизни. Это требует полной смены поведенческой парадигмы современных партийных лидеров, формирования их принципиально нового имиджа. Что, к сожалению, в Беларуси не произошло и не скоро произойдет.

У подавляющего большинства белорусских политических партий нет запоминающихся лидеров, отвечающих современным требованиям и способных в трудные политические периоды принимать ответственные политические решения или хотя бы демонстрировать, что они готовы взять на себя ответственность за положение дел в государстве. Не поэтому ли они в моменты политических кризисов выступают в одной и той же роли – пассивных наблюдателей или политических комментаторов, а не политических деятелей, ответственных за свой электорат и от действий которых хоть что-то зависит? Руководители многих политических партий просто-напросто неинтересны. У них полностью отсутствует не только харизма, но даже элементарная привлекательность. Их нереально представить на каком-то митинге или демонстрации, ведущих за собой людей. Никто никуда за ними не пойдет. Следует особо подчеркнуть, что, как показали социологические исследования, о подавляющем большинстве партийных лидеров очень многие люди вообще никогда не слышали. Их рейтинг, как говорится, «ниже плинтуса» – 0, 00...%.

Рассматривая лидерские проблемы политических партий Беларуси, следует также отметить полное отсутствие у многих из них кадрового потенциала и тен-

денцию к несменяемости лидеров, руководителей; неспособности многих старых партийных кадров осуществлять политическую мобилизацию масс и воздействие на поведение политически и социально активной части белорусского общества.

Серьезной проблемой всех политических партий страны является *полное отсутствие теоретической работы*. Политические программы многих белорусских политических партий практически не изменились с момента их создания. Их политические лидеры мыслят категориями последней трети прошлого столетия. Для них политическое время остановилось. Программы партий не учитывают современные политические реалии, не способны ответить на вызовы быстро летящего политического времени. Типичный пример – Беларусь начинает активно сотрудничать в Восточном партнерстве. Но практически никакой реакции – ни положительной, ни отрицательной – со стороны партийных «тяжеловесов» не наблюдается.

У многих политических партий страны отсутствует стройная *организационная работа*. У большинства партий во многих регионах нет первичных партийных структур. У одной из политических структур – Белорусской партии «Зеленые» до последнего времени была лишь одна областная партийная организация. А это грубейшее нарушение Закона Республики Беларусь «О политических партиях».

Не работают *партийные группы в законодательных органах*. В Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь депутаты не выступают как члены политической партии, не озвучивают ее требования по важнейшим проблемам. Были случаи, когда депутаты белорусского парламента специально вступали в ту или иную политическую партию, так как выдвигнуться кандидатом на следующие выборы от партийной структуры намного легче, чем собирать голоса избирателей. Тем более, в избирательных округах, где они себя ничем не зарекомендовали. После парламентских выборов такие «партийцы» теряли к партии всякие интерес и любовь и, как правило, уходили из нее.

В развитых странах подавляющее большинство депутатов представляют ту или иную политическую партию. Об эффективности данной функции у нас говорит хотя бы тот факт, что из 110 избранных депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь третьего созыва лишь 12 были партийцами. В новом составе парламента число членов политических партий еще меньше.

У политических партий страны нет популярных и высокопрофессиональных средств массовой информации – «Искры», из которой возгорится пламя». Они не способны эффективно выполнять свои функции. Например, газета КПБ «Коммунист Беларуси. Мы и время» перед последними парламентскими выборами не напечатала ни одной предвыборной программы своих кандидатов. А у многих партий вообще нет газет.

Кроме того, у всех политических партий отсутствуют яркие, запоминающиеся лозунги. Партийные собрания похожи на внутренние разборки. Нет инициативы и демократии. Все это не способствует росту популярности политических партий, не привлекает, а отталкивает от них людей.

На глубочайший кризис современной белорусской многопартийности указывает и «эффект узнаваемости». Многие белорусские политические партии ничем не отличаются друг от друга. Электорат не способен выделить их из серой массы. Наиболее узнаваемой является партия БНФ, но со временем ее политические черты стали размываться. Люди очень хорошо знают о наличии коммунистической партии в Беларуси, но благодаря прежним заслугам коммунистов. Современные руководители совершенно ничего не сделали для роста ее авторитета. Как результат КПБ и ПКБ многие различают с огромным трудом. Постоянная и целенаправленная работа ЛДП дает определенные результаты. Ее уже знают во многих регионах белорусского государства. Остальным политическим партиям похвастаться практически нечем. Правда, можно сделать упрек средствам массовой информации, прежде всего электронным, которые не так часто допускают на свои страницы и экраны лидеров партий. Но, с другой стороны, зачем туда идти, если идти-то не с чем.

Следует особо подчеркнуть, что белорусское законодательство не способствует усилению роли партий в политической жизни общества. Для преодоления кризиса современной белорусской многопартийности необходимо провести в стране целый ряд законодательных изменений, которые дадут возможность политическим партиям стать реальной политической силой. Среди них некоторые аналитики называют следующие: введение пропорциональной избирательной системы или выборов «по партийным спискам», формирование избирательных комиссий из представителей политических партий, получивших на предыдущих выборах определенный законом минимум голосов избирателей; обеспечение права политическим партиям выдвижения на должности в системе исполнительной власти; введение государственного финансирования политических партий, получивших на выборах определенный законом минимум голосов избирателей и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что белорусская многопартийность переживает в настоящий момент кризисный период своего развития. Политические партии страны в состоянии с той или иной степенью эффективности реализовывать свои функции. Они еще не способны взять на себя конституирующую и интегрирующую функции. В организационном плане подавляющее большинство белорусских партий представляет собой малочисленные организации с неинтересными лидерами, неразвитой региональной сетью и ограниченным уровнем формализации внутрипартийных отношений. Белорусская многопартийность представляет собой многослойный конгломерат – в одном политическом пространстве и времени существуют структуры, возникшие в различные исторические эпохи и предназначенные для достижения различных целей, но, как правило, работающие совершенно не эффективно.

Политические партии – это локомотивы истории. В Беларуси они оказались на запасном пути. История показывает, что партии будут нужны до тех пор, пока они служат людям, выполняют, отражают и представляют на высшем управленческом уровне их запросы и интересы, эффективно и целеустремленно сражаются за них. Политические партии Беларуси не научились этого делать.

Литература

1. Шмиттер, Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Полис. – 1996. – № 5 – С. 16–27.
2. Котляров, И. В. Белорусская многопартийность: история болезни (социально-политический и концептуальный анализ) / И. В. Котляров // Весн. Гродзенскага дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1.– 2009. – № 2.– С. 158–163.
3. Котляров, И. В. Кому сидеть на мешке с шерстью, или О роли политических партий в жизни белорусского общества / И. В. Котляров // Проблемы управления. – 2008. – № 4. – С. 138–143.
4. Котляров, И. В. Политические партии Беларуси как важнейшие структурные элементы гражданского общества / И. В. Котляров // Иппокрена. – 2007. – № 2. – С. 5–16.
5. Котляров, И. В. Политические партии Беларуси как субъекты идеологической и воспитательной деятельности / И. В. Котляров // Адукацыя і выхаванне. – 2008. – № 7. – С. 68–74.
6. Котляров, И. В. Политические партии как социальные системы: теоретико-методологические аспекты / И. В. Котляров // Управление в социальных и экономических системах: материалы 17 Междунар. научн.-практ. конф. – Минск: МИУ, 2008. – С. 106–108.
7. Котляров, И. В. Политические партии Беларуси: теория, история, современность / И. В. Котляров. – Минск: МИУ, 2006. – Т. 1. – 364 с.
8. Котляров, И. В. Политические партии в истории и жизни белорусского общества / И. В. Котляров. – Неман. – 2008. – № 9. – С. 130–141.
9. Котляров, И. В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И. В. Котляров. – Минск: ФУ Аинформ, 2009. – 320 с.

I. V. KOTLIAROV

POLITICAL PARTIES IN BELARUS AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: SOCIO-POLITICAL ANALYSIS

Summary

The history of forming the contemporary multi-party system in the Republic of Belarus is shown in the article. The main imperfections of political parties in Belarus at the present time are noted. The concrete measures for Belarusian political parties' effectiveness increase are offered.

С. А. ШАВЕЛЬ,

доктор социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ. К ЕДИНОЙ ПАРАДИГМЕ

Рассматриваются с социологических позиций антропологический и экономический подходы к изучению потребления, вводится понятие «синдром потребительства» как превращенная форма естественной склонности к потреблению, раскрывается ценностный смысл потребностей и способов их удовлетворения.

За небывало короткий исторический срок сфера личного потребления современной Беларуси претерпела заметные изменения, оценить которые однозначно – «по совокупности» или на основе некоторого индекса – не представляется возможным. Приходится учитывать разные модальности тех или иных перемен, разные векторы сил, их вызывающих, а главное – перспективные возможности развития прогрессивных тенденций и элиминирование недостатков, связанных с несбалансированностью структур потребления многих семей, включаемых в систему бюджетных обследований (завышенные по удельному весу расходы на питание и крайне низкие на культуру) или даже «недопотребление» отдельных категорий населения.

К наиболее важным позитивным тенденциям последнего пятнадцатилетия можно отнести следующие: во-первых, преодоление (хотелось бы думать, что окончательное) острого товарного дефицита начала 90-х годов и вызванных им униженной системы карточного распределения (талонов, купонов), спекуляции, теневого перераспределения и пр.; во-вторых, относительное насыщение товарного рынка, повышение на нем доли пользующихся спросом отечественных товаров, прежде всего продовольствия; в-третьих, появление новых форм торговли и новых видов услуг, развитие негосударственных форм собственности в этой сфере, приближение мест торговли, соответственно товара, к потребителям; в-четвертых, трудное и противоречивое становление рекламного бизнеса, расширения маркетинговых исследований; в-пятых, формирование законодательной базы, регулирующей отношения в сфере потребления; в-шестых, возникновение первых структур гражданского общества, контролирующих соблюдение правил торговли, прав покупателей, качество товаров и т. д. (общество защиты потребителей), а также адекватность рекламы (общественные комиссии по рекламе) и др.

Что касается отрицательных моментов современной ситуации в сфере потребления, то они состоят, во-первых, в высокой степени дифференциации населения по доходам, т. е. источникам потребления; во-вторых, в несбалансированности структуры потребления многих семей; в третьих, в существенных региональных различиях; в-четвертых, в существовании бедности и малообеспеченности, определяемой по прожиточному минимуму или минимальному бюджету; в пятых, в высокой доле импорта и медленном развитии импортозамещения потребительских товаров импортного спроса отечественными.

В сфере потребления действуют две взаимосвязанные тенденции, которые и определяют восприятие людьми своего уровня жизни, его отдельных параметров и их оценку в плане возможностей потребления. Первая тенденция отражает ожидания роста количественных показателей материального благосостояния (заработной платы, денежных доходов, натуральных поступлений). Вторая – субъективные оценки доступности значимых социальных благ и услуг. Определенная согласованность названных выше тенденций формирует основу просоциального потребительского поведения, в то время как их диссонанс чреват асоциальными, вплоть до криминальных, формами. С экономической точки зрения превышение платежеспособного спроса над предложением, когда денег на руках больше, чем товаров, вызывает инфляцию. Сегодня инфляция больше прогнозируемого уровня, при этом более половины ее образовалось за счет роста цен на продукты питания. Обратный процесс называется дефляцией, при которой платежеспособный спрос ниже предложения, т. е. денег меньше, чем товаров, что ведет к затовариванию, повышению кредитных рисков и прочим дисфункциям. Для того чтобы грамотно проходить между Сциллой инфляции и Харибдой дефляции, недостаточно обобщенных данных о балансе доходов-расходов и депозитах, необходимо знать и учитывать мотивационные стратегии потребления разных категорий населения. Чем больше распространены в обществе стратегические мотивации потребления, особенно среди молодежи, тем основательнее и осмысленнее просоциальная активность людей, выше шансы самореализации и меньше вероятность девиантного (отклоняющегося) поведения.

Умение правильно (разумно, нравственно и ответственно) потреблять – атрибутивная черта зрелой личности. Но она является не врожденной, а сформированной в процессах социализации и воспитания. Для того чтобы влиять на мотивационную сферу личности, необходимо знать типичные мотивы потребительского поведения в белорусском обществе. Социологические исследования многогранной проблематики потребления приобретают в современных условиях повышенное значение. Прежде всего общество нуждается в полной и адекватной информации о данном социальном феномене. Это значит, что обобщенные статистические данные о розничном товарообороте, структуре расходов домашних хозяйств и другом должны дополняться репрезентативными сведениями о предпочтениях, ожиданиях, вкусах и мотивах принятия решений по поводу любых консуммативных актов разными группами и категориями населения. Для социологии информационное обеспечение означает

реализацию первых двух функций науки: описание и объяснение. Третья функция – предвидение (прогнозирование) – требует отслеживания в мониторинговом режиме динамики потребительских диспозиций под воздействием социально-экономических, культурных и других факторов.

Социологическую парадигму, которая должна синтезировать все основные подходы – экономический, антропологический, психологический и др., – можно представить как основывающуюся на следующих положениях. Потребность есть ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и природе, формирующее энергетический принцип и мотивационную сферу личности. Потребление – это процесс воспроизводства человека как социализированного субъекта носителя социокультурного кода соответствующего общества и его ценностно-нормативного сознания.

О влиянии потребления на стабильность общества – причем не отдельной страны, как это случалось в прошлом, а в планетарном масштабе – можно судить по современному мировому кризису. Одной из его причин аналитики называют «сверхпотребление». Термин этот далеко не однозначен, особенно на фоне растущего недопотребления во многих странах мира. В свое время известный французский социолог Жан Бодрийяр высказал крамольную мысль о том, что в современных развитых странах нет изобилия. «Изобилие **утрачено** и его нельзя восстановить никаким приростом производительности, изобретением новых производительных сил, так как структурный характер изобилия и богатства коренится в социальной организации» [1, с. 95–96]. Подлинное изобилие, по мнению автора, было у примитивных народов, веривших в богатство природных ресурсов и их достаточность для удовлетворения потребностей человека. «Богат не тот, у кого много, а тот, кому хватает», – гласит народная мудрость.

С социологической точки зрения, сверхпотребление – это возникновение и институционализация «синдрома потребительства», согласно которому жить в долг не стыдно, а наоборот, престижно, поскольку повышается консумативная идентичность. Такая подмена целей средствами, смыслов – иллюзией обладания ведет к реификации и другим деформациям ценностного сознания. Богатый человек, писал К. Маркс, «это в то же время человек *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*» [2, с. 125].

Казалось бы, нам синдром потребительства не грозит, но социологические исследования показывают усиление утилитарных мотивов, рост престижного потребления, подражательности и других симптомов, характерных для данного феномена. Вместе с тем нельзя не учитывать, что престижное потребление имеет и положительные стороны, – оно стимулирует инновационный поиск отечественных производителей товаров народного потребления, повышает запросы к качеству услуг и т. д. В конечном счете многие предметы престижа, высокой моды входят в жизнь именно таким путем и становятся доступными широким слоям населения.

Экономическая наука рассматривает потребление как одну из стадий воспроизводственного процесса, в котором результаты производства находят свое применение для удовлетворения всего многообразия индивидуальных, коллективных и общественных потребностей. Потребление завершает конкретный вид хозяйственной деятельности – будь то выращивание хлеба, изготовление обуви, выплавка металла, генерирование электроэнергии и т. д. – и вместе с тем кладет начало следующему циклу. Оно подает сигналы прежде всего производителям определенных экономических благ (товаров и услуг), а также и субъектам, регулирующим промежуточные стадии – обмена и распределения, в частности инфраструктурным отраслям, торговле, логистике. Обратная информация от потребления к производству – и далее к обмену и распределению – позволяет экономистам раскрыть сущность рыночного механизма спроса и предложения, выявить природу инвестиций и динамику инвестиционного спроса, определить соотношение между стремлениями к потреблению и к сбережениям, прогнозировать бюджетные расходы и параметры макроэкономического равновесия. В теоретическом плане потребление выступает антитезой формулы «производство ради производства» с его абсолютизацией валовых показателей и одновременно императивом человеконаправленной, социально ориентированной экономики. Связывая через *платежеспособный спрос* заработную плату, трансферты и другие доходы населения с ценами на товары и услуги, а через стремление к сбережениям – инвестиции с процентной ставкой, оно является самым чувствительным звеном в самонастройке и регуляции экономических процессов в широком смысле слова, включая финансово-кредитную сферу.

Заметим, что, несмотря на обоюдные призывы и экономистов, и социологов к сотрудничеству, сохраняются заметные методологические и методические расхождения при исследовании потребительского поведения. Экономисты в качестве эмпирической базы используют статистические данные о денежных доходах населения и покупательной способности в расчете на одного члена семьи, о структуре потребительских расходов домашних хозяйств, потреблении основных продуктов питания, жилищно-бытовых условиях, розничному товарообороту, объему платных и бытовых услуг населению и др. Но статистика не дает какой-либо информации о предпочтениях, стремлениях и мотивах потребителей.

Не отрицая эвристичности таких приемов, социолог хотел бы дополнить их сведениями из первых уст, т. е. мнениями и оценками самих потребителей – покупателей в их реальной ситуации, т. е. с учетом пола, возраста, дохода и пр., с одной стороны, и наличия товара, его качества, цены и т. д. – с другой. Экономисты в ответ заявляют, что такие вербальные суждения не всегда адекватны, к тому же весьма трудоемки. Но ведь и к точности статистики часто предъявляются претензии, а сбор статистических данных стоит гораздо дороже, чем опрос и другие социологические процедуры.

Одним словом, привлечение социологов к сотрудничеству было бы всем полезно. Вообще взаимодействие наук в современных условиях является фундаментальным императивом и общественной потребностью, а не делом пре-

стижа или конкуренции. Знаменитое тайное кредо средневековой науки «*Pro-culeste, profani*» (лат. – «Прочь, непосвященные»), ставившее в позицию профанов не только простых людей, но и своих коллег из других областей знания, давно потеряло смысл и забыто. Знамением времени является инновационный синергетический синтез знаний.

Не вдаваясь в изложение экономических теорий потребления, остановимся на некоторых методологических предпосылках социологического уровня. Прежде всего рассмотрим экономический смысл потребления и предлагаемые дефиниции данной категории. Многозначность обиходного термина «потребление» и его производных побуждала исследователей искать пути и приемы его категоризации. Так, австрийский экономист Э. Бем-Баверк (1851–1914) писал: «Я не могу себе представить экономическую науку, которая не делает различий между производством и потреблением, между приобретением и расходом, хотя в некоторых пределах их понятия пересекаются... До какого момента, например, должна продолжаться наша производственная деятельность, направленная на удовлетворение потребности в еде? Где начинается потребление? При стряпне продуктов или в тот момент, когда их ставят на стол, или когда их подносят ко рту? Или в тот момент, когда их разжуют и проглотят?» [3, с. 287–288]. Как видим, автор умышленно обостряет, даже утрирует, ситуацию на примере пищи. Но за этим фундаментальная проблема, суть которой в том, что полисемия житейского понятия «потребление» затрудняет аналитическую работу, а в конечном счете и развитие экономической теории. Применительно к рыночным отношениям ядром теории является учение о конкурентных механизмах спроса и предложения, устанавливающих равновесные цены. При этом под спросом понимается «количество товара, которое *будет* куплено *за приемлемую цену* и в определенный промежуток времени» [4, с. 107]. Спрос – величина эвентуальная, т. е. возможная при соблюдении многих условий, которые в свою очередь подвержены флуктуациям по независящим от воли участников сделки причинам, часто вопреки их желанию.

«Приемлемой ценой» можно считать ту, которую готов заплатить покупатель, и она подвержена аналогичным колебаниям. Все это показывает, что спрос не тождественен потреблению. Если потребление понимать как покупку, то характерно для рыночных отношений, то к потреблению можно отнести только спрос «*ex post*», т. е. **реализованное намерение**. **Экстраполяция данных о продажах** какого-нибудь товара, учитываемых статистикой товарооборота за определенный период, не является надежным инструментом прогноза спроса «*ex ante*» – ожидаемого, особенно с учетом динамики доходов, т. е. фактических возможностей потребления – платежеспособности. Тем самым становится понятной озабоченность Бем-Баверка точностью и концептуальностью термина «потребление».

Дж. Кейнс рассматривал потребление в рамках введенного им концепта «эффективный спрос», в котором в отличие от других видов спроса (случайного, импульсивного, неэффективного) должны присутствовать два ключевых компонента: а) антиципация – предвосхищение предпринимателей, произво-

дящих товары и услуги; б) учет платежеспособности потенциальных покупателей. Такой спрос, если его рассматривать не по источникам обеспечения (дохода) или психологическим идентификациям субъекта, а с точки зрения воспроизводственного цикла, распадается на потребление и инвестиции. Фактически это два вида спроса, определяющих соотношение между I и II подразделениями, т. е. производством капитальных благ или средств производства и товаров народного потребления. Последний, по Кейнсу, с количественной стороны определяется «стоимостью товаров, проданных потребителям» [5, с. 350]. Точнее было бы сказать, «купленных потребителями», но в любом случае простейший экономический акт купли-продажи находится между «обменом» и «потреблением» как стадиями воспроизводственного цикла. Видимо, для того, чтобы избежать возможного недоразумения, Кейнс рассматривает «предрасположенность к потреблению» и формулирует фундаментальный психологический закон экономического поведения.

Что такое склонность к потреблению, в чем ее социологический смысл? Купит или нет предложенный товар конкретный индивид, это зависит от многих факторов, констелляция которых определяет установку на совершение действия. Кейнс назвал такую установку (предрасположенность) *склонностью к потреблению*. Поскольку современные рынки анонимны и опосредованы торговлей, рекламой и т. д., то применительно к товарам массового спроса можно говорить только о средней склонности к потреблению, или естественной, как ее называет автор. Заметим, что сегодня маркетологи получили возможность с помощью социологических методов замерять такую склонность и классифицировать по категориям потребителей. Кейнс предложил другой путь, позволяющий использовать математические методы, который и утвердился в экономическом анализе. Исходя из того, что потребление есть функция дохода, вводится математическая формула

$$\text{ЕСП} = \text{П}/\text{Д},$$

где ЕСП – естественная склонность к потреблению, П – потребление (в денежных единицах), Д – доход (в денежных единицах). Это ситуативная или стационарная характеристика явления. Для макроэкономического анализа более существенна динамика, т. е. выяснение, как и в каком направлении изменяется ЕСП при росте (снижении) потребления и дохода. В маржиналистской терминологии – это «предельная склонность к потреблению», измеряемая по формуле:

$$\text{ПСП} = \Delta\text{П}/\Delta\text{Д},$$

где $\Delta\text{П}$ – изменение в потреблении, $\Delta\text{Д}$ – изменение в доходе. Однако человек не только потребляет, но и сберегает. Он в силу разных причин экономит, не тратит, сохраняет некоторую часть дохода, если, конечно, такая возможность имеется.

Под сбережениями понимается та часть дохода, которая остается неизрасходованной на потребление. Аналогично предыдущим рассуждениям, естественная (средняя) склонность к сбережению определяется по формуле:

$$ECC = C/D,$$

где C – сбережения, D – доход. Соответственно предельная склонность к сбережению определяется по формуле:

$$ПСС = \Delta C / \Delta D,$$

где ΔC – изменение в сбережении, ΔD – изменение в доходе.

Поскольку совокупный доход распадается на потребление и сбережение, то $D = П + C$, а $\Delta П + \Delta C = \Delta D$, что означает, что сумма изменений в потреблении и в сбережении равна изменениям в доходе. При этом $ПСП + ПСС = 1$.

Сумма предельной склонности к потреблению и предельной склонности к сбережению равна единице. Ученик Кейнса, лауреат Нобелевской премии по экономике П. Самуэльсон показал, что при увеличении чистого дохода (после уплаты налогов) с 3000 до 4000 долл. дополнительные 1000 долл. распределяются так: 890 – на потребление, 110 – на сбережения. Соответственно $ПСП = 0,89$, $ПСС = 0,11$. Но если доход (например, у второй семьи) вырос с 9000 до 10 000 долл., то $ПСП = 0,49$, а $ПСС = 0,51$. То есть только 490 долл. используется на дополнительное потребление, а 510 – на дополнительное сбережение [6, с. 263].

Отметим, что в англоязычной литературе предельное стремление к потреблению (*marginal propensity to consume*) обозначается **МРС**; предельное стремление к сбережению (*marginal propensity to save*) – **МРС**. Само слово «предел», или «маржинальный», используется в экономической практике в смысле «дополнительное»: предельная полезность – это дополнительная полезность, предельный доход – дополнительный доход, предельное потребление – дополнительное потребление.

Возвращаясь к фундаментальному психологическому закону Кейнса, отметим, что хотя он касается главным образом потребления, но вместе с тем является своеобразным синтезатором основных аналитических компонентов, как они представлены в названии его работы: «Общая теория занятости, процента и денег».

При анализе потребления Кейнс различает субъективные и объективные факторы. К субъективным он относит психологические характеристики человеческой натуры, а также обычаи и интернализированные институциональные нормы и ценности, которые «не будучи незыблемыми, тем не менее навряд ли подвергнутся заметному изменению за короткий промежуток времени» [5, с. 351]. Мотивами ограничения потребления, т. е. воздержания от расходов, по его мнению, являются восемь побуждений: 1) предосторожность, 2) предвидение, 3) расчет, 4) честолюбие, 5) гордость, 6) независимость, 7) инициатива, 8) скупость. Предложенная классификация не является исчерпывающей, – достаточно вспомнить о религиозном воздержании (пост), о сократовской простоте и неприхотливости, о возвышенных мотивах стоиков, аскетов и многое другое, не говоря уже о вынужденном ограничении расходов из-за недостатка средств. Тем не менее это было первое методологически обоснованное вторжение экономической науки в область ценностного сознания, куда, по спра-

ведливому замечанию П. С. Лемещенко, «экономисты стараются по ряду причин «не влезать» [7, с. 18].

В числе объективных факторов потребления Кейнс называет: 1) доход, 2) предрасположенность к потреблению как функциональное отношение между доходом и потреблением, 3) «расценки, по которым дисконтируется время» (учет прогнозируемых изменений), 4) налоговая политика. О высокой прогностической функции кейнсианской теории говорят его предупреждения об опасности спекуляций по мере роста финансовых рынков. «Когда в какой-то стране развитие капитала становится субпродуктом казино, то это развитие рискует идти в ненормальных условиях». Эти слова можно назвать многократно подтвержденным пророчеством, из которого до сих пор не сделаны надлежащие выводы, несмотря на все более грозные последствия «экономики казино». Понимание глубинных механизмов экономического поведения побудило Кейнса настаивать на повышении роли государства. «Расширение функций государства, охватывающее ответственность за урегулирование естественной склонности к потреблению и побуждения к инвестированию между собой, видится нам единственно возможным средством избежать полного разрушения нынешних экономических институтов и условием плодотворного осуществления индивидуальной инициативы» [5, с. 354].

Рассмотрим, что такое «производство ради производства» и с чем связано появление в экономической науке такого выражения. Его ввел в научный оборот Рикардо, имея в виду стимулирование активности предпринимателей. На первый взгляд может показаться, что отсутствие в этой формуле потребления делает ее не столько парадоксальной, сколько абсурдной. «Производство было бы в таком случае (т. е. без потребления. – С. III) бесцельно», – замечал К. Маркс [8, с. 387]. Но бесцельность и даже бессмысленность такого производства вовсе не означают, что оно невозможно в принципе, в определенных условиях. Если в качестве критерия оценки взять соотношение фондов накопления и потребления при распределении дохода отдельного предприятия, фирмы, отрасли или всего народного хозяйства, что повсеместно используется в современном экономическом анализе, то проясняется экономический смысл положения Рикардо. Суть его в том, что чем ближе дробь ФН/ФП к 1, тем в большей степени производство обслуживает самое себя. Математически это выражается в том, что фонд потребления стремится к нулю, конечно, никогда его не достигает, а фонд накопления стремится к единице. Нужно учесть, что фонд накопления, скажем, отдельного предприятия, фирмы и т. д. – это та часть дохода (прибыли), которая используется на внутренние производственные нужды: расширение выпуска, модернизация оборудования, введение новых технологий, развитие инфраструктуры и т. д. В свою очередь фонд потребления используется на рекреацию, повышение комфорта и техники безопасности, благоустройство территории, вообще на удовлетворение индивидуальных и коллективных потребностей работников. В настоящее время в развитых странах фонд потребления составляет 50–70% и более от национального дохода. Рикардо имел в виду тенденцию роста фонда накопления и защищал производ-

ство для производства как самый быстрый и выгодный способ создания богатства. Маркс в связи с этим отмечал научную честность, заслугу и правоту Д. Рикардо для своей эпохи. Он подчеркивал, что развитие производительных сил и способностей всего человеческого рода «вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов» [9, с. 123]. Этот процесс объективен, иначе не было бы никакого движения, развития, прогресса; капитализм здесь выполняет одну из своих цивилизаторских функций наряду с уничтожением остатков феодализма, научно-техническим прогрессом, новой организацией труда, дисциплинированием работников. При социализме, как полагал Маркс, будет поддерживаться оптимальное соотношение фонда накопления и потребления. История, однако, показала, что одного желания мало; индустриализация в СССР проводилась за счет ограничения потребления масс, в большей степени – крестьянства. Можно, наверное, спорить о темпах индустриализации, о целесообразности свертывания НЭПа, о формах и методах коллективизации, но в тех условиях радикальное повышение фонда потребления, например до 40–50% от национального дохода, осуществить было невозможно.

Современный мировой кризис вызвал в ряде стран, в том числе и в Беларуси, явление, которое можно назвать эхом производства ради производства. Имеется в виду то, что называют работой на склад. Понятно, что государство, проводя некоторое время такую политику, проявляет заботу не о собственниках или менеджерах, а о членах трудовых коллективов, которым грозит потеря работы при остановке производства. Такова другая сторона проблемы, которую не затрагивал Рикардо. Сегодняшняя ситуация вызвана резким падением платежеспособного спроса, и ее разрешения можно ожидать от эффективности мер по преодолению кризиса. На будущее, видимо, следует, учитывая низкую адаптивность узкоспециализированных производств, переходить к гибким модульным системам. Что касается кризиса, то его истоки аналитики видят в сложной констелляции факторов, одним из которых является сверхпотребление «золотого миллиарда», построенное по схеме финансовой пирамиды. Приведем оценки авторов исследования под названием «Проект Россия». В нем говорится: «Легкие деньги в виде процентов провоцируют рост потребления. На это накладывается природа рыночной экономики, существующей при условии постоянного роста потребления. Растущая скорость и объемы превращают человека в нечто вроде трубы, сквозь которую все быстрее и быстрее пролетает поток большей частью ненужных товаров. Пока непонятно, какова предельная пропускная способность человека как трубы, но то, что она конечна – не вызывает сомнений. Когда потребительская активность не будет соответствовать производственной, экономика рухнет. Следом рухнет государственная конструкция» [10, с. 5]. **Насколько этот вывод стратегически обоснован, покажет ближайшее будущее.** С антропологической точки зрения, образ «человека-трубы» не столь уж однозначен, хотя приблизительно такие же оценки встречаются у многих критиков потребительского общества.

Конечно, отступление от достигнутого высокого уровня благосостояния – дело чрезвычайно трудное не только в экономическом плане, но главным образом с точки зрения психологической перестройки. Главный вопрос, возможна ли такая перестройка мирным путем, на основе привития новых ценностей методами воспитания, разъяснения, пропаганды, рефлексивных приемов и т. д., остается пока без ответа. Если нынешний кризис не просто очередной цикл, хоть и непредвиденный и специфический, а «крушение фундаментальных основ потребительской цивилизации», то бесконфликтное его разрешение маловероятно. На наш взгляд, восстановление нарушенного социального порядка планетарного масштаба возможно солидарными усилиями и при условии высокой ответственности политиков, финансистов, хозяйственников. Если, действительно, как призывают авторы «Проекта России», «освежить генетическую память» [11, с. 12], то придется признать, что страшные катаклизмы XX века воспринимались современниками как предвестие апокалипсиса, но все-таки были преодолены. Аналогичные коннотации современного кризиса поддерживаются – иногда осознанно ради личной выгоды, чаще стихийно – алармистами (паникерами). Более спокойная оценка показывает, что корректировка ценностного сознания не равносильна антропологической трансформации самого человека и переход от «человека потребляющего» к «человеку создающему» многим покажется даже интересным и может быть воспринят не как потеря, а как приобретение.

Литература

1. Бодрийяр, Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. – М., 2006. – С. 95–96.
2. Маркс, К. Избр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 2001. – Т. 42. – С. 125.
3. Бем-Баверк, Э. Позитивная теория капитала / Э. Бем-Баверк // 25 ключевых книг по экономике. – Челябинск: УРАЛ LTD, 1999. – С. 287–288.
4. Экономическая теория (политэкономика). – М., 1999. – С. 107.
5. 25 ключевых книг по экономике. – Челябинск: УРАЛ LTD, 1999. – С. 350.
6. Самуэльсон, П. А. Экономика. Вводный курс / П. А. Самуэльсон. – М., 1993. – Т. 1. – С. 263.
7. Лемещенко, П. С. Социально-институциональная природа финансового кризиса / П. С. Лемещенко // Социология. – 2009. – № 1. – С. 18.
8. Маркс, К. Избр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 2001. – Т. 46, ч. I. – С. 387.
9. Там же. – М., 2001. – Т. 26, ч. II. – С. 123.
10. Проект Россия. – М., 2008. – Кн. 2. – С. 5.
11. Проект Россия. – М., 2009. – Кн. 3. – С. 12.

S. A. SHAVEL

SOCIOLOGY AND ECONOMICS OF CONSUMPTION. TOWARDS THE SINGLE PARADIGM

Summary

The anthropological and economical approaches to the study of consumption are considered from the sociological standpoint, the notion “the syndrome of consumption” as a special form of the natural bent to consumption is used, the value sense of needs and ways of their satisfaction are brought to light.

Г. Н. СОКОЛОВА,

*доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассмотрены истоки исследования инновационных стратегий. Проанализировано противоречие между целями и средствами инновационных стратегий как источник появления негативных социальных тенденций. Выявлено, что социально ориентированная политика государства отягощена рядом социальных проблем, главная из которых – проблема баланса экономических и социальных компонентов инновационного развития.

В Республике Беларусь переход к инновационному развитию требует структурной перестройки экономики, сбалансированного решения социально-экономических задач по следующим направлениям: сохранение жизненно важных отраслей, удовлетворяющих потребности населения; ориентация на использование собственного технологического потенциала и местных ресурсов; ускоренное развитие конкурентоспособных производств; развитие экономически оправданных интеграционных связей с Россией и другими странами СНГ и дальнего зарубежья; создание мотивационного механизма реализации мер по структурной перестройке экономики на основе гибкого сочетания рыночных методов и инструментов государственного регулирования.

Структурная перестройка экономики включает в себя прежде всего изменение структуры затрат консолидированного бюджета республики на производство промышленной продукции. По данным статистики, в 2008 г. материальные затраты (без учета топлива и энергии) составляли 64,4%, энергия и топливо – 11,8, оплата труда – 11,1, социальные нужды – 4,2, амортизация – 3,8, прочие затраты – 4,7% [1, с. 517–518]. Очевидно, что структурную перестройку в экономическом плане нужно начинать именно с уменьшения доли материальных затрат в промышленности, за счет новых и высоких технологий, инвестиционных решений, грамотного менеджмента и увеличения доли оплаты труда универсальной рабочей силы до уровня стандартов развитых стран (30%). Но сама по себе структурная перестройка экономики не задает социальные изменения, она лишь предоставляет для этого возможности и инструменты. Как они будут использованы – предмет политического выбора, определяемый основными направлениями социальной политики государства. Они включают в себя создание условий и возможностей гражданам зарабатывать

средства для удовлетворения своих потребностей; обеспечение роста денежных доходов населения; улучшение социального обеспечения нетрудоспособных граждан; повышение степени защиты социально уязвимых групп населения.

Концепция инновационной экономики вводится в условиях известного риска и неопределенности, когда может быть очерчен спектр возможных результатов, но вероятность их проявления полностью не известна. Кроме того, не следует забывать о том, что любые существенные изменения в производительных силах, открывая новые возможности, таят в себе и потенциальные угрозы. Выбор в пользу инновационной экономики, создавая определенные перспективы развития, порождает и ряд проблем, главная из которых – проблема «инновационной восприимчивости» отечественной экономики, связанная, с одной стороны, с ориентацией экономики на традиционные технологии, а с другой – с недостаточной мотивацией работников к творческому труду. В этих условиях актуализируется необходимость выявления и оценки регулятивных возможностей социальных механизмов *согласования* инновационных преобразований в экономике и социальной политике государства.

Рассмотрение социального контекста экономической модели, разработанной в «Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы» позволяет выявить проблемные сферы этого развития. На макроуровне – это возможности появления новых социальных тенденций в условиях реализации инновационной программы, «внешне» еще положительных, но «внутри» уже отягощенных грузом возможных социальных последствий начавшихся трансформационных преобразований. На мезоуровне – это проблемы развертывания инновационной деятельности белорусских предприятий в рамках социологического анализа, состояние и специфика функционирования социальных механизмов кадрового обеспечения предприятий, трудовой мотивации производственного коллектива, профессионального обучения и переобучения работников. На микроуровне – это проблемы формирования инновационного поведения различных категорий занятого населения.

Истоки исследования инновационных стратегий. Инновационная деятельность – не самоцель, она тесно вплетена и осуществляется в конкретных социально-экономических условиях, приводя не только к технико-технологическим и экономическим преобразованиям, но и вызывая значительные социальные изменения. Поэтому направления инновационного развития и инновационных преобразований в экономике должны быть соотнесены и согласованы с основными направлениями социальной политики государства. Методология изучения инновационной деятельности заложена в работах экономистов в контексте изучения макроэкономической динамики.

Австро-американский экономист, социолог и историк экономической мысли **Й. А. Шумпетер** в 1912 г. определил инновацию как исторически бесповоротное изменение способа производства вещей, состоящее в «новой комбинации факторов производства» и предпринимательской функции, состоящей в осу-

ществлении инновационной деятельности [2, с. 126]. Излагая свою теорию конъюнктуры [2, с. 397–431], Шумпетер, начав с проблемы кризисов, переходит к проблеме, которую считает основной, – проблеме процветания и депрессии, где кризисы являются лишь поворотной точкой экономического развития. Существенным, по Шумпетеру, является не кризис как таковой, а волнообразное движение, когда за поступательным следует возвратное и только после него возобновляется поступательное движение. С проблемой процветания и депрессии связаны у Шумпетера экономические и социальные процессы подъема и деклассирования предприятий, людей, жизненных укладов, культурных ценностей, идеалов. Оба эти явления, считает Шумпетер, более характерны для экономики, культуры и результатов функционирования капитализма, чем какие-либо другие, которые можно наблюдать в процессе циклов.

Излагаемая Шумпетером теория периодических колебаний конъюнктуры является лишь основой, фундаментом будущих объяснений. Для исчерпывающих разъяснений необходимы, по его мнению, тщательный анализ огромной массы накопившегося материала, а также разработка множества отдельных теорий по каждому конъюнктурному показателю и взаимосвязи всех этих показателей.

Основополагающий вклад в эти разъяснения внес российский ученый-экономист **Н. Д. Кондратьев**, создавший теорию больших циклов конъюнктуры (1923 г.), в основу которой положены четыре «эмпирические правильности» на базе анализа развития всего мирового хозяйства за 140 лет (с 1795 по 1935 г.). Первая эмпирическая правильность сводится к тому, что перед началом повышающей волны каждого большого цикла, а иногда в самом начале ее наблюдаются значительные изменения в условиях хозяйственной жизни общества. Вторая – периоды повышающих волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества, чем периоды понижающих волн. Третья – понижающие волны этих циклов сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства. Четвертая – большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессии [3, с. 341–400].

Н. Д. Кондратьев в 1920–1930 гг. в контексте изучения «больших циклов конъюнктуры» обосновал положение о том, что инновационная деятельность выступает основой и внутренней причиной макроэкономической динамики, так как применение технических изобретений и открытий обуславливает значительные изменения не только в сфере промышленной практики, но и во всей жизни общества. Согласно Кондратьеву, каждый этап качественного изменения производительных сил сопровождается *реорганизацией* производственных отношений. Эта реорганизация происходит в рамках одной экономической формации, однако она во многом определяет принципы реорганизации производственных отношений между людьми и структуру занятости,

а следовательно, изменение уровня и качества жизни населения. Характерно, что в каждом цикле освоение и использование инноваций сопровождается значительными социальными изменениями. На *макроуровне* это связано с поисками рынков сырья и сбыта как следствием радикального повышения производительности труда; на *мезоуровне* – с активизацией инновационной деятельности предприятий, высвобождением, переобучением и переквалификацией персонала; на *микроуровне* – с формированием инновационной восприимчивости и инновационного поведения индивидов.

По мере становления методологии изучения инновационной деятельности хозяйствующих субъектов все большее внимание уделялось социальным аспектам. Так, в 1970–1980 гг. немецкий ученый, основатель и президент компании «Investment in Innovation» с 1974 г., автор книги «Технологический пат: инновации преодолевают депрессию» (1975) **Г. Мени** на основе анализа 112 крупных изобретений и 126 базисных инноваций за период с середины XVIII в. выделил четыре волны инновационной и деловой активности, отвечающие Кондратьевским циклам, и разработал *«гипотезу о депрессии как спусковом крючке»* (depression-trigger) [4, с. 17–24]. Он показал, что смена научных парадигм приводит к скачкообразному увеличению объема фундаментальных знаний, способствуя неравномерному поступлению в экономику потенциальных базисных нововведений. Однако пока предприятие процветает, ему нет необходимости что-либо серьезно менять в отлаженном производстве. Ориентируясь на текущую прибыль, многие менеджеры руководствуются текущей экономической конъюнктурой, упуская из виду долгосрочные альтернативы развития. К осуществлению инновационной деятельности предприятия приступают только под давлением резкого падения эффективности капитальных вложений и социально-экономических показателей в традиционных отраслях, когда уже накоплены значительные убыточные мощности и избежать глубокой затяжной депрессии не удастся. Но делается это преимущественно тогда, когда уже не удастся предотвратить большие экономические потери в результате массового обесценивания капитала и квалификации кадров, занятых в устаревших и ставших неэффективными производствах. Отсюда следует, что нужно разрабатывать компенсаторные социальные механизмы, обеспечивающие *согласование* социального и экономического компонентов происходящих в конкретном обществе инновационных процессов; при этом рядом исследователей особое внимание уделяется регулирующей роли государства.

В 1990-е гг. различные исследовательские направления синтезировались в концепции национальных инновационных систем (НИС), которая является вершиной теории инновационного развития экономики в современном ее звучании. Лидерами этого направления стали американский ученый, профессор Колумбийского университета Р. Нельсон, шведский ученый, профессор Университета г. Упсала Б. Лундвалл, американский экономист, лауреат Нобелевской премии 1993 г. Д. Норт и английский экономист, исследователь экономических циклов в рамках концепции длинных волн Кондратьева К. Фримен.

Для **Р. Нельсона** центральными были проблемы государственной научной и технологической политики, ее возможностей и ограничений современных НИС в государствах с разным уровнем развития. Р. Нельсон показывает, что сравнение опыта разных стран в исторически продолжительные периоды свидетельствует о том, что именно включение рыночных регуляторов в механизм государственной инновационной политики дает наиболее впечатляющие результаты [5]. **Б. Лундвалл** исследовал взаимоотношения между производителями и потребителями новых знаний и технологий в пределах одного государства и сравнил основные характеристики складывающихся на этой основе инновационных систем в странах Северной Европы. Согласно представлениям Б. Лундвалла, технологическое взаимодействие фирм в процессе разработки технологий значительно чаще реализуется внутри страны и определяется особенностями ее институциональной структуры [6]. Особое внимание взаимодействию институциональных структур и технологий, их совместной роли в экономическом и социальном развитии уделяет **Д. Норт**. При этом он исходит из того, что институты задают систему стимулов (положительных и отрицательных), направляя деятельность людей в определенное русло. Технология, с его точки зрения, задает только верхний предел достижимого экономического роста. В контексте институциональной теории это означает, что при нулевых транзакционных издержках увеличение объема знаний и сферы их применения является ключом к потенциальному благосостоянию. Следовательно, главное, что упущено, по мнению Норта, из анализа классиков, – ответ на вопрос, почему научный и технологический потенциал, в принципе доступный всем, реализуется не полностью и почему образовалась такая огромная пропасть между богатыми и бедными странами. Норт показывает, что эволюция институциональных систем развитых стран по сравнению со странами «третьего мира» создала более разветвленные формальные структуры и механизмы поддержки структур, которые обеспечивают существование более эффективных рынков и относительно низких транзакционных издержек. В бедных странах плохо формализованные институты защиты прав собственности стимулируют функционирование неформальных, теневых секторов экономики, что сдерживает развитие самоподдерживающегося процесса контрактных отношений. Теоретик институционализма так описывает механизм консервации отсталости: «При наличии слабо защищенных прав собственности, недостаточного претворения законов в жизнь, наличия барьеров для вхождения в рынок, монополистических ограничений фирмы, стремящиеся к максимизации прибыли, склонны избирать краткосрочную стратегию и эксплуатировать небольшой основной капитал, сохраняя при этом малые размеры. Самыми выгодными занятиями становятся торговля, перераспределение или операции на черном рынке. Крупные фирмы с большим основным капиталом могут существовать только под покровительством государства, пользуясь субсидиями и тарифной защитой и выплачивая обществу определенную компенсацию. Такое сочетание, – по мнению Норта, – вряд ли может способствовать эффективности производства» [7].

К. Фримен, опираясь на выводы институциональной теории Д. Норта, продолжил исследование институционального контекста инновационной деятельности, подчеркивая, что НИС представляют собой своего рода сеть институциональных структур в государственном и частном секторах экономики, активность и взаимодействие которых иницируют, создают, модифицируют и способствуют диффузии новых технологий. Обычно при сравнении структурных характеристик инновационных систем, а также внешних для них экономических условий национального развития и получаемых в итоге их взаимодействия результатов Фримен применял следующие основные критерии: доля бюджета науки в ВВП; доля промышленности в финансировании НИОКР; развитие электронной промышленности; уровень прямых иностранных инвестиций [8].

НИС Республики Беларусь, рассмотренная нами в рамках данных индикаторов, по своим параметрам (доля бюджета науки в ВВП меньше 1%, доля промышленности в финансировании НИОКР менее 30%, слабое развитие электронной промышленности с малым удельным весом продукции на экспорт, умеренный уровень прямых иностранных инвестиций) представляется типичной для стран Центральной и Восточной Европы. Для нее характерно эволюционное движение: переход от прямого управления к индикативному, увеличение объема новых знаний, развитие технологий, прогнозирование технологического развития и определение на этой базе научно-технических приоритетов.

Противоречие между целями и средствами инновационных стратегий – источник появления негативных социальных тенденций. Основная цель реализации инновационных стратегий – обновление производительного потенциала общества и рост его благосостояния. Но исторически закономерное не всегда совпадает с логически ожидаемым, и чаще всего причиной этого несовпадения является *противоречие* между декларируемыми целями и применяемыми средствами трансформационных преобразований. Наиболее рельефно это противоречие проявляется в экономической сфере, где программные *цели* – повышение уровня и качества жизни всего населения – входят в контраст с предлагаемыми *средствами* достижения этой цели, через санацию убыточных предприятий и модернизацию отраслевой структуры экономики. Эти средства являются закономерными по своей сущности, но содержат *социальные* риски снижения уровня жизни определенных слоев населения, которые нужно предвидеть и вводить соответствующие компенсаторные механизмы. Данное противоречие является источником внутренней противоречивости социальных тенденций, связанных с поворотом государственной социальной политики в направлении инновационного развития. «Внешне» они еще положительны, но «внутри» уже отягощены грузом возможных негативных последствий начавшихся инновационных преобразований.

В соответствии с «Основными направлениями социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 годы», как считают белорусские экономисты [9, с. 25–27], будут приняты меры по активизации развития ре-

ального сектора экономики. В первую очередь это касается его структурной трансформации. Она будет проводиться по двум направлениям. Первое (структурная санация экономики) – оздоровление существующей экономической структуры, и прежде всего государственного сектора экономики, на основе снижения доли убыточных производств, что позволит аккумулировать средства на первоочередное развитие «точек роста». Второе направление (модернизация национальной экономики) – создание и развитие новых наукоемких ресурсо- и энергосберегающих производств и целых отраслей. Все это в совокупности позволит обеспечить выход республики на качественно новый уровень социально-экономического развития.

Отметим, однако, что структурная санация экономики затронет убыточные предприятия, составляющие, по крайней мере, 1/5 всех предприятий. В соответствии с мировыми тенденциями это вызовет повышение уровня общей безработицы и снижение уровня и качества жизни временно высвобожденного населения. *Позитивная* тенденция снижения уровня зарегистрированной безработицы в республике (до 0,8% в 2008 г.) может смениться *негативной* тенденцией роста как общей, так и структурной безработицы. Санация экономики, направленная на снижение доли убыточных предприятий, неизбежно вызовет рост общей безработицы, а создание новых наукоемких производств и новых отраслей взамен старых – возникновение и рост структурной безработицы и, следовательно, снижение уровня жизни временно высвобожденного населения.

Позитивная тенденция уменьшения дисбаланса между спросом и предложением рабочей силы наблюдается лишь в количественном отношении. В качественном аспекте структура спроса на рабочую силу существенно не изменяется. Рынок труда по-прежнему демонстрирует спрос на рабочие профессии, который составлял в 2008 г. 80% от общего числа вакансий. И такая ситуация остается устойчивой в течение ряда лет. Задача, реализуемая государственными органами Республики Беларусь, – использовать новые технические, технологические и информационные возможности для выведения страны в разряд технологически развитых государств. Следует учитывать и то обстоятельство, что при условии стабильной экономики, невысокой реальной безработицы и прочного финансового положения государства негативные последствия технологических и структурных изменений проявляются слабо. И наоборот, в условиях перехода экономики из одного состояния в другое это чревато *негативными* социальными последствиями в плане усиления дисбаланса спроса и предложения рабочей силы на рынке труда.

Позитивная тенденция улучшения материального благосостояния и социального настроения в обществе основана на проведении курса социально ориентированной экономики рыночного типа. Государственный выбор республики в пользу социально ориентированной экономики характеризуется *позитивными* тенденциями в социальном настроении практически всех групп общества. Но эти тенденции сопровождаются рядом *социальных* проблем, главная из ко-

торых – проблема баланса социального и экономического компонентов, так как издержки, сопровождающие внедрение неэкономических ценностей, предполагают потерю экономической эффективности производства. Реализация курса на социально ориентированную экономику связана, в частности, со сравнительно низким значением коэффициента дифференциации денежных доходов общества. Так, в 2008 г. он составлял 5,9 раза, что является минимально допустимым рыночным стандартом. В экономической практике поднятие денежных доходов бедных слоев населения до уровня бюджета прожиточного минимума (БПМ) и создание определенных гарантий для социально уязвимых слоев населения связывается, с одной стороны, с ростом ВВП, составившим в 2008 г. 10,0% по отношению к предыдущему году, и соответственно с повышением заработной платы [1, с. 309].

С другой стороны, это связано с перераспределением денежных доходов между обеспеченными и бедными слоями населения в пользу последних. По данным государственной статистики 2002 и 2008 гг., уменьшение бедного слоя (со среднедушевым денежным доходом ниже БМП) и базового слоя (с доходом от БМП до 1 МПБ) происходит за счет возрастания среднего слоя (с доходом от 1 до 2 МПБ), который увеличился с 2002 г. вдвое и составил в 2008 г. половину всего населения [1, с. 166–167].

Социальным следствием этих процессов являются «усреднение» трудовой мотивации в силу выравнивания оплаты труда разной природы и разного уровня квалификации, а также смещение профиля экономической стратификации общества в сторону среднеоплачиваемых слоев населения. В этих условиях, по результатам республиканского социологического мониторинга (2007 г.), у работников преобладает традиционный тип экономического мышления. Так, наиболее важными ценностями в работе считаются хороший заработок (86,9%), хорошие условия труда (69,0%), хороший коллектив (63,0%). Работа над интересными и сложными проблемами отодвигается в этой иерархии на одно из последних мест (9,7%).

По данным наших исследований, заработная плата как основной социальный механизм трудовой мотивации работников недостаточно выполняет свои основные функции: *воспроизводственную* (в силу несоответствия низкого уровня оплаты труда основного массива работников высокой стоимости жизни); *стимулирующую* (по причине слабой зависимости заработной платы от индивидуальных и коллективных результатов труда); *регулирующую* (применяемый в ней норматив минимальной заработной платы покрывает лишь 2/3 минимального потребительного бюджета и не гарантирует наемным работникам минимально допустимый уровень потребления); *социальную* (обеспечение социально справедливой дифференциации оплаты труда). Актуализируется проблема не только более полной реализацией названных функций заработной платы, но и проблемой их *согласования* друг с другом для нормального функционирования заработной платы как мотиватора стратегий трудового и экономического поведения индивидов.

Государственная политика «стратегии инновационного прорыва» пока не предполагает масштабных отраслевых перемещений на базе технико-технологических изменений в отраслях, создания новых отраслей взамен устаревших. Она настроена на эволюционное развитие, при котором доля традиционных технологий уменьшается примерно на один процентный пункт в год за счет увеличения доли новых и высоких технологий. Белорусскую модель инновационного развития принято считать эволюционной, социально щадящей, которая минимизирует возможные риски, но не способствует развитию восприимчивости хозяйствующих субъектов к инновационной деятельности, т. е. деятельности, направленной на разработку, внедрение и использование новых технологий и организационных форм, генерирование новых организационно-экономических отношений.

Действие механизма прогрессивных отраслевых перемещений как основного фактора инновационной экономики заблокировано тем, что эти перемещения стимулируются со знаком минус. Так, заработная плата непроизводственной сферы ниже средней по экономике республики. Внутри непроизводственной сферы заработная плата в сфере управления выше, чем в сфере науки и народного образования, тогда как в индустриально развитых странах все происходит наоборот. Социальные механизмы мотивации к прогрессивным отраслевым перемещениям как бы «встраиваются» в эволюционное развитие экономики и действуют в направлении постепенного развития восприимчивости занятого населения к инновациям в соответствии с масштабами технико-технологических нововведений и степенью согласованности друг с другом функций заработной платы, способствующих ее воздействию, в качестве мотиватора, на стратегии трудового и экономического поведения коллективных и индивидуальных хозяйствующих субъектов.

В ходе анализа условий реализации инновационных стратегий в Беларуси выявляется, что социально ориентированная политика государства отягощена рядом социальных проблем, главная из которых – проблема баланса экономического и социального компонентов инновационного развития. В перспективе в качестве социетальных механизмов разрешения проблемы баланса экономического и социального компонентов в инновационных процессах может быть рассмотрена система механизмов перевода «социально ориентированного государства» в «государство социальных инвестиций». Для обеспечения государственной политики социальных инвестиций необходимы, во-первых, реформа социального обеспечения, сконцентрированная на инвестициях в воспитание лиц дотрудоспособного возраста; во-вторых, «политика второго шанса», т. е. создание условий для продвижения лиц трудового возраста в сферы других видов деятельности, формирование стабильных стратегий карьерного роста; в-третьих, социальное инвестирование в людей посттрудоспособного возраста (создание «народных университетов») с целью их приобщения к активной общественной жизни. Именно таким образом социально ориентированное государство может стать государством социальных инвестиций, нацеленным на раскрытие движущих сил инновационных преобразований.

Литература

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2009 (Стат. сб.). Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. – С. 517–518.
2. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / Й. А. Шумпетер; пер. с нем. В. С. Автономова [и др.]; под общ. ред. А. Г. Милейского. – М.: Прогресс, 1982. – С. 126.
3. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избр. труды / Н. Д. Кондратьев; [введ. Л. И. Абалкина]. – М.: Экономика, 2002. – С. 341–400.
4. Инновационная экономика / А. А. Дынкин [и др.]; под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2004. – С. 17–24.
5. Nelson, R. (ed). National Innovation System. A Comparative Analysis. – Oxford: Oxford University Press, 1993.
6. Lundvall, B. (ed). National System of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. – London: Printer Publishers, 1992.
7. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и научн. ред. Б. З. Мильнера. – М.: Фонд «Начала», 1997.
8. На пороге экономики знаний (мировая практика научно-инновационного развития) / отв. ред. А. А. Дынкин, А. А. Дагаев. – М.: ИМЭМО РАН, 2004.
9. Шимов, В. Н. Беларусь: от экономического кризиса к устойчивому росту / В. Н. Шимов // Белорус. эконом. журн. – 2006. – № 2. – С. 25–27.

G. N. SOKOLOVA

SOCIAL PROBLEMS OF REALIZATION OF THE INNOVATIVE STRATEGY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

Origins of the research of the innovation strategies are examined. The contradiction between aims and means of the innovation strategies as a source of negative social tendencies are analyzed. It was revealed that a social policy of the State is overcharged with social problems, the main of which is the problem of balance of economic and social components of the innovation development.

Р. А. СМИРНОВА,

доктор философских наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РЫНОЧНАЯ АКТИВНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ АПК

В статье раскрыты уровень и динамика рыночной активности белорусских крестьян, выявлен характер ее развития за последние 10 лет. Сделан вывод об отсутствии существенных изменений в экономическом сознании и поведении аграриев, слабой выраженности рыночной активности, обусловленных постепенным и нешоковым характером рыночных реформ в агросфере.

В литературе существует довольно устойчивое представление о том, что низкий уровень деловой активности является исторически сложившейся традиционной чертой белорусского крестьянства. Но на протяжении более ста лет происходили довольно существенные изменения в образе жизни белорусского крестьянства: на смену традиционному, общинно-христианскому, пришел коллективистско-социалистический, который в настоящее время под воздействием рыночных и политических преобразований меняется, приобретая современные черты. В чем же выражаются эти изменения?

Прежде всего необходимо отметить, что в настоящее время внешними, но решающими для развития экономической активности крестьянства, стали такие события, как смена политической организации общества и переход страны на рыночную экономику. И хотя данные обстоятельства радикально изменили жизнь крестьянства на всем постсоветском пространстве, в условиях белорусской действительности данные факторы в силу постепенного, «нешокового» характера воздействия к резким изменениям экономического сознания и поведения крестьянства не привели. Тем интереснее проследить их эволюцию за последнее десятилетие, особенно за период с начала рыночных преобразований.

Экономическое сознание и поведение, особенно за период с начала рыночных преобразований в АПК, в самом общем виде характеризуются совокупностью экономических представлений, норм и ценностей, стереотипов поведения в отношении труда, собственности, обмена, потребления и т. п., характерных для представителей крестьянства как социальной группы. Если говорить о рыночной активности вообще, то речь идет о предпринимательском духе индивида (группы). Согласно традиционному пониманию предприниматель – это самостоятельный субъект рыночных отношений, действующий на свой страх и риск ради извлечения прибыли и для которого типичны следу-

ющие черты: самостоятельность (индивидуализм); стремление к лидерству; богатству, новаторству; готовность к риску. Наличие этих признаков свидетельствует о рыночном экономическом поведении, а их отсутствие – о нерыночном.

Однако в реальной действительности в чистом виде таких экономических акторов не бывает, так как всегда к поведению человека в условиях реального рынка присоединяются неэкономические мотивации: традиции, обычаи, религиозные установки. Соотношение рационального и нерационального, с точки зрения экономики, и придает особенные черты экономической активности того или иного индивида (группы). Крайние точки этого соотношения можно характеризовать как «рыночное» и «нерыночное» знание и поведение.

Для определения степени рыночности экономического сознания и поведения белорусского крестьянства было проведено социологическое исследование (июль 2009 г.) сектором социологии села Института социологии НАН Беларуси. Опрос проводился среди работающего в АПК сельского населения. Всего по республиканской выборке были опрошены 727 человек, из них 635 – сельскохозяйственные рабочие и 92 – специалисты и руководители. Из числа рабочих в выборку попали 348 мужчин и 379 женщин. В опросе пропорционально были представлены все области страны.

Инструментарий составлялся с целью измерения степени выраженности тяготения к ценностям богатства, индивидуализма, готовности рисковать, стремления к новаторству и самостоятельности. Кроме того, в исследовании рассматривались характер и развитие базового ценностного ядра менталитета белорусского крестьянства, определяющего вектор развития рыночной активности: ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству, к частной собственности; нормы и образцы социального взаимодействия; степень восприимчивости к инновациям; организационные формы хозяйственной деятельности; стереотипы потребления и др.

Если говорить об особенностях экономического поведения белорусских крестьян в условиях рыночных преобразований, то, как показал анализ результатов исследования, все характеристики носят срединный характер, без ярко выраженной поляризации экономических установок. В частности, в решении материальных проблем крестьяне в основном руководствуются такими принципами: «Жить не хуже и не лучше других», «Жить как все». Только 4,3% опрошенных проявили четкую ориентацию на лидерство в стремлении к богатству, выступающему как самоцель. При этом 65,7% респондентов оценили свое материальное положение как среднее, только 19% занимаются дополнительными подработками, приносящими прибавку к доходу. В случае нехватки денег основная масса крестьян, как правило, терпеливо ждет зарплаты или берет деньги займы (78,2%). Продукты из личного подсобного хозяйства в основном предназначены, как и сотни лет тому назад, для внутрисемейного потребления. И хотя 19,4% опрошенных продают продукты со своего подворья, товарного характера они не имеют.

Современное крестьянство традиционно относится к работе, труду как самоценному смыслу жизни. Так, 62% респондентов нравится их работа. И хотя 44,2% опрошенных и оценивают свою работу как трудоемкую, 33,7% – монотонную и однообразную, все же 24% респондентов называют ее интересной, а 5,6% – творческой. В случае потери работы 55,4% респондентов согласны пойти на любую работу или заняться подработками. Работа для крестьян имеет большое значение, однако отношение к труду носит гедонистический характер, выражающийся в неприятии перегрузок и высоких темпов в работе. Так, 44,1% респондентов считают, что в результате реформ стало труднее работать, а трудности обусловлены увеличением объема работы (32%), необходимостью работать сверхурочно (18,4%), повышением норм и требований к качеству выполняемой работы, усилением трудовой дисциплины (6,9% респондентов).

Несмотря на важность хорошего материального положения, для белорусских крестьян богатство и большие деньги не являются самоцелью и самым важным в жизни. Среди базовых ценностей основными традиционно остаются здоровье (80,9%), достаток в доме (72,5%), семья и дети (71,8%). При этом достаток белорусскими крестьянами понимается не как большие деньги, а как хорошее питание, большая дружная семья и материальная обеспеченность, достаточная для безбедной жизни.

Тем не менее нужно отметить, что традиционный характер экономического поведения не помешал возникновению в крестьянском сообществе ростков рыночной активности. В ответах проявляется способность использовать возможности, которые предоставляет рынок: 2,4% респондентов в случае потери работы занялись бы фермерством; 4,6 – сориентировали бы ЛПХ на товарную продукцию, 4,6 – решили пойти наемным работником к частнику, фермеру, 4,9 – занялись бы бизнесом, не связанным с сельским хозяйством, 1% респондентов пошли бы по пути кооперации с односельчанами по производству и продаже сельхозпродукции.

В крестьянском сообществе медленно, но непрерывно идет под воздействием рыночных реформ процесс усвоения и принятия рыночных ценностей. Поэтому 44,7% респондентов «положительно» и «скорее положительно» относятся к рыночным изменениям в сельском хозяйстве.

Правда, реально предпринимательская активность пока выражена слабо: только 1,8% занимаются бизнесом, 4,8% – собираются им заняться, а 24% – только начали к нему присматриваться. Большинство (42,4%) не включаются в этот процесс, потому что нет возможности. Среди причин, которые мешают заняться бизнесом, респонденты указали отсутствие деловой хватки – 30,8%, склонности к риску – 22,5, уверенности в своих силах – 28, знаний, опыта освоения рыночных отношений – 25, отсутствие первоначального капитала – 52%. Нужно заметить, что не очень высоко оценивают рабочие сельхозпредприятий роль знаний в их работе: только 17,1% респондентов заявили, что для успешного выполнения ее им не хватает последней информации о специфике работы, 15,6 – знаний и владения компьютерной техникой, 12,9 – знаний тех-

ники и новых технологий, 3,1% – знаний рыночного профиля (о финансах, маркетинге, конкуренции и т. п.). Тем не менее процесс усвоения рыночных ценностей, норм и способов взаимоотношений хоть и медленно, но происходит.

В отличие от рядовых рабочих **специалисты и руководители** в большей степени ориентированы на рынок и самостоятельность. Опыт рыночных реформ АПК других постсоветских стран, особенно России, показал, что от того, как воспринимают и в какой степени включаются руководство и специалисты агропредприятий в процесс рыночного реформирования, зависит успех возрождения и развития села. Если аграрный истеблишмент не поддерживает основные положения концепции реформирования, если не верит в ее успех, вряд ли можно реализовать те амбициозные цели, которые поставило перед аграриями правительство страны. В этом плане изучение уровня развития рыночного мышления руководства агросферы, направлений его формирования, темпы изменения рыночной активности, а также факторы ее стимулирования являются необходимыми не только в плане теории, но и практики реформирования АПК.

Однако оказалось, что руководству и специалистам агропредприятий также присущи неоднозначность и противоречивость в отношении к рыночным преобразованиям. Так, 64,1% опрошенных руководителей и специалистов поддерживают реформы в АПК, а 93,5% четко высказались за будущее агросферы, поддержав следующее суждение: «Перед Беларусью один путь – формирование конкурентоспособной рыночной экономики и интеграции в мировое хозяйство». Более того, 30,4% респондентов отметили, что они поддерживают частную собственность на землю.

Казалось бы, рыночное сознание и поведение у большинства налицо. Однако не все так просто. В частности, под рынком в агросфере респонденты (руководители и специалисты) понимают преимущественно организационно-управленческие изменения: 37% – самостоятельность в сфере производства, переработки и ценообразования, 38,6% – конкурентоспособность на рынке сбыта продукции и 12% – появление фермерства и крестьянских хозяйств.

В вопросах приватизации и частной собственности на землю и ресурсы современные руководители и специалисты, напротив, проявляют сдержанность. Так, только 5% считают, что СПК должны быть приватизированы. Из их числа только 2,2% считают необходимым осуществлять приватизацию через аукцион, 1,1% – повторить российский опыт «ваучеризации» с последующей скупкой ваучеров, 9,8% респондентов допускают целенаправленную передачу в собственность наиболее деловым и перспективным руководителям и специалистам. То есть по существу за приватизацию собственности СПК выступило ничтожно малое число опрошенных. Этот вывод подтверждают ответы на вопрос о мерах, необходимых для улучшения АПК – только 7,6% респондентов считают, что приватизация и персонификация государственной и колхозно-кооперативной собственности повысит эффективность АПК.

Между тем, отмечая некоторое преимущество введения частной собственности на землю и капиталы (рост чувства ответственности и самостоятельности собственников, возможность повысить эффективность при меньших затратах, повышение мотивации труда и т. п.), респонденты опасаются возможного социального неравенства на селе (40,2%), недоиспользования и запустения менее плодородных земельных ресурсов (30,5%), безработицы (26,8%), а также ухудшения качества земельных ресурсов (12,2%).

В соответствии с анализом по таким показателям, как активность в решении материальных проблем, руководители и специалисты почти не отличаются от простых рабочих: жить богаче других является мотивом активности всего лишь для 2,2% респондентов, в основном (66,3%) они хотят жить «как все», не хуже других. Источником их доходов преимущественно является работа в сельхозпредприятии; лишь пятая часть респондентов продают продукты из своего подворья, а для 39,1% из числа опрошенных руководителей и специалистов потребление из своего хозяйства является главным дополнительным источником доходов. При нехватке денег данная категория сельскохозяйственных работников, как правило, терпеливо ждут зарплаты (44,0%), берут займы (23,1%), продают сельхозпродукты из своего подворья или просят аванс на предприятии. И хотя большинство респондентов относятся к рыночным отношениям позитивно, занимаются бизнесом лишь 1,1% (собираются – 3,3% и присматриваются – 19,6%). То есть реально в рыночные отношения включено незначительное количество людей. Более активному поведению мешает, так же как и простым рабочим, боязнь нового, перемен в устоявшейся жизни (12,7%), боязнь экономической нестабильности в стране (16,2%), желание работать в коллективе, а не в одиночку (11,2%).

Правда, роль этих факторов у рабочих выше, т. е. руководители и специалисты отличаются большей активностью. Однако ядро экономического сознания – базовые ценности также характеризуются традиционностью и постоянством. Они почти не отличаются от ценностного ядра сознания рабочих: дети, семья, здоровье, достаток в доме, интересная работа. Отличия просматриваются в степени трудовой мобильности, желании интенсифицировать свой труд для повышения доходов. Это существенный показатель рыночной ориентации сознания руководителей и специалистов. Так, согласны ради повышения материального достатка на переобучение и дополнительное обучение 57,6% респондентов, среди рабочих такого же мнения 35,8%. Больше число респондентов-специалистов (65,2%) согласны ради этого работать более интенсивно, иногда сверхурочно (рабочие – 50,6%); готовы на усиление трудовой дисциплины на предприятии (соответственно 68,4 и 45,6%), увеличение личной ответственности за результаты труда (73,9 и 55,6% – рабочие респонденты).

Данные различия в мотивациях и средствах целедостижения обусловлены, скорее всего, включенностью в управленческий процесс, который уже функционирует по рыночным правилам, а также высоким уровнем образования, информированностью о рынке и другими когнитивными факторами. Пока же

рыночные изменения экономического сознания и поведения специалистов и руководителей находятся в зачаточном состоянии (так же, как и простых рабочих), ибо даже на уровне мнения и знания четко просматривается их противоречивость и непоследовательность. Если обратить внимание на изменения в мнениях специалистов и руководителей, то в них проявляется интересная динамика. Число респондентов, поддерживающих рыночные преобразования, с 2005 г. почти не изменилось, но зато уменьшилось количество их противников (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Поддерживаете ли Вы рыночные реформы в АПК?», %

Вариант ответа	2005 г.	2009 г.
Да	32,0	30,4
Нет	57,6	33,7
Затрудняются ответить	29,0	34,8

Однако уменьшилось число согласных с произошедшей в АПК реорганизацией колхозов и совхозов в агропредприятия: в 2005 г. согласных было 73,3%, в 2009 г. – 64%. Осталась низкой оценка аграрной политики в стране. Оценили текущую аграрную политику в стране в 2005 г.: на 1 балл – 1,0%; на 2 – 7,8; на 3 – 44,6; на 4 – 3,6; на 5 – 5,9%. В 2009 г. 1 балл поставили 5,4% респондентов; 2 – 7,6; 3 – 48,9; 4 – 29,3; 5 – 2,2%, при этом заметно увеличилось число оценивших аграрную политику в 4 балла.

Данные ответы свидетельствуют не только об осторожности респондентов в оценках, о понимании сложности и необходимости больших усилий для развития аграрной экономики, но и о существовании проблемы изменения в самом экономическом поведении аграриев. В частности, вопрос остается открытым: **развивается, изменяется** все-таки экономическая активность белорусских крестьян (рабочих, руководителей, специалистов) в рыночном направлении или нет? Если изменяется, то в чем это выражается? С этой целью в исследовании были проанализированы результаты опросов работников СПК, ЧУП и других за период с 2002 по 2009 г. В частности, были отобраны вопросы, соответствующие показателям индивидуализма и лидерства в достижении личного благосостояния и деятельной активности в нем; вопросы об отношении к работе, условиям, интенсивности и способности к перенапряжению, ориентиры трудового поведения; отношение к рынку, собственности и приватизации. Кроме того, анализировалась динамика жизненных ценностей крестьянства. Результаты носят следующий характер.

Динамика экономической активности в сфере повышения уровня материального благосостояния. На вопрос о подходах, которыми руководствуются респонденты в решении материальных проблем, респонденты ответили следующим образом (рис. 1, 2):

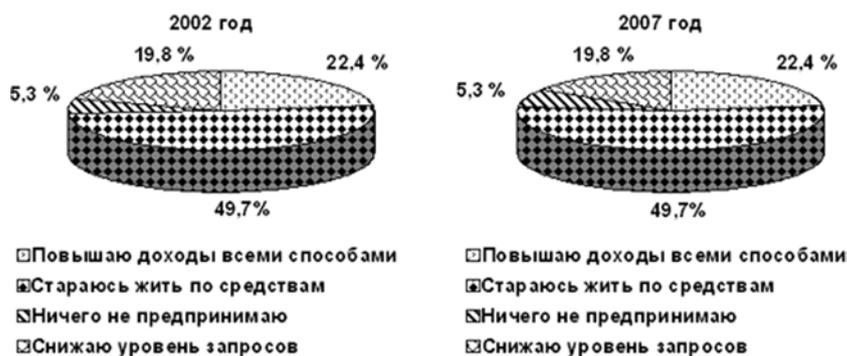

Рис. 1. Подходы, которыми руководствуются респонденты в решении материальных проблем

Рис. 2. Динамика мотивов повышения доходов

Как свидетельствуют данные, приведенные на рис. 1, 2, существенных изменений в трудовой активности респондентов в целях повышения благосостояния за прошедшие годы не произошло, напротив, увеличилось число респондентов, занявших позицию терпеливого ожидания, т. е. пассивности. На вопрос о мерах, предпринимаемых при нехватке денег, также не наблюдается существенного повышения трудовой активности, напротив, стало меньше респондентов, ищущих дополнительную работу (табл.2):

Т а б л и ц а 2. Меры, предпринимаемые респондентами при нехватке денег, %

Вариант ответа	2004 г.	2009 г.
Ищем дополнительную работу	20,0	6,6
Берем займы	28,5	26,1
Просим аванс на предприятии, в хозяйстве	5,4	9,3
Терпеливо ждем зарплаты	26,9	36,0
Живем за счет «отоварки»	4,1	6,8

Изменение отношения к работе. В ответах на вопрос: «Если бы Вы потеряли работу, что бы Вы предприняли?», респонденты показали явную динамику. По данным табл. 3 видны повышение роли работы в общественном производстве, а также проблемы с занятостью сельского населения, появившиеся в последние годы и выразившиеся в намерении респондентов пойти на любую работу, несмотря на специальность, профессию и навыки. Также просматривается некоторое «отрезвление» после безоглядной веры в рыночный успех каждого, что сказалось на резком уменьшении желающих заняться бизнесом и найти работу у фермера, а также снижении миграционной активности. Снизилась вера в успешное ведение ЛПХ, способность единственно с помощью него прокормить семью.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Если бы Вы потеряли работу, что бы Вы предприняли?», %

Вариант ответа	2004 г.	2009 г.
Пошел бы на любую работу	10,8	55,4
Переехал бы в город	29,3	18,9
Занялся бы фермерством	12,4	2,4
Расширил бы ЛПХ, завел бы крестьянское хозяйство для производства продукции на продажу	16,7	8,2
Пошел бы наемным работником к частнику, фермеру	14,7	4,6

Изменение ценностных ориентаций. Очень показательна динамика изменения ценностных ориентаций сельских жителей, работающих в сфере аграрного производства (табл. 4). Сравнение ценностных предпочтений работающих сельских жителей за период 2002–2009 гг. подтверждает идею о том, что менталитет крестьянства за прошедшее десятилетие почти не изменился. Основным базовым ядром системы ценностей остаются дети, достаток в доме, здоровье и семья. Практически неизменным (достаточно высоким) является рейтинг таких ценностей, как вера в Бога, дружба, душевный покой, внутреннее равновесие и любовь. Ценность богатства, больших денег в сознании сельских жителей не только не выросла, но даже понизилась. Для крестьянского менталитета оказалось ближе понятие достатка, т. е. такого количества средств, которых хватает для нормального, «достаточного» для жизни, уровня материального благосостояния. В этой позиции отразилась слабость такого показателя рыночного менталитета белорусского крестьянства, как тяга к обогащению.

Таблица 4. Динамика ценностных ориентаций с 2002 по 2009 г., %

Ценность	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.
Богатство, большие деньги	10,5	11,0	28,3	6,3	8,5	5,8
Вера в Бога	11,7	27,2	30,1	17,0	17,8	22,0
Дети	77,8	85,0	71,3	79,0	63,0	71,8
Достаток в доме	38,3	69,0	65,7	62,6	54,9	72,5

Окончание табл. 4

Ценность	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.
Дружба	30,8	39,4	19,1	22,4	20,9	29,8
Душевный покой, комфорт	38,3	41,7	29,0	27,4	30,8	27,3
Здоровье	52,2	92,9	55,2	49,4	86,5	80,9
Интересная работа	24,4	47,3	16,5	24,1	38,5	18,5
Любовь	32,8	41,7	30,5	38,5	39,6	23,5
Семья	82,7	78,1	75,7	77,0	64,2	71,1

Данный анализ позволяет сделать вывод, что рыночная активность аграриев повысилась незначительно, в основном она носит вынужденный характер, обусловленный внешними социально-экономическими факторами, в частности необходимостью адаптироваться к переходу АПК на рыночную экономику. Экономическое поведение рядовых тружеников села по шкале «рыночник» – «нерыночник» занимает срединное положение и носит амбивалентный характер. В их сознании уживаются и традиционные ценности (работа, труд в ЛПХ, материальный достаток, семья, дети, коллектив) и современные, с элементами рыночных (желание заняться бизнесом, подработать, позитивное восприятие рыночной реформы, фермерства, наемного труда и т. п.). Можно с уверенностью сказать, что рыночная экономическая активность крестьянства за последнее десятилетие характеризуется возрастанием показателей индивидуализма, но наряду с этим – нежеланием рисковать, самостоятельно хозяйствовать, предпочтением жить как все. Богатство, деньги не стали самоцелью, что говорит об устойчивости базового ценностного ядра традиционного белорусского менталитета. С одной стороны, данная устойчивость несколько тормозит рыночные преобразования, с другой – позволяет спокойно и с достоинством переживать трудные времена.

R. A. SMIRNOVA

**MARKET ACTIVITY OF THE BYELORUSSIAN PEASANTRY WHILE
TRANSFORMING THE AGRICULTURAL AND INDUSTRIAL COMPLEX**

Summary

The article displays the level and dynamics of the market activity of Belarusian peasants, its development during the last 10 years is brought to light. According to the author's conclusion there is a lack of significant changes in the economic consciousness and behavior of peasants that is caused by gradual and non shock character of the market reforms in the agriculture.

УДК 316.624+351.76

Н. А. БАРАНОВСКИЙ,
*доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

СОЦИАЛЬНО-НЕГАТИВНЫЕ ДЕВИАЦИИ И СТРАТЕГИИ АНТИДЕВИАНТНОЙ ПОЛИТИКИ

Рассматривается социо-антропо-культурно-нормативная сущность негативных социальных девиаций в системе социологического знания. Разработана теория деструктивной личностно-социальной интеракции, объясняющая закономерности этиологии девиантного поведения.

В современном белорусском обществе сохраняется высокий уровень преступности, пьянства, наркомании и других негативных социальных явлений, которые препятствуют демографическому, экономическому, социальному и культурному развитию страны. Эффективная антидевиантная политика невозможна без научного знания природы и сущности социально-негативных девиаций, закономерностей их этиологии, а также целенаправленной деятельности правоохранительных и других государственных органов, институтов гражданского общества по их социальному контролю и противодействию. Научные исследования социально-негативных девиаций осуществляют отдельная отрасль науки социологии – социология социальных девиаций (девиантология) и междисциплинарная наука о преступности – криминология. Данные явления изучаются также социальной антропологией, культурологией, психологией, педагогикой, генетикой и другими науками.

Объектом нашего исследования является социально-негативное девиантное поведение личности и негативные социальные девиации как социальные феномены. Социально-негативное девиантное поведение является разновидностью социального поведения личности и других социальных субъектов и во многом имеет общие свойства и характеристики. Социальное поведение личности представляет собой детерминированное социальной средой, личностью и системой личностно-социальных интеракций (взаимодействий), опосредованное психикой (сознанием, волей и эмоциями) мотивированное деяние (действие или бездействие), влекущее наступление каких-либо личностно и социально значимых последствий и изменений. В зависимости от предметного содержания, мотивации и социальных последствий в плане их пользы или вреда для личности, социальных групп и социума, а также культурно-нормативной оценки и соответствия социальным нормам, т. е. по материальному (предметно-содержательному) и формальному (социально-нормативному) критериям раз-

личаются **два типа социального поведения личности**: социомерное (просоциальное) и девиантное (отклоняющееся) поведения. **Социомерное поведение** приносит пользу и способствует развитию личности и общества, а также соответствует действующей системе общепринятых культурных, нравственных, правовых и других социальных норм. **Девиантное поведение** причиняет вред личности и обществу, препятствует их развитию или нейтрально по отношению к ним, а также не соответствует и нарушает общепринятые культурные, нравственные, правовые и другие социальные нормы. Девиантное поведение неоднородно по своим социальным последствиям и социально-нормативной оценке. Оно может иметь как социально позитивный, так и социально негативный характер, т. е. быть *социально-позитивным и социально-негативным*. На эту особенность девиантного поведения обоснованно обращал свое внимание еще французский социолог Эмиль Дюркгейм, который полагал, что девиации – нормальное (т. е. естественное) социальное явление, без которого не может быть каких-либо культурных и социальных изменений и развития социума. Девиантное поведение, которое не соответствует общепринятым культурным и социальным нормам, но в настоящее время нейтрально, а в перспективе даже способствует развитию личности и общества, является **социально-позитивным девиантным поведением** (его можно также назвать социально-инновационным поведением). В данном случае речь идет о различного рода изобретениях, открытиях, нововведениях и других креативных действиях и поступках. Все они по своим социальным функциям и результатам социально позитивны и, можно сказать, опережают действующие культурные и социальные нормы и реальную действительность. Существует и девиантное поведение, которое не только не соответствует общепринятым культурным и социальным нормам, но и причиняет вред личности и обществу, препятствует их развитию. Это **социально-негативное девиантное поведение**. К ним относятся различные аморальные поступки, пьянство, наркомания, суицид, преступления и другие правонарушения. Данные формы социального поведения и являются непосредственным объектом нашего исследования (см. рисунок).

В социологической и юридической литературе для обозначения негативных форм социального поведения используется и другая терминология: негативные явления, антиобщественные явления, социальные патологии и т. д. Все эти термины имеют недостатки. В частности, термин «негативные явления» слишком широкий по своему объему. Он охватывает, по существу, все отрицательное, что встречается в обществе, включая природные, социальные и другие явления, причиняющие вред социуму без указания на критерии их оценки. Термины «социальная патология» и «социальные болезни» более медицинские, чем социологические и юридические. При этом если оценивать негативное социальное поведение как социальную болезнь, то получается, что мы его рассматриваем как нечто чуждое социуму, не связанное с закономерностями его функционирования и развития, а как своего рода пороки и издержки развития общества. Термин «антиобщественное поведение» употребляется глав-

Виды социального поведения

ным образом юристами, желающими подчеркнуть тот вред, который преступность и другие асоциальные формы поведения причиняют обществу. Недостатком его является то, что данный термин содержит смысловую нагрузку противопоставления и отторжения личности от общества, что представляется недопустимым с социологической точки зрения. Наиболее адекватным для обозначения девиантного поведения социально-негативного характера является термин социально-негативное девиантное поведение, который мы будем использовать в дальнейшем. Таким образом, **социально-негативное девиантное поведение** можно определить как поведение, которое не соответствует общепринятым моральным, правовым и другим социальным нормам, причиняет вред личности, социальным группам или обществу, а также осуждается общественным мнением и влечет наступление какой-либо социальной ответственности.

Субъектами социально-негативного девиантного поведения могут быть как отдельные индивиды, так и социальные группы, общности и социальные институты (трудовые коллективы, семья, государственные органы, организации и т. п.). При этом оно может выражаться как в форме поступка, деятельности (как системы действий и поведений), так и образа жизни.

По степени массовости, распространенности и форме социального проявления следует различать: 1) *индивидуальное социально-негативное девиантное поведение* (как социальный факт); 2) *совокупность однородных индивидуальных актов* социально-негативного девиантного поведения (как социальный вид); 3) *социально-негативные девиации как социальное явление* (как социальный тип). Все эти понятия соотносятся между собой как философские

категории «единичное», «особенное» и «общее». Каждое из них обладает своеобразным качеством, имеет свои особенности этиологии, бытия и развития. Данное исходное разграничение понятий имеет важное научное и практическое значение.

Для того чтобы ту или иную совокупность конкретных актов социально-негативного девиантного поведения рассматривать *как социальное явление*, требуется наличие ряда условий. Во-первых, множественности поведенческих актов. Во-вторых, устойчивости их существования во времени, т. е. наличия их в течение значительного исторического периода времени. В-третьих, распространенности в пространстве (на значительной территории и в разных регионах страны), а также распространенности среди различных социально-демографических групп населения (половозрастных, профессиональных и т. п.). Следовательно, социально-негативное девиантное поведение приобретает статус социального явления (социально-негативных девиаций), когда имеет устойчивость проявления во времени, относительно массовый характер и распространение на значительной территории страны среди различных социально-демографических групп населения. На основании изложенного можно дать следующую дефиницию **социально-негативных девиаций**: это обусловленное социальной неопределенностью и деструктивностью социальных отношений, закономерное, устойчивое во времени и массово распространенное, противонормативное негативное социальное явление, которое проявляется в совокупности конкретных актов асоциального девиантного поведения, а также всех их субъектов – делинквентов. Таким образом, социологически значимыми конкретными социальными фактами для исследования социально-негативных девиаций являются отдельные акты социально-негативного девиантного поведения и конкретные делинквенты. *По своей природе* социально-негативные девиации – элемент общественной жизни и социума, которые обуславливают их генезис и бытие. *По своей сущности* – это сложное социо-антропо-культурно-нормативное негативное социальное явление, так как оно имеет место в обществе, реализуется через социальную активность личности и социальных групп, а также получает общественную оценку и категоризацию посредством системы нравственных, правовых и других социально-культурных норм, включая социальную реакцию со стороны общества в форме общественного осуждения и социальной ответственности.

Рассмотрим, насколько распространены различные формы социально-негативных девиаций в современном белорусском обществе. По данным уголовной статистики, в республике в 2008 г. по сравнению с 1990 г. зарегистрированная общая **преступность** увеличилась в 2,3 раза, а за последние пять лет – на 30% (если в 1990 г. зарегистрировано 75 699 преступлений, в 2000 г. – 135 540, то в 2005 г. – 192 506 преступлений; однако в последующие годы преступность пошла на убыль: в 2006 г. было зарегистрировано уже 188 881 преступление, в 2007 г. – 180 427, а в 2008 г. – 158 506 преступлений). Среднегодовой темп роста преступности за эти годы составляет 8%. Что касается такого по-

казателя, как коэффициент (уровень) преступности, который учитывает изменения в численности населения республики и более объективно характеризует состояние и динамику преступности, то если в 1990 г. уровень преступности составлял 74 преступления в расчете на 10 тыс. населения, то в 2008 г. он возрос до 164 преступлений, т. е. увеличился соответственно в 2,2 раза (за последние пять лет – в 1,4 раза). С учетом латентной (незарегистрированной) преступности, по оценкам экспертов, в 2008 г. уровень реальной (фактической) преступности в Беларуси составлял более 500 преступлений на 10 тыс. населения (общепринятым мировым предельно критическим показателем являются 500–600 преступлений). Так что наша страна непосредственно приблизилась к мировому критическому уровню преступности.

Среди стран СНГ в последние годы Беларусь по уровню зарегистрированной преступности занимает второе место после России, хотя и со значительным отставанием (на 28%, в СССР это отставание составляло 40%). Серьезную тревогу вызывает тот факт, что по уровню так называемой «пьяной преступности» (уровню преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения) Беларусь значительно опережает все страны СНГ, в том числе и Россию (по данным за 2008 г., в стране уровень «пьяной преступности» составлял 334 преступления в расчете на 100 тыс. населения, а в России – только 163 преступления). В стране 37% всех преступлений совершается в нетрезвом состоянии, а среди насильственных преступлений – 75%. По уровню краж Беларусь также опережает Россию, хотя и незначительно (932 и 902 кражи соответственно). По преступности несовершеннолетних Беларусь отстает от России на 30% (61 и 82 преступления соответственно). По уровню убийств и тяжких телесных повреждений Беларусь отстает от России почти в 2 раза (7 и 14 убийств, 18 и 32 тяжких телесных повреждения). К уголовной ответственности в 2008 г. были привлечены 72 944 человека. Количество жертв преступлений составило 122 644 человека.

Помимо преступности, актуальной социальной проблемой является **алкоголизация населения и пьянство**. Анализ статистических данных о производстве и потреблении спиртных напитков в стране за период с 1990 по 2008 г. показывает наличие негативной тенденции устойчивого их роста и сложившейся чрезвычайно неблагоприятной современной алкогольной ситуации. За последние восемнадцать лет производство алкогольных напитков в стране увеличилось в 1,9 раза (в 1990 г. производилось 5,6 млн дал алкогольных напитков, а в 2008 г. – почти 12 млн дал). Продажа спиртных напитков за данный период возросла в 2,1 раза. Уровень потребления абсолютного алкоголя на душу населения в 1990 г. составлял 5,7 л, в 1995 г. – 6,7, в 2000 г. – 10,0, в 2006 г. – 10,7, в 2007 г. – 12, а в 2008 г. – 12,4 л. Что касается конкретных видов алкогольных напитков, то потребление водки и ликеро-водочных изделий за этот период увеличилось в 1,4 раза, пива – в 1,4, шампанского – в 1,4, а плодово-ягодного вина – в 220 раз, пик приходится на 2003 г., в последующие годы несколько уменьшилось их производство (на 19%), потребление

виноградного вина уменьшилось на 70%. За данный период времени существенно изменилась структура продажи и потребления спиртных напитков. Произошло сокращение на 1/3 удельного веса потребления водки и ликероводочных изделий (с 46,4 до 31,5%), сокращение почти в 2 раза потребления виноградного вина (с 28,4 до 15,7%) и увеличение почти в 2,5 раза потребления плодово-ягодного вина (с 20,7 до 49,6%). И все это без учета «теневого» производства и потребления суррогатов и традиционного алкоголя – самогона. По расчетам белорусских экспертов, реальный уровень потребления спиртных напитков в стране составляет более 16 л абсолютного алкоголя на душу населения. Этот показатель немного ниже российского – примерно 18-литрового уровня потребления алкоголя. Но в то же время в 2 раза превышает европейский уровень, который Всемирной организацией здравоохранения определен как критический для демографического, экономического и культурного развития страны. Вместе с тем если учитывать, что социологически фиксируемая «норма» потребления среднего белоруса в 2 раза превышает европейский стандарт, то сегодня страна достигла предела, за которым неизбежны серьезные негативные социальные последствия алкоголизации населения.

Проведенные нами в 2005 и 2007 г. республиканские социологические исследования показывают, что употребление спиртных напитков в стране имеет массовый характер. Оно распространено среди всех социально-демографических групп населения и на всей территории страны. Употребляет спиртные напитки абсолютное большинство опрошенного взрослого населения (по данным опроса 2005 г. – 77%, 2007 г. – 74%). Выше среднего уровня употребление спиртных напитков распространено среди мужчин (85%, среди женщин – 70%), 30–49-летних (87%), молодежи 18–29 лет (84%), среди рабочих промышленности (87%), ИТР, служащих и интеллигенции (86%), безработных (85%), руководителей среднего и низшего звена (83%), учащихся и студентов (83%). Среди населения преобладает употребление крепких спиртных напитков (водки и самогона) (55%) и вина (35%), главным образом плодово-ягодного. То есть доминирует «водочно-винная» культура потребления спиртных напитков и «домашне-гостевая» форма употребления алкоголя (соответственно, по данным опросов, 65 и 63%). Значительно меньше – «общественно-досуговая» форма потребления спиртных напитков (25 и 26%). Достаточно широко распространена «улично-досуговая» форма потребления алкогольных напитков (10 и 11%). **Трезвый образ жизни** ведут, по данным опроса 2005 г., 23%, а по данным опроса 2007 г. – 26% респондентов, главным образом это женщины – 30%, (среди мужчин – 15%), лица 60 и более лет (42%), неработающие пенсионеры (более 50%), среди молодежи 18–20 лет – 20%, 20–29 лет – 13%. **«Культурно-традиционное потребление спиртных напитков»** (когда спиртные напитки употребляются редко или часто, до 1–2 раз в неделю, и немного – до 1 бутылки вина или до 0,5 бутылки водки) – соответственно по годам опроса 57 и 55%. Различные виды **бытового пьянства**, по данным опроса 2005 г., распространены среди 20% взрослого населения, а по данным опроса 2007 г., – 19%. Среди

них: «*эпизодическое пьянство*» (редко или часто и много – свыше 1 бутылки вина или 0,5 бутылки водки) – соответственно 7 и 9%; «*привычное пьянство*» (очень часто – 3–4 раза в неделю или практически ежедневно, но немного) – соответственно 11 и 8%; «*систематическое пьянство*» (очень часто или практически ежедневно и много) – соответственно по 2%. Бытовое пьянство (средний показатель 20 и 19%) в наибольшей степени распространено среди мужчин (39%, среди женщин – 5%), среди 30–39-летних – 28%, 40–49-летних – 24, 20–29-летних – 21, среди рабочих промышленности, транспорта, строительства – 36, безработных – 36, военнослужащих – 34, руководителей – 27–29, предпринимателей – 25, работающих пенсионеров – 21%. Среди жителей городов – 22%, села – 18%.

Что касается *потребления наркотиков и токсикомании*, то это главным образом молодежная проблема. Среди потребителей наркотиков и других токсических веществ большинство составляют молодые люди в возрасте 16–24 лет (74%), подростки 14–15 лет (12%). Среди молодежи, по данным социологических опросов, употребляют наркотики 9%, 6% – токсические вещества. Дополнительно группу риска составляют 7% молодежи. Таким образом, наркомания и токсикомания непосредственно угрожают пятой части молодых людей. Более половины среди потребителей наркотиков составляет молодежь мужского пола – 68% и 32% – женского пола, т. е. в соотношении 2:1. Среди потребителей наркотиков и других токсических веществ преобладают учащиеся ПТУ – 22%, учащиеся техникумов, колледжей – 17, школьники – 15, рабочие промышленности, строительства, транспорта – 13, студенты вузов – 8, безработные – 6, рабочие сельского хозяйства – 6%. Соотношение жителей городов и сельской местности среди потребителей наркотиков примерно одинаковое (соответственно 51 и 49%).

На основе данной статистической и социологической информации можно сделать вывод, что в современном белорусском обществе социально-негативные девиации имеют достаточно широкое распространение и являются серьезной социальной проблемой, которая заслуживает научного исследования и нуждается в проведении активной и эффективной государственной антидевиантной политики.

Наиболее эффективной государственной политикой является *стратегия комплексного социального и индивидуального предупреждения и противодействия негативным социальным девиациям*. Именно такая стратегия должна лежать в основе формирования и функционирования системы современной антидевиантной политики. Эта политика должна иметь системный характер, учитывать сложную природу и сущность, а также закономерности этиологии социально-негативных девиаций и проводиться по следующим основным направлениям.

1. Создание экономических, социальных и культурных условий, обеспечивающих устойчивое и гармоничное развитие личности и социальных общностей, включая развитие нравственной и правовой культуры, формирование

ценностных ориентаций на социально-позитивное поведение. Это – **общая социальная антидевиантная политика**.

2. Смягчение, нейтрализация и постепенное преодоление основных социальных и личностных факторов, причин и условий, детерминирующих социально-негативное девиантное поведение. Это – **профилактическая антидевиантная политика**.

3. Противодействие и борьба с преступностью и другими правонарушениями с целью устойчивого снижения их уровня, а также уменьшения физического, морального, материального и другого ущерба, причиняемого ими. Это – **административная, уголовная и другая правовая политика**.

4. Предупреждение и устойчивое снижение уровня виктимизации граждан, защита прав и оказание реабилитационной помощи жертвам преступлений и других негативных социальных девиаций. Это – **виктимологическая политика**.

5. Социально-реабилитационная и социально-восстановительная работа с преступниками и другими правонарушителями, а также жертвами социально-негативного девиантного поведения. Это – **социально-реабилитационная политика**.

В настоящее время в стране реализуется главным образом стратегия активной и достаточно жесткой уголовной и другой правовой ответственности и наказания правонарушителей. Каждый второй преступник осуждается к лишению свободы или ограничению свободы. Широко используется практика изоляции и принудительного лечения алкоголиков, наркоманов, бомжей, принудительного труда родителей, бросивших детей. Такая политика, очевидно, была оправданной в кризисные 90-е годы, но не сегодня и, тем более, в будущем. Настало время на законодательном и практическом уровнях постепенно изменить приоритеты в государственной антидевиантной политике. А именно – осуществить переход от доминирования запретительной и наказательно-правовой деятельности к активной социальной, профилактической, а также виктимологической и реабилитационной работе. Это относится прежде всего к социально-правовому контролю преступности несовершеннолетних, пьянства, наркомании, бродяжничества и других правонарушений, в происхождении которых доминируют социальные, культурные и социально-психологические причины и условия, связанные с процессами дезорганизации общества, а также культурно-нравственными деформациями в образе жизни и развитии личности.

Все эти концептуальные положения должны составлять теоретическую основу закона об антидевиантной политике в Республике Беларусь, который следует безотлагательно разработать и принять. Нуждается в совершенствовании и система управления и координации деятельности правоохранительных и других государственных органов по социально-правовому контролю и противодействию преступности и других правонарушений. Прежде всего в плане развития уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, криминологического и виктимологического законодательства, ювенальной антиде-

виантной политики, а также активизации социальной профилактики преступлений и создания специализированных государственных и общественных социальных структур, профессионально занимающихся профилактической, виктимологической и социально-реабилитационной работой. Значительно больше внимания следует уделять совершенствованию уголовной, административной и социально-медицинской статистики, проведению научных исследований преступности, других правонарушений и негативных социальных девиаций. Научные исследования должны иметь междисциплинарный характер и осуществляться совместно социологами, экономистами, культурологами, юристами, психологами, педагогами, социальными работниками и другими специалистами. Эту теоретическую и социально-прикладную научно-исследовательскую работу успешно мог бы выполнять Институт криминологии, виктимологии и девиантологии НАН Беларуси. Такие научные структуры давно существуют во многих странах мира, научные результаты их деятельности социально востребованы, активно внедряются в практику антидевиантной политики и дают позитивный социальный эффект.

N. A. BARANOVSKI

**NEGATIVE SOCIAL DEVIATIONS AND STRATEGIES
OF ANTIDEVIANT POLICY**

Summary

The social, anthropological, cultural and normative sense of negative social deviations in the system of sociological knowledge is examined. The theory of destructive personal and social interaction is elaborated that explains the natural character of the etiology of deviant behavior.

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 316:159.955.4

Ю. М. РЕЗНИК,

*доктор философских наук, профессор, Институт философии РАН,
Российский институт культурологии, г. Москва*

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: РЕФЛЕКСИВНЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОЙ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Статья посвящена проблеме востребованности и миссии социальной теории в современности. Социальная теория рассмотрена как разновидность социальных и культурных практик. Выделены научный и социально-просветительский аспект миссии социальных интеллектуалов. Показано, что современность требует нового типа социальной теории как «политической дисциплины», интегрирующей аналитическую и преобразовательную работу с точки зрения гражданского общества.

Постановка проблемы. Размышляя о том, почему социальная теория (как система наиболее общих представлений о природе и путях изменения социальной реальности) так долго и мучительно получает общественное признание, я пришел к выводу, что причиной тому является ряд нерешенных вопросов, и прежде всего *неопределенность ее миссии в современном мире*. Отношение к социальной науке в обществе во все эпохи было достаточно противоречивым. Еще М. Вебер писал о снижении значимости науки в глазах молодежи: «Сегодня как раз у молодежи появилось скорее противоположное чувство, а именно что мыслительные построения науки представляют собой лишенное реальности царство надуманных абстракций, пытающихся своими иссохшими пальцами ухватить плоть и кровь действительной жизни, но никогда не достигающих этого» [1, с. 714].

Но этот взгляд из прошлого лишь напоминает нам о непреложности того факта, что социология, как и другие социальные науки, прошла тернистый путь обретения своего места в обществе, прежде чем получила признание и социальную поддержку. Этот же путь проходит сегодня и социальная теория как относительно новое для нашего сообщества направление фундаментальных исследований социальной реальности, рассматривающее ее в целостности и изменчивости.

Итак, меня интересуют два вопроса. Зачем и кому нужна социальная теория? Какую миссию она выполняет в обществе и культуре? Для начала поясню некоторые понятия. Ответственность означает не только способность человека (или организации) сознательно выполнять определенные требования в соот-

ветствии с представлениями о долге, чести и достоинстве, но и обладание возможностями контролировать свои действия и предусмотреть их нравственные или правовые последствия. «Ответственность – это нечто иное, как ответственность смысла, и что смысл значим тогда, когда он зиждется на ответственности. Этим я хочу сказать, что мы абсолютно ответственны за смысл (смысл или истину, в данном случае это одно и то же)» [2, с. 311–312].

Следовательно, мы не только в ответе за общество, в котором мы живем, но и отвечаем за смыслы (идеи, истины, картины мира), которые мы производим в своей научной деятельности и предъявляем обществу в виде различных теорий, концепций и моделей. Миссия – буквально, ответственное задание или призвание. Это – ответственность, которую мы принимаем на себя добровольно и сознательно за те дела и поступки, которые, с нашей точки зрения, нужны другим людям. По словам Ганса Йонаса, такая ответственность чаще всего является невзаимным отношением, т. е. навязанной ответственностью. Любая миссия, будь то индивидуальная или коллективная, выполняется в интересах одного лица или группы и редко осознается как общая цель того сообщества, кому она адресована. Поэтому спасение социальной теории, а точнее – ее возрождение в новом качестве, – дело рук самих теоретиков.

Социальная теория и ее роль в современном обществе. Прежде чем показать миссию социальной теории и ее представителей в современном обществе, необходимо определить вкратце ее содержание и основные типы. По мнению некоторых отечественных исследователей, любая социальная теория, как, впрочем, и весь корпус социальных наук, есть одна из множества разновидностей социальных или культурных практик. И как таковая она имеет переходящее значение, поскольку появляются новые практики, вытесняя прежние, устаревшие практические схемы действия и познания. Эти практики представляют собой исторически сложившиеся комплексы правил и типичных (стандартных и повторяющихся) ситуаций решений интеллектуальных задач, связанных с объяснением и изменением общества.

Как считает Ю. Л. Качанов, «самая абстрактная социологическая теория есть специфическая форма организации фактического социального опыта. В силу этого любая социологическая теория значима лишь в определенном практическом контексте и должна рефлексивно соотноситься как с позицией исследователя в социальном пространстве, так и с его позицией в поле науки» [3, с. 15–22]. **Социальная (и социологическая) теория, по мнению Ю. Л. Качанова, не занимается изучением социальной практики как таковой. «...Ведь социологическая теория описывает не социальную действительность, а сконструированный наукой социальный мир – социологическая практика, то есть вообще исследования социального мира...»** [3, с. 15–22]. Следовательно, социальная теория связана с социальной действительностью лишь опосредствованно. Социальный мир для нее выступает в виде символической конструкции, которая проявляется в контексте действий и взаимодействий людей. Соглашаясь в принципе с позицией Ю. Л. Качанова относительно символической

природы картины социального мира, я не могу разделить его взглядов на осуществление социальной теории исключительно как научной практики. Было бы совсем неправильно ограничивать сферу влияния социальной теории только рамками жизни и деятельности самих интеллектуалов, которые ее создают и поддерживают.

Идеи социальной теории суть не только символическая реальность, опосредующая познание и социальную практику, но и «объективные мыслительные формы», которые имеют более широкое применение для осмысления общества, чем та или иная научная практика. Эти идеи способны проникать в сознание субъектов, наделенных властными возможностями и выступающих проводниками этих идей в различных структурах социальной организации. Следовательно, социальная теория – это не только разновидность научной практики, в которую включена небольшая группа социальных ученых (философов, социологов, теоретиков организации и т. д.), имеющих собственные концепции (рационально обоснованные картины, образы социальной реальности). Это еще и институт общества, способный воздействовать на сознание других людей и выполнять социально значимые функции: научно-познавательную, практическую, образовательную и идейно-просветительскую. Ее же просветительская роль состоит в формировании социальных ориентаций и ценностей людей с позиций определенной группы общества, называемых социальными интеллектуалами.

Социальная теория в ее широком значении возникает как ответ на запрос людей о том, что представляет собой общество, в котором они живут. Она зарождается одновременно с индустриальным обществом как *научная рефлексия процессов* его становления и развития. Поэтому вопреки мнению Ю. Л. Качанова я считаю, что у нее имеются собственные функции и задачи, решение которых возлагается на интеллектуалов, работающих в области социальных наук. Среди них – разработка новых моделей современного общества, обладающих эвристическим потенциалом; критика идеологических конструкций социальной действительности, оправдывающих или допускающих несанкционированные обществом шаги властей; определение и рефлексия собственных (научных и личностных) оснований теоретизирования.

По функциональной направленности существуют как минимум три основных класса социальных теорий, понимаемых в их широком значении:

1) так называемые *онтологические теории*, которые пытаются объяснить социальный мир и имеют полипарадигмальный и междисциплинарный статус (позитивизм, эволюционизм, структурализм, функционализм и пр.);

2) *идеологически ориентированные и валюативные (ценностно-ориентированные)* социальные теории, которые стремятся сохранить или изменить социальный мир в соответствии с определенными идеалами и ценностями (доктрины либерализма, консерватизма, социализма, социал-демократизма и т. д.);

3) теории *национальных государств и обществ* (например, социальная теория Германии, России и т. д.), призванные обосновать особый путь развития

данной страны и предложить научно-рациональное обоснование ее национальной идеи.

Социальные теории первого типа занимаются построением онтологических моделей социального мира. Они различаются между собой отношением субъекта и объекта познания. Позитивистские социальные теории базируются на представлении о том, что результатом научной деятельности является объективное знание о социальной реальности, так как люди являются «предметами», поведение которых можно контролировать, например, в целях эксперимента. Отсюда вытекают практические варианты таких теорий – социальная инженерия, социальные технологии, технологии управления и пр. Субъективистские теории изучают индивидуальные и коллективные представления людей о социальном мире, основывая свои выводы на обобщении их первичных установок и базовых ориентаций.

Социальные теории второго типа – это не только ценностно-ориентированная система знания, но и институциональная форма общественного движения интеллектуалов, движения, которое имеет вполне определенное идеологическое содержание. Данная часть социальных теорий ориентирована на построение моделей, связанных с достижением социально-политических идеалов. К их числу относятся теории «государства всеобщего благоденствия», «устойчивого развития общества», «хорошего общества», «социального государства» и др.

Социальные теории третьего типа я не буду рассматривать отдельно. Приведу лишь одну точку зрения. Так, например, известный отечественный философ В. Н. Шевченко предлагает возложить на современную социальную теорию функцию выработки путей общественного развития страны: «С моей точки зрения, социально-философской основой социальной теории российского общества должно явиться, прежде всего, определенное решение вопроса о природе российской цивилизации, ее социокультурном коде (матрице), новой идентичности и, следовательно, о перспективах дальнейшего устойчивого развития» [4, с. 47–66].

Во второй половине XX в. складываются предпосылки для формирования четвертого типа социальной теории (в узком и прямом смысле этого выражения), интегрирующей в себе аналитические модели и идеи переустройства общества на новых концептуальных и методологических основаниях. В качестве предшественников такого подхода я рассматриваю представителей немецкой школы социальной науки конца XIX – начала XX в. Следует отметить вначале, что социальная теория на ранней стадии развития сопряжена с теоретической рефлексией процессов политической эмансипации людей. Не случайно один из немецких мыслителей Ханс Фрайер называл социологию «наукой политического народа» [5]. Социальная теория призвана изучать переломные моменты общественного развития, связанные с политическими революциями и катаклизмами, сменой эпох, цивилизаций. В этом и только этом плане она возможна как «политическая» дисциплина.

Как известно, в разные периоды своего развития социальная теория становится инструментом политической элиты, используемым для изменения представлений (идей, идеалов, картин, моделей) обыкновенных людей (или так называемых обывателей) о социальной реальности. В ее основе лежал тот или иной идеал общественного строя – либерально-буржуазный, национально-демократический, социалистический и пр. Но идеалы характеризуют лишь определенную направленность социальной теории, а не все ее проблемное содержание, которое выражает многообразие картин социального мира. Поэтому ранняя социальная теория, хотя и потеряла свою политическую остроту, перестав быть лишь теорией классовой борьбы, но еще сохраняла следы идеологической деятельности интеллектуалов с «левыми» убеждениями, критически относящихся не только к науке о коммунизме К. Маркса, но и к либеральным концепциям общественного развития. Так, например, исходным пунктом теоретического мышления Роберта Михельса является социализм, предполагающий возможность свободного и осознанного индивидуального существования, при котором не только устранены все источники эксплуатации, но и все причины угнетения, унижения и покорности [5, с. 249]. При таком понимании социализм фактически отождествляется с персонализмом как формальным выражением интересов отдельной личности, а не «народа», «пролетариата» и пр.

Еще дальше в трактовке предмета социальной теории идет другой немецкий социолог Франц Оппенгеймер (1864–1943). Социология как социальная теория представляется ему как метод решения «социального вопроса». Он предлагает третий путь между капитализмом и безрыночным коммунизмом советского типа, а именно – *либеральный социализм*, который сочетает рыночную экономику с отсутствием эксплуатации и социального неравенства. Цель такого социализма – формирование супрасоциального человека – свободной, автономной и гармоничной личности [5, с. 290].

Призыв к трансформации социальной теории в теорию социальной политики содержится и в работах других социальных ученых первой половины XX в. Так, Эдуард Хайман (1889–1967) в своей работе «Социальная теория капитализма» анализирует духовные и исторические корни социальной политики и ее влияние на капиталистическое производство [5, с. 301]. Социальный вопрос он понимает как проблему социальной несвободы и унижения человеческого достоинства. Однако в современных условиях социальную теорию недостаточно рассматривать только как теорию «социального вопроса». Призыв к эмансипации народа, не теряя своей актуальности в настоящее время, трансформируется с течением времени в идею формирования гражданского общества как союза свободных и автономных личностей, их ассоциированных организаций. Спасать надо не народ, а человека и, возможно, его надо спасать от государства, народа, массы, толпы. Поэтому во второй половине XX в. социальная теория постепенно утверждается как теория, выражающая идеологию гражданского общества и жизненные интересы интеллектуального слоя среднего класса.

К современным версиям социальных теорий четвертого типа я отношу теорию социального действия Т. Парсонса, рефлексивную теорию А. У. Гоулднера, коммуникативную теорию Ю. Хабермаса, теорию социального пространства П. Бурдьё, теорию структуризации Э. Гидденса и некоторые другие. Мои прежние представления о структуре и основных понятиях социальной теории изложены в серии книг «Введение в социальную теорию» (в 3 ч.), которая вышла в 1999–2003 гг. [6]. Если по сути, то это – общая концептуальная и методологическая часть социальных наук, охватывающая круг «универсальных» проблем социума, и прежде всего проблемы институционализации, структурной организации социума, социальной дифференциации и социальных изменений, которые находятся в центре внимания всех социальных наук, а не только социологии. Приведу близкую мне позицию Э. Гидденса. «Социальная теория, – считает он, – должна охватывать те проблемы, которые имеют значение для всех социальных наук. Это проблемы, связанные с природой человеческого действия; проблемы взаимодействия членов общества и проблемы отношения этого взаимодействия с институтами общества, а также проблемы применения и практических последствий социального анализа... Социологическая теория должна рассматриваться как часть общей социальной теории, а не как нечто совершенно самостоятельное» [7, с. 43]. Их междисциплинарный статус сегодня уже никто не оспаривает, хотя каждый социальный исследователь, будь-то социальный философ или социолог, стремится «присвоить» или «закрепить» эти проблемы за своей областью знания.

Рефлексивная перспектива в современной социальной теории. Моя сегодняшняя позиция в определении статуса современной социальной теории близка к точкам зрения Э. Гидденса и А. Гоулднера, которых я считаю представителями рефлексивного направления (перспективы). Но и их представления о назначении такой теории нуждаются в некоторой коррекции и дополнении. Приведу лишь некоторые доводы в пользу такого понимания.

Во-первых, социальная теория охватывает наиболее общие теоретические представления о социальной реальности, которые лежат в основе всех социальных наук. Так, например, Э. Гидденс предлагает использовать термин «социальная теория» для обозначения проблем, волнующих все общественные науки: природа и характер человеческой деятельности [8, с. 10]. И далее: «Социальная теория» – довольно размытый термин, хотя он и чрезвычайно полезен нам. С моей точки зрения, «социальная теория» подразумевает анализ широко распространенных философских проблем, но не является философией в полном смысле этого слова» [8, с. 11]. Социальная теория в понимании Гидденса есть продукт совместных усилий разных дисциплин, изучающих организацию общества и деятельность его членов и групп [8, с. 626]. Полагаю, что такой широкий взгляд на предметное поле социальной теории во многом исчерпал себя. Она становится все более аналитической и критической теорией, предлагая сообществу социальных исследователей не готовые представления о социальной реальности, отличающиеся от конкретно-научных фактов лишь

уровнем обобщения, а аналитические схемы и матрицы, позволяющие сопоставлять данные разных наук и поднимать их на высоту комплексного подхода к изучению целостного (или дискретного) и взаимосвязанного (или разобщенного) социального мира. Кроме того, социальная теория в силу своей плюралистической природы – единственная на сегодняшний день область знания, которая способна критически переосмыслить исходные положения социальных наук, не подводя их к общему знаменателю, как это делали в свое время сторонники исторического материализма. Вместе с тем социальная теория в указанном смысле – это особый стиль теоретизирования, совмещающий в себе философские выводы и общие положения социально-научных дисциплин. Такое социальное конструирование реальности уже невозможно без учета всего контекста жизни и деятельности самого ученого. Это теория о том, как исследователь конструирует собственную жизнь, изменяя представления о социальной реальности, как «живет» в ней, а не присутствует в позиции внешнего и отстраненного наблюдателя. Напротив, его теоретическое существование есть момент самопрезентирующей экзистенции, полагающей себя вовне в качестве субъекта.

Во-вторых, одна из задач рефлексивной социальной теории, как считает А. Гоулднер, состоит в стремлении символически преодолеть социальный мир, который стал санкционированным, и исправить нарушенную взаимозависимость между добром и силой, восстанавливая их «нормальное» состояние равновесия, и(или) защищать несанкционированный мир от угрозы нарушения равновесия между добром и силой [9, с. 524]. Исторической же миссией рефлексивной социальной теории он считает преодоление академической корпоративности нынешних социальных наук и критику картин санкционированного социального мира. Она должна содействовать «критическому осознанию характера современного либерализма, его влияния на университет, так же как и осознанию диалектики политики войны и политики благополучия» [9, с. 560]. Как известно, любой социальной системе присущи два способа, ограничивающие независимость позиции социального исследователя: 1) превращение его в идеолога или апологета своей политики; 2) низведение его деятельности к инструментальному исполнению ее интересов. И в том, и в другом случаях у властвующих представителей существуют средства вознаграждения и распределения земных наград. Основное условие для такого рода исследователей, занимающихся социальной теорией, – это *принятие образа или картины социальной реальности, которая поддерживается правящей элитой*. Такую картину А. Гоулднер считал идеологически санкционированной (и соответственно несанкционированной авторитетом науки). С его точки зрения, отказ ученых от своей позиции означает не что иное, как предательство фундаментальных целей социальной науки в пользу служения интересам власти имущих: «Максимальные возможности для институционального развития социологии предоставляют как раз те, кто наиболее извращает ее стрем-

ление к знанию». И далее: «Всякая существующая власть враждебна высшим идеалам социологии» [9, с. 555–556].

Гоулднер поясняет свой тезис, отмечая, что руководящие институты и правящая элита представляют собой главную внешнюю опасность для критически-рефлексивной социальной теории, стремящейся прояснить основания построения картин идеологически санкционированного социального мира и определить свое место в этом мире. Он считает, что в условиях расцвета государства всеобщего благоденствия в США и других западных странах либеральная идеология утратила свои первоначальные идеалы и ценности. Такая идеология служит уже не делу освобождения людей, а усилению «централизованного контроля со стороны разрастающегося класса федеральных управленцев и ведущих институтов, в интересах которых она работает» [9, с. 558]. Поэтому назначение либеральных технологий – связать неимущий класс и рабочий класс с государственным аппаратом и всей политической системой. Современный мир претерпел существенные изменения, которые не укладываются в прокрустово ложе традиционной социальной теории. «Глобальное общество стремительно перестраивается вдоль новых линий напряжения... Кризис социальных наук означает кризис демократии, поскольку социальные науки – это идеология демократии. В рамках создававшейся ими картины мира демократия оказалась неизбежным ответом на вопрос о «естественном» устройстве общества» [9, с. 7–8].

Критика же господствующей социальной теории – это прежде всего изучение социальных и интеллектуальных оснований движения интеллектуалов [10, с. 6]. Но это только первый шаг. Для людей, способных идти на интеллектуальный риск и обладающих мужеством рисковать своей карьерой ради отстаивания идей, больше всего подходит рефлексивная социальная теория. Я согласен с У. Гоулднером в том, что такая теория есть не просто радикальная критика политических доктрин правящей элиты, но и позитивная программа, выдвигающая и обосновывающая модель нового (несанкционированного) общества. Помимо критического отношения к либеральным или тоталитарным картинам социального мира, она содержит также рабочие представления исследователя о собственной повседневной жизни, налагающей отпечаток на его теоретическую позицию. Совершенно очевидно, что социальная теория в современном мире подвергается мощной идейной экспансии со стороны апологетов господствующей идеологии, находящихся на службе у правящей элиты. Однако главная пружина развития современной социальной теории – не противостояние онтологических картин и ценностных (валюативных) моделей общества, характерное для первой половины – конца XX в., а противодействие двух систем знания, претендующих на объяснение социального мира, – санкционированной и несанкционированной. Это противостояние имеет идейно-политический контекст, так как представляет собой борьбу за интеллектуальную власть, т. е. власть над умами людей, в частности их представлениями об обществе. Поэтому дальнейшее развитие социальной теории

требует ее освобождения от влияния политических доктрин и технологий разнообразных «измов» и формирование рефлексивной парадигмы, способной преодолеть санкционированную картину социальной реальности и сформировать альтернативные подходы.

В-третьих, рефлексивная социальная теория выражает демократический и гражданский пафос наук об обществе. Она позволяет преодолеть господствующий взгляд на человека как на управляемый и контролируемый объект, т. е. пассивный продукт общества и культуры; она рассматривает человека как творца общества и культуры, а последние – как созданные человеком конструкции, предназначенные для прояснения оснований жизненного опыта и улучшения условий повседневной жизни. Лейтмотив такой теории: *не человек для общества, а общество для человека*. А ее ключевая проблема – социальная эмансипация человека посредством гражданского общества и других форм социального существования. Такой подход соответствует самому духу подлинной, а не мнимой (суверенной, управляемой и т. п.) демократии. Так, Жан-Люк Нанси считает, что демократия характеризует прежде всего ответственность за существование человека. Демократия – это равенство, требующее от мысли каждого ответственности абсолютного смысла. Создавать теорию как движение интеллектуалов в демократическом обществе – это значит снова и снова связываться со смыслом без всякой уверенности, рисковать безграничностью смысла, беспрестанно и бесконечно воспроизводить его, чтобы понять, что единственной мерой для смысла является его безмерность [10, с. 315]. Гражданская ответственность в отличие от корпоративной или политической ответственности интуитивно понимается многими как договорная (контрактная) ответственность, основанная на свободе выбора и принятии согласованных решений.

Так зачем нужна социальная теория сегодня, и какова ее роль в современном обществе? Я полагаю, дело обстоит в следующем: *социальная теория нужна гражданскому обществу как наиболее активной и мобильной части современного социума, стремящейся поставить под свой контроль структуры власти и крупного бизнеса с целью реализации социальных прав и свобод индивидов и их независимых объединений*. Но далеко не всякая социальная теория востребована гражданским обществом. Значительная часть теоретически мыслящих социальных ученых находится сегодня на службе субъектов государственной власти и бизнес-корпораций, а следовательно, выражает корпоративные интересы господствующей ныне элиты. В своем практическом плане социальная теория гражданского общества призвана утверждать демократические ценности и идеалы свободной личности. Гражданскому обществу нужна рефлексивная социальная теория, утверждающая ценности свободы личности, демократии и нравственного служения. Да, сегодня демократия переживает кризис, а кто-то даже предрекает ей гибель. Но у реальной демократии нет альтернативы, кроме другой, более совершенной модели демокра-

тии, в построении которой и должна содействовать обществу научными (а не политико-идеологическими) средствами социальная теория.

И последнее. Всякая социальная теория, чтобы быть адекватно воспринятой соответствующими социальными слоями, изобретает собственные легенды и мифы, таящие в себе некий сакральный смысл. Сегодня уже никого не удивишь гражданским пафосом теории, да и сами гражданские ценности несколько поистрепались слишком частым (и не всегда к месту) употреблением. Но мифы об особом пути развития общества, суверенной демократии и прочем продолжают заполнять идейный вакуум, образовавшийся после распада советской идеологической системы. Неудивительно, что никто из профессиональных исследователей толком не может объяснить суть этих мифов (повидимому, они для этого и не предназначены). Поэтому за ними тянется таинственный след, нарочито указывающий на то, что только первоисточнику известен истинный смысл предначертаний. Всем же остальным приходится придумывать собственную разгадку тайн, скрывающихся за политическими декорациями.

Разумеется, сакральный подтекст современных социальных теорий, претендующих на санкционированную (как правило, единственно верную) картину мира, не исчерпывает собой всех сложностей в их восприятии обычными или менее подготовленными участниками дискурса. Я отдаю себе отчет в том, что и мой собственный поиск метафизических оснований социальной теории в сфере трансцендентного не менее усложняет ситуацию ее развития. Утверждая, что трансперсональность выходит за рамки привычного образа человека и его обыденного опыта в сферу трансцендентного, представляя собой духовное единство человека и Абсолюта (Космоса, Мирового разума и т. д.), я даю повод своим предполагаемым критикам для определенных домыслов и интерпретаций. Но это уже тема отдельной статьи, в которой я попытаюсь представить и обосновать тезисы своей «трансперсональной теории». А здесь же обойдусь без выводов, поставлю многоточие...

Литература

1. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990. – С. 714.
2. Нанси, Ж. Л. В ответе за существование / Ж. Л. Нанси. – М., 1998. – С. 311–312.
3. Качанов, Ю. Л. Что такое социологическая теория? / Ю. Л. Качанов // Социологические исследования. – 2002. – № 12. – С. 15–22.
4. Шевченко, В. Н. Социальная философия: в продолжение дискуссии о предмете и проблемном поле / В. Н. Шевченко // Личность. Культура. Общество. – Т. 6, вып. 1. – С. 47–66.
5. Немецкая социология / отв. ред. Р. П. Шпакова. – СПб., 2003.
6. Резник, Ю. М. Введение в социальную теорию. Социальная онтология. Пособие / Ю. М. Резник. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. – 514 с.; Он же. Введение в социальную теорию. Социальная онтология. Пособие. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. – 327 с.; Он же. Введение в социальную теорию: Социальная системология / Ю. М. Резник; Ин-т человека. – М.: Наука, 2003. – 525 с.
7. Современная теоретическая социология / отв. ред. Ю. А. Кимелев; ред.-сост. Н. Л. Полякова. – М.: ИНИОН, 1995. – Вып. 3.

8. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М., 2003. – С. 10.
9. Гоулднер, А. У. Наступающий кризис западной социологии / А. У. Гоулднер. – СПб., 2003. – С. 542.
10. Копосов, Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук / Н. Е. Копосов. – М., 2005. – С. 6.

Y. M. REZNIK

**SOCIAL THEORY YESTERDAY AND TODAY:
REFLEXIVE NOTES ABOUT ONE REFLEXIVE PROSPECT**

Summary

The article deals with the problem of the current need and mission of a social theory. The social theory is examined as a variety of social and cultural practices. Scientific, social and educative aspects of the intellectuals' mission are displayed. It is shown that modern times require a new type of the social theory as a "political subject" that integrates analytical and transformation work from the point of view of a civil society.

Т. М. ТУЗОВА,

*доктор философских наук, профессор,
Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси, г. Минск*

КАРТИНА МИРА И ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В СТРУКТУРЕ ОБОСНОВАНИЯ СПЕЦИФИКИ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

В статье анализируются статус и функции картины мира и исходного образа человека в структуре метатеоретических оснований гуманитарного познания, раскрывается определяющая роль образа человека в обосновании его специфики.

К важнейшим составляющим философского обоснования специфики теории и методологии социогуманитарного познания относятся вопросы онтологической специфики предмета социогуманитарного познания, его предпосылок и метатеоретических оснований. Опираясь на известную схему В. С. Степина и конкретизируя ее применительно к гуманитаристике, к последним мы отнесем следующие:

1. Философскую картину мира, включающую в себя: а) исходный образ человека; б) исходный образ мира; в) представление о фундаментальной онтологической связи между ними.

2. Исходные философские идеи и принципы, посредством которых обосновываются принятые в философии и социогуманитарных науках образы человека и мира, эксплицируются идеалы философского и социогуманитарного познания. (В этом ряду мы выделим прежде всего идеи свободы и детерминизма, ибо они задают и определяют способы построения предметности, язык и стилистику как философского, так и конкретного социогуманитарного научного анализа; обуславливают их собственные, незаместимые эвристические возможности; определяют возможность их рационального соотношения в качестве взаимодополняющих исследовательских перспектив.)

3. Идеалы и нормы познания и описания, обусловленные представлениями о природе объекта познания, условиях и возможностях его рационального постижения; способах удостоверения истинности знания и др. (В качестве специфицирующих философию в ее взаимоотношениях с социогуманитарными науками мы выделим: а) идеал *целостности* постижения человеческого опыта; б) идеал *открытости* и *расширения опыта* познания; в) стремление к обоснованию и удостоверению получаемого знания посредством обращения к «принципам разума», если воспользоваться языком И. Канта.)

Выделенные структурные элементы мыслительного пространства можно исследовать в качестве оснований рационального соотношения философской

и социогуманитарной «картин мира» и фундирующих их образов человека. Такое соотнесение позволяет: а) показать присутствие и эвристичность философских содержаний как на «входе», так и на «выходе» конкретного социогуманитарного познания [1, с. 149–153]; б) выявить способы интеллектуального построения *объектов* исследования и диспозицию последних в целостной онтологии человеческого существования, или онтологические схемы, задающие ракурсы видения, способ построения предметности, стилистику анализа и характер искомого знания в философии и социогуманитарном познании. К таким онтологическим схемам мы отнесем: а) предельные философские абстракции сознания, свободы, действия и ситуации, или так называемые идеи – сознания, свободы, действия, ситуации и др.; б) контекстуально «замкнутые» абстракции человека в конкретных социально-гуманитарных науках.

Онтологическая специфика предмета социогуманитарного познания как содержащего в себе нередуцируемые размерности свободы, сознания, выбора, ценности, интереса и др. определяет необходимость *изначального* включения человека в философскую и социогуманитарную картину мира, а стало быть, исходного допущения в ней очагов творческого действия, зон свободы в ее онтологической конститутивности. Рассматриваемая не наивно-натуралистически и не просто по аналогии с картиной мира в естествознании, но в ее собственных характеристиках, картина мира в гуманитарном познании требует определения статуса свободы как онтологической характеристики человеческого бытия, которая специфицирует философскую картину мира, обуславливает специфически философский образ человека и в разных вариантах (от исходного до комплементарного) присутствует в социогуманитарных науках.

Для выявления и описания образа человека и мира, специфицирующего философию и обуславливающего ее незаместимые эвристические возможности и функции в корпусе социогуманитарного знания, важно четко представлять (и удерживать) отличие философской картины мира от естественнонаучной. Как известно, уже с момента формирования классического типа научной рациональности (XVII в.) естествознание основано на исключении любого рода отсылок к сверхъестественным причинам при объяснении изучаемых объектов. При всех исторических изменениях типа рациональности в естествознании его теории и поныне задаются принципом естественной причинности, строятся на его основе и соответственно поддерживаются картиной мира, базирующейся на идее его *однородности*. Эта картина мира исключает из «пакета» отсылок (как на уровне онтологии, так и на уровне теории и методологии познания) способность исследуемого объекта к *самопричинности* (способности к самоопределению, самодействию, свободе). *Размерность свободы* изначально выводится за рамки структуры объяснения объектов познания и обоснования естественнонаучного знания. Исключение возможности отсылки к размерности свободы должно определять и сами способы построения предметности в естествознании.

В отличие от естествознания философская интерпретация ситуаций и человеческих феноменов изначально предполагает присутствие в них размерно-

сти свободы. Их понимание, требуя непосредственных или опосредованных отсылок к этой размерности, предполагает экспликацию свободы в качестве *внутреннего онтологически не устранимого конститутивного* элемента бытия, социально-исторических событий и процессов. Соответственно и ракурсы философских и социогуманитарных разработок (в том числе преследующих противоположные цели, к примеру, описание позиций и движений человека в социальном поле как производных от системы социально-экономических отношений и структур социокультурных тотальностей; описание этих последних в качестве объективаций человеческой деятельности; выявление собственной объективной структуризации этих объективаций и др.) предполагают некий *исходный образ человека*, который задает способ построения дисциплинарной онтологии (специальной картины мира) социогуманитарного исследования.

В соответствии с избранным ракурсом исходный образ человека задают по-разному – как децентрированного или, напротив, способного к центрирующей реструктуризации своего опыта. Эти образы содержат разные степени присутствия свободы (отсюда и возникает проблема субъектности (объектности) человека в социогуманитарном познании). С ними сопряжены и разные дисциплинарные онтологии. И вместе с тем гуманитаристику от естествознания отличает прежде всего то, что в ее картине мира изначально должно быть «зарезервировано» место для свободного акта.

Это можно назвать принципом неоднородности мира, несводимости порядка культуры к порядку природы. Именно исходный образ человека как свободы позволяет изначально встроить в философскую картину мира человека в статусе его *субъектности* (автономной точки, способной начинать новый ряд событий и явлений в мире). Исходный образ человека является определяющим (задающим и фундирующим) для картины мира в философии и социально-гуманитарных науках. Это – определяющий структурный элемент метатеоретических оснований социогуманитарного познания.

Итак, социогуманитарное познание от естественнонаучного отличают: 1) начальное присутствие в картине мира образа человека как способного к свободному акту; 2) необходимость теоретически обосновать онтологическую конститутивность человеческой свободы; 3) необходимость методологически обеспечить возможность фиксировать и расшифровать эту конститутивность в реальном мире. Характеризуя «антагонизм между философом и естествоиспытателем», который обусловлен «противоположностью их отправных точек» зрения, В. Дильтей писал: «Наше существо образуют не слепые силы, а воля, суверенно полагающая свои цели. Великая проблема соотношения между контекстом природы и свободой социально-исторического человека распадается для эмпирического исследователя на бесчисленные частные вопросы, затрагивающие соотношение между фактами духа и воздействиями природы. Все цели человека принадлежат исключительно духовной жизни как таковой, однако средства для достижения целей ищутся внутри системы природы».

Как зачастую неприметно изменение, которое творческая сила духа вызывает во внешнем мире, – и, однако, только через его посредство сотворенная духовная ценность может стать значимой также и для других людей. Так, несколько страничек, скудный материальный остаток глубочайшей мыслительной работы древних в направлении признания подвижности Земли, попав в руки Коперника, стали исходной точкой для целой революции в нашем мирозерцании» [2, с. 122–123].

Язык обозначения размерности свободы в философии достаточно разнообразен, в разных философских концепциях она именуется как «внутреннее» (способность определяться «изнутри»), способность к свободному волеизъявлению и действию «на собственных основаниях», цель, проект и др. И в отличие от естественных наук для философии принципиально важно сохранение присутствия размерности свободы на уровне а) метафизического постулата; б) онтологической структуры мира и человеческого бытия; в) структуры объяснения происходящего в мире и обоснования знания о мире и человеке (т. е. методологически).

Именно на уровне (*и посредством*) философского образа человека в философскую картину мира изначально вводятся *размерности свободы*; в силу же философского допущения их *онтологической конститутивности* возникает возможность а) понимания и обоснования *объективного присутствия* (кристаллизованности) этих размерностей в структуре мира – в структуре самих объективных процессов, явлений и отношений социокультурной реальности; б) осуществления их дешифровки посредством анализа последних в качестве «факта субъективности».

Поскольку специфика философского познания состоит в том, что в нем полагается *изначальная сопряженность* мира и человека в синтетическую тотальность (расчлениются же реальные социокультурные феномены и ситуации на объективное и субъективное лишь на уровне абстрагирования с целью познания реальности под тем или иным углом зрения в соответствии с избранной стратегией исследования), обращение к исходному образу человека позволяет выявить специфику философского дискурса и философской картины мира по сравнению не только с естественнонаучными, но и со специальными картинами мира, фундирующими научные проекты гуманитарного типа.

Исходный образ мира и человека фундирует стилистическое своеобразие и единство всякого типа опыта и дискурса. Не всегда эксплицируемый, исходный образ человека, с одной стороны, изначально задает их собственное мыслительное пространство, материал и общие правила артикуляции и интерпретации человеческого опыта и его объективаций. С другой стороны, используемые в этом мыслительном пространстве способы и методы анализа и интерпретации, описания и удостоверения продуцируемого знания обслуживают (подтверждают и поддерживают) этот – предполагаемый ими и предпосылаемый им – образ человека и мира.

Операция легитимации образа человека, мира и знания оказывается, таким образом, взаимной, замыкаясь внутри соответствующего типа дискурса, определенного типа рефлексии и методологии. Поэтому об исходном образе человека и предполагаемом им типе методологии можно сказать, что они, определяя тип рефлексии, являются одновременно открывающими (определенные исследовательские перспективы) и закрывающими (другие перспективы).

Не отменяя истинность и значимость получаемого знания, это устанавливает определенные границы каждому типу дискурса, каждому типу рефлексии. Прояснение этих границ – важнейшее условие понимания ими своих специфики и незаместимой эвристичности, а также расширяющей их самосознательности, критичности и открытости «иному».

Таким образом, образ человека можно исследовать как основной элемент структуры рефлексивного пространства философии и социально-гуманитарных наук, изначально задающий и во многом определяющий не только образ мысли и образ самой философии, но и *границу* между разными типами методологии и рефлексии *внутри* самой философии, а также границу между разными типами дискурса (повседневным и философским, философским и научным, в том числе гуманитарным, философским и религиозным и др.).

Для образа человека, специфицирующего метафизику, принципиальным является полагание такой *предельной* размерности человеческого опыта, как наша способность а) восстанавливать наше собственное присутствие в любых контекстах, обуславливающих этот опыт и разрывающих его внутреннее (сознательное) единство; б) перестраивать наш стихийный опыт, выстраивать его «на собственных основаниях» и в предельной открытости универсальному (как «ирреальному горизонту», в свете которого возможно расширение границ свободной и ответственной трансформации нашего фактического опыта); в) устанавливать себя в истоке значений нашего опыта и брать его на себя.

Полагание свободы, предполагаемой этими чертами философского образа человека, задает и определяет специфику самого предмета социально-гуманитарного познания и его методологии. Введенная внутрь самого объекта социогуманитарного познания, свобода должна изучаться в качестве *всегда уже* присутствующей в объективациях и кристаллизациях человеческой деятельности. Социально-гуманитарные исследования, имея дело со следами этой свободы в изучаемых объектах, должны ее восстанавливать через расшифровку их смыслов. Метод понимания, вопрошая о смысле (цели, ценности, значении и др.) познаваемой ситуации (события, объекта и др.), и выражает усилие и способ восстановления размерности свободы.

В разных видах социогуманитарных исследований свобода присутствует в разной степени. В философии она является *предельной*. Это специфицирует философскую картину мира, позволяя: а) раскрыть событийную природу социокультурной реальности (Как показал В. Дильтей, именно принцип свободы дает возможность рассматривать внешний мир, внешнюю действительность – которая для естествоиспытателя дана лишь в абстрактной форме «чи-

стого представления» – в качестве «данностей жизни», совокупностей «фактов сознания». Внутри «царства природы» человек творит «царство истории, где прямо в гуще объективной необходимости, какую предстает природа, бесчисленными искорками там и здесь проблескивает свобода; в противоположность механическому ходу природных изменений, в своем истоке всегда уже содержащих конечный результат, действия воли ... реально производят нечто, создают развитие как в индивиде, так и в человечестве...» [2, с. 110–115]); б) показать ее открытый характер; в) определить преобразующие возможности философской и других видов рефлексии.

Исходный образ человека задает способ построения картины мира как системы социокультурных отношений, в контексте которых исследуют человека в разных (в том числе противоположных) ракурсах – как свободного или детерминированного. Задавая образ человека как *внутреннего* элемента более широкой системы факторов разного рода и, следовательно, как *производного (зависимого)* от конкретного содержания и характера ее элементов, их свойств и взаимоотношений, методологический принцип детерминизма позволяет выявить отношения *обусловливания* в качестве устойчивых типов связей между человеком и внешними, объективными условиями его опыта.

Кроме понятий причины (основания, из которого нечто происходит) и следствия, для фиксации и определения этого типа связи современная философия и наука используют также понятия системы, структуры, функции. Но, несмотря на ряд существенных различий между так называемым причинно-следственным объяснением и структурно-функциональным анализом, в нашем контексте эти понятия можно рассматривать *в качестве принадлежащих одному «пакету»*, а именно «пакету» понятий детерминистского типа исследований человеческого опыта. Нелинейный тип детерминизма, не связанный более с поиском внешней причины изменений познаваемой системы, вовсе еще не позволяет утверждать о возможности на его основе ввести в структуру бытия (соответственно в структуру теории и методологии) *свободу в качестве бытийного и объясняющего принципа*. Так, постмодернизм, отказываясь мыслить по правилам «внешней причины», онтологически не специфицирует субъективность: являясь рядовым элементом системы, наряду с другими она лишена *субъектности* как способности инициировать движение элементов системы. Эта субъективность – если смотреть на нее с точки зрения истока смыслов ее опыта – остается лишь обусловленной структурами самоорганизующейся системы. Как писал Ж. Делёз, постмодернистский субъект – «личиночный» [3, с. 151], он является лишь жертвой динамизмов системы, и попытается он стать инициативным, самостоятельным («правильно сформированным»), он будет разорван динамизмами системы.

Все, что мы можем обнаружить в человеческом опыте посредством использования и причинно-следственного, и структурно-функционального анализа, в равной мере представляет обусловленное, зависимое, производное, не свободное и, следовательно, описывает человеческий опыт в его статусе эффекта,

будь-то эффект причинного ряда или эффект системных отношений. И в том, и в другом случаях человек задан как продукт обусловливающих (разного рода факторами, свойствами и структурами, идет ли речь о социально-экономическом, социокультурном, телесном, языковом полях и др.). Обусловливание внешним его сознанию – тип отношений человека с миром, точнее, способ понимания и конструирования этих отношений в определенную картину мира. (Эти отношения реальны, но абстрагированы от в действительности синкретичных и взаимопереплетенных связей человека и мира.) Это – тип отношений, пронизывающий, структурирующий, скрепляющий дисциплинарную онтологию, соответствующую именно такому исследовательскому ракурсу и именно такому исходному образу человека. И при всем допущении поливариантности протекания и развития объективных процессов при использовании этого «пакета» понятий из структуры мира будет исключена свобода (автономия и способность человека мыслить и действовать «из себя») в качестве точки отсылки при объяснении происходящего.

Поэтому, оставаясь фундаментальным принципом научного, в том числе и гуманитарного, познания, принцип детерминизма сопряжен с интенцией *объяснения* исследуемого предмета, тогда как специфика философского познания связывается с *пониманием* как фундаментальной когнитивной процедурой.

Хотя в философии используются и свобода, и детерминизм как методологические принципы построения предметности, специфицирует философскую картину мира, по сравнению со специальной картиной мира в гуманитарных науках, именно первый принцип и сопряженный с ним образ человека. В полагаемой философом точке автономного свободного индивидуального акта устанавливается конститутивность сознания, самосознания, волнения, решения. И именно из этой точки сознание и свобода человека исследуются по всему спектру реальных социально-культурных связей и отношений. Философия и социально-гуманитарные науки и должны «собирать», реконструировать это сознание (свободу), **de facto присутствующее в социокультурном поле**. Делают они это, сообразуясь со своим собственным предметным полем и строя собственными методами свою собственную предметность.

С характером их методов и будет сопряжена та степень свободы человека, которую они 1) закладывают уже на уровне стратегии, предмета и задач своего исследования, а также исходного образа человека, соответствующего этой стратегии и задачам, и 2) способны получить в конечном продукте (знании).

Вводя в свою предметность свободу, дисциплинарные онтологии социально-гуманитарных наук вместе с тем а) «дробят» мир на соответствующие их предмету замкнутые тотальности и структуры; б) фрагментируют и задают человека в качестве *эффекта* соответствующих систем и их структур (экономических, языковых и др.). Свобода здесь может предполагаться, допускаться и вводиться как возможность либо «помехи», либо содействия (активизации, ускорения и т. п.) их оптимальному функционированию. В этом контексте очевидно, что следует различать собственно философское (метафизическое)

построение предметности и построение предметности в социально-гуманитарных науках в строгом смысле слова. И различать их можно, вводя такой критерий, как *степень свободы* в исходном образе человека и сопряженной с ним картине мира. Для идеи научности социально-гуманитарных наук характерно то, что человек и социальные феномены задаются как объект (в значительной степени управляемый и калькулируемый).

В философии же в отличие от фрагментированного человека социальных наук свобода задается «на пределе». Лишь благодаря такому мыслительному ходу философия может сохранять и восстанавливать в изрезанном редукционизмом мыслительном пространстве целостный образ человека, его способность собирать себя из своей распыленности в поле социокультурных отношений, пытаться самосознательно выстраивать себя и свои отношения с другими в поле интересубъективности и истории как живой, открытой и негарантированной событийности.

И то, что определяет строгость и эвристичность социальных наук, не следует прямо экстраполировать на философию как метафизику. (Так, функции образа человека как «частичного», как «придатка» машины или «функции» капитала можно определить в языке поддержки и легитимации идеи истории как «естественноисторического процесса», выступающей в роли дисциплинарной онтологии экономической науки К. Маркса, хотя очевидно, что этот строго научный эпистемологический режим Марксу становится явно тесным, когда он переходит к анализу конкретных исторических событий и вводит в качестве точек отсылки личностные, моральные, интеллектуальные свойства действующих исторических агентов.)

Последние полвека уже внутри самой философии возникли новые вариации «частичных», хотя уже и не собственно «экономических», субъектов. Это свидетельствует о том, что развитие гуманитарного познания в настоящее время идет по линии все большей специализации, дифференциации, диверсификации и углубления исследований полей и механизмов обусловливания человеческого опыта (механикой социального, телесного, языка, желания и пр.); и роль «специальных картин мира» в таких исследованиях выполняют универсумы саморазвивающегося желания, текста, языка, тела, моды, рекламы, мифа и др. Их структуры и задают *место* (как «позицию», определяемую способом соединения всех элементов системы) и *правила движения* в системе человеку, его сознанию. Раздробленному, частичному субъекту в таких «картинах мира» не отводится иной роли, кроме как быть безличной функцией их структур.

Поэтому важнейшей задачей философии сегодня является обеспечение взаимного диалога разных картин социокультурной реальности и человеческого опыта, диалога, основанного на работе прояснения их метатеоретических оснований и методологий, на признании принципа взаимодополнительности разных исследовательских стратегий и перспектив.

Литература

1. Жданова, А. В. Философско-теоретические предпосылки в статистических и семиотических исследованиях / А. В. Жданова, Е. А. Алексеева // Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир / А. В. Жданова, Е. А. Алексеева. – Минск, 2008.
2. Дильтей, В. Введение в науки о духе / В. Дильтей // Зарубежная эстетика и теория литературы 19–20 вв. / В. Дильтей. – М., 1987.
3. Делёз, Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз. – М., 1998.

T. M. TUZOVA

THE WORLD PICTURE AND THE IMAGE OF MAN IN THE STRUCTURE OF GROUNDING OF THE SPECIFICS OF HUMANITARIAN COGNITION

Summary

The article analyzes the status and functions of the picture of world and the initial image of a Man in the structure of metatheoretical foundations of humanitarian knowledge, the determinant role of an image of Man in explanation of his specific character is revealed.

С. Н. КРОЙТОР,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

В статье рассмотрена культурная память как социологическая категория. Проанализирована ее социальная природа и определен набор ее существенных характеристик. Обоснован авторский подход к исследованию культурной памяти.

Культурная память – одна из наиболее фундаментальных категорий, используемых в социальных науках. Представляется, что она может восприниматься в качестве метакатегории всех наук социального профиля, поскольку как один из важнейших компонентов культуры в целом культурная память представляет собой одну из разновидностей коллективной памяти, ориентированную на сохранение, поддержание, закрепление и воспроизводство навыков индивидуального и группового поведения и коммуникации в рамках человеческих сообществ разных типов. Следовательно, именно культурная память задает сами основания социального бытия, конструирует культурную среду обитания человеческих существ, формирует саму матрицу социальности. Итак, культурная память – социальный феномен, без которого невозможно представить развитие общества, поскольку именно она выступает одним из основных механизмов воспроизводства социальности вообще и конкретного набора черт и свойств, присущих каждому конкретному обществу. Таким образом, она является неким связующим звеном, соединяющим прошлое общества с его настоящим и ориентирующим его в будущее, т. е. посредством культурной памяти удерживается и непрерывно воссоздается определенный набор существенных и существенных черт социокультурной системы.

Но что вкладывается в понятие культурной памяти? Какими свойствами она обладает? Посредством каких механизмов реализуется? В рамках данной статьи мы попытаемся найти ответы на эти вопросы.

В самом широком смысле культурная память представляет собой общую категорию, определяющую некую совокупность готовой социальной информации, накопленной в культуре к определенному моменту времени. Принципиальной для этого подхода является идея о различении понятий «культура» и «культурная память». Представляется, что культурная память является элементом более широкой системы – культуры в целом, включающей помимо памяти множество других составляющих. Культура включает в себя как матери-

альные, так и духовные объекты. В первом случае речь идет о самых разнообразных предметах материальной среды, т. е. о культурных артефактах, выполняющих различные социальные функции. К ним можно отнести орудия труда, предметы быта, различные сооружения и постройки, а также предметы религиозных культов и произведения искусства, выраженные в объектах предметной культуры, – скульптуры, живописные полотна, объекты архитектуры и зодчества и т. д. К объектам духовной культуры, как известно, относятся культурные феномены, выраженные в идеальной форме: идеи, верования, фольклор, системы счисления и письма, язык нот, способы стихосложения и т. д. Что касается культурной памяти, то ее содержательное наполнение также представляют собой результаты социальной деятельности и мышления предшествующих поколений, выраженные только в идеальной форме. Итак, оба понятия – и «культурная память», и «духовная культура» – содержат в себе только элементы нематериальной культуры. Чем в таком случае они различаются? По нашему мнению, упомянутые категории схожи с точки зрения своего наполнения культурными содержаниями нематериального происхождения, однако различны в силу того, что могут быть по-разному интерпретированы с точки зрения своего функционального предназначения. Что это означает? На наш взгляд, понятие духовной культуры подразумевает совокупность культурных смыслов, имеющихся в культуре на определенный момент времени. Духовная культура вмещает набор актуальных содержаний и объясняет, что значат эти смыслы для культуры именно в этой конкретной точке социального развития. Следовательно, данная категория представляет собой скорее мгновенный срез, акцентирует некий пласт культурных значений, составляющих смысловое ядро той или иной эпохи, поэтому она может считаться дискретной. Понятие культурной памяти, напротив, может рассматриваться как континуальное, поскольку отражает не только и не столько совокупность значений и смыслов, актуальных на том или ином этапе социального развития, – прежде всего оно фиксирует способ связи различных культурных этапов и пластов между собой. Оно объясняет содержание каждого последующего пласта исходя из наполнения предшествующих слоев и очередности их следования друг за другом. Иначе говоря, культурная память – не простая совокупность сведений, содержащихся в культуре, – это скорее способ связи прошлого с будущим, некий механизм, позволяющий воспроизводить те или иные культурные содержания и актуализировать их в настоящем.

В этом контексте целесообразно упомянуть о следующем. В научной литературе достаточно широко распространен такой подход к определению культурной памяти, согласно которому она представляет собой своеобразную базу данных, некую квинтэссенцию предшествующего социокультурного опыта, выраженную в идеях, понятиях, категориях, образах и т. д. Это значит, что культурная память предстает как некая совокупность достаточно фрагментарных сведений, описывающих процесс и результат исторического развития данного социума (под результатом в данном случае понимается некое промежуточное состояние социума, достигнутое к определенному моменту его развития), и ориен-

тированная преимущественно на интерпретацию предметов культуры, социокультурных фактов и явлений как неких завершенных, сложившихся к определенному моменту, ставших объектом социальной действительности. Однако, по нашему мнению, такой подход к определению культурной памяти недостаточен, поскольку он не охватывает всего многообразия ее проявлений.

На наш взгляд, культурная память не является лишь пассивным хранилищем константной информации – она также представляет собой генерирующий, творческий механизм поддержания и воспроизводства культурных содержаний. Она образует единую систему, которая может быть рассмотрена в двух аспектах:

статическом, предметном, т. е. в виде суммы конкретных сведений о различных объектах и явлениях природной и социальной среды, правилах деятельности и коммуникации и т. д., необходимых социальным акторам для нормальной ориентации и деятельности в пространстве культуры;

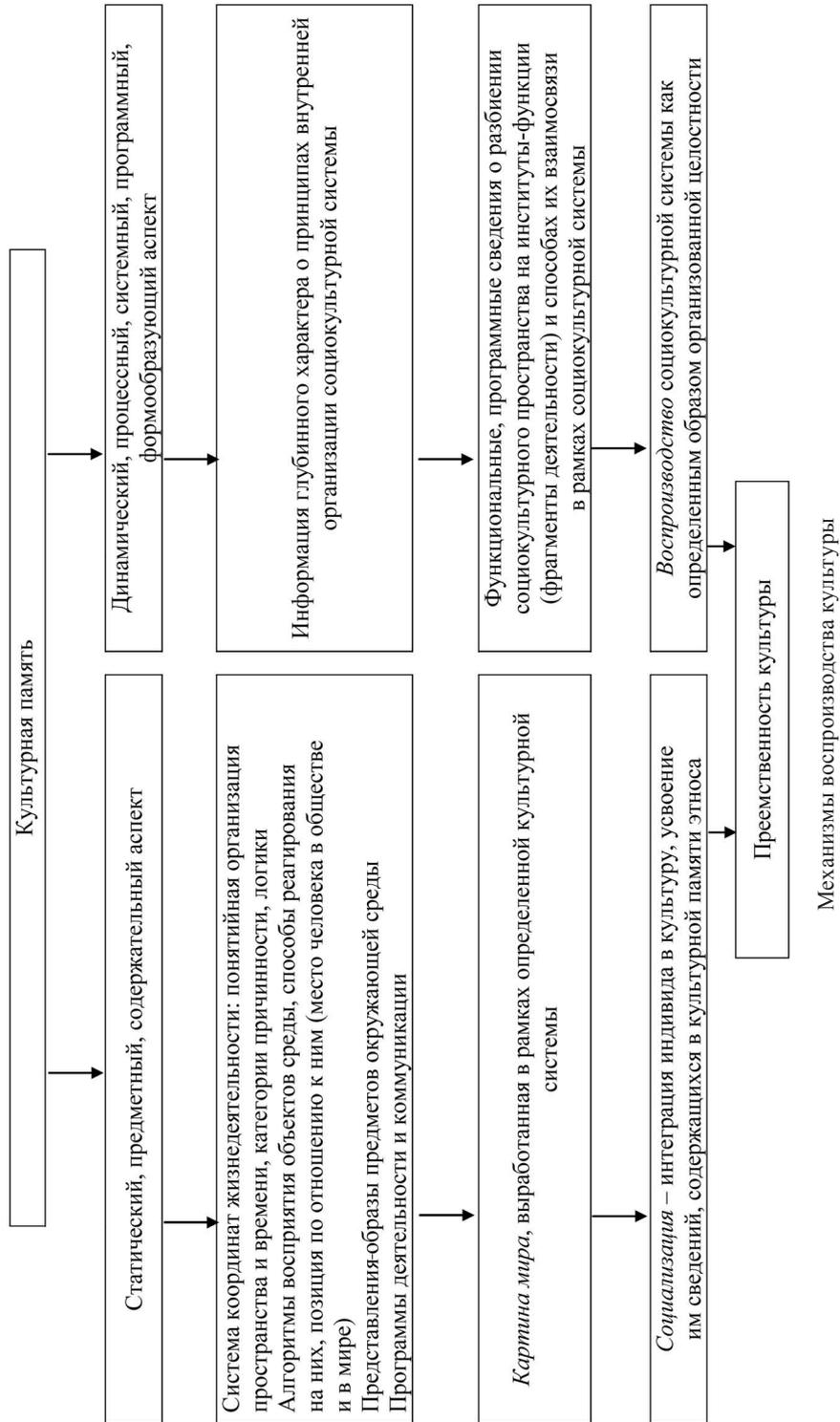
динамическом, процессном, системном – информация о механизмах воспроизводства самой культуры, критерии и алгоритмы отбора культурных содержаний, подлежащих дальнейшему воспроизводству в рамках культурной системы; обоснование и схемы забвения других, исключения их из системы социокультурного воспроизводства (см. рисунок).

Рассмотрим более подробно первый из аспектов. Составляющая его социокультурная информация носит преимущественно описательный (т. е. тем или иным образом характеризует объекты среды) либо аскриптивный характер (т. е. предписывает и обосновывает те или иные модели поведения) и является объектом культурной трансляции новым поколениям социальных акторов. В результате усвоения этих сведений и моделей поведения система получает «социальных», «нормальных», «культурных» индивидов, принимающих ценности и нормы данной культуры и выстраивающих в соответствии с ними свои повседневные практики. Какие сведения необходимы, чтобы сделать индивида «социальным»? Во-первых, культурная память хранит и транслирует *представления-образы* всех объектов материальной среды. В данном случае подразумеваются как естественные, природные объекты, например образ возвышенности, равнины, горного пика, пещеры, так и созданные человеком, например сведения о том, как выглядит плуг, из каких элементов он состоит и из каких материалов изготавливается.

Во-вторых, культурная память включает *нормы и правила деятельности* в отношении каждого из этих объектов. Они выражаются в представлениях о том, например:

для чего предназначен плуг (какова его функция или набор функций, какие задачи он позволяет решать, каким должен быть результат деятельности, осуществляемой с его помощью);

для выполнения каких конкретных операций его следует использовать, какова точная последовательность этих операций, а также точный алгоритм реализации каждой из них (каков «рецепт», «технология», «программа» деятельности).

Без такой информации «плаг» как культурный знак не может быть расшифрован, т. е. предмет не может быть использован правильно и по назначению. В результате он утрачивает статус «культурного», пригодного для социальной деятельности, так как не обладает значением в рамках данной культурной системы.

Итак, культурная память содержит сведения о том, по каким правилам должны быть организованы социальные практики в той или иной социальной системе, т. е. речь идет об определенном наборе программ социальной деятельности. Это значит, что культурная память не только хранит и извлекает из своих архивов информацию, описывающую предметные характеристики тех или иных объектов, но и содержит правила использования этих знаний в ходе реализации социальных практик, задает некую систему правил деятельности в конкретной социальной среде.

В-третьих, культурная память задает некую особую *систему координат*, которая придает форму человеческому бытию, позволяет индивиду ориентироваться в окружающем его пространстве и тем или иным образом воспринимать время. Причем особенности конструирования системы координат в разных обществах могут существенно различаться. Например, в некоторых культурах, в течение длительного периода изолированно развивавшихся в отдаленных горных районах (и поэтому не имевших возможности контактировать с представителями других цивилизаций), пространство понятийно организовано не по принципу «вперед» – «назад» – «вверх» – «вниз», классическому для европейцев и остальных жителей равнинных зон. В этом случае физическая реальность воспринимается через иную систему ориентации в пространстве: «вперед–вверх» – «вперед–вниз» – «назад–вверх» – «назад–вниз», продиктованную самим характером локальной природной среды.

В разных культурах различается и восприятие времени. Физическое время как некая последовательность событий существует объективно, т. е. независимо от нас и наших представлений о нем. Однако как только люди пытаются измерить физическое время, они выходят за пределы объективной реальности в сферу ее интеллектуального конструирования, т. е. время перестает быть физической категорией и становится социальной. Посредством применяемой к нему шкалы время разделяется на века, годы, месяцы, недели, дни и т. д. Принцип конструирования шкалы выбирается произвольно, и значит, в разных социокультурных системах способы измерения и восприятия времени могут существенно различаться. Итак, время – интеллектуальная конструкция, которая во многом зависит от предпочтений конструктора, т. е. общества и принадлежащих к нему индивидов.

В-четвертых, в культурной памяти содержится информация, способствующая выработке у индивида определенных способов восприятия объектов окружающей среды, а также усвоению правил взаимодействия с другими индивидами, а именно:

сведения о том, как должен ощущать и вести себя в этой конкретной культуре индивид, к ней принадлежащий;

информация по поводу того, как носителю данной культуры следует воспринимать других индивидов, относиться к ним и взаимодействовать с ними – здесь речь идет как о восприятии принадлежащих к той же культуре индивидов (например, установка действовать исходя из принципа индивидуальных или коллективных ценностей), так и об отношении к представителям иных культурных систем (враждебное, настороженное, дружелюбное);

сведения, касающиеся того, как следует воспринимать собственное тело (например, у представителей разных культур наблюдаются неодинаковые пороги боли и физической выносливости), и т. п.;

предписания относительно того, как должно интерпретировать окружающие его явления (например, возникновение мира может трактоваться как результат глобального взрыва, эволюции или божественного акта творения);

«указания» о том, какую позицию по отношению к ним следует занимать индивиду (взаимоотношения человек – природа).

Вернемся к рассмотрению элементов нематериальной культуры, хранящихся в культурной памяти социума. Кроме блока основных, уже названных и охарактеризованных, к ним относятся также представления, верования, ритуалы, обряды, идеи, смыслы, научные теории и концепции, поэзия, мифы, идеологии, мода, музыка и т. д., т. е. все то, что выступает элементами жизнедеятельности данного социума. Итак, культурная память не просто хранит и передает подрастающим поколениям некую сумму знаний и информации. Кроме этого, она задает некую систему координат социокультурной деятельности, т. е. формирует и транслирует некую обобщенную *картину мира*, состоящую из множества разнородных сведений. Она призвана объяснить индивиду мир и указать ему, как в этом мире следует существовать, т. е. сделать его социальным, культурным существом, полноценным участником происходящих в социуме процессов. Каким образом осуществляется трансляция социокультурного опыта новым поколениям социальных акторов?

Механизмом обеспечения культурной и социальной преемственности, т. е. передачи новым поколениям индивидов сведений, содержащихся в культурной памяти, выступает социализация. Каждый индивид, появляясь на свет, попадает в социальную среду, которая начинает передавать ему элементы культурного опыта, закрепленные в данной социокультурной системе. Трансляция выработанных обществом культурных образцов и содержаний от одного поколения к другому реализуется через процессы образования и воспитания, задача которых – интегрировать в культуру молодых представителей социума. Именно в ходе процесса социализации индивид учится жить в этом конкретном обществе, быть участником происходящих именно здесь процессов: в другом социуме данные смыслы, содержания и поведенческие паттерны могут оказаться совершенно непригодными. Цель социализации – передать индивиду некоторый объем социальной информации (т. е. «обрисовать» общий контекст, в котором он будет существовать), привить ему определенные навыки поведения и общения, а также готовность осознанно и добровольно действовать и взаимодействовать в рамках принятых в данном социуме правил поведения.

Чрезвычайно важным и первичным институтом социализации индивида является семья, в которой индивид получает свои первые представления о мире и о своем месте в нем, овладевает навыками коммуникации и получает сведения о социальных ролях, усваивает этические нормы и правила поведения. Уникальность и значимость социализирующей роли семьи заключается в том, что она начинает воспитание будущего носителя социальности «с нуля», когда сознание младенца еще представляет собой *tabula rasa*. Именно от того, какие содержания будут заложены на начальном этапе социализации, зависит, насколько успешно будет протекать дальнейшая интеграция индивида в социум, т. е. насколько «культурно полноценным» и «социально адекватным» он сможет стать. Далее в социализацию включаются и другие социальные институты, например школа, но семья еще долго продолжает оставаться одной из основных социализирующих сред. Итак, одна из задач культурной памяти – трансляция выработанных обществом культурных образцов и содержаний от одного поколения к другому через процессы социализации (образование и воспитание), т. е. интеграция в культуру молодых представителей социума.

Из сказанного следует, что содержательное наполнение культурной памяти с точки зрения ее статического, предметного аспекта составляет та совокупность социальной информации, которая непосредственно передается и транслируется новым поколениям социальных акторов в ходе социального воспитания. Этот элемент культурной памяти можно представить в виде моментального среза социокультурной реальности, некую статическую картину социального бытия, взятую в определенный момент времени, чрезвычайно пеструю и неоднородную, составленную из самых разных культурных феноменов – от компьютерной программы до идеологической доктрины, от стихов и музыки до способов изготовления посуды, от религиозной догмы до способа реакции на боль и т. д. Под этим углом зрения культурная память предстает как некое воплощение бытия «здесь – и – сейчас», выраженное совокупностью значимой и подлежащей трансляции социальной информации, и здесь категория культурной памяти сближается с понятием духовной культуры.

Второй аспект культурной памяти хранит информацию принципиально иного рода – он является, скорее, процессным, программным, формообразующим. Содержащиеся здесь сведения касаются не смыслового наполнения социальных процессов, а самих способов их структурирования и организации. Иначе говоря, речь идет о воспроизводстве самих основ социальности, т. е. о фундаментальной социальной информации, скрытой от индивидов, но выражающей самую суть воспроизводства социальных практик. Примером такой информации могут быть сведения об общих принципах разделения общества на определенное число социальных институтов. Разделение социума на эти подпространства обусловлено распределением социальных функций между группами социальных акторов, которые реализуют ту или иную функцию в ходе своей повседневной социальной деятельности. Каждое общество обладает специфическим набором таких социальных институтов-функций. Напри-

мер, если в западном обществе институты религии и права существуют автономно друг от друга, то во многих исламских обществах они не разделены и представляют собой единый социальный институт, регулирующий поведение социальных акторов посредством одного свода правил-законов – Шариата. Такое разбиение социума на подсистемы обусловливается всей предшествующей историей социального развития и закрепляется в культурной памяти этноса.

Итак, культурная память – это не только обобщенная характеристика социальных явлений и процессов, складывающихся в процессе развития социума, это также и объяснительный принцип, раскрывающий механизмы социального воспроизводства. Так, культурная память предстает не только и не столько в виде суммы описаний прошлых состояний реальности, а, скорее, как непрерывный процесс воссоздания прошлого в актуальном настоящем. Иначе говоря, память является не только и не столько окончательным набором готовых сведений, накопленных культурой к определенному моменту ее развития, но прежде всего разветвленной информационной системой, содержащей в «свернутом» виде совокупность культурно закрепленных правил организации социальной деятельности, т. е. некоторой совокупности ценностно-нормативных ориентиров социума, а также правил объединения отдельных социальных институтов-функций (или «свернутых» программ деятельности) в единую социальную систему.

Память задает технологии и правила деятельности, поведения и коммуникации, конструирует саму матрицу социальности, придает форму и осмысленность социальному бытию. Память содержит в обобщенном виде представления и образы предметной и духовной культуры, а также правила реализации всех видов социальных практик – от привычки сидеть за столом и пользоваться столовыми приборами во время еды до грамматических правил построения фразы в соответствии с нормами языка. Она программирует деятельность каждой из социальных подструктур и задает определенный порядок их взаимодействий и взаимоотношений, т. е. обеспечивает слаженное функционирование социальных институтов в рамках социальной системы в целом. Она одновременно обеспечивает форму и содержание социальных процессов, так как включает в себя общую схему-матрицу организации социального пространства (форма, т. е. социальная организация как разбиение социума на институты и функции) и обладает необходимой социальной информацией (содержанием) для наполнения этой матрицы-структуры. Иначе говоря, она «знает», что, где и как с этой информацией надо делать, чтобы социум существовал стабильно и устойчиво, без сбоев и провалов преемственности. Таким образом, культурная память пронизывает все уровни социальной реальности, проникает во все ее подструктуры и подсистемы, обеспечивая преемственность культуры во времени и непрерывное и плавное течение социальных процессов.

Литература

1. Мосс, М. Техники тела / М. Мосс // Общества, обмен, личность. – М.: Вост. лит., 1996. – С. 242–263.
2. Петров, М. К. Язык. Знак. Культура / М. К. Петров. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
3. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 200–202.
4. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.
5. Рикер, П. Память, история, забвение / П. Рикер: пер. с фр. И. И. Блауберг [и др.]. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004.
6. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин; пер. с англ. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

S. N. KROITOR

CULTURAL MEMOIR AS A MECHANISM OF REPRODUCTION OF SOCIAL PRACTICES

Summary

The author examines cultural memory as a sociological category. Its social nature was analyzed as well as a set of its essential characteristics has been determined.

Д. К. БЕЗНЮК,

*доктор социологических наук,
Белорусский государственный университет, г. Минск*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИИ

Рассматриваются проблемы и методы социологического анализа форм и путей формирования государственно-конфессиональных отношений в современной Беларуси.

Социологический подход к анализу отношений между государством и религией предполагает соблюдение двух базовых условий: определять государство и религию как социальные институты и субъекты отношений; полагать их действующими в одном (едином) социальном пространстве – обществе и культуре – с определенным набором конкретно-исторических характеристик. Это позволяет представить систему государственно-конфессиональных отношений как совокупность актов взаимодействия между государственными и религиозными институтами.

Осознавая все возможное многообразие и многоплановость конкретного содержания государственно-конфессиональных отношений, тем не менее необходимо задать наиболее перспективные, с точки зрения автора, варианты прояснения и анализа этих отношений. Такие варианты выступают познавательными схемами, задающими направление и технологию исследования исходя из методологического и процедурного потенциала социологии.

Первая схема предполагает выделение трех своеобразных проекций анализа государственно-конфессиональных отношений, каждая из которых является совокупностью их фундаментальных характеристик. В рамках этих проекций отношения «государство – религия» предстают как система, процесс и ситуация. В первом случае (система) предполагается выяснение структурных и функциональных характеристик системы государственно-конфессиональных отношений; здесь особое внимание необходимо обратить на полиструктурность этой системы и на сложности, которые возникают в сфере соприкосновения функций религии и государства как элементов общества. При выявлении динамических характеристик системы государственно-конфессиональных отношений – взгляд на них как на процесс – возникает необходимость выделения этапов (стадий) их формирования и направления развития, выяснения всего комплекса факторов, детерминирующих процесс их развития. При таком подходе появляется реальная возможность прогнозирования возможных

путей эволюции государственно-конфессиональных отношений. В третьем случае (ситуация) анализируются контекстуальные особенности взаимоотношений государства и религии, порожденные сложностью общей социальной системы общества и культуры.

Вторая схема предполагает выделение блоков реальных и потенциальных проблем, которые характерны для данных государственно-конфессиональных отношений. Исследователю должно быть ясно, что отношения между государственными и религиозными институциями не осуществляются в вакууме и не являются социально «стерильными»; они, напротив, определяются достаточно большим числом факторов, которые крайне разнообразны по своей природе и по характеру влияния. В первом приближении эти факторы можно представить (классифицировать) как четыре проблемных поля: проблемы практического освоения религиозного наследия и его социализации в современных условиях; проблемы культурно-исторической экспертизы (научной рефлексии) религии в данном обществе; проблемы внешнеполитического порядка (религия и свобода совести как инструменты политической борьбы и влияния); проблемы юридического оформления государственно-конфессиональных отношений.

Третья схема, выступающая вероятным сценарием анализа государственно-конфессиональных отношений, задает исследователю своеобразные семантические полюсы, которые описывают смысловое пространство этого анализа – сфера отношений «государство – религия» помещена в границы «прошлое – форма – контекст – перспектива», которые и позволяют прояснить ее содержание и специфику относительно конкретного государства. Раскрыть содержание этих «пограничных» категорий возможно следующим образом. «Прошлое»: историческая реконструкция зарождения и стадийного развития сферы государственно-конфессиональных отношений. «Перспектива»: прояснение конечных целей формирования государственно-конфессиональных отношений (государственной политики в делах религий) и построение прогнозов. «Форма»: соответствие – несоответствие наличной системы государственно-конфессиональных отношений принятым стандартам (например, мировому опыту или европейской модели). «Контекст»: совокупность внутренних и внешних особенностей и обстоятельств функционирования и развития сферы государственно-конфессиональных отношений.

Говоря о методологических особенностях изучения отношений «государство – религия», необходимо помнить, что анализ современного состояния и перспектив развития государственно-конфессиональных отношений вряд ли будет продуктивным, если мы откажемся ставить эти отношения не только в контекст современных условий, но и не обратим внимания на теоретические и практические нюансы, которые сформировались как в философско-политических и теологических теориях, так и в реальных исторических (имевших место) моделях государственно-конфессиональных отношений. Отношения между государством и религией попали в сферу человеческого познания достаточно

давно. Если попытаться охватить всю историю формирования теоретических схем анализа этих отношений (с акцентом на изменение методологических предпосылок их формирования), то можно предположить наличие следующих четырех этапов: этап мифологических систем, этап государствоцентризма, этап синтеза теологической и политической природы, этап просветительно-секулярной логики. Еще раз подчеркнем, что речь идет не столько о реальных исторических периодах, сколько о смене логик анализа государственно-конфессиональных отношений.

Мифологические системы наших предков пытались объяснить не только природный космос, но и социальный, при рассмотрении которого центральное место занимала проблема власти, проблема обоснования права на власть. Ментальная активность древних была направлена прежде всего на легитимизацию права какого-либо вождя или правителя на власть: почему именно данный субъект должен обладать властью? Ответ на этот вопрос формулировался с привлечением религиозных смыслов и формул.

Второй этап в истории анализа государственно-конфессиональных отношений отмечен господством философской логики, которая заменяет признание сакрального характера религии изучением степени ее пользы или вреда (функциональности–дисфункциональности) для государственного (общественного) организма. Здесь мы имеем дело с формированием сугубо функционального подхода в оценке религии. Наиболее примечательной фигурой этого этапа выступает Платон. Древнегреческий философ полностью подчинил функционирование мифов одной из задач государства – воспитанию соответствующих качеств подрастающего поколения, в особенности будущих воинов-стражников. Миф предназначен задавать образец поведения будущего гражданина, формировать внутренние качества личности в нужном государству направлении. По сути дела первый и второй этапы осмысления и проектирования государственно-конфессиональных отношений *задали основную проблему этих отношений – проблему соотношения (баланса) власти государства и церкви; проблему разделения и распределения их полномочий*. Наиболее остро эта проблема возникла в эпоху Средневековья, когда христианская церковь стала центральным культурным и социальным элементом общества.

Этап синтеза теологической и политической природы (средневековая теология и философия) характеризуется, помимо всего прочего, формированием методологической схемы, которая до сих пор господствует в теоретической и практической плоскостях государственно-конфессиональных отношений. Речь идет о своеобразной системе показателей, лежащих в основе стратегии и тактики формирования и реализации отношений между государством и религией. Эти показатели можно представить следующим образом. Государство и религия (церковь): 1) формируют представление о собственной сущности и предназначении, 2) формируют представления о сущности и предназначении другого, 3) предполагают сравнение себя с другим и формируют отношение к другому, 4) создают модели реальных действий в отношении другого.

М. Вебер, говоря о христианской оценке государства, о проблеме соотношения светской и религиозной власти в Средневековье, отметил, что эта проблема известна не только христианству, но только в нем она достигла такой напряженности и последовательности. Христианство, распространяясь в границах Римской империи, не могло не соотноситься с ее государственным устройством, не могло игнорировать, уже позже, наличие национальных государств. Рассматриваемый нами период задал несколько классических вариантов взаимодействия государства и религии, которые решают обозначенную выше проблему соотношения (баланса) власти государства и церкви, разделения и распределения их полномочий: доминирование государства, доминирование церкви, равенство государства и церкви (симфония церковного и государственного начал).

Последний из выделенных нами этапов – *этап просветительско-секулярной логики* – характеризуется своеобразным «преодолением» средневекового теоцентризма, которое, относительно нашей темы, шло двумя путями. Первый путь связан с мировоззренческим и политическим освобождением государственной сферы от прямого влияния церкви – государство становится светским. Здесь особое место занимает ситуация правового оформления светского характера государства, которое позволяет сосуществовать религиозным и светским компонентам культуры и общества. Второй путь – церковная (религиозная) саморефлексия по поводу секуляризации государства и места религии в новой культурной и политической ситуации. В рамках второго пути наибольшего внимания заслуживает ситуация трансформации социально-богословских концепций по поводу факта отделения церкви от государства и вытеснения религии в сферу частных интересов граждан. Среди этих концепций можно выделить два вида схем анализа и проектирования системы современных государственно-конфессиональных отношений: первый вид – консервативная, представленная в монархической и умеренной версиях; вторая – либеральная.

Концепции монархического порядка формируют свою логику на основе известной уваровской триады «Православие. Самодержавие. Народность». Система государственно-конфессиональных отношений представляется в этом случае как идеальное слияние государственных и церковных институций на основе нравственного служения народу и державе. Понимая, что этот вариант выглядит достаточно утопичным, сторонники монархической формы правления говорят о необходимости «нравственно дорасти», «духовно созреть» для реализации этой схемы. Более убедительным на этом фоне выглядит умеренно-консервативный вариант, наиболее ярким представителем которого был митрополит Иоанн (Снычев). В основе его взглядов лежит современная интерпретация классической византийской версии симфонии государственной и церковной власти. Если попытаться «перевести» эту интерпретацию на социологический язык, то можно говорить о следующей модели.

В период масштабных трансформаций постсоветского общества вся система взаимоотношений государства и религии подчинена одной цели – возрож-

дению державности как комплексу государственных, нравственных, экономических и культурных основ общества. По сути дела система государственно-конфессиональных отношений приобретает характер парсоновской AGIL, выполнение которой позволит преодолеть системный кризис. В основе всего комплекса взаимодействия государства и религии должно лежать несколько принципов (заметим, что в современном законодательстве Беларуси и России некоторые из них нашли свое отражение): опора на традицию и историю, что позволяет выделить доминирующую, государствосозидающую и культурообразующую конфессию, потенциал которой необходимо использовать; принцип единства политики и нравственности; принцип единства народа и власти в форме подлинной соборности, а не в форме современного «мифа о народо-власти»: «...Скажем честно – никому народ своей власти не препоручал по той простой причине, что власти этой у него никогда не было» [2, с. 26]; принцип межнационального единства, которое должно быть основано на взаимоважнении и толерантности.

Блок либеральных концепций государственно-конфессиональных отношений исходит из тезиса А. В. Карташева: современное правовое государство, если оно не страдает скрытым или явным антирелигиозным фанатизмом, должно быть признано нормальным условием жизни церкви наших дней, что и является наилучшей базой для компромисса [3, с. 236]. Именно в рамках либеральных концепций сегодня работает подавляющее большинство светских и религиозных аналитиков по проблемам взаимодействия современного государства и религиозных институтов. Хотя таких концепций много и варианты объяснительных схем довольно сильно разнятся, все же можно выделить ряд общих положений, которые близки социологической логике анализа государственно-конфессиональных отношений. К таким положениям методологического порядка можно отнести следующие.

1. Полное принятие светского характера государства и вытекающая отсюда принципиальная установка на сотрудничество религиозных структур со светскими (включая, естественно, государственные). При констатации различия их природ общей целью сотрудничества полагается благополучие граждан и общества.

2. Признание основных гражданских свобод (свободы слова, свободы совести, мировоззренческий и идеологический плюрализм) и полное неприятие тезиса о необходимости государственной (в форме синодального периода истории русского православия) религии.

3. В оценке факта отделения церкви от государства присутствуют три обязательных момента. Во-первых, такое отделение есть благо для церкви, так как освобождает ее от постоянной опеки государства и не связывает ее обязанностью служить «министерством исповеданий» (как это было в синодальный период). Во-вторых, отделение церкви от государства ни в коем случае не означает отделения первой от общества. Там, где современное правовое государство обеспечивает церкви ее внутреннюю каноническую свободу, там цер-

ковь может жить и исполнять свою догматическую, моральную и миссионерскую деятельность наиболее удобным для нее способом. В-третьих, раздельное сосуществование государства и церкви предполагает взаимоуважение; особенно на этом настаивает церковь, требуя гарантий неприкосновенности для своих внутренних организационных порядков и традиций.

4. В ситуации правового светского государства религии отводится место своеобразной культурной и исторической совести народа; религиозные ценности должны способствовать совершенствованию как личности, так и общественной системы в ее нравственном измерении.

5. Признание необходимости расширения религиозного образования (просвещения) как средства выработки мировоззренческого иммунитета против деструктивных и экстремистских версий религиозных вероучений.

Перечисленные выше положения служат своеобразной семантической матрицей, которая задает правила интерпретации современного положения религии и церкви, определяет пути вписывания религиозных институций в светские, секуляризованные культурные системы. Сегодня западный мир основным путем такого вписывания выбрал или договорные отношения между государством и церковью, которые практикуются не только католической церковью, или конституционное оформление определенного статуса конкретной конфессии.

Еще один методологический аспект анализа конкретно-исторических форм организации государственно-конфессиональных отношений заключается в том, что эти формы выступают механизмами и рамками реализации функционального потенциала государственных и религиозных (церковных) структур. Как два субъекта социальных взаимодействий, как два игрока в социальном пространстве общества и культуры, как два социальных института, наконец, государство и церковь обладают набором функций относительно друг друга. В каждую эпоху, в каждом конкретном случае эти функции могут реализовываться как средство влияния на других и, таким образом, система отношений «государство – религия» превращается в систему обоюдных функциональных «вызов – ответ». Если мы, например, рассматриваем модель атеистического государства (типичный вариант – СССР), то в системе государственно-конфессиональных отношений мы выделим для анализа не только намерения сторон относительно друг друга (ликвидировать – выжить; вытеснить – остаться), но и технологии их реализации, функционирование относительно друг друга. А через анализ функции мы получаем доступ к ресурсам и технологиям существования субъекта.

Реально существующая система взаимоотношений между государством и религиозными организациями в современных государствах почти всегда представляет собой систему сотрудничества на основе четкого разделения их функций. Исторический и социологический анализ государственно-конфессиональных отношений позволяет выделить два уровня их функционирования: теоретический (уровень идей, теорий, суждений и оценок) и практический (уровень решений, действий, технологий). Функции религии на практике,

в системе отношений с государством реализуются в рамках определенных направлений, которые можно определить как возможные векторы воздействия религии на государство и сферу политики вообще. Это воздействие может осуществляться как прямо, так и косвенно. К прямым формам можно отнести следующие: непосредственное участие в политической деятельности религиозных субъектов (церковных деятелей, политических партий религиозной направленности, общественно-религиозных движений); использование религиозного фактора во внешней политике и разделение сфер влияния по конфессиональному (вероисповедному) признаку. Так, например, после распада СССР республики Средней Азии одними из первых получили международное признание Ирана, Пакистана, Турции и стран Персидского залива (заметим, что между некоторыми из этих стран возникло соперничество за влияние на вновь образованные государства). К косвенным формам воздействия религии на государство и сферу политики можно отнести влияние на сознание людей, идеологическую поддержку или противоборство, проблемную и политическую интеграции.

Таким образом, анализ и моделирование государственно-конфессиональных отношений предполагают прояснение функционального потенциала государственных и религиозных институтов как субъектов взаимодействия, выявление и анализ их возможностей в ситуациях сотрудничества и соперничества. В качестве вывода отметим следующее: во-первых, началом интереса к отношениям государства и религии можно считать первые попытки анализа предназначения и функций государства как естественной и неизбежной формы организации человеческого общежития (Платон, Аристотель и др.). Функциональный подход неизбежно привел к необходимости дать оценку и религии как механизму организации и регулирования общественных отношений. Естественно, что такая оценка давалась как сравнение возможностей государства и религии, сравнение их конечных целей и путей (технологий) их достижения. Античное наследие было использовано и в средневековой социальной мысли, что привело к формированию своеобразной методологической схемы, которая лежит в основе практически всех теоретических и практических моделей построения государственно-конфессиональных отношений. Кризис теоцентричной средневековой культуры и распространение просветительско-секулярной идеологии не изменили в принципе саму эту схему, а поменяли лишь внутри ее акценты и оценки. Это иллюстрируется эволюцией социально-богословских схем анализа государственно-конфессиональных отношений. Во-вторых, основным методом, задающим логику анализа государственно-конфессиональных отношений, был и во многом остается функциональный подход, раскрывающий предназначение государства и религии, их функциональный статус и значение в контексте общества и культуры в целом. Логика такого подхода достаточно проста: так как нет возможности, по крайней мере с научных позиций, определить истинность той или иной религии, то единственный путь оценки религии (в системе ее отношений с государством) –

функциональный анализ, т. е. путь выявления ее функциональных, практических характеристик, посредством которых можно прояснить систему государственно-церковного взаимодействия. В-третьих, на практике основной спецификой современной стратегии построения взаимодействий государства и религии (церкви) стало понятие конкордата, или соглашения, между государством и религиозными структурами, которое разделяет полномочия и сферы их деятельности.

Литература

1. Боронников, А. Н. Политика и религия / А. Н. Боронников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://easyexams.ru/index6.phtml?id=48588>. – Дата доступа: 20.11.2005.
2. Иоанн (Снычев), митрополит. Русская симфония (очерки русской историософии) / митрополит Иоанн (Снычев). – М.: Царское Дело, 2004. – 495 с.
3. Карташев, А. В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. / А. В. Карташев. – М.: Наука, 1991. – Т. 1. – 704 с.

D. K. BEZNIUK

METHODOLOGICAL ASPECTS OF ANALYSIS OF INTERACTION OF STATE AND RELIGION

Summary

Problems and methods of sociological analysis of forms and ways of forming State and confessional relations in modern Belarus are examined.

Е. А. БЕЛАЯ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЩНОСТЬ» В КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Статья посвящена проблеме определения понятия «общность» и, в частности, осмыслению того теоретического наследия, которое оставила классическая социология.

Слово «общность» имеет довольно широкое употребление и в научной литературе, и в обыденной жизни, а также широко употребляется в политических и бизнес-кругах. Подобное широкое словоупотребление порождает размышления о включенности и исключенности, равенстве всех типов социальных отношений или превосходстве одного типа другим.

Каждый из нас интуитивно понимает значение слова «общность». Оно отсылает к размышлениям о том, что же является общим для людей, что связывает их вместе и дает чувство сопричастности друг другу, не зависимости, но единства. Очевидно, что это один из фундаментальных аспектов социальности. Человек, с одной стороны, нуждается в чувстве сопричастности, единения с другими людьми, разделения общего опыта и ожиданий; в группе он может найти поддержку или использовать ее в качестве ресурса. С другой стороны, индивидуум так или иначе отграничивает себя от других и наряду с идентификацией себя с той или иной общностью стремится поддержать и свою индивидуальность. Концепт «общности» позволяет «схватить» эту двойственность, сосредоточить внимание как на тех, кто вместе, так и на тех, кто отделен. Поэтому многие исследователи кладут именно этот концепт в основу анализа социальной реальности, несмотря на трудности в работе с ним.

Всестороннее изучение общностей различных типов позволяет выявить механизм объединения людей, указывая на наличие у них неких общих черт, в то же время помогая в некотором смысле сгладить или структурировать различия, тем самым как бы подсказывая наиболее эффективный способ деятельности в возникающих социальных ситуациях. Сама идея «общности» не нова для социологии. На протяжении всей истории социологии ведутся дискуссии об эвристической ценности концепта, о его возможности выступать адекватным инструментом изучения социальной реальности. Однако судьба этого концепта не проста: некоторые исследователи утверждали, что «общность» – понятие пустое, которое на сегодняшний день не имеет никакого конкретного смысла [1, с. 44]. В то же время многие ученые совершенно справедливо от-

мечали сложность и многогранность этого понятия, что существенно усложняло задачу корректного определения содержания концепта и соответственно работу с ним в поле не только теоретических исследований, но и эмпирики.

Тем не менее сегодня понятие общности снова вышло на передний план интересов ученых, работающих в различных областях социальной науки (по крайней мере, на Западе). Ведется множество дискуссий о том, какие же социальные отношения и связи образуют общность. Есть те, кто настаивает на том, что только отношения «лицом к лицу» могут образовать общность, другие же отмечают, что смысл общности в том, чтобы связывать даже тех людей, которые и не подозревают о существовании друг друга. Должны ли люди, составляющие общность, жить на одной территории, или возможны экстерриториальные объединения? Что отличает общность от других социальных групп? Есть ли разница между общностью и ассоциацией? Эти и многие другие вопросы возникают, когда мы пытаемся рассуждать об общности.

Так или иначе, именно на концептуализации понятия «общность» и его соотношении с понятием «общество» было сосредоточено внимание классических теоретиков. Конечно, прежде всего они размышляли над тем, как возможно общество (пользуясь формулировкой Г. Зиммеля), что связывает людей в группы, что определяет единство, несмотря на различия. Но тем не менее подобное теоретизирование было невозможным без анализа понятия «общность». Именно на осмыслении этой пары понятий и их соотношении строились концепции таких теоретиков, как Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, М. Вебер. Вместе с тем их теоретические построения позволили перенести изучение различных типов общностей в поле практической социологии (достаточно вспомнить разработки представителей Чикагской школы в рамках социологии города и социальной экологии, сделанные на основе переинтерпретаций идей классиков).

Классическая социология оставила весьма богатое наследие теоретических построений вокруг концептов общности и общества, которое не может оставаться без внимания и тщательной проработки, если ставится задача концептуализировать понятие «общность» и определить специфику статуса и функционирования такого рода объединений в современных условиях. Особое место в этих теоретических построениях занимает работа Ф. Тённиса «Общность и общество: основные понятия чистой социологии». Во многом потому, что именно эта работа оказала значительное влияние на последующие разработки обсуждаемого концепта. В своей работе Тённис показал основные различия между «общностью» (общиной) и «обществом» (ассоциацией) и, что даже более важно, перевел эти два концепта в плоскость дихотомий. По сути Тённис показал, что общность и общество – различные типы социальной организации, под которой будем понимать характер и качество социальных связей между людьми. Тённис полагал направление эволюции социальной организации от общности к обществу, от общины к ассоциации и в соответствии с этим выделил два типа социальных отношений: общностные и общественные. Об-

щностные отношения основаны на подобию, ориентированы на достижение общего блага, в то время как общественные отношения строятся прежде всего на некоем усредненном понимании «блага», основанном на подсчете выгод той части людей, которые включены во взаимодействие.

Это различие было основополагающим для концепции Тённиса, и на нем он основывал все дальнейшие рассуждения, так как именно на этом различии строятся, по его мнению, все социальные взаимодействия. Общностным отношениям соответствует, в терминологии Тённиса, органическая воля (естественная, спонтанная), обществу – избирательная (рациональная). Общество – это опосредованные связи, основанные на взаимных контрактах (сделках). Если общность самоорганизуется на основе родства (общности крови), соседства (общности места) и дружбы (общности духа), то общество создается ради достижения какой-либо цели. Таким образом, Тённис по сути дела говорил о том, что общностные отношения и основанные на них группы более стабильны, в то время как группы, основанные на отношениях по типу общественных, могут перестать существовать с достижением поставленных целей или с исчерпанием функций, ради которых были созданы. Кроме того, люди, вовлеченные в общности, связаны чем-то большим, чем просто общая деятельность, и скорее всего чувство солидарности, групповой идентичности будет сильнее, нежели у тех, кто включен в ассоциации.

Еще одним немаловажным свойством общности, по мнению Тённиса, является то, что она сохраняет и воспроизводит свои связи даже в том случае, когда ее отдельные элементы отделяются и получают некую автономию. С обществом подобного не происходит. По мысли Тённиса, в общности люди связаны, даже когда разъединены, а в обществе – разъединены, даже когда связаны. Общностные (общинные) отношения сохраняются как благодаря традиции, так и в силу эмоциональных уз и общности языка. Для общности главное – укорененность в традиции (а формы могут быть любыми, начиная с семьи и заканчивая нацией). По сути дела эти отношения зиждутся на общей культуре, на разделяемых всеми членами общности идеях и смыслах. Общественные отношения сугубо рациональны, могут связывать людей с противоположными ценностями, так как строятся на отношениях обмена и договора. Если субъектами первого типа отношений выступают индивиды, то субъектами отношений второго типа могут быть группы, сообщества, даже государства. Указывая направление эволюции форм социальной организации от общности к обществу, Тённис тем не менее не говорит о том, что общность перестает существовать: она переходит на другие уровни в условиях города или в рамках профессиональных или религиозных групп. Однако, указывая на развитие социальной организации от общности к обществу, Тённис был скептичен. Он полагал, что прогресс приведет к утрате культурного компонента отношений, к разрыву традиционных связей, а на их место придет расчет и рационализм.

В работах другого классика Э. Дюркгейма можно обнаружить сходные идеи. Одним из ключевых понятий концепции Дюркгейма выступает «соли-

дарность». Он описывал разные типы социальной солидарности. В архаических обществах солидарность основана на коллективном сознании, на чувствах, общих верованиях, клановом или территориальном единстве и называется механической. Органическая же солидарность присуща развитым социальным организмам и основана на автономии индивидов, разделении функций и обмене. Обе формы солидарности могут быть рассмотрены как основания для разных типов социальных отношений: основанных на подобии или различии. Эволюция, по мнению Дюркгейма, также разворачивается от механической солидарности к органической, и обеспечивает этот переход разделение труда. Однако если Тённис не слишком позитивно относится к урбанизации и модернизации и связанным с ними разрывам естественных связей между людьми, то Дюркгейм полагал, что такой переход даст людям больше свободы выбора. Но все-таки Дюркгейм указывал и на то, что если индивидуализация станет критичной и люди потеряют готовность к кооперации и взаимодействию, то вместо того, чтобы объединять усилия для достижения общих целей (т. е. поддерживать солидарность), они начнут разделяться и действовать эгоистично. Это грозит потерей порядка, ведет к аномии. Работы Э. Дюркгейма подняли ряд вопросов, связанных с концепцией «общности», включая различные типы социального порядка, проблему поддержания социальной стабильности и взаимодействия. Его работы стали отправной точкой для многих последующих исследований в данной области.

Однако при анализе работ классиков необходимо учитывать и исторический, и социальный контекст того времени, когда создавались их работы. В частности, значительное влияние на теоретические выкладки оказывала растущая индустриализация и модернизация, имевшая место в Европе XIX в. А вместе с развитием капитализма происходил и повсеместный довольно быстрый рост городов. В частности, Дюркгейм связывал перемены в морали общества с концентрацией населения, миграцией и мобильностью. И эти факторы задают контекст для процесса разделения труда, который, как уже отмечалось выше, ведет к развитию органической солидарности. Таким образом, развитие различных типов социальных отношений находится под влиянием или даже обусловлено силами как материального, так и институционального свойства.

Если Тённис и Дюркгейм в своих теоретических разработках исходят из самого общества, то М. Вебер фокусирует внимание на культуре, рассматривая явления социального мира сквозь ее призму. Иными словами, Вебер сосредоточил свое внимание не на объяснимости и регуляции социального поведения извне, а на его внутренней специфике – субъективно подразумеваемом смысле. Вебер не столько констатировал объективность социальных явлений (как это делал Дюркгейм), но пытался объяснить саму эту объективность, показать, как она формируется из действий, субъективно ориентированных по своей природе. Вебер сосредоточивал свое внимание на природе «общего (совместного)», так как именно это присуще большинству социальных взаимоотно-

ношений. Оно состоит в ориентации акторов друг на друга, поэтому они не только сосредоточены на собственных целях и интересах, но и учитывают желания, нужды и поведение других. Долгосрочные отношения, не предполагающие только лишь получение сиюминутных выгод, будут, по мысли Вебера, генерировать чувство общности.

Таким образом, можно говорить о том, что классические теории носили универсальный, абстрактный характер, иными словами, конструировали и описывали идеальные типы тех или иных явлений социальной жизни. Однако в них заложен фундамент дальнейших исследований. Работы Тённиса и Дюркгейма позволяют отграничить изначальные, архаические формы социальных отношений (общности) от более поздних, современных (ассоциации). Общность основывается на единстве, коренится в традиции и действует как единое целое. Общность самоорганизуется и имеет тенденцию сохранять связи частей с целым даже в том случае, когда части обретают некоторую автономию. Ассоциация же строится на различиях и взаимозависимости, создается ради достижения определенных целей и может перестать существовать с их исчерпанием. Можно даже сказать, что к общностям люди естественным образом предрасположены, а объединяться в ассоциации лишь вынуждены. В категориях модерна мы можем говорить о традиционных обществах (основанных на общностных связях) и о современных (основанных на общественных, ассоциативных связях).

Однако кроме противопоставления общности обществу и прослеживания эволюции от общины к ассоциации, можно пристальнее взглянуть на сами отношения общностного типа, ведь они не исчезают с развитием ассоциаций. Как уже отмечалось выше, Тённис полагал, что общность выражается в трех типах отношений: родстве, соседстве, дружбе. Иными словами, можно говорить о разворачивании идеи общности от семьи (причем эти отношения продолжают существовать и вне пределов дома и его окрестностей) к соседству (деревне, с опорой на общность традиций и привычек совместной жизни), а затем к дружбе (вероятно, наиболее абстрактной форме единства, не зависящего ни от места, ни от крови). Следовательно, с увеличением численности группы и изменениями социальных условий на смену непосредственным кровнородственным связям приходит нечто, носящее более отвлеченный характер, но связывающее людей не менее крепко. И основой такой связи, такого чувства общности может выступать религия. Религия, по мнению Тённиса, есть сама семейная жизнь: с одной стороны (человеческой) – почтение, жертвование, а с другой (божественной) – милость, защита и помощь (иными словами, отношения детей и отца).

Религия составляет часть традиции, а традиция – основа общности, форма выражения и механизм изначального единства. Религия, по Тённису, становится необходимой в тем большей мере, чем более многообразной становится городская жизнь, чем больше родство и соседство утрачивают способность быть основой дружественных чувств и поступков или ограничивают эту способность более узким кругом [2].

Религиозная община по своей сути близка к тому, что Тённис называет общностью духа. Тённис полагал ее наивысшим выражением идеи общности. Здесь религия приходит на смену кровно-родственным отношениям, создавая связи на основе внутреннего родства (если говорить с точки зрения вероучения, то это первоначальное родство в Духе). Такая общность – следствие общего образа мыслей и не зависит от действительного биологического родства или соседства, т. е. объединяет людей нечто надъестественное, иными словами божество, которое обитает не в пределах определенного места, а в сознании людей. Общность (общину) с религией связывал и Э. Дюркгейм. Он полагал общину одним из элементов структуры религии (наряду с вероучением и культом). В своей работе «Элементарные формы религиозной жизни» он анализирует структуру архаических верований австралийских аборигенов, так как считал, что ядро и основные формы проявления архаических верований сохраняются и в более современных, развитых религиозных системах. Иными словами, он пытался выявить общую для всех религий структуру, ядро. Религия, по мнению Дюркгейма, связана с социальной жизнью и является своего рода «первопричиной» его существования и развития; все многообразие религий не отменяет их сходства.

Дюркгейм разграничил два мира – мир сакрального (или священных вещей) и профанного (т. е. повседневность). Переход от одного мира к другому обеспечивается ритуалами. В ходе анализа Дюркгейм показывает, что религия по сути есть вера в социально значимое и объектом поклонения выступает не сверхъестественное, а само общество. Таким образом, религия выполняет функцию социальной интеграции (поддержания механической солидарности в архаических обществах и наполнения смыслом и некоторым чувством сопричастности в обществах современных). Источником религии Дюркгейм полагал собравшуюся вместе группу (общину верующих). При этом он отмечал, что на элементарном уровне разница между социальной общностью и религиозной группой отсутствует. Иными словами, изначально все члены общности разделяли определенные религиозные верования. Религия обеспечивала сплоченность социальной группы. В архаических обществах жизнь индивида определяет коллективное сознание, которое, по мнению Дюркгейма, религиозно. Оно выражается в общих установках, переживаниях, разделяемом опыте. В таких обществах индивид растворен в целом, всецело подчиняется ему. Однако с развитием дифференциации, с переходом от механической солидарности к органической сфера «давления» коллективного сознания уменьшается, оно рационализируется, расширяется сфера индивидуальной свободы. Тем не менее, чтобы общество не утратило свое влияние на индивида, чтобы не ослаб социальный контроль, коллективные представления необходимо время от времени обновлять. Коллективные представления связаны со священными вещами и Дюркгейм видит способ обновления этих представлений в «погружении» индивида в группу, которая является источником религиозной жизни. Таким образом, если Тённис видел в религии и религиозной

общине «вторую жизнь» общности, ту область социальных практик, в которой общность существует и в современном мире, то Дюркгейм скорее полагал религиозную общину «прообразом», фундаментом социальной общности. Тем не менее и для Тённиса, и для Дюркгейма религия – источник стабильности, поддержания солидарности, целостности общества, своего рода консервативная сила.

Иной точки зрения придерживался М. Вебер. В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» он поставил задачу выяснить, какие именно духовные основания, заложенные в вероучении, обеспечивают выбор профессии, связанной с капиталистическим типом экономики, каким образом религия способствует социальным переменам, формируя соответствующее мировоззрение и этос. Община возникает из личного религиозного опыта (персонифицируется в пророке), который впоследствии был «разделен» с другими индивидами. Так образуется некая религиозная группа, которая разделяет истинность религиозного опыта, на основании которого она возникла. Члены группы так или иначе вырабатывают общий язык, пользуются общими символами, которые имеют одинаковый смысл и значение для всех членов религиозной группы. М. Вебер отмечает, что отделение общины основано на исключительности предлагаемого ею пути спасения. Если пророчество успешно, появляются почитатели, постоянные помощники. Кроме них есть круг людей, которые поддерживают пророка. Они объединяются либо от случая к случаю, либо в постоянную общину. Община формируется как продукт повседневности, как результат того, что пророк гарантирует постоянное дарование благодати и благоденствование. Тот, кто следует примеру пророка, принадлежит к общине. Это своего рода изначальная община, когда еще не идет речи ни о конфессиях, ни о развитом богословии, ни о церковной иерархии.

Однако чтобы возникшая группа воспроизводилась и сохранялась, нужны механизмы трансляции и подтверждения аутентичности группы. Это приводит к тому, что общее культурное содержание во избежание «размывания» должно быть институционализировано, формализовано в четкие дефиниции, догматы и т. п., иными словами, наряду с религиозной группой должна появиться религиозная организация, обеспечивающая сохранность, воспроизводимость и трансляцию религиозного вероучения. Внутри же общины происходит преобразование от следования пророку к следованию учению. Таким образом учение проникает в повседневность, ученики становятся учителями, священнослужителями некоего служащего только религиозным целям объединения – общины мирян. Вебер считал, что мы можем говорить об общине только там, где миряне: 1) объединены длительной совместной деятельностью и 2) действительно активно на нее влияют. Анализируя большой объем материала, Вебер пришел к выводу о тесной связи развития капитализма с теми ценностями, этикой и стратегиями поведения, распространению которых способствовал протестантизм. И именно община выступала «единицей трансляции» нового этоса, объединяя людей с иным стилем мышления. Иными сло-

вами, Вебер видел в религии источник «производства» людей с принципиально иными ценностями, ориентированными на капиталистическое производство, и именно это создало благоприятную почву для развития капитализма.

Таким образом, внимание классиков социологии было сосредоточено на проблемах социальной солидарности, на поиске оснований социальных взаимодействий. Одной из центральных тем было соотношение понятий «общность» и «общество». Общество (ассоциация) создается ради достижения определенной цели, т. е. по сути своей функционально. Общность (община) предполагает наличие группы людей, разделяющих ценности, стиль жизни, идентифицирующих себя с группой и присущей ей практикой, а также мыслящих друг друга членами этой группы. Подчеркнем еще раз, что представления классических социологов об общностях были сугубо теоретическими и основанными в большей степени на том, что они могли наблюдать в истории и в переходный период от преимущественно «деревенской» – общинной жизни, к городской – общностной. Вместе с тем именно на дихотомии «общность–общество» основаны и идущие сейчас дискуссии по поводу судеб общностей в современном мире: принадлежат ли общности лишь определенному историческому периоду (условно говоря, архаическому, традиционному) и единственно возможная форма социальных связей современности – общество (ассоциации) или же общности существуют и сейчас, развиваясь вместе с социумом.

Литература

1. Abercrombie, N. The Penguin Dictionary of Sociology / N. Abercrombie, S. Hill, B. S. Turner. – Harmondsworth: Penguin, 1984. – P. 44.
2. Тённис, Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Ф. Тённис. – СПб., 2002. – 451с.
3. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М., 1990.
4. Durkheim, E. The Elementary Forms of Religious Life / E. Durkheim. – Oxford University Press, USA, 2001. – 416p.

E. A. BELAYA

CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION “COMMUNITY” IN THE CLASSIC SOCIOLOGY

Summary

The article deals with the problem of determination of the concept “community” and in particular to comprehension of the theoretical heritage that has been left by a classical sociology.

В. Р. ШУХАТОВИЧ,
*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

КАТЕГОРИЯ «ПРИЗВАНИЕ» В ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Статья посвящена анализу призвания как социологической категории. Охарактеризован генезис представлений о призвании. Категориальный статус призвания рассмотрен в рамках теоретико-методологических подходов М. Вебера, Г. Зиммеля и Ф. Тённиса.

Феномен призвания привлекает внимание широкого круга специалистов: деятелей науки и искусства, представителей сферы образования и профессиональной подготовки. Это явление ассоциируется с глубокой преданностью избранной профессии, высокой ответственностью и самоотдачей, бескорыстием и творческим отношением к труду, отражает духовную связь человека с профессией. В социологии к феномену призвания традиционно обращаются в связи с изучением проблем профессионального самоопределения. Имеются работы, посвященные рассмотрению призвания как смысла самой профессии, роли интеллигенции в обществе, призванию отдельных профессий и даже стран и народов. Однако, несмотря на интерес к данной теме, специалисты отмечают недостаточную научную разработанность проблематики призвания как на теоретическом, так и эмпирическом уровне.

Так, российский социолог С. Ю. Вишневецкий, посвятивший изучению феномена призвания свою докторскую диссертацию, отмечает, что «в методологической разработке проблематики призвания и ее эмпирическом анализе еще много неисследованного, неизученного. Практически нет монографий и серьезных публикаций, специально посвященных социологическому категориальному анализу призвания. Это расходится с реальной исследовательской социологической практикой, где «призвание» и сходные по смыслу и значению понятия широко распространены» [1, с. 4]. Автор акцентирует внимание на важности обращения к историческим истокам изучения призвания, поскольку идеи выдающихся социологов прошлого имеют историческое значение и находят применение в современном, развивающемся обществе, однако отмечает, что применять их без изменений к анализу современной ситуации невозможно [1].

Некоторые ученые, отмечая значимость призвания как социального явления, обращаются к нему в связи с изучением других социальных проблем. Например, белорусский социолог С. А. Шавель рассматривает призвание в связи

с проблемой социального порядка и поиска «естественных», т. е. существующих в самом обществе, возможностей регулирования социальных отношений в рамках целостности [2, с. 178–179]. Ученый определяет профессиональное призвание как свободный выбор человека, основанный на способности к антиципации (предвосхищение результата деятельности) и интериоризации той социальной роли, с которой личность согласна себя идентифицировать [2, с. 180–181]. Обращаясь к статье Г. Зиммеля «Как возможно общество?», Шавель отмечает отсутствие в его схеме механизмов конструирования «мест» обществом с учетом индивидуальной предрасположенности, а также выбора индивидом тех или иных видов деятельности (профессий) на основе призвания [3, с. 178–179]. Он объясняет непрописанность этих механизмов отсутствием у Зиммеля категории социальных ожиданий и обосновывает ее эвристичность в качестве теоретической основы эмпирических исследований феномена призвания.

Среди зарубежных публикаций особенно выделяются те, в которых придается значение этическим аспектам призвания. В частности, существует точка зрения, согласно которой профессия, которую выбирают вопреки призванию, перестает соответствовать общественной потребности, в соответствии с которой она возникла, т. е. перестает выполнять свою социальную функцию. Так, автор многочисленных работ в области теологической и прикладной этики J. M. Gustafson отмечает: «Рассмотрение профессии как призвания выявляет две черты: 1) высокий уровень развития мотивации и 2) более глубокое видение целей, которым профессия служит» [4, с. 509]. По мнению ученого: «У профессии без призвания нет моральных и гуманистических корней, она теряет гуманистическую сущность и ограничивает видение целей, которым она (профессия) служит» [4, с. 501].

Личный опыт автора, полученный при проведении прикладного социологического исследования «Трудовая мотивация и социальный статус врача»*, также убедил в необходимости развития теории и методологии изучения призвания и проведения серьезных эмпирических исследований. Так, 56,2% опрошенных отметили призвание в качестве мотива выбора профессии, однако из-за отсутствия сопоставимых данных оказалось невозможным корректно оценить даже распространенность данного феномена; значительная часть данных была проинтерпретирована гипотетически, поскольку оказалась за рамками традиционных схем объяснения.

Недостаточная определенность категориального статуса понятия «призвание» ставит под сомнение качество интерпретативных процедур на всех эта-

* Исследование «Трудовая мотивация и социальный статус врача» проведено в ноябре 2008 г. Институтом социологии НАН Беларуси совместно с Республиканским комитетом белорусского профсоюза работников здравоохранения. Опрошено 1348 врачей, представляющих 44 лечебных учреждения Республики Беларусь различного уровня подчинения и профиля. В выборке пропорционально представлены все регионы республики; 94,6% опрошенных составили врачи-практики всех специальностей.

пах социологического исследования. В связи с этим полагаем необходимым обратиться к историческим истокам изучения призвания. Характеризуя генезис представлений о призвании, можно отметить, что первым, кто ввел в социологическую науку категорию призвания, был немецкий мыслитель М. Вебер. Его работы «Протестантская этика и дух капитализма», «Наука как призвание и профессия», «Политика как призвание и профессия» связаны с поиском духовных оснований человеческой деятельности и культурных форм, в которых идеи могут оказывать воздействие на ход исторического развития общества. Так, в работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер осуществляет анализ концепции призвания у Лютера. Он обращает внимание на тот факт, что немецкое слово «Beruf» (профессия, призвание) в его современном смысле впервые появилось в лютеровском переводе Библии и что в этом слове, а также в английском «Calling» наряду с другими мотивами звучит религиозный мотив – представление о поставленной Богом задаче [5, с. 96]. Вебер прослеживает историческую эволюцию этого слова во всех культурных языках мира и приходит к выводу о том, что у народов, тяготеющих к католицизму, отсутствует понятие, аналогичное тому, которое в немецком языке именуется «Beruf», тогда как у всех протестантских народов оно существует. В примечаниях к своей работе он отмечает, что «из древних языков только древнееврейский обладает словами подобного оттенка» [5, с. 96, 122].

Хотя, по мнению Вебера, элементы оценки мирской повседневной деятельности, которые содержатся в понятии «Beruf», существовали уже в Средние века и даже в древности (в эпоху *позднего* эллинизма), новым благодаря Лютеру явилось не просто значение слова «Beruf», – новой явилась сама идея, созданная Реформацией. Вебер пишет: «Безусловно новым было, однако, следующее: в этом понятии заключена оценка, согласно которой выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека. Неизбежным следствием этого были представление о религиозном значении мирского будничного труда и создание понятия «Beruf» в вышеуказанном смысле. Следовательно, в понятии «Beruf» находит свое выражение тот центральный догмат всех протестантских исповеданий, который отвергает католическое разделение нравственных заветов христианства на «praescepta» (заповеди – лат.) и «consilia» (советы – лат.), – догмат, который единственным средством стать угодным Богу считает не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительно выполнение мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни; тем самым эти обязанности становятся для человека его «призванием». И далее Вебер акцентирует внимание на идее Лютера о том, что «выполнение мирских обязанностей служит при любых обстоятельствах единственным средством быть угодным Богу, что это – и только это – диктуется божественной волей и что поэтому все дозволенные профессии равны перед Богом» [5, с. 96–98]. Он отмечает, что, «с точки зрения Лютера, монашеский образ жизни не только бессмыслен для оправдания перед Богом, но и являет

собой лишь порождение эгоизма и холодного равнодушия, пренебрегающего мирскими обязанностями человека. Мирская же деятельность, напротив, характеризуется им как проявление христианской любви к ближнему...» Нравственная квалификация мирской профессиональной деятельности, по мнению Вебера, является одной из самых важных идей, созданных Реформацией, и в частности Лютером [5, с. 98].

Теме профессионального призвания посвящена также статья Вебера «Наука как призвание и профессия», которая представляет собой доклад, прочитанный зимой 1918 г. в Мюнхенском университете с целью показать студентам, в чем состоит их призвание как будущих ученых и преподавателей. В центре внимания выступления Вебера, которое вышло за пределы намеченной задачи и превратилось в программную речь, оказались проблема превращения духовной жизни в духовное производство и связанные с этим вопросы разделения труда в сфере духовной деятельности, изменения роли интеллигенции в обществе, наконец, судьбы европейского общества и европейской цивилизации вообще. По мнению Вебера, ученый-профессионал, а также преподаватель должны обладать не только серьезными профессиональными знаниями, но и страстью, вдохновением, быть преданными своему делу, иметь желание принести пользу своими знаниями, быть способными воспринимать критику, и без этих качеств невозможно представить достижение высоких научных результатов. Он пишет: «Одним холодным расчетом ничего не достигнешь». И далее акцентирует внимание на том, что вдохновение сопутствует достижению высоких результатов не только в научной, но и практической деятельности. «Коммерсанту или крупному промышленнику без «коммерческой фантазии», то есть без выдумки – гениальной выдумки, – лучше было бы оставаться приказчиком или техническим чиновником; он никогда не создаст организационных нововведений». Эта мысль Вебера представляется особенно значимой в контексте изучения ценностных диспозиций предпринимательской и инновационной активности. Отмечая специфические черты научной деятельности, Вебер пишет о том, что она в отличие от искусства «вплетена в движение прогресса» в том смысле, что в отличие от никогда не устаревающего совершенного произведения искусства «всякое совершенное исполнение замысла в науке означает новые «вопросы», оно по своему существу желает быть превзойденным» [5, с. 707–712].

В заключении своей работы Вебер отмечает: «Судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией, интеллектуализацией, и прежде всего расколдовыванием мира, заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу» [5, с. 734]. Он призывает всех быть честными интеллектуалами и предлагает «простой» путь: обратиться к своей работе и соответствовать «требованию дня» – как человечески, так и профессионально. Призвание в политической деятельности Вебер связывает прежде всего с хариз-

мой, т. е. способностью человека (вождя, пророка) заставить поверить в себя других людей [5, с. 647]. **Необходимой чертой политического вождя (руководящего государственного деятеля)** он полагает исключительную *личную* ответственность за то, что он делает, «ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права» [5, с. 666]. В качестве одной из движущих сил и «харизматическим» элементом вождизма Вебер отмечает труд с верой и личной самоотдачей человеку, а не какой-то абстрактной программе какой-либо партии [5, с. 675]. Размышляя о науке и политике как о профессии и призвании, Вебер отвечает на вопрос о том, какими чертами должен обладать профессионал, чтобы он мог соответствовать смыслу и целям избранной профессии. Ученый полагает, что для этого необходимо понимание смысла и целей избранной профессии, поскольку именно они определяют социальную роль профессионала.

Феномен профессионального призвания отражает системное единство личности и общества, «естественную социальность» – порожденную самой природой общества, системой разделения труда, связь человеческой психики (мышления, мотивации) с социальной, и прежде всего профессиональной, структурой. В рассмотренных работах Вебера эта связь проявляется, во-первых, в нравственной регуляции профессиональной деятельности принципами религиозной этики; во-вторых, в согласованности двух уровней призвания – индивидуального (с точки зрения смысла деятельности человека в рамках своей профессии) и институционального (с позиции роли, социальной функции самой профессии).

К категории профессионального призвания обращался и современник М. Вебера немецкий философ Г. Зиммель. В своей статье «Как возможно общество?» он писал о том, что, несмотря на определенные диссонансы, общественная жизнь основывается на предпосылке о принципиальной гармонии между индивидом и социальным целым, и если бы «социальная действительность обрела свой вид благодаря этой принципиальной предпосылке, без помех и упущений, то у нас было бы совершенное общество...» [6, с. 524]. Для этого, по мнению автора, человек должен осознать интегрирующую необходимость для жизни целого своей личности, определяемой внутренней жизнью личности, а также увидеть возможности своего социального существования и определить свое место в социальной среде. Поскольку этого не происходит, «индивид не обобществлен, а общество не является той непрерывной действительностью взаимодействия, о которой говорит понятие «общество» [6, с. 524].

В понятии профессионального призвания Зиммель видел вершину возможности достижения обществом того совершенного состояния, при котором индивидуальность отдельного человека находит место в структуре всеобщности. Он писал: «При большей разработанности понятия «призвание» оно обнаруживает своеобразную структуру: с одной стороны, общество производит в себе и предлагает некоторое «место», которое, правда, отличается от других по содержанию и очертаниям, но в принципе может быть заполнено

многими и поэтому есть нечто анонимное; с другой стороны, несмотря на его всеобщий характер, индивид занимает это место на основании внутреннего «призвания», квалификации, воспринимаемой как вполне личная. Любое «профессиональное призвание» нуждается в гармонии (как бы она ни возникла) между строением и жизненным процессом общества и индивидуальными качествами и импульсами. Именно на этой гармонии как общей предпосылке основывается в конечном счете представление о том, что для каждой личности есть в обществе позиция и род деятельности, к которым она «призвана», и императив: искать их, покуда не найдешь» [6, с. 525]. **Зиммель** определяет призвание как фундаментальную категорию, которая «дает сознанию индивида форму, предназначенную его быть социальным элементом», способным найти для себя такое «место», где «его особость становится необходимым звеном в жизни целого».

Упоминается категория «призвание» и в работе Ф. Тённиса «Общность и общество. Основные понятия чистой социологии», где она рассмотрена в сопоставлении с общеизвестной типологией «общность» (*Gemeinschaft*) и «общество» (*Gesellschaft*). **Мы полагаем, что данная теоретическая конструкция могла бы выступить методологической основой социологического исследования призвания.** Релевантность данной идеи мы обосновываем следующими обстоятельствами. Во-первых, типология «общность» – «общество» рассматривалась Тённисом как универсальная схема социологического анализа социальных феноменов. Во-вторых, нам представляется очевидной смысловая близость, а в ряде случаев и совпадение понятий, эксплицирующих понятие «призвание» (*Beruf*), у Вебера и тех, которые раскрывают суть категории «общность» (*Gemeinschaft*), у Тённиса. Например, такие понятия, как дух, достоинство, служение, долженствование, взаимопонимание, упоминаются в работе Тённиса в связи с характеристикой общностных отношений. В-третьих, мы обращаем внимание на единство языка, места и времени проживания Вебера, Зиммеля и Тённиса – классиков немецкой социологии, – что, по нашему мнению, определяет сущностное родство их методологических подходов. В-четвертых, мы полагаем, что рассмотрение феномена призвания сквозь призму категорий, использованных Тённисом для характеристики различий «сущностных форм «общность» и «общество», позволяет значительно расширить наши представления о его роли в развитии современного общества, обеспечении социального согласия и легитимации социального порядка.

Мы рассматриваем призвание как социальный феномен, поскольку, выражаясь языком Тённиса, полагаем его продуктом человеческого мышления, необходимым «для сохранения и поддержания общей сущности», а также социальным фактом, существующим потому, что его «вместе мыслят многие». Позитивное влияние феномена призвания на «социальные связности» мы объясняем прежде всего его способностью формировать доверие. Исходным понятием анализа социальной связанности Тённис полагает волю и рассматривает ее источником всякого намерения и действия. Тённис различает *сущностную волю* (*Wesenswille*) человека и *волю избирательную* (*Kurwille*). **Сущ-**

ностная воля исходит из духа, души, совести, образа мыслей, способа мышления и ощущений, отчасти сформированных учением, отчасти – унаследованных от ушедших (предков и предшественников) и оказывающих на него влияние. Для нее характерно единство целей и средств. Сущностная воля противопоставляется *воле избирательной* (Kurville), которая определяется как исключительно рациональная и для которой характерно отделение мыслительных форм целей и средств друг от друга, что для Тённиса ассоциируется с неразборчивостью в выборе средств ради достижения цели, подавлением и преодолением своей совестливости. Тённис полагает, что «чисто эмоциональные (импульсивные), то есть иррациональные воления и действия, с одной стороны, и чисто рациональные, ориентированные только на средства и часто противоречащие чувствам воления и действия, с другой, – это лишь крайние случаи, между которыми происходят все действительные воления и действия. Выдвинутые нами понятия сущностной воли и избирательной воли воздают должное той мысли, что масса волений и действий расположена ближе или склоняется либо к одному, либо к другому случаю. Я называю их нормальными понятиями (Normalbegriffe) или понятиями, указывающими направление (Richtungsbegriffe); они представляют собой идеальные типы, призванные служить масштабом для познания и описания реалий» [7, с. 28–30].

Тённис не противопоставляет неразумной воле разумную и акцентирует свое внимание на том, что сущностная воля также обладает разумом, и «более того – он формируется в ней до своего расцвета в качестве творческого и созидательного, искусного воления и деяния, как дух гения, художнического или нравственного», однако «в своих простейших формах сущностная воля есть лишь непосредственное, страстное и одновременно наивное воление и деяние; для избирательной воли, наоборот, чаще всего характерно сознание». Избирательная воля как идеальный тип у Тённиса ассоциируется с делачеством и механической работой (Machen), а сущностная воля – с творчеством (Schaffen). Тённис отмечает: «...все виды связанности, в которых преобладает сущностная воля, я называю общностью (Gemeinschaft), а все те, которые формируются посредством избирательной воли или существенно ею обусловлены, – обществом (Gesellschaft), причем оба понятия в их сущности и тенденциях суть модальности связанности» [7, с. 31–33].

Полагаем, что в рамках методологии Тённиса призвание может быть рассмотрено как одна из сложных форм проявления сущностной воли человека, основанная на осознанном нравственном выборе профессии в соответствии со своей телесной и душевной предрасположенностью, исходящая из потребности принести пользу людям и готовности принять соответствующие выбранной социальной роли обязанности.

По нашему мнению, феномен профессионального призвания способен формировать особый – «общностный» (по Тённису) тип социальных отношений, причем на разных уровнях институциональной организации: во-первых, между профессионалами – в рамках трудовых коллективов, организаций и про-

фессиональных сообществ; во-вторых, между представителями институционально связанных ролей, таких как «врач–пациент», «учитель–ученик» и т. п.

В этом случае общностные отношения могут быть близки или к «товарищескому типу» (у Тённиса), или к «типу господства» (например, отца над ребенком на основе «охранительного отношения»). Например, «товарищеский тип» общностных отношений между профессионалами возможен в том случае, если отношения основаны на духовном родстве, общих профессиональных интересах, высокой квалификации, преданности профессии, взаимном уважении и доверии; а на уровне институционально связанных ролей – при условии понимания взаимосвязанности и необходимости сотрудничества, взаимной симпатии и взаимного уважения. Общностные отношения «по типу господства» на основе «охранительного отношения» также возможны: например, в профессии – между наставником и учеником; в статусной связанности – «врач–пациент», «учитель–ученик» – на основе эмпатии со стороны профессионала и почтения со стороны ученика, пациента и т. п. Доверие, сформированное на межличностном уровне, может конвертироваться в институциональное доверие – организации, профессиональному сообществу, социальному институту и общественному порядку, в целом порядку. Такое доверие Тённис называет «овеществленным доверием». Мы полагаем значительной роль призвания в формировании овеществленного доверия и в данной связи предлагаем рассматривать его влияние на характер социальных отношений.

Социокультурное измерение понятия «призвание» в значительной мере определяется его ролью в современном языке. О жизнеспособности феномена «призвание» свидетельствует тот факт, что данное понятие входит в словари современных европейских языков. Так, например, в английском языке *Calling* интерпретируется как сильное желание или ощущение долга заниматься определенным видом деятельности, особенно работой, которая связана с помощью людям. Может выступать синонимом *Vocation*, так может называться формальная профессия [8, с. 210]. *Vocation* означает ощущение того, что целью жизни является определенный вид деятельности; занятие, которое дает это ощущение, особенно, если это позволяет приносить пользу другим людям. В религиозном контексте означает сильную веру в избрание Богом быть священником или членом религиозной школы для обучения римскому католицизму [8, с. 1844] **(в рамках религиозных общин при монастырях)**. В итальянском языке *Vocazione* применяется: 1) в юридической лексике – как «вызов (призыв) наследования» в связи с получением наследником права на наследство или отказом от получения наследства; 2) в религиозной лексике – как религиозное призвание – иметь, чувствовать призвание к священнослужительству, к затворнической жизни; 3) в повседневной лексике рассматривается как «естественная склонность к чему-нибудь: иметь, чувствовать склонность к браку, к музыке, к искусству. Делать что-то по призванию» [9, с. 1911]. В современном русском языке понятие *призвание*, согласно словарю М. Фасмера, «калькирует немецкое *Beruf* – «призвание, профессия». Там же отмечается, что «немецкое слово первоначально имело религиозный смысл: «призыв Бога

людям» [10, с. 832]. Необходимо уточнить, что это не калька, а соответствие (обратный перевод), примерами калькирования являются такие заимствованные из других языков понятия, как «мотив», «стимул», «атитюд» и т. д. В белорусском языке *прыванне* объясняется как «внутреннее влечение и способность к какому-нибудь делу, профессии» [11, с. 431].

Очевидно, что понятие «призвание» имеет междисциплинарный статус. Это обстоятельство также должно учитываться при проведении интерпретативных процедур. Продуктивным нам представляется сотрудничество социологов с представителями таких областей социогуманитарного знания, как экономика, культурология, антропология, теология, этика и лингвистика. Полагаем, что интересные результаты могут быть получены на основе применения в социологии идей лексической ономазиологии, в предметное поле которой входит изучение теории и практики порождения и формализации смыслов [12, с. 3–11].

Литература

1. Вишневский, С. Ю. Призвание как социокультурная проблема: историко-социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социолог. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 4.
2. Шавель, С. А. Социальные ожидания – условие стабильности и устойчивости развития общества / С. А. Шавель // Социальный порядок и жизнеспособность общества / С. А. Шавель [и др.]; отв. ред. С. А. Шавель. – Минск: Белорус. наука, 2007. – С. 178–179.
3. Социальный порядок и жизнеспособность общества / С. А. Шавель [и др.]; отв. ред. С. А. Шавель. – Минск: Белорус. наука, 2007. – С. 178–179.
4. Gustafson, J. M. Professions as «Callings» / J. M. Gustafson // The Social Service Review. – 1982. – Vol. 56, N 4. – P. 509.
5. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990. – С. 96.
6. Зиммель, Г. Избранное: в 2 т. / Г. Зиммель; пер. с нем. – Т. 2: Созерцание жизни. – М., 1996. – С. 524.
7. Общность и общество. – М., 2007. – С. 28.
8. Longman Dictionary of contemporary English. – Pearson education limited, Edinburgh Gate, Harlow England; printed in Italy by La Tipografica Varese. – 4th edition. – 2005.
9. Vocabolario della lingua italiana. Il conciso Istituto della enciclopedia italiana fondata da giovannitreccani. – Roma I Edizione: Il Conciso, 1998.
10. Фасмер, М. **Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – Т. 3: (Муза-Сят) / М. Фасмер**; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – 832 с.
11. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1980. – Т. 4. – С. 431.
12. Шаблоўскі, А. І. Лексічная анамасыялогія: прадмет, метады, асноўныя паняцці / А. І. Шаблоўскі // Беларуская лінгвістыка. – Вып. 57. – Мінск, 2006. – С. 3–11.

V. R. SHUKHATOVITCH

CATEGORY OF “VOCATION” IN THE HISTORICAL AND CULTURAL DIMENSION

Summary

The article deals with the analysis of vocation as a sociological category. The genesis of concepts of vocation is characterized. The status of vocation as a category is examined on the base of the methodological approaches of M. Weber, G. Simmel and F. Toennies.

Е. И. ДМИТРИЕВ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОТ ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА К ПАРАДИГМЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Основная цель статьи – формирование концепта «информационно-коммуникационное пространство». Автор предлагает четыре модели исследования данного типа пространства, которые рассматриваются как исследовательские парадигмы.

Субъективность на любом уровне социального пространства фрагментируется и обособляется. Это означает, что субъективирующееся социальное пространство также все более сегментируется. В результате формируется сетевое сегментированное социальное пространство, характерным отличием которого становится новый тип социальной интеграции как социальный процесс переплетающихся различных информационно-коммуникативных форм. При таком подходе сетевое сегментированное социальное пространство является формой существования социальной системы и происходящих в ней изменений. В этом качестве оно может сегодня рассматриваться как конструкция, создаваемая взаимодействующими субъектами, их коммуникационными практиками [1, с. 6–8], т. е. в этом контексте информационно-коммуникационное пространство может трактоваться как подпространство социального пространства (в терминах А. Лефевра – это репрезентативное пространство).

Другой подход, сложившийся в социальных науках в конце XX в., когда информационно-коммуникационное пространство рассматривается как виртуальное пространство, как синоним понятия «киберпространство» [2]. Отправной точкой для этого послужили работы исследователей Массачусетского технологического института, и прежде всего М. Хайма. Они считают, что информационно-коммуникационное пространство становится социальным пространством тогда, когда оно отражается в сознании индивида. Это своеобразное продолжение декартовской традиции, которая в этом случае звучит так: «Мыслю – следовательно создаю социальное пространство», т. е. широта и содержание мышления индивида определяют аналогичные параметры информационно-коммуникационного пространства. Иными словами, виртуальное информационно-коммуникационное пространство не является физическим, геометрическим или географическим, а выступает как символическое и метафизическое.

Таким образом, даже столь краткий обзор направлений методологической концептуализации перехода от парадигмы социального пространства к парадигме информационно-коммуникационного пространства показывает чрезвычайную сложность сформулированной нами основной проблемы статьи. Вместе с тем схематично все многообразие подходов к изучению данной проблемы можно свести к четырем агрегированным моделям.

Первая модель – исследование информационно-коммуникационного пространства прежде всего как метрического социального пространства, которое обретает статус социальности благодаря наличию информации и коммуникации в физическом пространстве. Эту модель можно условно назвать атрибутивной, она достаточно широко распространена в политологии и праве.

Во второй модели основными методологическими концептами являются категории «информационно-коммуникационный процесс», «информационно-коммуникационное поле», «информационно-коммуникационная система», «знаковая система», «смысловое поле». С учетом этого модель условно называется гуманитарной. В третьей модели параметры определяются техническими и технологическими возможностями отображения индивидом социальной и физической реальности в целом. Это так называемая технологическая модель. Наконец, четвертая – это социокультурная модель информационно-коммуникационного пространства, которое в этом случае рассматривается как сфера отношений между индивидами и общностями по поводу информации. Эту модель мы условно называем социокультурным дискурсом.

Выбор в качестве объекта научного исследования в данной работе гуманитарной модели связан прежде всего с тем, что, на наш взгляд, она наиболее приемлема с позиции социологии массовой коммуникации и хорошо коррелируется с категориями и аксиоматикой теории коммуникации. Любое пространство, с точки зрения естественных наук, обладает главным свойством, которое характеризует «протяженность» пространства. Протяженность заключается в наличии физического параметра – расстояния, численно отражающего протяженность пространства между двумя его точками. Соответственно простейшая процедура измерения (конструирования) пространства состоит в том, что берется единица длины и подсчитывается, сколько раз она поместилась в измеряемый отрезок. Каждая из естественных наук рассматривает свои пространства: в физике – физическое пространство, в математике – математическое, в биологии – биологическое, в географии – географическое, в астрономии – астрономическое. Однако есть связующее звено между всеми типами пространств – социальное пространство. Такой подход предполагает, что существует взаимосвязь между реальным физическим пространством и информационно-коммуникационным пространством, имеющим форму «видимой» аналоговой модели. При этом для информационно-коммуникационного пространства характерно наличие не целого, дробного, иррационального, а комплексного расстояния, которое не связано с протяженностью пространства между конкретными точками.

Разработка методологического концепта «информационно-коммуникационное пространство» базируется на теоретической интерпретации термина «информационное пространство». Последний был впервые атрибутирован в качестве научной дефиниции в 1993 г. в документах ЮНЕСКО, связанных с описанием информационного общества и глобализирующегося образовательного пространства. Однако, подобный подход в определенной мере политико-административного введения понятия «информационное пространство» в научный оборот привел к тому, что в политологии, социологии, правоведении, теории коммуникации, психологии, экономике этот термин не стал действительно содержательным понятием, находящимся во взаимодозначном соответствии с определенным явлением или процессом. На практике, образно говоря, все произошло строго наоборот и термин «информационное пространство» отождествляют с различными понятиями: «пространство СМИ», «киберпространство», «виртуальное пространство», «компьютерное пространство», «сетевое пространство» и т. п.

В социологии массовой коммуникации изначально стал доминировать подход, согласно которому информационное пространство есть одна из форм самоорганизации социального пространства. Подобный методологический подход базируется прежде всего на проекте формальной социологии пространства Георга Зиммеля и исследованиях социологов из Чикагской школы по социальной экологии, в которых анализировались пространственно-временная сущность и смысл результатов социальных практик.

Так, Зиммель подходит к рассмотрению пространства как философ-неокантианец. Пространство в его представлении является «формой» совершения событий в мире, равно как и время, но при этом само пространство не является действующим фактором. Вместе с тем пространственная форма у Зиммеля важна для рассмотрения социальных явлений в силу исключительности пространства. Вполне сходные в прочих отношениях вещи могут различаться, по мнению Зиммеля, тем, что занимают разные места в пространстве. Причем некоторые социальные сущности могут быть так сильно связаны со своим пространством, что для других социальных образований места на том же пространстве не остается. В связи с этим Зиммель говорит о необходимости определения границ в пространстве, утверждая, что граница в социальном пространстве является социологическим фактом с пространственным оформлением. Исходя из этой методологической посылки, Зиммель исследует значение пространственной дистанции во взаимоотношениях людей (позже это станет предметом исследования в «социальной экологии» и отправной точкой изучения социальной дистанции в групповой и межличностной коммуникации) [3]. Кроме того, Зиммель ввел в научный оборот понятие «социология пространства»: одна из больших его работ, которая была опубликована в 1903 г., так и называется – «Социология пространства».

Вместе с тем Зиммелю принадлежит заслуга в постановке проблемы, а вот научно аргументированное решение проблемы связано с деятельностью

П. Сорокина, который впервые дал определение термину «социальное пространство». В своей работе «Социальная мобильность» он пишет: «...1) социальное пространство – это народонаселение Земли; 2) социальное положение – это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами; 3) положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этих связей; 4) совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляет систему социальных координат, позволяющих определить социальное положение любого индивида» [4, с. 297–299].

Таким образом, Сорокин утверждает, что социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического, так как «точки отсчета» в нем зависят от выбора индивидов или групп. В свою очередь определение положения какого-либо явления в социальном пространстве означает определение его отношения к другим социальным явлениям, взятым за «точки отсчета». При этом, по мнению Сорокина, социальное пространство является многомерным и имеющим оси координат, характеризующиеся различной размерностью. Социальный смысл социального пространства с подобными метрическими характеристиками состоит в том, что оно в таком виде охватывает все многообразие происходящих в обществе социальных явлений и процессов (в том числе информационных и коммуникационных) и является по своей природе неоднородным.

Разработанная П. Сорокиным социологическая парадигма социального пространства является, на наш взгляд, наиболее продуктивной для реализации концептуального перехода к парадигме информационно-коммуникационного пространства.

Во-первых, отталкиваясь от методологии Зиммеля–Сорокина, мы можем предположить, что информационно-коммуникационное пространство является одной из форм самореализации социального пространства. Во-вторых, информационно-коммуникационное пространство имманентно многомерно, так как положение в нем любого субъекта коммуникационного пространства задается большим числом параметров. В-третьих, системы отсчета, т. е. способы, посредством которых каждому из них (субъектов) задается набор параметров, являются в информационно-коммуникационном пространстве всегда относительными. В-четвертых, информационно-коммуникационное пространство является неоднородным и асимметричным.

Таким образом, парадигма информационно-коммуникационного пространства в самом широком смысле этого концепта отражает:

взаимное расположение субъектов коммуникационного процесса: аудиторий средств массовой коммуникации, неинституализированных источников информации, информационно-коммуникационных полей и потоков, а также их способность иметь определенный объем (емкость), занимать конкретный сегмент информационно-коммуникационного рынка;

свойство информационно-коммуникационных полей, аудиторий средств массовой коммуникации, потоков и источников информации иметь опреде-

ленную структуру, вид, форму, т. е. выражать соответствующие геополитические, экономические и социокультурные тенденции структурирования и функционирования самого информационно-коммуникационного пространства.

Сущность парадигмы информационно-коммуникационного пространства, следовательно, отражается прежде всего через содержание таких понятий, как «информационно-коммуникационный рынок» и «информационно-коммуникационное поле». Поэтому попробуем произвести научно корректную теоретическую интерпретацию и операционализацию этих терминов в рамках понятийно-терминологического аппарата социологии массовой коммуникации.

С позиции предельно широкого обобщения, информационно-коммуникационный рынок – совокупность структурно и функционально связанных средств массовой коммуникации и их аудиторий. При таком подходе информационно-коммуникационный рынок может операционализироваться как: а) место; б) механизм обмена; в) процесс; г) сегмент.

В настоящее время в системе наук, изучающих массовую коммуникацию, наиболее распространено понимание информационно-коммуникационного рынка как определенного места, т. е. как физического места, как географической точки. В этом смысле информационно-коммуникационный рынок – это либо место, в котором встречаются субъекты коммуникации и потоки информации и происходит информационный обмен, либо место, в котором аудитории и(или) средства массовой коммуникации собираются вместе для совершения обмена.

В свою очередь понимание информационно-коммуникационного рынка как механизма обмена строится на утверждении наличия какого-то числа механизмов информационного обмена, которые при этом и выступают как различные типы информационно-коммуникационных рынков.

В отличие от подобного подхода рассмотрение информационно-коммуникационного рынка как процесса предполагает восприятие его как функциональной информационной системы. Последние в этом случае представляют из себя, по-нашему мнению, динамические, саморегулирующиеся системы, деятельность которых направлена на поддержание информационного равновесия в обществе. Такой вариант информационно-коммуникационного рынка базируется на принципе информационного метаболизма – постоянном обмене информацией между социальными субъектами.

Наконец, информационно-коммуникационный рынок как сегмент – это рынок массовых аудиторий, которые имеют совпадающие информационные потребности. Иными словами, информационно-коммуникационный рынок как сегмент является совокупностью массовых аудиторий, социальных организаций и социальных институтов, которые заинтересованы в массовой информации и имеют различного вида ресурсы для ее приобретения.

Сразу оговоримся, что приведенный набор концептуальных представлений не связан со стремлением выбрать лишь одно, какое-то универсальное определение информационно-коммуникационного рынка. Ведь в социологии

массовой коммуникации универсальность и операциональность находятся в обратной зависимости, т. е. посчитав какое-то определение информационно-коммуникационного рынка универсальным, мы тут же столкнемся с проблемой невозможности его практического применения в эмпирических исследованиях информационно-коммуникационного пространства. Поэтому, по-нашему мнению, всегда необходимо искать баланс между двумя этими крайностями. И одним из таких балансов является, на наш взгляд, использование в социологии массовой коммуникации концепта «информационно-коммуникационное поле».

При определении сущности и параметров информационно-коммуникационного поля основной характеристикой является взаимодействие. Взаимодействие – центральное понятие социологии пространства Г. Зиммеля, через которое он обосновывает понятие «общество». По утверждению Зиммеля, социология (а в нашем случае – социология массовой коммуникации) обнаруживает свой предмет там, где в результате взаимодействия возникает «объективное образование, которое обладает известной независимостью от определенных участвующих в нем личностей» [5, с. 317].

С учетом указанного методологического подхода мы полагаем, можно утверждать, что именно во взаимодействии проявляется специфика любого социального поля. Иными словами, поведение субъектов информационно-коммуникационного поля проявляется прежде всего как социальное взаимодействие. При этом мы далеки от утверждения, что понятие «взаимодействие» позволяет решить все проблемы, возникающие при концептуализации понятия «информационно-коммуникационное поле».

Заслуга в использовании методологии теории полей в трактовке социального взаимодействия в социологии принадлежит П. Бурдьё, который рассматривал генезис и структурирование социального пространства, его связи с физическим пространством на основе выделения множества изоморфных полей [6]. В интерпретации Бурдьё, поле – это место бытования структуры, так как в полях структура реализуется, а сами поля являются проекциями структуры. Однако предпосылка об универсальности структуры и множественности ее воплощения делает для Бурдьё по большому счету безразличным, что именно называть полем. Как итог поле у него отождествляется с рынком, что не позволяет нам, используя подход П. Бурдьё, разделить понятия «информационно-коммуникационный рынок» и «информационно-коммуникационное поле».

Таким образом, мы предлагаем в основу определения термина «информационно-коммуникационное поле» положить характеристики информационных и коммуникационных потоков, которые задают базовые параметры этих полей. Последние представляют собой эмпирическую операционализацию информационной среды, окружающей социальные субъекты, и отражают прежде всего реализацию ее коммуникационной функции. Информационно-коммуникационные поля предопределяют характер социальной коммуникации и ее формы в обществе. Это позволяет предположить, что информационно-комму-

никационные поля обладают теми же группами характеристик, что и информационно-коммуникационное пространство в целом: они фиксируют различия между информационными статусами субъектов социальной коммуникации; показывают, получает ли субъект коммуникации информацию, необходимую для выполнения своей социальной роли; выявляют, в какой степени получаемая информация обеспечивает реализацию потребности в коммуникации, способствует ли информационная среда социальной коммуникации или препятствует ей.

Информационно-коммуникационное поле определяет место социального субъекта в социальном пространстве, показывает степень информационной мобильности и стратифицированности общества, выявляет способность социальных субъектов к установлению коммуникаций, их качество. Именно информационно-коммуникационное поле позиционирует социальных субъектов в социальном пространстве, развивает или ограничивает их коммуникационные возможности, формирует их и создает предпосылки для управления социальной коммуникацией. Поскольку социальный субъект одновременно включен в разнообразные информационно-коммуникационные поля и способен к массовой социальной коммуникации, можно утверждать наличие иерархии полей подобного рода. В свою очередь это позволяет рассматривать информационно-коммуникационное пространство как иерархию информационно-коммуникационных полей, принципов их субординации, взаимовлияния и взаимодействия.

Исходным для перехода от парадигмы социального пространства к парадигме информационно-коммуникационного пространства мы считаем выделение собственно информационного пространства. Последнее, с позиции методологических и терминологических особенностей социологии массовой коммуникации, в самом общем виде можно рассматривать как совокупность исходящих от субъектов социального пространства информационных потоков и образуемых ими информационных полей. Аналогично информационно-коммуникационное пространство формируется информационно-коммуникационными потоками и полями, формирующимися в социальном пространстве. Иными словами, информационно-коммуникационное пространство в методологическом плане возможно исследовать как коммуникационную среду распространения информации в обществе как социальной системе.

В информационно-коммуникационном пространстве действуют, если использовать язык современного естествознания, только безинерциальные системы отсчета, которые позволяют констатировать относительность этого пространства. Это означает, что параметры информационно-коммуникационного пространства являются относительными величинами по определению и поэтому требуют соответствующих особых методов и приемов измерения, ориентированных не на систему координат, а на систему отсчета. Так, например, объем реальной массовой аудитории субъекта информационно-коммуникационного поля есть мера эффективности его воздействия и на информационно-

коммуникационное пространство в целом. Это предполагает в свою очередь, что чем больше величина субъекта информационно-коммуникационного поля, тем сильнее он воздействует на все другие субъекты, находящиеся в этом же поле. Следовательно, исследование и измерение величины этих субъектов и их параметров должно обязательно учитывать уровень «возмущения» или характер «искривления» информационно-коммуникационного поля под воздействием его самого объемного субъекта. В свою очередь это означает, что методологически контрпродуктивно использовать инерциональные системы отсчета для исследования неинерциональных систем, к которым относится информационно-коммуникационное поле.

Литература

1. Козловский, В. В. Коммуникативно-сетевой порядок современного мира / В. В. Козловский // Тез. докл. и выступ. на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: в 3 т. – М., 2003. – Т. 2. – С. 6–8.
2. Heim, M. Artificial reality: Past and Future / M. Heim, M. W. Krueger // Virtual Reality: Theory, Practice and Promise / S. K. Helsel, J. R. Roth (eds). – Westport; L., 1991 // http://www.aha.ru/~pinski/Ref_Tez.html.
3. Социология Георга Зиммеля // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 51–129.
4. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М., 1992.
5. Зиммель, Г. О социальной дифференциации / Г. Зиммель // Избранное. – Т. 2: Созерцание жизни. – М., 1996. – С. 301–465.
6. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М., СПб., 2007.

E. I. DMITRIEV

FROM THE PARADIGM OF SOCIAL SPACE TO THE PARADIGM OF INFORMATIONAL AND COMMUNICATIONAL SPACE

Summary

The main aim of the article is forming the concept “information and communication space”. The author offers four models of research of this space that are considered as research paradigms.

Т. В. ХУЗЕЕВА,

магистр социологии, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье проведен анализ гражданского общества как кибернетической системы, проанализированы его основные структурные элементы, предложены конкретные социально-правовые меры по его формированию и совершенствованию.

Одной из наиболее важных в настоящее время является проблема формирования и развития гражданского общества. В белорусском обществе дискуссия о необходимости гражданского общества получила новые импульсы в связи с задачей укрепления национальной государственности в сложнейших международных условиях, необходимости повышения роли правового регулирования в жизни страны.

Современное гражданское общество – это общественный феномен с развитыми социальными, политическими, экономическими, культурными и другими связями между его основными субъектами, созданными ими структурами и государством, общество граждан и организаций высокого социального, правового, экономического и морального статуса, вступивших в развитые общественные отношения с государством. Гражданское общество создает реальные предпосылки для самореализации личности, перехода некоторых властных функций от государства к общественным структурам, реализации прав и свобод людей, обеспечения плюрализма и многопартийности, инициативности граждан и толерантности, гражданской культуры и свободной конкуренции, установления оптимального влияния государства на общественные процессы.

Гражданское общество находится в состоянии непрерывного развития, поиска наиболее эффективных социальных отношений, методов создания независимых от государства структур власти и формирования духовно богатой и свободно развивающейся личности. Однако, как показывает социальная практика, процессы создания гражданского общества как важнейшего социально-правового института еще не полностью изучены. В гносеологическом плане не выработано его устоявшееся определение как важнейшего социально-правового феномена, не установлены четкие аспекты взаимодействия с политической и социальной сферами, продолжаются споры по поводу основных функциональных характеристик и параметров. Дефиниция «гражданское общество» –

одна из самых распространенных в социологической науке, однако многозначность употребления уже привела к тому, что смысл ее размывается, теряет устойчивые концептуальные очертания, приобретает политизированную интерпретацию.

В таком контексте социально-правовой анализ институционализации гражданского общества в рамках формирования современной белорусской государственности приобретает особое значение. Поэтому целенаправленное изучение категориальных оснований гражданского общества, вычленение основополагающих признаков и характеристик, интегрирующих качеств институтов гражданского общества в социально-правовом пространстве Беларуси, их целенаправленное формирование очень важны и необходимы.

Очень сложная проблема – поиск наиболее эффективных путей формирования гражданского общества. Сегодня политики и исследователи согласны с тем, что для этого необходимо создавать субъективные факторы и объективные условия. Но что из них важнее, как их можно сформировать? Республика Беларусь встала на путь модернизации своей политической системы, внедряет политические и социальные инновации, которые, как правило, иницируются национальной политической элитой. В настоящее время в стране существует сформированная на принципах разделения властей и многопартийности политическая система, гражданам гарантированы основополагающие права и индивидуальные свободы, взаимоотношения между личностью и властью определяются законодательством государства. Таким образом, формально в Республике Беларусь существует гражданское общество. Однако оно нуждается в постоянном и целенаправленном совершенствовании. Это обусловлено спецификой национальных объективных факторов и субъективных условий.

На Западе появление гражданского общества было детерминировано развитием гражданских инициатив «снизу», формированием особого типа личности с сознанием и поведением, характерным для индивидов, способных эффективно бороться за лучшее будущее для себя и своей семьи. Там гражданское общество формировалось как совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих относительно независимо от государства и способных через систему гражданских структур оказывать на него целеустремленное влияние, направленное на принятии определенных управленческих решений и реализацию индивидуальных или групповых интересов.

Таким образом, на Западе гражданское общество создавалось «снизу» на основе определенных традиций и системы ценностей. Государство для него было в некоторой степени врагом. Так, например, известный исследователь *Томас Пейн* противопоставлял государство и гражданское общество. По его мнению, сообщество людей в состоянии наладить свои отношения и организовать общественную жизнь без государства. Общество, считал он, создается нашими потребностями, а государство – нашими пороками. Гражданское общество сближает людей, делает их счастливыми, государство, наоборот, поощряет пороки и ложь. Поэтому «общество в любом своем состоянии есть благо,

правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае – зло нестерпимое» [9, с. 21].

В Беларуси гражданское общество конструируется и создается преимущественно «сверху». Государство является мобилизационной моделью. В этих условиях формирование гражданского общества определяется отношением к этому процессу властных структур, их способностью исполнять созидательную функцию. Данную роль государство способно наиболее отчетливо проявлять прежде всего в законодательной деятельности, создании необходимого правового поля. В то же время повышение гражданской и правовой культуры, социальной и политической активности индивидов, формирование личностных качеств и правового сознания социальных субъектов является одним из проявлений его формирования снизу.

Однако что такое *гражданское общество*? На этот счет имеются различные точки зрения, но в их основу положены несколько функциональных, ценностных и методологических подходов. Как результат в настоящее время существует, по крайней мере, **четыре** огромных блока определений гражданского общества. По мнению некоторых исследователей, гражданское общество – это *совокупность всех неполитических отношений, сфера своеобразного политического пространства*. Есть точка зрения, согласно которой гражданское общество – это своего рода *социальное пространство, в котором люди связаны и взаимодействуют между собой в качестве независимых как друг от друга, так и от государства индивидов*. Ряд ученых убеждены, что гражданское общество – это *совокупность различных неправительственных институтов и самоорганизующихся групп, независимых как от государственной власти, так и от отдельных частных структур и способных к организованным коллективным действиям в защиту общественно значимых интересов в рамках заранее установленных правил правового характера*. Согласно четвертому подходу, гражданское общество включает *сферу властной деятельности свободных индивидов и их организаций, направленную на создание необходимых условий для самореализации, развития личности*.

Предлагаю авторское определение: гражданское общество – это общество, в котором происходит переход основных властных функций от государства к независимым от власти общественным объединениям, способным создать необходимые условия для реализации прав и свобод граждан, развития и самоорганизации личности, реализации ее законных интересов и важнейших потребностей, роста гражданской самодеятельности и правового сознания. В данной работе впервые в социологической науке гражданское общество рассматривается как *кибернетическая система* или *модель*, имеющая «входы» и «выходы». **«Входы»** – внешние по отношению к системе процессы и явления, тем или иным образом воздействующие на нее. На «входы» поступают импульсы в форме требований и пожеланий граждан. **«Выходы»** – конкретные управленческие решения, законы и нормативные акты, принимаемые после обработки внешних раздражений. Чтобы совокупность различных блоков

или подсистем стала системой, необходимо интегративное качество, которое составляют *властные функции, правовое сознание и гражданская культура*. В каждой из подсистем имеются *системообразующие элементы*, целенаправленное воздействие на которые приведет к изменению качественного состояния как относительно самостоятельных блоков, так и самой системы – гражданского общества в целом. Наиболее эффективным является нормативное влияние или принятие соответствующих законопроектов и создание нового правового поля. Гражданское общество как самодостаточную социальную кибернетическую модель можно условно подразделить на несколько важнейших блоков.

Экономический блок. В этом блоке основными структурными подсистемами являются рыночная экономика, частные фирмы, кооперативы, акционерные общества, добровольные объединения граждан в области хозяйственной деятельности, созданные по собственной инициативе. Рыночная экономика представляет открытую систему, имеющую многочисленные связи с другими элементами гражданского общества. Системообразующим элементом в данном блоке, целенаправленное воздействие на который даст желаемые результаты, является *частная собственность*.

Социальный блок. Гражданское общество как система охватывает собой не только экономические, но и социальные отношения, с помощью которых осуществляется решение многочисленных социальных проблем. В данный блок входят семья, трудовые и учебные коллективы, структуры выявления, формирования и выражения общественного мнения и разрешения социальных конфликтов, негосударственные средства массовой информации. Системообразующим элементом в данном блоке является *средний класс*.

Политический блок. Третий структурный блок кибернетической модели гражданского общества – организация, складывающаяся на основе политических отношений. Важной конституционной основой политической сферы гражданского общества является политический *плюрализм*. Важным условием его обеспечения и институционализации гражданского общества является свобода средств массовой информации. Таким образом, политической основой гражданского общества является существование различных политических взглядов. Это обеспечивает прежде всего *многопартийность*. Политические партии выражают интересы различных социальных групп и от их имени участвуют в принятии политических решений. Системообразующим элементом в данном блоке является многопартийность.

Правовой блок. Одним из важнейших требований гражданского общества к государству является обеспечение правовыми методами прав и свобод граждан, социальной защиты и справедливости, возможности каждого человека выразить свою политическую волю. Гражданское общество может существовать только там, где государство в целом и каждый гражданин в отдельности находятся в одинаковом положении перед законом и соблюдают его. Системообразующим элементом в данном блоке является стержень гражданского

общества – *неправительственные структуры, общественные организации, советы* различных уровней, сформированные на основе *правовых норм и высокого правового сознания*.

Духовный блок. Духовная сфера гражданского общества призвана обеспечить свободу мысли, совести слова, реальную возможность публично выражать свое мнение, самостоятельность и независимость творческих личностей и структур. Она непосредственно связана с образом жизни людей, их нравственностью, научным творчеством и духовным совершенствованием. Системообразующим элементом является *гражданская культура* [1; 2; 3].

Коммуникативный блок. В гражданском обществе происходит постоянный обмен информацией и систематический диалог между государством, различными общественными структурами и социальными субъектами, целенаправленное информационное воздействие на них. Такой тип отношений описывается дефинициями *«полный интерсубъективный дискурс»* [10], или *паритетный диалог*. Системообразующий элемент – *средства массовой коммуникации*, прежде всего *электронные*.

Законодательное обеспечение формирования гражданского общества в Республике Беларусь. В начале 90-х годов прошлого столетия Республика Беларусь стала независимым суверенным государством. За прошедшие годы были сделаны первые законодательные шаги по формированию институтов гражданского общества. 90-е годы XX в. характеризовались полной перестройкой экономики Беларуси. Первыми законодательными актами в этой области были законы «О собственности в Республике Беларусь» и «О предприятиях в Республике Беларусь», принятые в декабре 1990 г. Среди первых кодексов – Гражданский кодекс Республики Беларусь, который явился основой для дальнейшего реформирования законодательства в экономической сфере. Законы, принятые в экономической сфере, способствуют проведению необходимых реформ, формированию конкурентной среды, развитию деловых партнерских отношений между субъектами хозяйствования. На это направлены Общая часть Налогового кодекса Республики Беларусь, законы «О бюджетной классификации Республики Беларусь», «О валютном регулировании и валютном контроле». Для более эффективного решения всех проблем необходимо внести значительные изменения в Гражданский и Налоговый кодексы Республики Беларусь и в целый ряд законов, направленных на создание социально ориентированных рыночных отношений в стране.

Для формирования гражданского общества необходимо решение многих проблем и в социальной сфере. Однако наиболее важной задачей является формирование *среднего класса*. В настоящее время средний класс в Республике Беларусь составляет крайне незначительную часть населения. Без многочисленного среднего класса невозможны стабильность и одновременно динамичность общественных процессов. Для формирования среднего класса в Беларуси существуют необходимые предпосылки. Из них можно выделить следующие: относительно высокий образовательный и профессиональный

уровень занятого населения; научный потенциал; выгодное геополитическое положение.

По данным социологических исследований, проведенным в Институте социологии НАН Беларуси, более половины населения страны считают себя людьми со средним достатком. Это основа будущего среднего класса [3]. Для формирования гражданского общества необходимо решение большого количества проблем и в *области политики*. Особое значение в данном аспекте имеет формирование реального политического плюрализма, который обусловлен прежде всего наличием сильной многопартийности. В начале 90-х годов прошлого столетия Республика Беларусь перешла к реальной многопартийной системе. Законодательство о политических партиях состоит из Конституции Республики Беларусь, Закона «О политических партиях» и других нормативных актов Республики Беларусь.

Политические партии являются главным инструментом взаимосвязи между государством и гражданским обществом. Они представляют в законодательных органах политические, экономические и другие интересы различных социальных групп, содействуют политической социализации граждан, выполняют функции механизма саморегуляции общественной жизни, направляя стихийную энергию социальных протестов в русло легитимной политической борьбы. Политические партии заинтересованы в формировании эффективных структур гражданского общества, в том числе для того, чтобы использовать их ресурсы в ходе постоянной политической деятельности в целом, в избирательных кампаниях в частности [1; 2; 4; 5; 6; 8].

Одним из важнейших законов для формирования гражданского общества является Закон «Об Уполномоченном по правам человека». Уполномоченный по правам человека (по европейской терминологии – омбудсмен) – это независимое публичное должностное лицо высокого ранга, которое получает жалобы на государственные органы и служащих от пострадавших лиц или действует по собственному усмотрению и уполномочено проводить расследования и корректирующие действия. Согласно Закону «Об Уполномоченном по правам человека», разработанному председателем Постоянной комиссии по правам человека, национальным вопросам, средствам массовой информации, связям с общественными объединениями и религиозными организациями Верховного Совета Республики Беларусь XIII созыва И. В. Котляровым и принятому в двух чтениях белорусским парламентом, но не подписанному Президентом страны, институт омбудсмана должен занимать особое место в системе властных органов страны [7].

Необходимым фактором формирования гражданского общества, своеобразным индикатором уровня развития гражданской инициативы является *местное самоуправление*. Развитие современных норм, ценностей и взглядов, идеалов и моделей поведения невозможно без эффективной системы местного управления и самоуправления. Прямое участие людей в управлении государством формирует у них определенные личные качества, направленные на ре-

шение как государственных, так и региональных проблем, позволяет выполнять управленческие функции. В последнее время деятельность органов местного управления и самоуправления становится все более разносторонней и эффективной, повышается их роль в привлечении к управлению широких народных масс, различных общественных формирований. Деятельность этих органов регулируется специальным Законом «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь».

Формирование *гражданской культуры* является важным условием формирования и становления гражданского общества. Особую роль в данном процессе играет образование. Развитие системы *образования* предусматривает приведение ее в соответствие с современными потребностями личности, общества и государства, повышение качества подготовки высококвалифицированных специалистов для перехода к информационному обществу, опережающему развитию новых наукоемких технологий. В Республике Беларусь деятельность в сфере образования регулируется целым комплексом законодательных актов: «Об образовании», «Об общем среднем образовании», «О высшем образовании», «О профессионально-техническом образовании», «Об образовании лиц с особенностями психофизического развития (специальном образовании)». Основным, системообразующим является Закон «Об образовании». В ноябре 2009 г. Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь в первом чтении принят «Кодекс об образовании Республики Беларусь». Однако данный законопроект не решает многие проблемы национального образования. Например, в него не вошли правовые нормы, обеспечивающие высокий уровень заработной платы педагогических работников, нет системы конкретных действий, направленных на повышение качества образования и т. д.

Формирование гражданской и правовой культуры. Гражданское общество невозможно сформировать без существенного повышения гражданской и правовой культуры социальных субъектов. Возрождение нравственных идеалов – это естественный процесс роста национального самосознания. В ходе развития гражданской и правовой культуры формируются такие важные принципы гражданского общества, как *гражданственность, патриотизм и национальные интересы*. Гражданская и правовая культура наполняет идейным содержанием понятия «патриотизм» и «интересы нации». *Гражданственность* представляет собой органический сплав высших человеческих качеств, проявляющихся в общественном бытии. Это – любовь к Родине и преданность ей, забота о ее процветании, творческая активность, сознательность и свобода, ответственность и солидарность, духовность и самостоятельность. Гражданская и правовая культура индивида должна опираться на национальные корни, специфику белорусского государства. С этой точки зрения, отправными пунктами идеи гражданского общества в Беларуси должны стать национальные духовные ценности, любовь к «матчынай сцежцы».

Таким образом, становление и развитие гражданского общества в Республике Беларусь реально. Его важнейшее условие – разделение экономических

и политических отношений, наличие экономически свободного человека. Социальной основой гражданского общества является средний класс, который во многих государствах составляет до 60% населения. Политическая основа гражданского общества – существование различных политических взглядов. Это обеспечивает прежде всего многопартийность. Духовную основу гражданского общества составляют любовь и преданность Отечеству, творческая активность, возможность объединяться в политические партии и общества по интересам, наличие условий, формирующих свободных, культурных, социально активных, ответственных перед законом членов общества. Формирование гражданского общества – важный и нужный процесс, который требует огромных усилий как со стороны государства, так и общественных структур, как со стороны государственных чиновников, так и непрофессиональных политиков.

Литература

1. Котляров, И. В. Гносеологические, онтологические и исторические основания гражданского общества / И. В. Котляров // Иппокрена. – 2009. – № 1. – С. 5–12.
2. Котляров, И. В. Гражданское общество и современные партии Беларуси / И. В. Котляров // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2006. – № 3. – С. 129–145.
3. Котляров, И. В. Политические партии Беларуси как важнейшие структурные элементы гражданского общества / И. В. Котляров // Иппокрена. – 2007. – № 2. – С. 5–16.
4. Котляров, И. В. Политические партии в истории и жизни белорусского общества / И. В. Котляров // Неман. – 2008. – № 9. – С. 130–141.
5. Черныш, М. Ф. К проблемам эмпирических исследований гражданского общества / М. Ф. Черныш // Проблемы формирования гражданского общества. – М.: Ин-т социологии РАН, 1993. – С. 24–67.

T. V. KHUZEEVA

THE CIVIL SOCIETY OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS THE OBJECT OF SOCIAL AND LAW REGULATION

Summary

The analysis of civil society as a cybernetic system is carried out in the article, its main structural elements are analysed, the concrete social and legal measures for its formation and improvement are offered.

Н. Н. ЛЕОНОВ,

*кандидат физико-математических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

МЕТОДЫ НЕЧЕТКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рассматривается применение методов нечеткой классификации в социологии. Общие положения проиллюстрированы на примере анализа данных конкретного исследования.

Нет необходимости говорить о важности классификации в социологических исследованиях. Общую задачу классификации можно сформулировать следующим образом. Имеется некоторое множество объектов X . Требуется разбить его на конечное множество подмножеств X_1, \dots, X_n . Эти подмножества называются классами. Классификация осуществляется либо по правилу, которое задано исследователем на основании некоторых содержательных соображений, либо осуществляется автоматически на основании структуры данных (таковы, в частности, процедуры дискриминантного и кластерного анализа). В последнем случае содержательная интерпретация классов делается на основании их исследования. В любом случае, как правило, предполагаются выполненными следующие условия: каждый объект должен быть отнесен к одному и только к одному классу, причем факт принадлежности или «непринадлежности» объекта классу вполне определен, т. е. о каждом объекте и каждом классе можно сказать, принадлежит данный объект данному классу или нет. Существуют, однако, более общие подходы к классификации. Их применение в социологических исследованиях весьма естественно в силу сложной структуры и слабой формализуемости социальных процессов и систем. Например, Н. Н. Леонов [1] к исследованию некоторых проблем социологии села применил модели частичной классификации, которые допускают, что не все объекты должны быть классифицированы. В настоящей статье рассматривается применение в социологии так называемой нечеткой классификации, при которой принадлежность к классу не вполне определена. Общие положения проиллюстрированы примером на материале реального исследования.

Нечеткая классификация базируется на теории так называемых нечетких множеств [2], основы которой заложены известным американским ученым азербайджанского происхождения Лотфи Заде в середине 60-х годов XX в. [3]. Приведем необходимые сведения из нее. Начнем с наводящих соображений. Если задано «хорошее», «четкое» множество, то в принципе о каждом

объекте можно сказать, принадлежит он этому множеству или нет. У нечетких множеств это не так, т. е. о некоторых объектах невозможно сказать, принадлежат они данному множеству или нет. Простейший пример – множество молодых людей. Понятно, что 18-летний человек молодым, безусловно, является, 70-летний, безусловно, – нет, а о человеке, скажем, 38-летнем однозначное суждение вынести трудно. Другими словами, есть объекты, принадлежащие данному множеству в полной, стопроцентной, единичной степени (мере), есть объекты, не принадлежащие множеству, о которых можно сказать, что они принадлежат ему в нулевой степени, и, наконец, имеются объекты, которые принадлежат данному множеству в некоторой степени, промежуточной между нулем и единицей. Переходя к более формальному изложению, отметим предварительно, что в рамках математической теории удобнее говорить о нечетких подмножествах. Таким образом, пусть есть некоторое множество X . Если задано некоторое обычное, четкое подмножество A множества X , $A \subset X$, то о каждом элементе X можно сказать, принадлежит он A или нет. Для любого подмножества A множества X введем понятие *индикатора*, или характеристической функции. Эта функция обозначается χ_A и определяется следующим образом:

$$\chi_A(x) = \begin{cases} 1, & x \in A, \\ 0, & x \notin A. \end{cases}$$

Очевидно, индикатор вполне определен. Наоборот, если на множестве X задана функция χ , которая может принимать лишь два значения – 1 и 0, то такая функция однозначно определяет множество A следующим образом:

$$A = \{x \in X | \chi(x) = 1\}.$$

Следовательно, множество и его индикатор можно отождествить. Теперь можно объяснить идею нечеткого множества. Она очень проста и заключается в том, чтобы «разрешить» индикатору принимать не только значения 1 и 0, но и любые промежуточные значения. Итак, пусть задана функция μ_A (индекс A пока ничего не означает), которая принимает значения в отрезке $[0, 1]$. Нечетким множеством A называется множество пар $(x, \mu_A(x))$, где x – элемент (точка) множества X , а $\mu_A(x)$ – значение функции μ_A на этом элементе (в этой точке). Это значение называется степенью принадлежности элемента x множеству A . Функция μ_A называется функцией принадлежности нечеткого множества A (использование для индикатора и функции принадлежности разных обозначений – χ и μ соответственно – является прочной традицией, хотя функция принадлежности представляет собой прямое обобщение индикатора, и использование одного обозначения было бы логично). Для иллюстрации вернемся к упомянутому примеру. Обозначим через X множество неотрицательных чисел, и пусть A – множество значений возраста (в годах), «обладателей» которого можно считать молодыми. Не пытаюсь определить точно значе-

ние функции принадлежности μ_A для каждого значения возраста x , мы все же, исходя из бытующих в обществе представлений, можем сказать, что $\mu_A(18) = 1$, $\mu_A(70) = 0$, $0 < \mu_A(39) < \mu_A(38) < 1$, т. е., как уже было сказано, 18-летний является молодым, 70-летний – нет, а люди 38 и 39 лет являются «не вполне молодыми», но первый из них является молодым в большей степени, нежели второй. Отметим вопрос, весьма важный для применений теории нечетких множеств: как задать функцию принадлежности? Вопрос этот нетривиален, и единого «объективного» способа задания функций принадлежности, в отличие от вероятности, нет. Можно использовать, например, экспертный опрос. В простейшем варианте это можно сделать так. Задаем экспертам вопрос: «Принадлежит ли объект x множеству A ?» и полагаем $\mu_A(x)$ равным доле экспертов, ответивших на этот вопрос утвердительно. Далее используем другой способ, который будет пояснен в ходе применения.

Выделение в некотором исходном множестве объектов нечетких классов называется нечеткой классификацией [4; 5]. Нетрудно убедиться, что как традиционная классификация, так и упомянутая выше частичная классификация являются частными случаями нечеткой. Нечеткие классификационные модели можно рассматривать как разновидность так называемых мягких моделей в смысле В. И. Арнольда [6], целесообразность использования которых в социологии была продемонстрирована в работе Е. Н. Адамович [7].

Отметим, что, как это часто бывает, обобщение различных конструкций с обычных множеств на нечеткие во многих случаях может делаться различными способами. При этом, разумеется, приходится жертвовать теми или иными «хорошими» свойствами этих конструкций. В частности, можно по-разному строить и статистику на нечетких множествах [8; 9]. Далее используем вариант, удобный, на наш взгляд, для социологических приложений.

Пусть X – конечное множество элементов (объектов). Для каждого элемента x определена его вероятность $p(x)$. Пусть $A \subset X$ – обычное (четкое) подмножество X , χ_A – индикатор этого подмножества. Тогда мощность (число элементов) $|A|$ множества A выражается формулой

$$|A| = \sum_{x \in A} 1 = \sum_{x \in X} 1 \cdot \chi_A(x) = \sum_{x \in X} \chi_A(x), \quad (1)$$

вероятность $P(A)$ этого множества – формулой

$$P(A) = \sum_{x \in A} p(x) = \sum_{x \in X} \chi_A(x) p(x), \quad (2)$$

условная вероятность $P(B|A)$ произвольного четкого подмножества B при условии A , т. е. вероятность того, что произвольный элемент принадлежит множеству B при условии, что он принадлежит множеству A , равна

$$P(B|A) = \frac{P(A \cap B)}{P(A)} = \frac{\sum_{x \in X} \chi_B(x) \chi_A(x) p(x)}{\sum_{x \in X} \chi_A(x) p(x)}, \quad (3)$$

а условное среднее значение (условное математическое ожидание) числовой функции f элемента x на множестве A равно

$$M(f | A) = \frac{\sum_{x \in X} f(x) \chi_A(x) p(x)}{\sum_{x \in X} \chi_A(x) p(x)}. \quad (4)$$

Пусть теперь A – нечеткое подмножество X с функцией принадлежности μ_A , множество B и функция f – те же, что и прежде, т. е. B – четкое подмножество. Тогда мощность множества A , вероятность этого множества, условная вероятность B при условии A и условное среднее значение функции f элемента множества A определяются путем замены в формулах (1) – (4) индикатора на функцию принадлежности, т. е.

$$|A| = \sum_{x \in X} \mu_A(x), \quad (5)$$

$$P(A) = \sum_{x \in X} \mu_A(x) p(x), \quad (6)$$

$$P(B | A) = \frac{P(A \cap B)}{P(A)} = \frac{\sum_{x \in X} \chi_B(x) \mu_A(x) p(x)}{\sum_{x \in X} \mu_A(x) p(x)}, \quad (7)$$

$$M(f | A) = \frac{\sum_{x \in X} f(x) \mu_A(x) p(x)}{\sum_{x \in X} \mu_A(x) p(x)}. \quad (8)$$

Отличительной особенностью формул (5) – (8) является то, что вычисления по ним могут производиться с помощью традиционных статистических пакетов программ – например, SPSS, причем формулы (7), (8) по форме представляют собой просто вычисления со взвешиванием, где в качестве веса выступает функция принадлежности μ_A . Если вычисления изначально должны производиться с некоторым весом w , то для вычислений по формулам (7), (8) используется произведение этого веса и функции μ_A .

Описанный выше метод нечеткой классификации был применен к анализу данных общенационального опроса, осуществленного в июле 2009 г. в рамках исследования «Социальные инновации – источник устойчивого развития белорусского общества: человеческий и организационный потенциал», проводившегося сектором социокультурных инноваций Института социологии НАН Беларуси (руководитель исследования – доктор социологических наук С. А. Шавель). Представленный далее анализ относится к жанру разведочного, который называют также поисковым или, используя кальку с английского, эксплораторным и который направлен на выяснение структуры собранных эмпирических данных. Анализировались ответы на следующий вопрос (табл. 1):

Т а б л и ц а 1. В какой степени Вам присущи следующие качества?
(Отметьте, пожалуйста, позиции по каждой строке)

№ п/п	Качество	В достаточной степени	В меньшей степени, чем хотелось бы	Качество отсутствует
1	Дисциплинированность	1	2	3
2	Инициативность	1	2	3
3	Исполнительность	1	2	3
4	Ответственность	1	2	3
5	Потребность в самообразовании	1	2	3
6	Предприимчивость	1	2	3
7	Работоспособность	1	2	3
8	Самостоятельность	1	2	3
9	Способность достигать цели	1	2	3
10	Способность к самоорганизации	1	2	3
11	Требовательность	1	2	3
12	Умение адаптироваться	1	2	3
13	Умение рисковать	1	2	3
14	Энергичность	1	2	3

Далее нам будет удобно использовать понятие типа респондента [10, 11], который определяется набором (вектором) ответов на все частные вопросы данного табличного вопроса. Собственно, типы и являются объектами, подлежащими классификации. Применим следующую процедуру. Выделим три «центральных» типа, которые будут «центрами» формируемых нечетких классов и которые определяются следующим образом: на все частные вопросы они дали один и тот же ответ, а именно один из трех ответов – «В достаточной степени», «В меньшей степени, чем хотелось бы», «Качество отсутствует». Назовем их соответственно центрами нечетких классов «оптимистов», «умеренных» и «пессимистов». Для каждого класса и каждого типа в качестве значения функции принадлежности типа к классу возьмем долю частных вопросов, ответы на которые у данного типа и центрального типа класса совпадают, т. е. количество таких вопросов, деленное на число частных вопросов в таблице, равно 14. В соответствии с этим значение функции принадлежности к классу для любого типа вычисляется следующим образом: подсчитываем количество частных вопросов, ответы на которые у этого типа и у центрального типа данного класса совпадают, и делим это число на 14. Классификация типов порождает и классификацию респондентов. Таким образом, если респондент на 7 вопросов дал ответ «В достаточной степени», на 4 – «В меньшей степени, чем хотелось бы» и на 3 – «Качество отсутствует», то он принадлежит классу «оптимистов» со степенью $7/14 = 0,5$, классу «умеренных» – со степенью $4/14 \approx 0,29$ и классу «пессимистов» – со степенью $3/14 \approx 0,21$. Если респондент не дал ответа на какие-либо из частных вопросов, то сумма значений функций принадлежности ко всем классам для этого ре-

спондента не будет равна единице, что при нечеткой классификации вполне допустимо.

Приведем результаты статистического анализа полученных нечетких классов в сочетании с другими методами анализа. Доли классов составили: оптимисты – 55,3%, умеренные – 28,9%, пессимисты – 7,5%. Сумма, как видно, не равна 100%, что объясняется только что отмеченным явлением ответа не на все частные вопросы. Вычисление распределения ответов на частные вопросы привело к следующим результатам. По всем частным вопросам в каждом классе «свой» ответ отмечался чаще, чем в других классах, т. е. в классе «оптимистов» чаще, чем в двух других классах, отмечался ответ «В достаточной степени», в классе «умеренных» – ответ «В меньшей степени, чем хотелось бы», а в классе «пессимистов» – «Качество отсутствует». При этом, однако, по качествам «Дисциплинированность», «Исполнительность», «Ответственность», «Работоспособность», «Самостоятельность» и «Требовательность» разница между классами меньше, чем по остальным качествам. Проиллюстрируем сказанное на примере качеств «Дисциплинированность» (табл. 2) и «Инициативность» (табл. 3). А затем сопоставим эти данные с результатами факторного анализа (табл. 4, 5).

Т а б л и ц а 2. Оценка респондентами «дисциплинированности», %

Ответ	«Оптимисты»	«Умеренные»	«Пессимисты»
В достаточной степени	85,3	64,3	61,2
В меньшей степени, чем хотелось бы	13,4	33,6	23,4
Качество отсутствует	1,3	2,1	15,4
Всего	100,0	100,0	100,0

Т а б л и ц а 3. Оценка респондентами «инициативности», %

Ответ	«Оптимисты»	«Умеренные»	«Пессимисты»
В достаточной степени	61,9	30,0	21,9
В меньшей степени, чем хотелось бы	34,5	63,3	44,2
Качество отсутствует	3,5	6,7	33,9
Всего	100,0	100,0	100,0

Таким образом, на 50,2% (в смысле объясненной дисперсии) ответы на вопрос определяются двумя факторами. Видно, что второй фактор заметно превосходит первый по позициям «Дисциплинированность», «Исполнительность» и «Ответственность», ненамного – по позициям «Работоспособность» и «Самостоятельность», немного уступает по позиции «Требовательность» и заметно уступает по остальным. На наш взгляд, первый фактор можно назвать фактором активности, а второй – фактором положительности. Этой интерпретации несколько противоречит, на первый взгляд, позиция «Самостоятельность». Наше объяснение этому факту мы приведем ниже. Как видно, в определенном смысле фактор активности влияет на самооценку в оптимистическом направлении, а фактор положительности – в пессимистическом.

Таблица 4. Результаты факторного анализа по сопоставлению качеств респондентов

Качество	Component	
	1	2
Дисциплинированность	0,052	0,765
Инициативность	0,621	0,244
Исполнительность	0,109	0,825
Ответственность	0,068	0,831
Потребность в самообразовании	0,551	0,148
Предприимчивость	0,710	0,028
Работоспособность	0,408	0,480
Самостоятельность	0,405	0,503
Способность достигать цели	0,699	0,259
Способность к самоорганизации	0,625	0,343
Требовательность	0,481	0,385
Умение адаптироваться	0,625	0,135
Умение рисковать	0,757	-0,113
Энергичность	0,713	0,152

Таблица 5. Результаты факторного анализа по сопоставлению качеств респондентов (Total Variance Explained)

Component	Extraction Sums of Squared Loadings			Rotation Sums of Squared Loadings		
	Total	% of Variance	Cumulative, %	Total	% of Variance	Cumulative, %
1	5,161	36,866	36,866	4,128	29,485	29,485
2	1,873	13,382	50,248	2,907	20,763	50,248

Затем был проведен двухшаговый кластер-анализ с автоматическим выбором числа кластеров, которые далее мы будем называть группами. В результате получились две группы, первая из которых составляет 33% выборки, вторая – 48,4, 18,6% не вошли ни в одну из групп из-за отсутствия ответов на этот вопрос. Из ответивших на вопрос указанные группы составляют соответственно 40,5 и 59,5%. Группы мы назвали «уверенные в себе» (можно было бы назвать и «активные») и «скромные положительные» на основании частотного анализа этих групп по всем позициям вопроса, поскольку этот анализ показал следующее. Как оказалось, «уверенные» склонны находить у себя в достаточной степени большинство из перечисленных положительных качеств. Оценка «В меньшей степени, чем хотелось бы» в заметной (хотя не преобладающей) мере присутствует у них в отношении качеств «Потребность в самообразовании», «Предприимчивость» и «Умение рисковать», т. е. качеств, нужных для активной деятельности, так что менее высокая оценка может быть вызвана просто большей субъективной потребностью в этих качествах. Что же касается «скромных», то оценка «В достаточной степени» преобладает у них по отношению к следующим качествам: «Дисциплинированность», «Испол-

нительность», «Ответственность», «Работоспособность» и «Самостоятельность», т. е. по сильно коррелированным с фактором положительности. Мы попытались объяснить упомянутый выше парадокс, связанный с качеством «Самостоятельность». Для этого была проанализирована связь этого качества с остальными качествами для каждой из групп. Воспользовавшись порядковым коэффициентом ранговой корреляции Кендалла, мы обнаружили, что у «скромных» самостоятельность сравнительно тесно коррелирована со способностью достигать цели и способностью к самоорганизации, т. е. с качествами, действительно близкими, но с другой стороны – с дисциплинированностью, исполнительностью, ответственностью и работоспособностью. Это согласуется с давним наблюдением автора о том, что многие люди называют самостоятельностью не только и даже не столько способность самому принимать решения и действовать без внешнего принуждения, сколько способность оставаться в неких рамках поведения без внешних ограничений. Слегка утрируя, можно сказать, что для некоторых женщин «самостоятельный» мужчина – это тот, который не напьется без присмотра жены. У «уверенных» же самостоятельность вообще сильно не связывается ни с каким другим качеством. Причина здесь в известном смысле математическая – наличие этого качества у себя в достаточной степени констатируют 95,9% людей из этой группы, т. е. соответствующий признак – почти константа, что порождает близкие к нулю значения коэффициента корреляции его с другими признаками. Далее мы сравнили средние значения факторов по группам. При этом знаки факторов были выбраны согласно порядку вариантов ответа, соответствующему содержательным смыслу, т. е. согласно порядку «В достаточной степени» > «В меньшей степени, чем хотелось бы» > «Качество отсутствует». Оказалось, что средние значения обоих факторов у «уверенных» выше.

Затем было проведено сопряжение этих групп и нечетких классов. Для этого, во-первых, были вычислены распределения представителей каждой из групп по нечетким классам (табл. 6), во-вторых, наоборот, было вычислено распределение групп по каждому из нечетких классов (табл. 7).

Таблица 6. Таблица сопряженности выделенных групп и классов, %

Класс	«Уверенные в себе»	«Скромные положительные»	Все
«Оптимисты»	87,0	42,5	55,3
«Умеренные»	13,1	45,8	28,9
«Пессимисты»	1,6	13,2	7,5

Таблица 7. Таблица сопряженности выделенных групп и классов, %

Группа	«Оптимисты»	«Умеренные»	«Пессимисты»	Все
Уверенные в себе	58,2	16,3	7,7	40,5
Скромные положительные	41,8	83,7	92,3	59,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видно, среди «оптимистов» «уверенные в себе» составляют большинство, хотя и не подавляющее, среди «умеренных» значительно преобладают «скромные положительные», а среди «пессимистов» это преобладание еще больше. С другой стороны, если среди «уверенных в себе» больше всего «оптимистов», намного меньше «умеренных», а доля «пессимистов» находится в пределах статистической погрешности, то среди «скромных положительных» «оптимисты» и «умеренные» распределились почти поровну, а «пессимисты» составляют явное меньшинство.

Напомним, что здесь был представлен фрагмент разведочного анализа данных. Совершенно очевидно, что подобным образом может быть проведен и подтверждающий (конфирматорный) анализ, т. е. проверка социологических гипотез. Таким образом, методы нечеткой классификации, как и другие нетрадиционные методы анализа данных и моделирования, могут быть применены в социологических исследованиях, обеспечивая некоторый новый взгляд на исследуемый объект. Они не являются альтернативой традиционным методам анализа данных, а, наоборот, хорошо с ними сочетаются.

Литература

1. Леонов, Н. Н. Адаптационные стратегии белорусского крестьянства / Н. Н. Леонов // Человеческий потенциал белорусской деревни. – Минск: Беларус. наука, 2009. – С. 291 – 311.
2. Кофман, А. Введение в теорию нечетких множеств / А. Кофман. – М.: Радио и связь, 1982. – 432 с.
3. Zadeh, L. Fuzzy sets / L. Zadeh // Inf. Control. – 1965. – Vol. 8. – P. 338–353.
4. Заде, Л. А. Размытые множества и их применение в распознавании образов и кластер-анализе / Л. А. Заде // Классификация и кластер. – М.: Мир. – 1980. – С. 208–247.
5. Пегат, А. Нечеткое моделирование и управление / А. Пегат. – М.: БИНОМ, 2009. – 798 с.
6. Арнольд, В. И. «Жесткие» и «мягкие» математические модели / В. И. Арнольд. – М.: МЦНМО, 2004. – 32 с.
7. Адамович, Е. Н. Измерительные шкалы и «мягкое» моделирование социальных процессов / Е. Н. Адамович // Сборник трудов молодых ученых Национальной академии наук Беларуси. – Т. 1: Отделение гуманитарных наук и искусств. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2003. – С. 91–93.
8. Berg, J. Fuzzy classification using probability-based rule weighting / J. Berg, U. Kaymak, W.-M. Derg // Fuzzy Systems, 2002. FUZZ–IEEE'02. Proceedings of the 2002 IEEE International Conference on. – 2002. – Vol. 2. – P. 991–996.
9. Coletti, G. Conditional probability, fuzzy sets, and possibility: a unifying view / G. Coletti, R. Scozzafara // Fuzzy sets and systems. – 2004. – Vol. 144, N 1. – P. 227–249.
10. Леонов, Н. Н. Математическая социология: структурно-аппроксимационный подход / Н. Н. Леонов. – Минск: ФУАИнформ, 2002. – 220 с.
11. Леонов, Н. Н. Математические методы анализа нечисловых баз данных и их применение в социологии / Н. Н. Леонов, В. С. Студент, Д. В. Давыденко. – Минск: ФУАИнформ, 2003. – 116 с.

N. N. LEONOV

METHODS OF INACCURATE CLASSIFICATION IN SOCIOLOGICAL INVESTIGATIONS

Summary

Application of fuzzy classification in sociology is considered. The general approach is illustrated by case study analysis.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 316.356.4:130.3

В. В. КИРИЕНКО,

доктор социологических наук, доцент,

Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого, г. Гомель

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ФАКТОР И СЛЕДСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Процесс разработки и реализации национальной модели общественного устройства осуществляется под влиянием этнонационального менталитета. В свою очередь государственные институты корректируют легенду национальной истории и культуры и таким образом корректируют характеристики этнонационального менталитета.

С обретением национального суверенитета перед Беларусью, как и перед другими постсоветскими и постсоциалистическими государствами, встала проблема построения собственной модели общественного устройства. После прохождения первых шагов в сложном процессе реализации государственной независимости наступило уяснение того факта, что общественная конструкция является работоспособной только в том случае, если она опирается на собственный социокультурный фундамент. Практика общественного реформирования убедительно продемонстрировала, что копирование североамериканских и западноевропейских политических и экономических моделей, без учета собственных национальных особенностей, культуры, обычаев, традиций, мотивационных моделей поведения, приводит к непредвиденным результатам, включая проявления откровенного национализма, шовинизма, жесткого гражданского противостояния, а зачастую – к военным конфликтам.

Опыт построения национальной государственности показал, что процесс разработки и реализации национальной модели общественного устройства в целом и каждого ее фрагмента в отдельности, в особенности на первых этапах, осуществляется под влиянием этнонационального менталитета – своеобразного «зова предков» – сильного, в значительной степени неосознанного, эмоционально насыщенного, идущего от поколения к поколению социокультурного кода. Не случайно категория «менталитет» была реанимирована именно в то время, когда предшествующая публицистическая категория «человеческий фактор», введенная в оборот идеологами перестройки, полностью исчерпала свои эвристические возможности. Будучи научно неопределенным, это понятие стало интенсивно употребляться для выражения самых неотрефлексированных реалий в экономике, политике, юриспруденции, в элементарных житейских ситуациях. В результате даже в научных публикациях слово «менталитет» стало использоваться с преимущественно негативной смысловой на-

грузкой. Как правило, особенностями национального менталитета объясняют все просчеты и все неудачи в осуществлении политического, экономического, социального реформирования общества. Анализируя структуру общества, можно выделить три его основных уровня: политический, экономический и социокультурный, или ментальный (см. рисунок).

Верхнюю часть социальной пирамиды образуют политические институты, посредством которых реализуется политическая модель общественного устройства. Публичность политической составляющей предопределяет такое ее внутреннее качество, как конъюнктурность и быстротечность. События современной истории показывают, что все общественные реформы на постсоветском и постсоциалистическом пространстве начинались с разрушения существующих политических институтов. Идеологи перестроечных событий в Советском Союзе, а затем в Российской Федерации, «бархатных», «розовых», «тюльпановых», «оранжевых» революций в постсоветских республиках декларируют одни и те же цели и проходили по одному и тому же сценарию, под одними и теми же лозунгами «общечеловеческих» демократических реформ: вместо «назначенного» Верховного Совета – выборный на альтернативной основе парламент, вместо однопартийности – многопартийность, вместо партийной закрытости – гласность, вместо назначения руководителей – выборность, вместо жесткого централизма – автономность территорий.

Центральную часть социального организма оформляют экономические институты, посредством которых реализуются экономические интересы индивидов, социальных групп и социальных сообществ. Экономический сегмент социальной модели по сравнению с политическим является более устойчивым и консервативным. В отличие от механизмов формирования и функционирования политических структур, особенно их представительских, парламентских органов, деятельность экономических институтов является достаточно закрытой и консервативной. История, в том числе и новейшая, показала, что

Модель взаимодействия политических, экономических и социокультурных, или ментальных, составляющих общества

Марксово положение – «политика есть концентрированная экономика» – верно только частично. Деятельность экономических структур не в меньшей мере зависит от политических институтов, вследствие чего экономическая элита ищет способы реализации своих интересов через политические структуры. Известно, что после политического Беловежского соглашения в первую очередь подверглись деформации именно экономические структуры.

Нижнюю, базовую составляющую, на которую опираются политические и экономические институты, организуют социокультурные, ментальные структуры. Отличительной чертой социокультурной, ментальной составляющей является ее изначальная этнонациональность. Менталитет представляет собой «спрессованную память», сильный, в значительной степени неосознанный, эмоционально насыщенный, идущий от поколения к поколению своеобразный «звон предков», вследствие чего он является «скрепом», удерживающим этнос (нацию) от распада в сложных, в том числе и кризисных, социальных условиях, обеспечивает его внутреннюю целостность как в пространстве, ибо его базовые характеристики выстраивают систему идентификационных маркеров, определяющих, где заканчивается территория, на которой живем «мы», и начинается территория, на которой живут «не мы», «другие», так и во времени (какие непреходящие общие ценности для этнонационального образования были «вчера», дороги «сегодня» и останутся духовно-ценностными ориентирами «завтра»). Таким образом, поведение не только отдельного человека, но и нации в целом наряду с экономическими интересами и политическими пристрастиями в значительной степени определяется сформированными на ментальном уровне социокультурными нормами, традициями, обычаями, предрассудками и суевериями. Известная миру практика подтверждает, что этнонациональное образование может какое-то время существовать, не имея собственной государственности и даже собственной территории, но лишившись собственной культуры, утратив свои ментальные характеристики, нация растворяется, погибает.

Политическая, экономическая и социокультурная ментальные компоненты общественного организма находятся в состоянии перманентного взаимодействия. Динамическая устойчивость общества определяется согласованием всех трех элементов. Указывая на деятельную функцию национального менталитета, его взаимосвязь с осуществляемыми социально-экономическими процессами, российский социальный философ А. С. Пантин отмечает, что в этносоциологии, интенсивно развиваемой в последние десятилетия, показано, что при сравнении США и Японии при равных технологиях японский менталитет несравненно более эффективен за счет того, что «японцы сохранили его традиционную структуру, связанную с этикой труда, ответственности, коллективного блага... народ, который их сохраняет, гораздо уютнее себя чувствует в постиндустриальную эпоху, чем тот, кто с ними расстался» [1, с. 37].

Взаимодействие политической и социокультурной ментальной составляющих особенно рельефно проявляется в трансформационные периоды. Практи-

ка общественного реформирования последних десятилетий показала, что на первых этапах построения государственности большинство политиков апеллируют как к реальным, так и мифическим историко-культурным, этнонациональным корням. В свою очередь государственные институты корректируют, а то и просто формируют собственную легенду национальной истории и культуры и таким образом корректируют характеристики этнонационального менталитета. Поскольку непосредственно на менталитет воздействовать невозможно, то осознанному либо неосознанному воздействию подвергаются социокультурные ценности, в которых укоренены ментальные характеристики.

Следует отметить, что в эклектическом соединении элементов иностранных политических, экономических и социальных технологий с отечественной духовно-нравственной культурой вина не только политиков. Под влиянием долгое время монопольно господствовавшей марксистской философско-социологической традиции, органично вытекавшей из гегелевского рационализма, в частности постулата об объективности общественного развития, неизбежно приводящего к внеклассовой и наднациональной общественной структуре, советское обществоведение и развивавшееся в его системе человековедение явно недостаточное внимание уделяли системному анализу национально-специфических социокультурных, в том числе и этнонациональных особенностей общества. Социальная история, в том числе и новейшая, более чем убедительно демонстрирует ошибочность представлений о том, что социально-исторический процесс объективно «переплавляет» этнонациональные образования как пережитки родоплеменных форм человеческого сообщества в наднациональные цивилизационно-региональные сообщества (СССР, ЕС), а затем и в глобальное мировое сообщество. «Новая историческая общность – советский народ», как и народы бывших Югославии, Чехословакии, Молдовы и Грузии, размежевались и продолжают размежевываться не столько по социально-классовому, социально-стратификационному или политическому, сколько по конфессионально-культурному и этнонациональному признакам.

Активный интерес к этносу и к его базовой характеристике – менталитету на постсоветском и постсоциалистическом пространстве был вызван как объективными, так и субъективными причинами. Объективно ренационализация и реэтнизация явились защитной реакцией на девальвирование и деградацию социальных идеалов и базовых ценностей социально-государственных образований, релятивизацию социальных процессов, усложнение механизмов социальной жизни, деформацию государственно-цивилизационных институтов, не способных обеспечить целостность полиэтничного государственного образования. В такой ситуации этнос, его культура, история, мифы, легенды, предания, кровно-родственные связи и отношения представлялись единственно стабильными образованиями, устойчивыми реперными точками, обеспечивающими социальную устойчивость в пространстве и времени. В условиях системно трансформирующегося общества при выборе стратегических направлений жизнеустройства безобидные бытовые этнонациональные различия не-

редко перерастают в принципиальные, зачастую антагонистические противоречия, появляется острая потребность в ответах на вопросы: «Кто мы?», «Откуда мы?», «Чем мы отличаемся от других?» и, в конце концов, «Кто наши друзья?» и «Кто наши враги?»

Актуализация этнических процессов и интерес к ментальным характеристикам обуславливались, с одной стороны, необходимостью корректировки негативных последствий ошибочно выбранной стратегии на слияние народов и наций в единую наднациональную социальную общность, с другой – потребностью в восстановлении этнонациональной культуры, этнонациональной самобытности, желанием наций и этносов обустроить свою жизнь в соответствии с собственными социокультурными алгоритмами, собственным менталитетом. В этом смысле процесс реэтнизации в постсоветских и постсоциалистических странах явился сколь необходимым, столь и прогрессивным. Но интерес к этнонациональным особенностям был определен не только объективными причинами, но и субъективными факторами: острым стремлением политической, экономической, культурной этнонациональной элиты к собственному самоутверждению и реализации целей, далеко не всегда совпадающих с коренными интересами народа. Коллизии, происходящие на постсоветском и постсоциалистическом пространстве, откровенные спекуляции на этнонациональных чувствах наглядно продемонстрировали, каким образом естественные этнонациональные различия в периоды социального хаоса способны трансформироваться в противоестественное межнациональное, межэтническое противопоставление и противостояние.

Таким образом, в условиях неуклонного возрастания значимости этничности, национальной специфики образа жизни народа – белорусского, украинского, немецкого и других – существенно актуализировалась проблема осмысления содержательного наполнения и корректного применения категории «менталитет». Актуальность исследования истоков, настоящего и перспектив развития белорусского менталитета определяется тем, что системная трансформация белорусского общества, построение собственной государственности, корректировка векторов внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности потребовали инструментально определить как общечеловеческие, так и отличительные особенности менталитета белорусского народа. Процесс этногенеза, формирование белорусской нации и менталитета белорусов осуществлялись в географическом, геополитическом и социокультурном центре Европы, на стыках Востока и Запада, в условиях интенсивного взаимодействия со славянскими этносами – великорусским, малоросским и польским, балтийскими – литовским и латышским, а также с евреями, татарами, цыганами. Белорусский этнос, будучи родственным как восточнославянским – русскому и украинскому, так и западнославянскому – польскому этносам вместе с тем, вне сомнения, является самостоятельным, обладающим собственными оригинальными восточно-западными культурой и менталитетом.

Принципиальным в исследовании менталитета современных белорусов является то, что начиная со второй трети XX в. важнейшие этнообразующие

факторы подверглись качественному изменению. К таковым условиям в первую очередь относятся следующие:

приобретение белорусским народом собственной государственности;

принципиальное изменение социально-профессиональной структуры населения; если в 30-е годы прошлого века Беларусь имела ярко выраженный аграрно-натуральный тип хозяйствования, то в XXI век она вступила с индустриально-промышленным типом хозяйствования, высоким научным потенциалом;

урбанизация белорусского населения; если в начале XX в. в сельских населенных пунктах проживало около 90% белорусского населения, то к началу XXI в. сельское население составляет около 30%;

белорусизация городов; в начале XX в. в полиэтничных городах удельный вес белорусского этноса составлял 10–15%, что явно не соответствовало удельному весу белорусского населения; в условиях динамической урбанистической культуры полиэтничные города явились своеобразными «плавильными котлами», в которых во второй половине XX в. осуществлялся интенсивный процесс формирования уникального этногенетического и социокультурного социогенотипа, основу которого наряду с белорусскими составили русские, украинские и польские этногенетические и социокультурные корни.

Вследствие качественного изменения природно-климатических, геополитических, социокультурных, этноконфессиональных условий в течение XX в. произошло формирование *социогенотипа современных белорусов*, в пределах которого осуществлялся и осуществляется перманентный процесс взаимопроникновения, «переплавления» культур и ментальных характеристик взаимодействующих между собой славянских народов.

Литература

1. Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 37.

V. V. KIRIENKO

ETHNONATIONAL MENTALITY AS A FACTOR AND CONSEQUENCE OF SOCIAL REFORMING

Summary

The process of elaboration and implementation of the national model of social order is carried out under the influence of the ethnic and national thinking. The institutes of a State correct the legend of the national history and thus they adjust the characteristics of the ethnic and national thinking.

УДК 316.42:159.923(=826)

Л. Г. ТИТАРЕНКО,

*доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск*

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГОВЕКТОРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

В статье рассмотрены тенденции процесса формирования идентичности в современной Беларуси. На основе эмпирических данных приводится интерпретация разных типов идентичности, которые имеют практическую или символическую значимость для отдельных групп населения.

Актуальность исследования современных путей и моделей развития национальной идентичности в Республике Беларусь связана с необходимостью укрепления белорусской государственности. Последнее предполагает выявление, учет и целенаправленное воздействие на многообразные внутренние и внешние факторы, влияющие на формирование национального сознания и самосознания населения. Динамичные изменения в развитии идентичности граждан нашего государства связаны не только с продолжающейся трансформацией белорусского общества и базовых ценностей населения, но и с постепенным «включением» этого общества в глобальную систему связей. В свою очередь это свидетельствует о неизбежном влиянии на белорусов мировых кризисных процессов, глобальных СМИ, проникновении чуждых нашему обществу ценностей с последующей их адаптацией либо отторжением, конструированием новых «культурных маркеров» идентичности [1, с. 4] и т. д. Эмпирические исследования развития белорусской идентичности зафиксировали и некоторые непредвиденные результаты достаточно длительной политической изоляции Беларуси: среди населения существенно упала европейская самоидентификация, снизился интерес к либеральным ценностям (данный результат подтверждает валидность мертоновского анализа явных и латентных функций социальных феноменов) [2, с. 158].

В области прогнозирования моделей развития национальной идентичности населения Беларуси степень неопределенности возрастает не только по причине внутренних тенденций белорусского общества (естественная смена поколений и этнического состава, рост уровня образованности населения), но и в связи с изменчивостью глобальных трендов, геополитической ситуации в мире, степени выраженности публичного интереса к проблемам идентичности

и точности замеров самоидентификации населения посредством социологических опросов. Современная эпоха отбросила многие прежние прогнозы, предвещавшие гибель национальных государств и наций как субъектов социального действия на мировой арене. В условиях глобализации и интеграции мирового сообщества в социальных науках возрождается интерес к национальному государству как субъекту социального развития и национальной идентичности как предмету научного исследования. Национальное государство не исчерпало своего потенциала: так, на постсоветском пространстве везде отмечается рост интереса к национальным проблемам.

Укажем основные внешние факторы, которые воздействуют (причем неоднозначно) на функционирование и изменение белорусской идентичности. Прежде всего это глобальные СМИ и Интернет. Хотя число белорусских пользователей Интернета уступает западноевропейским странам, в глобальную паутину подключены более половины представителей городской молодежи, интересы и запросы которой, удовлетворяемые Интернетом, в принципе невозможно поставить под контроль. Электронные медиа делают государственные границы проницаемыми повсюду в мире.

Влияние Интернета на идентичность опосредовано изменением в базовых ценностях и ориентациях молодежи: за постсоветский период значительно возросла ценность досуга, мотивация на высокий заработок и снизились ориентации на содержание труда, коллектив, политическую активность [3, с. 106]. Среднее и старшее поколения находятся под меньшим воздействием данного фактора: для этих групп более значимую роль играют СМИ: телевидение, газеты, из которых черпается основная информация о политических и социально-экономических процессах, идущих на пространстве СНГ и Евросоюза. Если фактор миграции не столь существенен для Беларуси по сравнению с Украиной или Молдовой, то международный туризм стал типичной формой проведения отпуска для значительной части белорусов: ежегодно из страны выезжает намного больше людей, чем въезжает с теми же целями. Вместе с сувенирами белорусы привозят новые впечатления, информацию о зарубежье, что так или иначе отражается на их самоощущении, мироориентации. Комплексное воздействие внешних факторов можно анализировать не по отдельности, а лишь по общим результатам – динамике базовых социокультурных ценностей, а через них – и динамике основных типов идентичности населения.

Среди внутренних факторов в условиях Беларуси ведущую роль играют не те, которые фигурируют в классических теориях формирования национальной идентичности: этнос, национальность, язык титульной нации. В силу известных условий исторического развития Беларуси эти факторы не только не доминируют, но практически вообще мало влияют на современные идентификационные процессы, что вызывает много споров и недоумения у зарубежных исследователей, пытающихся приложить к Беларуси те же модели идентичности, которые «работают» в России или Украине [4]. Русский язык остается самым используемым языком повседневного общения среди граждан

Беларуси [5]. Поскольку Республика Беларусь выстраивает свою политику гражданства не на основе «крови», а по критерию проживания на ее территории, постольку все население – граждане независимо от этнического происхождения или владения языком титульной нации. Данный территориальный принцип, лежащий в основе политики гражданства и ряда западных стран (например, Франции), позволяет всем жителям Беларуси пользоваться равными правами и идентифицировать себя белорусами не по крови и языку, а по принадлежности к белорусскому государству. Признание равными двух государственных языков «размывает» примордиальные критерии современной национальной идентичности и одновременно лишает оснований для раскола белорусского общества по принципу выделения титульной нации и меньшинств – одного из четырех базисных принципов идентификации, выделяемых в США [6].

Религиозный критерий национальной идентичности также не «работает» в современной Беларуси, несмотря на его существенную значимость в прошлом, когда (например, в XIX в.) этничность населения определялась его религиозной принадлежностью: православный – белорус, католик – поляк. Во-первых, лишь около половины населения определяется сегодня в связи с религиозными конфессиями. Во-вторых, для большинства тех, кто считает себя православными (а таких около 80%), это, скорее, социокультурная, а не религиозная идентичность: белорусское население (как, впрочем, и российское, и украинское) в массе не знает религиозных догматов, не посещает церковь регулярно, не отправляет обрядов [7, с. 241–258]. Представители других конфессий несколько больше втянуты в формальную религиозную жизнь, но их меньшинство, поэтому на уровне национальной идентичности эти группы мало заметны. Поэтому для современных белорусов национальная идентичность есть прежде всего их социокультурное «мы» – группа (несколько таких групп) вне религиозных и этнических различий (хотя последние и не отрицаются).

Большую роль в современной множественной идентичности населения играют такие социокультурные критерии, как образование, принадлежность к профессиональной группе, следование определенному образу жизни, нравственным принципам. Эти критерии связаны с социальным положением людей, доходом: для поддержания того или иного образа жизни, получения образования нужны средства. Поэтому социально-классовое разделение общества (кстати, тоже выделяемое в книге Липсета и Роккана в числе основ идентификации населения современного общества) остается актуальным. Сегодня среди социальных вариаций самоидентификации, по данным мониторингов Института социологии НАН Беларуси, 20–25% населения «часто» выбирают свою «мы» – группу по достатку, статусу, т. е. по критериям социальной дифференциации. Эти эмпирические данные свидетельствуют о более высоком расслоении белорусского постсоветского общества (и социального неравенства в нем), чем при советской власти. Вряд ли можно считать этот

рост результатом глобальных влияний на Беларусь. Скорее, это результат продолжающихся рыночных реформ в белорусском обществе. Данный тренд показывает, что главная социальная ценность, выбираемая как важная большим числом постсоветских граждан – социальное равенство, – становится скорее абстрактным принципом, чем воплощенной реальностью.

Среди других ценностей, разделяемых абсолютным большинством, выделяются семья и друзья, т. е. малые группы: они на порядок опережают ценности, разделяемые на уровне больших социальных групп. Единственным исключением является возрастной критерий: с людьми одинакового возраста (поколения) идентифицируют себя две трети респондентов («часто» – более трети), однако данная группа является социально-возрастной и поэтому не может сравниваться с такими группами, как нация, класс или территориальная общность. Превалирование в самоидентификации малых групп над большими социальными группами свидетельствует о незавершенности трансформационных процессов на всем постсоветском пространстве – население до конца не определилось в новых социально-политических и экономических условиях: кто же мы? Каковы наши «мы» – группы? Сходные с белорусскими результаты были получены в России и Украине [8; 9].

Исходя из этой незавершенности процесса идентификации, могут быть созданы разные модели развития национальной идентичности на постсоветском пространстве, реализация которых (моделей) в конкретной стране будет зависеть от указанных выше внешних и внутренних факторов. На основе данных республиканского мониторинга (2008 г.) можно говорить о том, что белорусская идентичность является многосторонней, где ни одна большая идентификационная группа не доминирует. В рамках этой модели сосуществуют разные идентичности, которые имеют практическую или символическую значимость для разных сегментов белорусского населения.

Можно говорить о наличии таких типов национальной идентичности белорусского населения, как собственно гражданский (выбирают часто – 30%, всего – 54%), территориальный (26 и 53% соответственно), локально-«тутэйшы» (25 и 57%), советский (17 и 35%) и собственно этнонациональный (30 и 54%).

Представление о приоритетных типах идентичности дают данные таблицы, в которой представлены ответы белорусских респондентов на вопрос, с кем они себя отождествляют и как часто.

Основные типы идентичности и интенсивность их выбора, %

Идентификационная группа	Часто	Редко	Никогда
Со всеми гражданами Беларуси	30	24	14
С людьми Вашей национальности	30	24	15
С жителями Вашего села, города	25	32	20
С жителями Беларуси	26	27	17
С советским народом	17	18	26

Данные таблицы, а также данные других национальных опросов за последние годы показывают, что наряду с гражданским и территориальным типами идентичности можно особо говорить о теоретической значимости типа этнонациональной идентификации. Однако для белорусского народа в повседневной практике она несущественна (т. е. не является практическим критерием выбора), ибо более четырех пятых всего населения – этнические белорусы. Поэтому отношения между людьми обычно определяются не этничностью, а социокультурными различиями, базовыми ценностями. Критерий же этничности (национальности), судя по приведенным данным последнего национального мониторинга, «часто» выбирают менее трети белорусов, тогда как остальные выбирают его «редко» или «никогда», или затрудняются в оценке его значимости.

Поскольку в течение ряда последних лет ни один из типов не доминировал, вряд ли можно ожидать, что ситуация быстро изменится в ближайшем будущем. Скорее всего, все указанные типы сохранятся. Если представить указанные типы идентичности как эмпирические модели развития идентичности на ближайшее будущее, можно с высокой долей вероятности определить их перспективы. Очевидно, советская модель идентичности будет исчезать по мере естественного убывания доли населения, социализированной в прежнюю эпоху. Идентификацию с советским народом сохраняют сегодня только люди от 50 лет и старше.

Данный тип идентичности постоянно теряет своих приверженцев, и не только в Беларуси. По данным 2007 г., и в России такой тип идентичности разделяют менее одной пятой населения, что подтверждает ее уходящий характер, несмотря на сохраняющуюся у части населения тоску по советским временам. Россия, как и Беларусь, пока еще «находится на промежуточной стадии – между распадающейся идентичностью советской и пока до конца не состоявшейся российской национально-государственной идентичностью» [10, с. 12]. Вместе с тем по сравнению с данными мониторинга за последние два года отмечен рост гражданской идентичности населения при сохранении неизменного уровня распространения этнонациональной идентичности. Эта тенденция может развиваться и в будущем, что соответствует тенденциям развития и в других странах мира, которые считаются наиболее развитыми (в отличие от ряда стран Африки и Азии, где сильны этнонациональные типы идентичности). Данный фактор будет оказывать позитивное влияние на политическую ситуацию в Беларуси: тормозить любые возможные конфликты на этнонациональной почве, смягчать возможные миграционные напряжения.

Указанные типы идентичности соответствуют эмпирически выявленным доминирующим социокультурным ценностям белорусов на современном этапе: социальный порядок, свобода, благополучие. В то же время они не связаны прямо с ценностями семьи, детей, здоровья. Достаточную устойчивость проявляют типы территориальной и локальной идентичности, т. е. отождествление себя соответственно либо с жителями страны, либо с жителями своего города,

деревни. Эти типы идентичности ассоциируются с историческим наследием прежней многокультурности населения времен Великого княжества Литовского и царизма, когда Северо-Западный край России был не только периферией Российской империи, но и чертой еврейской оседлости, поэтому здесь жили люди самых разных национальностей и толерантность и в городе, и в селе была высокой.

Можно выделить ряд закономерностей развития национальной белорусской идентичности, которые имеют эвристический потенциал и помогают сконструировать возможные изменения в соотношении тех или иных типов идентичности. Прежде всего нами была выявлена следующая закономерность: диалектическая взаимосвязь и взаимовлияние внешних и внутренних факторов, которые имеют место в процессе формирования и поддержания на соответствующем уровне развития национальной идентичности. Так, при усилении воздействия глобальных тенденций снижается влияние внутренних факторов и общее направление развития национальной идентичности приобретает больше универсализма, нежели сохраняет специфики. В обратном случае, когда на первый план выходят внутренние факторы (внутренняя мобилизация населения, сильная национальная идеология либо политическая изоляция страны), националистические элементы могут приобретать большее развитие в рамках тех или иных форм и типов национальной идентичности. Хотя эта закономерность выявлена на данных Беларуси, она имеет общенаучное значение. Например, она прослеживается на изменениях польской идентичности: после вступления страны в Евросоюз и культивирования общеевропейских ценностей там имеет место рост европейской идентичности [11].

Вторая новая закономерность развития белорусской идентичности – рост гражданской идентичности как приоритетного (*но не единственного!*) паттерна, на который в последующем могут ориентироваться другие постсоветские страны. На сегодня гражданскую идентичность как важную выбирает часто только одна треть. Однако этот процент из года в год растет. Важнейшей предпосылкой, обусловившей проявление данной закономерности, выступает устойчивость социально-экономического развития Республики Беларусь на современном этапе, которую можно рассматривать как притягательную модель для других постсоветских стран. В наше время гражданская идентичность не более распространена среди населения, чем, скажем, территориальная, локальная, этнонациональная, несколько уступая символической религиозной идентичности. Поскольку эти «выборы» устойчивы, можно предположить, что тип этнонациональной идентичности может еще долго сохранять свои позиции в Беларуси, но в то же время он будет не более существенным для самоопределения населения, чем религиозные различия или славянская самоидентификация: оставаясь реально признаваемыми, эти различия имеют больше символический смысл, чем политический или прагматический. Жители нашей страны вступают в коммуникацию, не задумываясь о религиозной принадлежности друг друга и не уточняя этническую принадлежность. Вряд ли

можно ожидать нового витка «этнонациональной мобилизации» жителей Беларуси в будущем, если таковая не имела места даже в эпоху распада СССР. Это не означает, что люди потеряют свою национальную принадлежность: сохраняя ее, они, вероятно, не станут ее рассматривать как один из наиболее важных показателей и критериев сплоченности или разъединенности, включения или исключения из «мы» – группы, т. е. групповой идентичности. Однако подчеркнем, что среди всех современных типов национальной идентичности и моделей ее будущего развития только модель гражданской идентичности не имеет ограничений. Поэтому вполне естественно ожидать ее дальнейшего развития. Конечно, наивным было бы ожидать, что развивающаяся гражданская идентичность среди белорусского населения решит все проблемы интеграции общества. Количественные методы не позволяют выявить, какой смысл вкладывают респонденты в это понятие, насколько глубоко осознают, что означает «быть гражданином Беларуси». Скорее всего, рост гражданской идентичности как типа национальной белорусской идентичности пока просто отражает адаптацию населения к существованию нового государства – Республики Беларусь. Пока само государство не займет вполне конкретное место в современной мир-системе, не станет достаточно сильным, трудно ожидать, что его граждане смогут четко определить и свою гражданскую идентичность как доминирующую. Мы полагаем, что по мере укрепления белорусского государства и развития гражданского общества будет укрепляться и гражданское сознание белорусов и их национально-гражданская идентичность.

Третья закономерность развития национальной белорусской идентичности состоит в замедлении (вплоть до резкого снижения) уровня самоопределения населения по европейскому критерию. Так, в ходе национального опроса белорусского населения в марте 2009 г. на вопрос: «Ощущаете ли вы себя европейцем, чувствуете ли свою принадлежность к культуре и истории европейского общества?» положительно ответили лишь 37% респондентов, отрицательно – почти 68% [12]. В проведенном годом раньше опросе студентов Минска лишь 13% сказали, что в полной мере чувствуют себя европейцами. Можно предположить, что эти показатели в значительной мере стали результатом более чем десятилетней политической изоляции республики: в эти годы реальная жизнь и политическая пропаганда способствовали тому, что население, включая молодежь, чувствовало себя выброшенным из европейского пространства. Вполне вероятно, что программа Восточного партнерства, участницей которой в 2009 г. стала Беларусь, приведет к снижению уровня негативной европейской самоидентификации белорусов и через несколько лет данный тип станет в один ряд с упомянутыми выше гражданским, этнонациональным, локальным типами идентичности. Однако на сегодняшний день данная закономерность четко зафиксирована на всем постсоветском пространстве: так, в Украине, по данным мониторингов, европейская идентичность снизилась с 1992 по 2008 г. в 8 раз [9, с. 35]. Сходная ситуация зафиксирована в Рос-

сии на молодежной выборке [13]. Видимо, укрепление Евросоюза и конструирование новых барьеров (как символических, так и политических, экономических, военных) между ЕС и постсоветскими странами, не вошедшими в это объединение, привело к снижению взаимного интереса двух субнациональных общностей, что и выразилось в резком падении европейской идентичности, в то время как славянская идентичность у населения постсоветских стран имеет тенденцию к росту.

На основании эмпирических данных постсоветских стран можно говорить еще об одной закономерности развития национальной идентичности – относительно медленном темпе изменения типов идентичности населения. Эта закономерность проявляется в сохранении территориального и локального типов наравне с этнонациональным, что связано с устойчивыми стереотипами сознания. Вместе с тем в тех регионах, где население является национально неоднородным (как в России, особенно в отдельных ее регионах), наблюдается совсем иная ситуация. Как отмечает Л. Дробижева, в Москве и Санкт-Петербурге, где имеется большой приток иммигрантов и социальная дифференциация более наглядна, а недовольство ею переносится на этническую почву, этническая идентичность столь же значима, как и гражданская. В других российских регионах, где доминирует русское население, этническая идентичность менее масштабна [14, с. 102]. Таким образом, данный тип идентичности в современном обществе уже нельзя рассматривать как примордиальный: она в значительной мере может конструироваться. Выявленные закономерности развития белорусской идентичности позволяют создать научный фундамент для концептуализации путей укрепления и сохранения национальной идентичности населения Беларуси как национально-гражданской идентичности.

Литература

1. Rebounding Identities: The Politics of Identity in Russia and Ukraine. – Washington: W. W. Center, 2006. – P. 4.
2. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: Хранитель, 2006. – С.158.
3. Данилова, Е. А. Социодинамика ценностей молодежи Республики Беларусь / Е. А. Данилова // Социология. – 2008. – № 4. – С. 106.
4. Stepanenko, V. Social Construction of Identity and School Policy in Ukraine / V. Stepanenko. – New York, 1999.
5. Гапова, Е. О политической экономии «национального языка» в Беларуси / Е. Гапова // Ab Imperio. – 2005. – № 3.
6. Lipset, S. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives / S. Lipset, S. Rokkan. – New York: Free Press, 1967.
7. Titarenko, L. G. On the Shifting Nature of Religion during the on-Going Post-Communist Transformation in Russia, Belarus and Ukraine / L. G. Titarenko // Social Compass. – 2008. – № 55 (2). – P. 241–258.
8. Российская идентичность в социологическом измерении // Полис. – 2008. – № 3. – С. 9–28.

9. Головаха, Е. Украинское общество: социологический мониторинг 1992–2008 / Е. Головаха, Н. Панина. – Киев, 2008. – С. 35 (на укр. яз.).
10. Российская идентичность в социологическом измерении // Полис. – 2008. – № 3. – С. 12.
11. Poles among Europeans. – Warszawa: Scholar, 2004.
12. National surveys, 2008: in [http:// www. iiseps. org](http://www.iiseps.org); Last access: 28.04.2009.
13. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. – М.: Ин-т социологии, 2007.
14. Дробижева, Л. М. Гражданская идентичность в Москве и регионах / Л. М. Дробижева // Вестн. РУДН. Сер. Социология. – 2008. – № 3. – С. 102.

L. G. TITARENKO

FORMING OF A NEW MODEL OF DEVELOPMENT OF THE BELARUS IDENTITY UNDER MULTIVECTOR EFFECT OF GLOBAL AND NATIONAL FACTORS

Summary

The article describes the current trends in the process of identity formation in contemporary Belarus. On the basis of empirical data the author interprets different types of identity that make practical or symbolic significance for particular groups of the population.

Л. И. НАУМЕНКО,

кандидат психологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

БЕЛОРУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

В статье предложена теоретическая схема исследования белорусской идентичности, рассматриваемой через единство этнической, гражданской, культурной и территориальной составляющих.

Идентичность – одна из ключевых категорий, в которой находят отражение перемены современного общества. В начале 90-х годов XX в. внимание ученых больше привлекали проблемы этнической идентичности, исследовавшиеся в контексте обострившихся межэтнических отношений. В последнее время растущую значимость обретают вопросы становления идентичности макросоциальных общностей, изучающиеся в контексте становления государственности, в условиях современных глобализационных процессов и др.

Сегодня фокус исследовательского внимания к феномену идентичности сместился с уровня индивида к уровню группы, от личностной к коллективной Мы-идентичности, к идентичности макросоциальной общности и, наконец, к идентичности страны (В. А. Евсеев, Е. Н. Данилова, Б. В. Дубин, И. А. Буданова, Н. А. Косолапов, В. А. Ядов, И. Г. Яковенко). Свидетельством таких изменений является и переход от исследований трансформаций этнической составляющей социальной идентичности к изучению региональной, территориальной, пространственной, локальной, культурной идентичности, к проблемам формирования общегосударственной макроидентичности.

Разработанность исследований этнической и национальной идентичности. Сравнение исследований национальной идентичности с позиций разных дисциплинарных подходов показывает следующее. Разнообразие ракурсов исследовательского внимания проявляется в широком спектре используемых терминов, нередко относящихся к одним и тем же феноменам, которые исследуются либо через использование универсальных категорий (*этническая, национальная, социальная идентичность*), либо как экземплификаты (*российская, русская, белорусская, евразийская, советская, постсоветская и др. идентичность*). Первое чаще присуще этнопсихологическим исследованиям, второе – социологическим.

Анализ психологических работ демонстрирует сфокусированность исследований на том, каким образом осуществляется уподобление группе (этниче-

ской общности), как происходит единение, идентификация с ней. Как соотносятся между собой феномен идентичности и механизмы идентификации и категоризации. Какова структура идентичности и каковы ее основные компоненты, как они связаны между собой. Какова роль когний и эмоций, представлений и чувств в структурообразующих идентичности. Какова роль этнической идентичности в регуляции группового поведения, в мобилизационных процессах, этнической консолидации и межэтнической дифференциации и поляризации.

Предметом социологических и политологических исследований чаще является само содержание идентичности макросоциальных общностей, ее сущность и суть, наполнение идеями, центрирующими вокруг себя основные идентификации с группой; ее связь с доминирующей в обществе идеологией, национальной идеей. А также анализ специфики контекста, в условиях которого анализируется идентичность или ее проекты, модели.

Обращение к проблеме национальной идентичности нашло отражение в работах Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромлея, Л. М. Дробижевой, В. И. Козлова, В. П. Левкович, Б. Ф. Поршнева, З. В. Сикевич, К. В. Чистова и многих других, посвященных самосознанию и идентификации национальных и этнических общностей; а также в работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, Ю. Хабермаса и других о теории нации как политического сообщества, согражданства; в исследованиях Я. Асмана, А. В. Брушлинского, А. Л. Журавлева, В. Хесле и других, посвященных феноменам коллективного субъекта и коллективной идентичности.

Наиболее масштабные исследования этничности начаты во времена перестройки, в период радикальных социальных перемен. Обращенность исследований именно к этнической идентичности была обусловлена относительно гомогенной культурой советского общества, на фоне которой прежде всего этнические различия оказались одними из наиболее выразительных. Характер происходящих изменений, резкое обострение этнополитических конфликтов обусловили научный и практический интерес к стремительному росту национального сознания, актуализации этничности, формированию у населения стран СНГ новой гражданской, сменяющей былую советскую, идентичности. В итоге эти острые проблемы постперестроечного общества явились толчком ко многим психологическим и этносоциологическим исследованиям феномена этничности в контексте межнациональной напряженности; исследованиям этнической идентичности в связи с изменениями этносоциального статуса вынужденных мигрантов, переселенцев, беженцев; во взаимосвязи с установками по отношению к родному языку, а также в контексте межэтнического восприятия и взаимодействия и многим другим.

Таким образом, особую актуальность проблема изменений национальной идентичности обрела в постсоветском социуме. В контексте анализа этой актуальнейшей междисциплинарной проблемы с позиций социологии, психологии, этнологии исследовались вопросы современного состояния этнической, гражданской и других составляющих социальной идентичности на постсовет-

ском пространстве. Свидетельством этого являлись исследования Г. М. Андреевой, Ю. Л. Качанова, Н. М. Лебедевой, Ю. А. Левады, Г. У. Солдатовой, В. А. Ядова и других, посвященные динамике и характеру трансформаций социальной идентичности, ее кризису, основным тенденциям в изменении гражданской и этнической идентичности, изучавшихся в работах Е. Н. Даниловой, Н. Ф. Наумовой, В. Н. Павленко, Т. Г. Стефаненко, В. С. Мухиной, С. В. Рыжовой, С. С. Савоскул, Н. Е. Тихоновой, В. Ю. Хотинец и других; культурной идентичности, рассмотренной Л. И. Гришаевой, Л. Г. Иониным, Л. В. Цуриковой и другими; территориальной и региональной идентичности, исследуемой Н. А. Шматко, Ю. Л. Качановым, М. П. Крыловым, И. С. Самошкиной и другими; и, наконец, особенностям становления новой российской макроидентичности, поднятым Е. М. Авраамовой, Б. В. Дубиным, Н. А. Косолаповым, Е. Б. Светлицкой, И. Г. Яковенко.

Начало изучению белорусской национальной идентичности положено в отечественной историографии и этнологии. Предметом исследований В. К. Бондарчика, Г. И. Касперович, Т. М. Микулич, У. Д. Розенфельда, И. В. Чаквина и других являлись особенности этнического самосознания и идентификации белорусов. В последние годы все большую значимость обретают исследования феномена идентичности Беларуси (И. Бугрова); белорусской идентичности в единстве ее этнической, гражданской, территориальной и культурной составляющих (Л. И. Науменко); а также конфессиональной (Н. Василевич, О. Шелест и др.) идентичности, белорусской идентичности в ситуации этнокультурного пограничья (Н. Н. Беспамятных).

Особое место в ряду отечественных исследований занимают публикации, которые ориентированы как на выявление специфики сегодняшней социокультурной ситуации в республике, так и на поиск предпосылок обретения современной Беларусью и белорусами своей идентичности. Это работы В. Акудовича, И. Бобкова, В. Булгакова, А. Екадумова, А. Казакевича, Г. Миненкова, А. Насута, П. Рудковского, С. Санько, О. Шпараги и др. Эти работы скорее обнаруживают проблемы в осмыслении белорусской идентичности, нежели предлагают согласованные представления о ней. Данными авторами очерчена, но пока, увы, еще далека от своего решения проблема белорусской идентичности. Сегодняшняя ситуация в Республике Беларусь характеризуется как ситуация продолжающегося поиска и преодоления противоречий, обретения и становления общеполитической идентичности.

Проведенный анализ позволяет сформулировать проблему белорусской идентичности, которая состоит в *становлении и сохранении национальной идентичности в условиях современных глобализационных процессов*. Суть этой проблемы выражается в *изменяющемся* характере белорусской идентичности, который обусловлен, с одной стороны, преобразованиями современного белорусского общества в ходе обретения и укрепления государственной независимости, а с другой стороны – глобальными изменениями форм социальности в современном мире.

В целом анализ работ белорусских авторов показывает, что при растущей значимости проблемы белорусской идентичности в отечественном общественном сознании до настоящего времени остается не согласованным и недостаточно разработанным понятийно-категориальный аппарат феномена белорусской идентичности. До сих пор не обоснованы отличия этого понятия от близких ему понятий этнической, гражданской, национальной, социальной, коллективной идентичности и др. Зачастую встречаются упоминания об *этнонациональной, этнокультурной, государственно-политической, национально-культурной, социокультурной* и других идентичностях. При активной эксплуатации этих понятий отсутствуют даже их рабочие определения. Не определена связь с близкими им понятиями. Отсутствие разработанного понятийного аппарата и терминологическая путаница оставляют нерешенной проблему комплексного исследования белорусской идентичности, а также сопоставимости результатов ее исследований. Все это определяет необходимость в анализе понятийно-категориального аппарата феномена белорусской идентичности. Учитывая междисциплинарный статус этого феномена, становится очевидной и необходимость уточнения и согласования его понимания специалистами разных дисциплин.

Анализ понятийно-категориального аппарата исследования феномена белорусской национальной идентичности. Приступая к анализу понятия «белорусская идентичность», необходимо рассмотреть вопросы о структуре, содержании и базовых составляющих белорусской идентичности, об уровнях ее проявления, о ее форме (национальной, постнациональной, наднациональной, или иной, и т. д.).

Если обратиться к вопросу о форме белорусской идентичности, определяющей ее содержательное наполнение, то современная ситуация характеризуется тем, что наиболее распространенной и легитимной формой существования таких больших социальных групп, как народ той или иной страны, является нация. В этом отношении национальная форма белорусской идентичности рассматривается большинством ученых как закономерная, соответствующая современному историческому этапу.

Прежде чем перейти к рассмотрению структуры идентичности, необходимо остановиться на анализе понятий и категорий, традиционно используемых для анализа национальной идентичности. Таковыми являются понятия «национальное», «национальность», «нация», «этничность», «этническая принадлежность» и «этническая идентификация», «этническая идентичность», «социальная идентичность», «коллективная идентичность», «идентичность группы».

В историографии, этнологии, а впоследствии – и в этносоциологии понятия «национальное», «национальность», «нация» долгое время одновременно использовались в нескольких (иногда противоположных) значениях. Причем их интерпретация в советской историографии отличалась от международной практики. Примером тому является разное толкование понятия «нации» как

этнической общности (в значении этнонации) и понимание нации как согражданства. Аналогичная ситуация сложилась с понятием «национальность». Оно использовалось и в этнокультурном (этнического происхождения и этнической принадлежности), и в гражданском смысле (как гражданской принадлежности к определенному государству). Помимо этого, понятие «национальность» также используется в двух иных значениях. Для обозначения народностей, наций, этнических групп или для обозначения принадлежности людей к определенному народу или нации (В. И. Козлов).

В последние годы все чаще наряду с национальностью встречается категория «этничности». Ее толкование широко варьирует не только от автора к автору, но и в работах одних и тех же ученых. Необходимо отметить, что пока нет единства не только в определении феномена этничности, но и в понимании ее природы (в настоящее время существуют три основных исследовательских подхода к природе этничности – примордиалистский (эссенциалистский), конструктивистский, инструменталистский). Этничность становится многозначной, довольно емкой категорией, рассматриваемой как «...своеобразная форма солидарности людей для выполнения каких-то социальных и культурных задач» [1, с. 15–35, 191] или как «...совокупность характерных, культурных черт, отличающих одну этническую группу от другой» [2, с. 313], либо «... обозначающая существование культурно-отличительных... групп и форм идентичности» [3, с. 229], либо **обозначающая собственно этническую принадлежность** (Т. Г. Стефаненко, Л. И. Науменко, В. А. Тишков и др.).

Анализ литературы показывает, что до настоящего времени не сформировалось единство мнений в понимании ни категории «этничность», ни категории «национальность». Путаницу вызывает стремление использовать понятие «национальное» во множественном значении, в том числе и для обозначения и этнической, и гражданской принадлежности. Во избежание этого стоит либо вообще отказаться от использования этого термина, либо использовать его как объединяющий «этническое» и «гражданское».

Обращаясь к рассмотрению понятия «национальная идентичность», следует в первую очередь соотнести понятия «идентификация» и «идентичность», а также понятия индивидуальной, групповой, коллективной и социальной идентичности.

Идентичность как категория имеет очень широкое и в последнее время все более «размытое» значение. *Идентичность* (от позднелатинского *identicus* – тождественный, одинаковый) – тождественность, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь. В психологии идентичность – *это чувство внутренней самотождественности и целостности индивида*.

Одна из самых первых, разработанных в психоаналитической традиции, концепций идентичности принадлежит Э. Эриксону. Он рассматривал идентичность как *чувство осмысленной целостности личности, верности человека самому себе, ясное осознание им внутреннего тождества*. Э. Эриксоном обозначены такие виды идентичности, как общечеловеческая, личностная,

психосоциальная (включающая позитивные и негативные элементы), историческая, религиозная, расовая, черная, национальная, нацистская, этническая, культурная и др. В его эпигенетической теории развития личности обоснованы идеи об изменчивости, постоянном развитии идентичности (прогрессивном и регрессивном).

При этом понятие «идентификации», впервые введенное З. Фрейдом, является первичным по отношению к понятию «идентичности». Если идентификация – это механизм, благодаря которому реализуется отождествление, то идентичность – это результат и итог действия идентификации. Становление и развитие идентичности заключается в синтезе идентификаций, которые интегрируются в систему целостной идентичности.

В современной психологии проблема идентичности формулируется как проблема разных ее видов (социальной, коллективной, персональной, личностной, общечеловеческой и др.). Идея о личностной и социальной идентичности специально исследовалась в известной теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Д. Тэрнера, рассматривающих идентичность как когнитивную систему, выполняющую при определенных условиях регуляторную функцию социального поведения. Суть этой теории заключается в том, что факт отнесения индивида к определенной группе приводит к формированию чувства идентичности с группой и появлению вследствие этого группового поведения. Под *социальной идентичностью*, согласно одноименной теории (Г. Тэджфел, 1971; Дж. Тэрнер, 1975) [4, с. 115–125], понимается составная часть Я-концепции, возникающая из осознания человеком своей принадлежности к определенным социальным группам в единстве с эмоционально-ценностной значимостью, придаваемой этой принадлежности. Этническая, территориальная и другие идентичности выступают составляющими социальной идентичности. Под *этнической идентичностью* понимается осознание этнической принадлежности, являющееся результатом эмоционально-когнитивного процесса отождествления индивидом себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов, а также глубоко лично значимое переживание данной принадлежности [5]. *Этническая идентификация* является важнейшим механизмом формирования этнической идентичности, представляющим эмоционально-когнитивный процесс отождествления с этнической общностью, уподобления ее представителям.

Сложность соотнесения понятий «социальная и коллективная идентичность» связана, с одной стороны, с многозначностью в трактовке термина «социальная идентичность», а с другой – с различными научными традициями в использовании термина «коллективная идентичность». В западноевропейской и российской традиции под коллективной идентичностью понимается составляющая Мы-концепции (И. Р. Сушков), включающая в себя социальные представления об общих свойствах, которыми обладает группа и ее «типичные» представители, о ее целях и объединяющих ее членов смыслах.

Сравнение понятий «групповая идентичность» и «коллективная», или «Мы-идентичность», показывает, что они часто используются как синонимы. Когда

их содержание сводится к совокупности представлений группы о себе, об отличиях от других сопоставимых с нею групп, а также идентификации с образом группы ее членов. Представляется оправданным рассматривать коллективную и групповую идентичность как различные понятия, характеризующие разные уровни развития группы. Отличие между ними может быть описано через понятия «группа» и «общность». Одним из критериев, отличающих группу от общности, является *критерий коллективной субъектности*. Макросоциальной общности, являющейся коллективным субъектом, присущи следующие определяющие признаки: 1) способность к *саморефлексии*, в итоге которой формируется сознание и самосознание общности, включающие совокупность образов, мифов общности о себе, в том числе образ-Мы и др.; 2) *целостность* общности, связь и взаимозависимость ее членов; 3) способность коллективного субъекта проявлять совместную *активность* [6, с. 59–70]. При этом коллективная идентичность общности существует только в преломлении через идентичности индивидов, образующих эту общность. Люди являются общностью в той мере, в какой разделяют представления о ней, ее цели, идеалы, а также представления об ее отличиях от других общностей и др. Степень схожести мнений, идей выступает *мерой сформированности общности*.

Коллективная идентичность имеет многоуровневую структуру. Согласно ей, идентичность проявляется на индивидуальном, групповом, межгрупповом уровнях.

Если *социальная идентичность личности* трактуется как чувство значимой принадлежности личности к группе, то в свою очередь *коллективная (групповая) идентичность* – это тождественность группы самой себе, приверженность ее членов групповым целям, смыслам, идеалам. Социальная идентичность личности рассматривается как компонент Я-концепции. Идентичность группы – как составляющая Мы-концепции.

До настоящего времени нет определенности и единства мнений ученых относительно как собственно самой структуры идентичности, так и принципов ее выделения. Существуют мнения о многокомпонентной, трехкомпонентной и двухкомпонентной структуре идентичности.

Рядом ученых предлагается трехкомпонентная структура идентичности, объединяющая когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты (Л. М. Дробижева, В. Н. Павленко). По мнению Т. Г. Стефаненко, едва ли можно согласиться с правомерностью введения в структуру идентичности третьего поведенческого компонента, так как в современном обществе не всегда подтверждается наличие связи между этнической самокатегоризацией и идентификацией человека, с одной стороны, и его поведенческой вовлеченностью в жизнь этнической общности – с другой. Большинство авторов обосновывается двухкомпонентная структура, включающая когнитивный и аффективный (эмоционально-ценностный) компоненты (М. Барретт, Т. Г. Стефаненко, Г. Тэджфел и др.).

В определении базовых составляющих идентичности, вокруг которых происходит объединение национальной общности и по отношению к которым

осуществляется идентификация, существуют различные подходы. Например, среди оснований национальной идентификации выделяются такие, как религия, этническое происхождение, общее государство, черты психического склада, традиции и др.

В свою очередь Э. Смитом в исследованиях по проблеме нации предложены три обобщенных компонента, объединяющих нацию [7]. К ним относятся: 1) общность территории, которой обладает нация; 2) общность культуры, включающей в себя язык, обычаи, религиозные представления, мифы происхождения и историю; 3) общность социально-политической жизни, обеспечивающейся гражданством. Содержательное наполнение каждого из этих компонентов может иметь разное значение для каждой страны. Здесь, главное, отметить то, что нация как коллективный субъект предполагает совпадение этнокультурной, политической (гражданской) и территориальной составляющих и делает это совпадение основным принципом национальной идентичности.

Соответствие этих теоретических положений подтверждается результатами наших исследований [8], в которых выявлена высокая распространенность, актуализация и устойчивость в национальном сознании белорусов территориальной, гражданской и этнической субидентичностей, обнаружена их тесная взаимозависимость между собой. И при этом фиксируется ослабленность и размытость культурной субидентичности, которая отражает специфику белорусской ситуации.

Теоретическая схема исследования белорусской идентичности предполагает измерение следующей совокупности переменных, представляющих такие феномены и механизмы группового и индивидуального сознания, как этническая, гражданская, территориальная, культурная субидентичности, а также чувства принадлежности, приверженности и общности с соответствующими группами, национальные чувства, стереотипы и образы, включая образ Беларуси, Родины, родной земли, национальный Мы-образ и др.

В исследовании общебелорусской идентичности выделяются *индивидуальный и групповой уровни*, каждый из которых находит проявление в системе идентификаций, представлений, образов, стереотипов, установок и чувств, адресованных Беларуси и ее народу. И если когнитивная сторона идентичности проявляется через содержание данных феноменов индивидуального и группового сознания (представлений, стереотипов, образов и др.), то ее эмоционально-ценностная (динамическая) сторона находит отражение в модальности и силе соответствующих установок и чувств.

Категоризация и идентификация являются основными психологическими *механизмами становления* белорусской идентичности. Стереотипизация и идентификация – *механизмами трансляции, формирования, сохранения и укрепления* идентичности.

Белорусская идентичность рассматривается как феномен группового самосознания, являясь идентичностью большой социальной группы, которой

предстоит стать коллективной Мы-идентичностью. Преобразование из групповой идентичности в коллективную Мы-идентичность происходит параллельно консолидации белорусского общества. Укрепление белорусской идентичности осуществляется в ходе становления макросоциальной общности народа Беларуси.

В качестве важных эмпирических индикаторов белорусской идентичности нами выделяются **чувства принадлежности, приверженности** (преданности) и **общности** с группами, презентирующими каждую из базовых составляющих идентичности, таких как этническая (белорусы и др.), территориальная (жители Беларуси), гражданская (граждане Беларуси), культурная (представители белорусской культуры). Каждое из этих чувств отражает разную степень коллективной субъектности, а также потенциал перехода идентичности с индивидуального к групповому (коллективному) уровню, от осознания принадлежности к группе (идентификации с ней), через общность (единение) с нею к преданности (приверженности) ей.

Сущность белорусской идентичности раскрывается в чувствах принадлежности и приверженности людей своей стране Беларуси, причастности к ее жизни; общности с ее народом, его культурой и историей. В качестве **базовых компонентов белорусской идентичности** следует выделить такие ее составляющие, как территориальную, гражданскую, этническую и культурную субидентичности [8]. Это выделение обусловлено их распространенностью, актуализацией, устойчивостью в массовом сознании населения республики и тесной взаимозависимостью между ними. Таким образом, структура белорусской идентичности многокомпонентна и в настоящее время включает ансамбль таких базовых составляющих, как территориальную, этническую, гражданскую, культурную субидентичности. Содержание белорусской идентичности преломляется через разделяемые народом Беларуси общие представления, смыслы, идеи, чувства, цели, идеалы и образы.

Учитывая *процессуальную природу феномена идентичности*, изменчивость, присущую ей, можно полагать, что с течением времени будут претерпевать изменения как состав ее компонентов, так и содержание и значимость каждого из них. Последние будут иметь разное значение как среди различных социальных и этнических групп населения республики, так и в разные исторические периоды. Именно поэтому едва ли правомерно говорить о раз и навсегда заданной форме белорусской идентичности и о неизменном «наборе» ее основных составляющих. Как свидетельствуют наши данные, территориальная и этническая из этих составляющих являются наиболее актуализированными и распространенными среди белорусов. Гражданская субидентичность не столь актуализирована, так как находится в процессе своего становления. В свою очередь как раз культурная субидентичность белорусов является на сегодняшний день наиболее неопределенной, размытой. Именно это является причиной особого исследовательского внимания к ней.

Белорусская идентичность в процессе своего изменения может обретать национальную и постнациональную, наднациональную и другие формы. Модели

и содержание белорусской идентичности могут отличаться как среди представителей различных социально-демографических и этнических групп, так и среди национальной элиты. Модель белорусской идентичности, разделяемая большинством населения нашей страны, может отличаться от модели, которую воспринимают жители соседних стран. Определение схожести этих моделей и выявление их специфики представляются важными в плане успешного формирования в будущем, а впоследствии сохранения и укрепления непротиворечивой и устойчивой белорусской идентичности.

Литература

1. Абдулатипов, Р. Г. Национальные отношения и политика общественного согласия / Р. Г. Абдулатипов // *Этнополитический вестник*. – 1995. – №2. – С. 15–35.
2. Платонов, Ю. П. Этническая психология / Ю. П. Платонов. – СПб.: Речь, 2001. – С. 313.
3. Тишков, В. А. Этнос или этничность? / В. А. Тишков // *Этнология и политика*. Научная публицистика. – М.: Наука, 2001. – С. 229.
4. Сушков, И. Р. Социально-психологическая теория Джона Тернера / И. Р. Сушков // *Психологический журнал*. – 1993. – Т. 14, № 3. – С. 115–125.
5. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М.: Ин-т психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
6. Журавлев, А. Л. Психология коллективного субъекта / А. Л. Журавлев // *Психология индивидуального и группового субъекта*. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – С. 59–70.
7. Сміт, Э. Нацыяналізм у XX стагоддзі / Э. Сміт. – Мінск, 1995.
8. Науменко, Л. И. О содержании белорусской идентичности / Л. И. Науменко // *Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси. Социологический анализ*. Сб. научн. тр. Вып. 6. – Минск: Экоперспектива, 2005.

L. I. NAUMENKO.

THE BELARUS IDENTITY. CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION

Summary

The article offers a theoretical scheme of research of the Belarus identity that is looked through the unity of ethnic, cultural and territorial components.

А. Г. КЛИМОВ,

*кандидат социологических наук, профессор,
Государственная академия славянской культуры, г. Москва*

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена проблеме презентации феномена славянства в политическом и научном дискурсах, а также культуре повседневности. Выделены предметный, процедурный и продуктный аспекты идентификации; различены психологический, хабитуальный и институциональный типы идентификации. Показано, что размывание этих различий приводит к утере ресурсов креативности субъекта идентификации в пространстве культуры.

В качестве предмета научного исследования славянство выступает сложносоставным феноменом, объединяющим в себе ряд культурно-социальных явлений, принадлежащих разным уровням обобщения. Оно рассматривается и как таксон культурно-исторической типологии, его содержание распространяется на социетальную специфику социальный порядок (особенно в политическом наследии К. Леонтьева и социальной философии в России первой трети XX в.) и на национальные особенности личности, которые оказываются сходными для представителей различных политических систем, геополитических регионов и культурно-исторических пространств.

В научных разработках «славянского вопроса» особенности отмеченных аспектов четко фиксируются и довольно подробно исследуются на уровне построения теорий и выделения существенных параметров оценки его проявлений в разнообразных контекстах социокультурной реальности.

Однако в культуре повседневности и в формах политической регуляции процессов, сопряженных с феноменом славянства, наблюдается смешение и растворение его различных граней, что подчас вызывает затруднения в сфере межэтнических отношений. С одной стороны, в культуре повседневности, под воздействием стихийно сложившихся межэтнических стереотипов и подогреваемых заинтересованными в нестабильности силами противоречий экономического и культурно-политического характера, проявляются межэтнические противоречия, чаще всего не имеющие под собой ни исторической, ни культурной почвы. С другой стороны, в политической практике комплекс проблем, связанных со славянской тематикой, охватывается лишь в пределах правового обеспечения этнического фактора и в связи с вопросами, составляющими сейчас содержание культурной политики: статус языка титульной на-

ции, возможности и формы учета национальной специфики в образовании, да, пожалуй, представленность этнической специфики в различных СМИ. Причем противоречия и несоответствия в отношении к определению и истолкованию славянской тематики в значительной мере возрастают именно для тех случаев, когда дискурс по славянским вопросам покидает пределы научного исследования и распространяется в повседневность и в область прикладного пользования научных положений – политику. В этих случаях идентичность из единицы анализа культуры и категории социокультурной динамики превращается в предмет спекуляций в плоскости общественного мнения.

Продемонстрируем этот эффект расширения содержания и роста противоречивости истолкования тематики славянства на анализе механизма идентификации, который конституирует проявление славянства в культуре повседневности и одновременно имманентно рассматривается в качестве основного предмета воздействия как в программах политической пропаганды, так и в воспитательных и обучающих программах, ориентированных на культурное содержание.

Социальная идентификация выступает одной из разновидностей когнитивных процессов. Но ограничить ее одной лишь когнитивной процедурой принятия, присвоения и осознания индивидом некоего общего социокультурного признака означало бы свести до исключения ее культурогенетическое содержание. Процессы идентификации, несомненно, захватывают более широкие рамки, нежели жизнь индивидуального субъекта, она представляет и интерперсональный уровень групп непосредственного общения, и социетальные формы, относящиеся к структурным подразделениям государства, общества и таких глобальных образований, как раса, культурно-исторический тип, цивилизация.

Принципиальное методологическое значение приобретает здесь разведение *предмета*, *процедуры* и, наконец, *продукта* идентификации. Если предметом идентификации является собственно феномен славянства и его представленность значимым для индивида другим (людям, группам, институтам), т. е. славянская культура как социокультурная система, онтологическое единство также выступающее или способное выступать субъектом идентификации, то процедура идентификации имеет двойственный характер. Процедурой идентификации является инкультурация как включение индивида в социокультурную систему, которая в ракурсе индивидуального субъекта раскрывается в качестве процесса культурогенеза. Продуктом же славянской идентификации является славянский феномен, интериоризированный как индивидуальными, так и кооперированными субъектами, т. е. *славянская идентичность*, иначе говоря – славянская культура, рассматриваемая через специфические характеристики ее носителей.

В системном представлении славянская культура как предмет социальной идентификации является более высоким уровнем абстракции, нежели этниче-

ский уклад и модели повседневной культуры, представленные в поведенческих и ценностных стереотипах, составляющих феноменальный слой культуры.

Социальная идентификация в научном рассмотрении процесс и восприятия, и оценки, регулируемый когнитивными особенностями личности, но он и реакция на сложноорганизованные социокультурные условия, составляющие идеальную среду. К этим условиям относится и семантическое пространство культуры, и ценностная ее модальность, и даже архетипические ее основания, заложенные в глубинных протоизмерениях (в хронотопе, в образе причины, пространства и пр.). Представляя внесубъектный (или «интерсубъектный») план идентификации, эта ее сторона фиксируется в мировоззренческих формах распределения смыслов и значений институционального, специализированного и повседневного планов культуры как уже присвоенного, отраженного индивидом предмета, т. е. идея славянства в ее переведенном на персональный уровень, личностно пережитом и усвоенном значении.

В философских, социологических и психологических исследованиях идентификации четко различается как *психологический*, индивидуально-личностный уровень и *социальный* [1]. В психологическом отношении рассматриваются такие эффекты идентификации, как включенность личности в социум, определение и принятие ею референтных групп, потребности защиты, самутверждения и самовыражения [2]. Социальный же уровень включает всю полноту социального контекста идентификации – разнообразие референтных групп, способы и механизмы установления и воспроизводства их авторитета для индивида и авторитета социальной группы как формы общественной ценности. Причем ценности такого рода субстанциализированы в общественной среде, закреплены в виде распространенных представлений, идейных положений, мировоззренческих формул.

Мы полагаем, что методологически целесообразно разделять два типа социальной идентификации по ее предмету. Один – идентификация с составляющими социальную структуру формами – референтными группами, формами социальных занятий, профессиями. У Пьера Бурдьё этот тип предметов идентификации определялся как «хабитусы», в отношении которых активный социальный индивид составляет и использует свой «символический капитал» [3], поэтому мы будем обозначать этот тип идентификации как *хабитуальный*. Другой тип в качестве своего предмета имеет принципиально иные социальные формы – значимые для общества организации и институты, которые служат и носителями, и механизмами осуществления актуальных для общества ценностей. Это институциональный тип идентификации, который и задает общекультурный ценностный план и соответствует таким формам проявления корпоративного субъекта, как государство, организация, семья.

Таким образом, в предмете, в процедуре и в продукте славянской идентификации можно в соответствии с отмеченной спецификой выделять как минимум три типа идентификации: психологическую (если ограничиваться индивидуально-личностным планом), локально-социальную, *хабитуальную* и институциональную как социокультурную в регулятивном контексте.

Отсутствие дифференциации этих типов идентификации в практическом, и особенно в политическом, дискурсе приводит к утрате предметности программ гуманитарного характера, реформирование оборачивается внедрением сводов норм, которые растворяются в практической среде и становятся подчас громоздкими добавлениями устоявшихся приемов общественной регуляции.

Нередко идентификация сводится только к действию механизмов саморефлексии, к тому же разворачивающихся на соматическом уровне и на уровне непосредственно интерперсональной среды взаимодействия. Но в условиях абстрагирования ценностного содержания славянской культуры славянская идентификация обращается в простой процесс, поскольку ее предмет – односоставный, монопараметрический признак-характеристика – признание индивидом и принадлежащим культуре, и его самоидентификация с ней.

Когда же помимо саморефлексии участвуют такие механизмы, как знаковое опосредование на уровне микрокультурной среды, как семантизация институализации смыслов в формах взаимодействия (в интеракционизме Мида и в феноменологической школе социологии) [4; 5], типах социокультурной организации, ценностное отнесение, добавляются еще такие процессы, которые опосредуют социокультурную динамику индивида – целеобразование, смыслопорождение, верификация значений, идентификация осуществляется уже на интерсоматическом уровне и имеет комплексный характер, а ее предмет оказывается полипараметрическим.

В определении направлений функциональных и содержательных эволюционных сдвигов в социальной идентичности принято выделять существенные стороны. Например, А. Г. Дугин рассматривает уникальность нашей эпохи в переходе от модерна к постмодерну, в котором проявляются любые, логически не связанные и концептуально конфликтующие друг с другом идентификационные парадигмы [6]. Эти парадигмы выделяются по основаниям, соответствующим в наших определениях типу макроинститута, представленности культуuroобразующей общности, ведущей общественной ценности (общественному представлению духовности) и идейно оформленной ценности воспроизводства социальной структуры (см. таблицу).

Идентификационные парадигмы

Парадигма	Премодерн	Модерн	Постмодерн
Макроинституциональная	Империя	Государство	Глобализм
Культурообразующая общность	Этнос	Нация	Планетарный космополитизм
Духовная	Религия	Светскость	Плюрализм в индифферентности, секуляризме, неоспиритуализме
Социально-структурная	Иерархия, сословие-каста	Равенство индивидов	Произвольное отношение к «другому» против стратегии прав человека

В анализе возможна и иная композиция парадигм, но как феномен культуры и специфический продукт такого процесса культурогенеза, как социальная идентификация славянская идентичность определяется рядом системных характеристик, которые могут быть представлены для удобства их системно-аналитического рассмотрения в качестве измерений, локализирующих ее положение в феноменологическом пространстве современной культуры:

индивидуальный – социальный или корпоративный; психологический–социологический;

ориентация на феноменальное своеобразие и уникальность культуры, преодолеваемые лишь эффектами влияния сходства условий жизни и развития – ориентация на актуальность и действенность типических характеристик – в этносах, культурах, языках [7];

генетическое единство протокорней – глубинное сходство феноменальных проявлений славянских культур, преодолевающее различие способов формирования различных славянских культур.

Серьезным заблуждением является представление славянской идентичности по аналогии с этнической идентичностью, исключительно личностным механизмом индивидуальной адаптации и инкультурации. Как механизм культурогенеза идентификация проявляется и в обществах зачаточной политической организации, и в обществах зрелого постмодерна.

Главная проблема политических и практических программ, обращающихся к славянской тематике, состоит в том, окажется ли славянская идентичность приведенной в единое значение с такими идентичностями, как членство в корпорации, профессиональная принадлежность, национальность, региональность, или же ее культурно-историческая значимость будет подтверждена как объективно-исторический механизм, определяющий собственное право носителей славянской культуры на выбор линии интеграции.

Заложенного в технологизированные процедуры признания этнической самобытности, которую можно преодолевать и необходимо компенсировать в организациях с интернациональным персоналом, недостаточно для полноты анализа и развития формирования славянской идентичности как разновидности идентичности с субъектом высокой абстракции, в пределах которой происходит формирование и развитие ценностей, аксикреация и аксиогенез [8, с. 61–78], составляющие глубинную основу регуляции культуры и процесса культурогенеза.

Литература

1. Ядов, В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В. А. Ядов // Социологический журнал. – 1994. – № 1: <http://www.socjournal.ru/article/29>.
2. Дилигенский, Г. Г. Проблема теории человеческих потребностей / Г. Г. Дилигенский // Вопросы философии. – 1976. – № 9; 1977. – № 2.
3. Bourdieu, P. The Logic of Practice / P. Bourdieu. – Cambridge: Polity Press, 1990.
4. Hogg, M. Social identifications / M. Hogg, D. Abrams. – London: Routledge, 1988.

5. Schutz, A. *The Phenomenology of social world* / A. Schutz. – London: Heineman, 1972.
6. Дугин, А. Г. Эволюция социальных идентичностей при переходе к парадигме постмодерна / А. Г. Дугин // Выступление А. Г. Дугина на Мировом общественном форуме «Диалог Цивилизаций». – 02.10.04, Родос, Греция: <http://www.evrasia.info/modules.php?name=News&file=article&sid=1979>.
7. Сталин, И. В. *Марксизм и вопросы языкознания* / И. В. Сталин. – М., 1950. – 114 с.
8. Батищев, Г. С. *Истина и ценности* / Г. С. Батищев // *Познание в социальном контексте*. – М., 1994. – 174 с.

A. G. KLIMOV

THE SLAVIC IDENTITY: SOCIAL AND SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS

Summary

The article deals with the problem of introduction the phenomenon the Slavdom in the political and scientific discourses as well as in everyday life's culture. Subject, procedural and product aspects of identification are picked out, psychological, habitual and institutional types of identification are distinguished. It is shown that washing out of these differences leads the subject of identification to the loss of resources creativity in the cultural space.

А. А. ЛАСТОВСКИЙ,
*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Рассматриваются основные топосы в представлениях о прошлом жителей Беларуси (Великая Отечественная война, современная история, советский период, досоветская история), выявляются их содержание и наполнение. Далее эти топосы рассматриваются на предмет согласованности оценок и интерпретаций в массовых представлениях в контексте формирования общего видения прошлого как ключевого фактора становления белорусской национальной идентичности.

Конституирование национальной идентичности как определенной согласованности представлений о том, что такое нация и кто к ней принадлежит, требует и интеграции социальных представлений о прошлом. Особенно острая необходимость переосмысления своей истории и поиска общей перспективы возникает в государствах, которые претерпевают радикальные трансформации в своем социокультурном развитии. В качестве примера можно привести новые государства в Восточной Европе (в том числе и Беларусь), где распад советского образа истории потребовал пересмотра и переопределения национального исторического нарратива, поиска объединяющих способов осмысления своей истории.

Одним из важнейших инструментов формирования исторической памяти, используемых государством, является контроль над образовательной системой. Обучение истории традиционно считается чрезвычайно важным для формирования национального сознания, чувства патриотизма, тех или иных идеологических взглядов. Историческая память может выступать как фактор, способствующий укреплению национальной идентичности, если социальные представления о прошлом носят согласованный характер, но может также порождать и определенные конфликты в национальном самосознании.

Обратимся к особенностям исторической памяти жителей Беларуси. В основу анализа положены данные социологического исследования, проведенного Институтом социологии в июне 2008 г. Рассматриваются преимущественно ответы на два открытых вопроса: «Какими событиями в истории Беларуси, по Вашему мнению, можно гордиться?» и «Какие события в истории Беларуси вызывают у Вас горечь и стыд?», кроме того, и другие вопросы, направленные на изучение исторической памяти жителей Беларуси. Целью исследования

является выявление ключевых топосов в представлениях о прошлом жителей Беларуси, т. е. неких определенных совокупностей событий, которым придается определенная оценочная рамка. Далее эти топосы рассматриваются на степень согласованности–конфликтности. Выдвигается гипотеза о том, что согласованные представления об определенных исторических периодах или событиях способствуют консолидации национальной идентичности, в то время как конфликтные интерпретации истории приводят к ослаблению белорусской идентичности.

Наиболее явным образом ответы на открытые вопросы тематизируются с помощью группировки по историческим периодам, в зависимости от частоты упоминания. (При обработке ответов на открытые вопросы каждый уникальный вариант ответа рассматривался как категория. Количество упоминаний каждой категории могло существенно отличаться, категории могли быть как уникальными, т. е. упоминаться один раз, так и достаточно распространенными (например, «победа в ВОВ»). Категории, близкие по своему семантическому значению, объединялись в общие темы.) Выделяются следующие исторические периоды: 1) современная история (хронологические рамки которой располагаются от достижения Республикой Беларусь независимости и до нынешнего момента); 2) история советского периода и 3) история до начала XX ст. (т. е. история до Октябрьской революции 1917 г.). Вместе с тем эту периодизацию приходится скорректировать с помощью выделения отдельного топоса Великой Отечественной войны, поскольку восприятие этого события является чрезвычайно важным для сознания жителей Беларуси.

Великая Отечественная война. Легко заметна значительная доля преемственности между образом войны, который артикулируется в государственном дискурсе современной Беларуси, и тем, как Великая Отечественная война использовалась для создания советской идентичности. «Война с ее многочисленными реальными и мифическими проявлениями героизма и жертвенности представляла собой замечательный материал для создания патриотических символов и образцов коллективной памяти. Более того, общая борьба советских народов давала возможность, не игнорируя, а скорее наоборот, акцентируя внимание на местной специфике, создавать модель общего патриотизма – общей советской идентичности. Таким образом, миф о Великой Отечественной войне, базовую основу которого составляли идеологемы о морально-политическом единстве советского общества, о руководящей роли коммунистической партии, о единстве партии и народа, фронта и тыла, о пламенном советском патриотизме и массовом героизме, о дружбе народов и тому подобное, призван был сыграть особую роль в единении советского общества» [1].

Вместе с тем можно говорить о том, что белорусский образ войны отличается от советского и имеет свою специфику, которая начала складываться еще в СССР. Во-первых, подчеркивается огромное число жертв среди белорусского народа, который приобретает статус не только народа-героя, но и народа-мученика, чья победа в войне была оплачена трагической ценой. Во-вторых, подчеркивается значительная роль именно белорусского народа в победе над

фашизмом, где особое место отводится массовому партизанскому движению (в советское время за Беларусь закрепляется неофициальное название «партизанской республики»).

Великая Отечественная война предстает в сознании белорусов событием одновременно трагическим, как некое страшное испытание, доказывающее право народа не только на существование, но и на всеобщее уважение, и вместе с тем героическим. В ответах на открытый вопрос преобладают темы героизма, освобождения и победы (такая категория, как «победа в ВОВ», упоминается 381 раз и это при ответе на открытый вопрос). При этом по количеству категорий лидируют упоминания о партизанском движении (15 категорий), что доказывает актуализированность представлений о Беларуси как партизанской стране.

С другой стороны, у Великой Отечественной войны есть и негативные стороны – тяжелые потери, провальное начало войны, период оккупации и связанная с этим проблема коллаборационизма и т. д. Эти негативные моменты остро обсуждались в СМИ в конце 80-х – начале 90-х годов, но в последнее время практически исчезли из публичного дискурса как в Беларуси, так и России, также слабо представлены они и в ответах на открытые вопросы.

Таким образом, память о победе в Великой Отечественной войне среди жителей Беларуси является достаточно целостной и не вызывающей противоречивых интерпретаций. В массовом сознании она представляется тяжелым испытанием для белорусского народа, проявившего в ней невиданный героизм, что можно расценивать как неопределимый вклад в победу над фашизмом. Эти социальные представления о прошлом полностью согласуются с тем образом войны, который функционирует в государственном дискурсе. Стоит отметить, что при этом актуализируется связь прошлого и настоящего, победа в войне – это достояние народа, которым можно и нужно гордиться в современности. Это способствует выработке устойчивой положительной эмоциональной связи с национальной общностью, чей вклад в историю так героичен. Упрощенность и непротиворечивость этого образа лишь способствует его более успешному закреплению в массовом сознании. Таким образом, можно согласиться с другими исследователями, что историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси. При этом акцентирование внимания некоторых авторов на преемственности с советским мифом о войне не позволяет увидеть, что в современной Беларуси память о войне наполнена иным содержанием, где укреплению национальной идентичности способствует концентрация риторики на роли белорусского народа в победе над фашизмом.

Современная история. Наиболее разнообразным и насыщенным в представлениях о прошлом жителей Беларуси является топос, формируемый событиями современной истории. В нем можно выделить несколько важных тем, которые вызывают у жителей страны гордость (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Темы современной истории Беларуси, вызывающие у жителей страны гордость

Тема в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов
Достижение независимости	70	200
Строительство новых сооружений	34	76
Спортивные достижения	49	70
Победы на «Евровидении»	20	56
Фестивали	12	52
Экономическое благополучие	50	51
Президентское правление А. Г. Лукашенко	23	34
День Независимости	4	32
Культурные достижения	18	19
Праздники	13	18
Научно-технические достижения	10	10

П р и м е ч а н и е. Приведены данные по темам, где количество ответов превышает 10.

Некоторые из них получают выраженную положительную интерпретацию:

1. Достижение независимости, которое, по мнению жителей Беларуси, уступает по значимости в истории страны лишь победе в войне. Упоминается приобретение независимости в 70 категориях, где используются различные процессуальные термины, ведущие к статусу «независимость».

2. Строительство новых сооружений, среди которых респонденты отмечают возведение Национальной библиотеки и ледовых дворцов. Есть и негативные реакции на масштабные стройки, но они менее распространены (всего лишь 4 ответа).

3. Спортивные достижения, при этом особо выделяют победы хоккейной сборной и победу Юлии Нестеренко на Олимпийских играх. Такой наиболее популярный вид спорта, как футбол, в качестве событий, вызывающих гордость, упоминается лишь один раз, но чаще он фигурирует среди негативно воспринимаемых событий. Отметим, что в современном мире спортивные достижения давно стали символом национальной гордости, способствуя сплочению общества и укреплению национальной идентичности [2].

4. Победы белорусских артистов на Международном музыкальном конкурсе «Евровидение», в первую очередь победа Ксении Ситник и успешное выступление Дмитрия Колдуна. Отметим, что в данном случае важно признание белорусской культуры в международном масштабе, что опять же способствует выработке положительной эмоциональной связи с национальной общностью. С другой стороны, неудачные выступления наших артистов вызывают горечь и стыд.

5. Различные фестивали, среди которых особо выделяется фестиваль «Славянский базар» в Витебске.

Некоторые сферы современной белорусской жизни вызывают противоречивые реакции у жителей страны:

1. Социально-экономическая жизнь современной Беларуси. Жители страны отмечают как рост производства, так и связывают его непосредственно со своим благосостоянием («живем безбедно»). Стоит отметить, что порой жизненные стандарты белорусов выглядят очень скромно. Но среди ответов достаточно много и указаний на низкий уровень зарплат и пенсий и, напротив, высокий уровень цен.

2. Политическая жизнь, которая вызывает также много противоречивых интерпретаций. Итоги президентских и парламентских выборов у части населения вызывают гордость, другая же часть населения относит эти итоги к событиям, вызывающим горечь и стыд.

Некоторые темы практически присутствуют только среди событий, которые вызывают негативные чувства. В первую очередь это внешняя политика. Среди ответов нередко встречаются указания на сложность взаимоотношений как с Западом, так и с Россией. Также одним из однозначно негативно воспринимаемых событий в современной истории для жителей Беларуси стала отмена льгот.

Таким образом, если комплекс представлений о Великой Отечественной войне в сознании жителей Беларуси однороден и стабилен, характеризуется устойчивым набором метафор и выражений, то современная история порождает богатство интерпретаций. Некоторые темы из актуальной истории (установление независимости, спортивные достижения, строительство новых сооружений, победы на «Евровидении») вызывают наименее спорное восприятие в массовом сознании и могут рассматриваться как способствующие консолидации и сплоченности белорусской нации. В то же время оценки социально-экономического и политического развития Республики Беларусь противоречивы и с трудом могут служить объединяющим началом.

История советского периода. Данные исследования свидетельствуют, что в плане выработки положительного образа прошлого советский период отмечен гегемонией, акцентированной и выраженной памяти о победе в Великой Отечественной войне, в тени которой другие события этого периода становятся малозначительными. Октябрьская революция была упомянута лишь один раз, и это притом, что в Советском Союзе революционный миф составлял одно из важнейших оснований общесоветской идентичности. Хотя и в нынешней Республике Беларусь 7 Ноября является государственным праздником, смысл и происхождение его уже практически заретушированы. Лишь несколько исторических событий из советского прошлого, помимо Великой Отечественной войны, упоминались респондентами как вызывающие чувство гордости (табл. 2).

Подчеркнем, что все эти события связаны непосредственно с местом Беларуси в советской истории. Даже при упоминании освоения космоса акцент ставится не на первопроходческом полете Гагарина, а на участии именно белорусов в космических программах. Общая же категория «жизнь в составе СССР» упоминается лишь 5 раз (при этом некоторые респонденты отсылают

именно к периоду, «когда главой был Машеров», что опять же указывает именно на белорусский контекст). Это свидетельствует о том, что история 1917–1991 гг. в массовом сознании белорусов воспринимается скорее не как прошлое советского народа, а именно как прошлое белорусского народа в советском государстве.

Таблица 2. Темы советской истории Беларуси, вызывающие у жителей страны гордость

Тема в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов
Победа в Великой Отечественной войне	89	567
Восстановление после войны	10	12
Участие в освоении космоса	10	11
Участие в создании ООН	6	6
Жизнь в составе СССР	5	5
Объединение Западной Беларуси с БССР	5	5
Образование БССР	2	4

Вместе с тем распад Советского Союза по-прежнему болезненно воспринимается частью населения Беларуси, особенно представителями старшего поколения, которые дают наиболее резкую отрицательную оценку деятельности Михаила Горбачева и Станислава Шушкевича (37,3 и 39,4% соответственно). Среди негативных событий в истории Беларуси фигурируют и «распад СССР», «подписание Беловежского договора», «соглашение в Вискулях» (хотя, справедливости ради, нужно отметить, что эти же события также упоминаются и в числе тех событий, которые у жителей Беларуси вызывают гордость). При этом в советском периоде имеется несколько болевых точек для социальных представлений о прошлом жителей Беларуси (табл. 3):

- 1) авария на Чернобыльской АЭС, это событие лидирует в «черном списке» событий, вызывающих чувства горечи и стыда;
- 2) война в Афганистане;
- 3) сталинские репрессии;
- 4) коллективизация.

Таблица 3. Темы в советской истории Беларуси, вызывающие у жителей страны горечь и стыд

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов
Чернобыльская катастрофа	17	184
Развал СССР	17	93
Великая Отечественная война	17	50
Сталинские репрессии	19	34
Коллективизация	5	16
Период СССР	10	11
Афганская война	5	9

Таким образом, советский период в белорусской исторической памяти воспринимается далеко не однозначно. Как мы уже отмечали, позитивный образ советского прошлого формируется в основном за счет доминанции памяти о победе в Великой Отечественной войне, в то время как другие события советского периода воспринимаются противоречиво. Несмотря на то, что даже Сталин руководил страной во время войны, жители Беларуси дают ярко выраженную негативную оценку роли этого исторического деятеля в истории нашей страны. У старшего поколения жителей Беларуси сохраняются ностальгические воспоминания о правлении Машерова, но для младшего поколения этот период прошлого уже утрачивает значимость. Таким образом, память о советском прошлом (за исключением памяти о победе в Великой Отечественной войне) вряд ли может выступить консолидирующим фактором для укрепления белорусской национальной идентичности, поскольку порождает противоречивые интерпретации и серьезные разногласия в оценках среди жителей Беларуси.

История до начала XX в. Наиболее слабо представлена в массовом сознании жителей Беларуси история страны досоветского периода. Правда, далекое прошлое белорусского народа не вызывает и каких-то негативных реакций. Наиболее часто упоминаются события из белорусской истории, которые вызывают гордость (табл. 4), наибольшее количество категорий относится к деятельности просветителей. Также упоминаются период существования Полоцкого княжества, битва на Немиге, Грюнвальдская битва, битва под Оршей, конституция 1791 г., Отечественная война 1812 г., восстания под предводительством Костюшко и Калиновского, выпуск «Нашей нивы», Первая мировая война.

Таблица 4. Темы досоветской истории Беларуси, вызывающие у жителей страны гордость

Тема в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов
Деятельность просветителей	27	32
Период ВКЛ	13	23
Грюнвальдская битва 1410 г.	10	17
Восстание под предводительством К. Калиновского	5	12
Создание БНР	4	8
Битва под Оршей 1514 г.	4	5

Примечание. Приведены данные по темам, где количество ответов превышает 5.

Несмотря на слабую актуализированность представлений о прошлом Беларуси досоветского периода, именно этот исторический период имеет наибольший потенциал для укрепления национальной идентичности. Отдаленность в прошлом для репрезентации исторических событий имеет неоспоримые преимущества: снимается возможное противоречие между культурной и коммуникативной памятью (или, другими словами, между официальной

и неофициальной памятью), что предоставляет более широкую свободу для создания позитивного образа событий прошлого. Слабое знание жителями Беларуси истории своей страны до начала XX в. можно трактовать как «чистую доску», которая вполне может быть заполнена сконструированной памятью, и в этом его преимущество перед знанием современной истории, которая неизбежно будет вызывать противоречивые интерпретации. Этот потенциал начинает использоваться как в сфере образования, так и в СМИ (например, исторические публикации в газете «Беларусь сегодня», циклы исторических передач на государственном телевидении), но возможности исторической памяти в этом случае, как свидетельствуют данные опроса, полностью пока не используются.

В связи с этим стоит отметить, что среди всех исторических деятелей, оказавших влияние на ход истории Беларуси, именно просветители эпохи Средневековья Франциск Скорина и Евфросинья Полоцкая получили однозначно положительную оценку (соответственно 83,4 и 82,6% опрошенных жителей Беларуси оценивают их вклад в историю как «положительный»), причем в этом позитивном восприятии едины представители всех социально-демографических групп. Следовательно, упор на просветительской деятельности важнейших культурных деятелей может служить объединяющим фактором, способствующим согласованности исторической памяти белорусов.

Таким образом, анализ на степень конфликтности–согласованности основных топосов в исторической памяти жителей Беларуси позволяет сделать следующие выводы:

1. Важнейшим историческим мифом, конституирующим современную белорусскую национальную идентичность, является память о победе в Великой Отечественной войне, непротиворечивость и упрощенность этой памяти лишь способствуют согласованности представлений о прошлом.

2. Наиболее насыщен и разнообразен в белорусской исторической памяти топос современной истории, но за это приходится платить противоречивостью оценок и интерпретаций. Определенные темы современной истории (установление независимости, спортивные достижения, строительство новых сооружений, победы на музыкальном конкурсе «Евровидение») могут расцениваться как способствующие консолидации массового сознания, но интерпретация социально-экономического и политического развития Республики Беларусь не является однородной.

3. Память о советском периоде в истории Беларуси отмечена гегемонией памяти о победе в войне, за которой уходят в тень другие события.

4. Наибольшим потенциалом для укрепления белорусской национальной идентичности обладает топос социальных представлений об истории Беларуси до начала XX в. Этот топос обладает двумя важнейшими характеристиками: незаполненность (что позволяет без особых проблем наполнять его нужным содержанием) и позитивно-нейтральное восприятие в массовом сознании.

Консолидирующая роль оценки просветителей Франциска Скорины и Евфросиньи Полоцкой указывает на то, что досоветская белорусская история вполне эффективно может использоваться для формирования общности представлений о прошлом и настоящем белорусской нации.

Литература

1. Гриневич, В. Расколота память: Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества / В. Гриневич // Неприкосновенный запас. – № 40–41 (2-3/2005).
2. Porter, D. Sport and National Identity in the Post-War World / D. Porter. – Routledge, 2004.

A. A. LASTOVSKI

HISTORICAL MEMOIR AS A FACTOR OF STRENGTHENING OF THE BELARUS NATIONAL IDENTITY

Summary

The main toposes of the Belarus people's perceptions of the past (Second World War, modern history, Soviet period, pre-Soviet history) are examined, their sense and content are brought to light. These toposes are considered from the point of view of correlation of marks and interpretations in mass perceptions in the context of forming the common sight of the past as a key factor of the development of the Belarus national identity.

Н. Л. БАЛИЧ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ВЕРУЮЩИХ В РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИНАХ

В статье на основе обобщения трудов зарубежных и отечественных авторов проводится анализ феномена идентификации верующих в религиозных общинах. Объясняются причины и особенности функционирования религиозных общин, выявляются факторы, формирующие религиозность индивида, единство его убеждений и мировоззренческих установок.

Важный вклад в социологическое исследование религиозной идентификации внес М. Вебер, рассматривая религиозные взгляды и поведение как факторы, детерминирующие хозяйственную, политическую, повседневную жизнь, и в то же время как феномен, испытывающий обратное влияние указанных форм социальной жизнедеятельности. Большое внимание он уделяет конкретному рассмотрению специфического влияния определенных конфессий, прежде всего протестантизма, а также буддизма, конфуцианства, иудаизма, на экономическое, социальное и культурное развитие регионов, в которых они получили преимущественное распространение. По мнению социолога, причину развития капиталистических отношений следует искать в отношении к труду и богатству, заложенном в качестве нормы в протестантской религии. Для этого Вебер обратился к популярному в то время понятию «дух капитализма», в качестве подлинного ядра которого он выделяет представление протестантов о своем профессиональном долге.

Социологическое рассмотрение религиозной идентификации с функциональных позиций находит свое воплощение в творчестве американских исследователей Р. Беллы и М. Йингера. Р. Белла, формулируя задачу социологии религии, подчеркивал, как важно обнаружить и классифицировать различные формы религии и распознать, какими последствиями чревата приверженность им. Важнейшей же функцией и задачей самой религии, по его мнению, является ответ на вопросы, на которые в рамках других форм сознания и поведения ответить невозможно, например о смысле смерти, зла, страданий [1, с. 191–193]. Такая постановка проблемы заслуживает внимания, является эвристичной, хотя решение ее дается весьма абстрактное.

У М. Йингера прослеживается более обстоятельная характеристика современного функционального подхода в социологическом исследовании религиозной идентификации. Социолог не только обозначил трудности, с которы-

ми сталкивается современная социология (недостаток эмпирического материала, сбор данных без опоры на определенную научную концепцию), но и достаточно четко обозначил некоторые отличительные особенности социологии религии, подчеркнув, что именно здесь можно получить актуальный «срез» исследования религиозных групп и их идентификационного поведения, причем изучение видов религии в обществах разных типов должно осуществляться на основе метода их сравнения. Функциональный подход, по его мнению, имеет как позитивные, так и слабые стороны. В качестве достоинств этого подхода отмечается то, что исследователи, рассматривающие религию с таких позиций, исходят из факта существования религиозных верований и культа и их значимости для поступков людей, что позволяет избежать метафизических споров о религии.

Слабые стороны функционального подхода, по М. Йингеру, заключаются в признании в качестве исходного тезиса статичности религии, недооценке ее динамичности, изменяемости верований, символов и культа, а также в восприятии религии как независимой переменной в отношении других социальных явлений, на которые она оказывает воздействие [2, с. 161–169].

У представителей феноменологической социологии, в частности П. Бергера, при изучении значимости религии в процессах идентификации уделяется преимущественное внимание религиозному знанию и его влиянию на повседневную жизнь людей. Рассматривая религиозный опыт как идентификационный факт обычной повседневной жизни и как один из видов опыта, П. Бергер обозначает следующие характеристики его функций: стратегическая роль религии при конструировании человеком социальной реальности, объяснение и поддержание социального порядка, восприятие существующего порядка как правильного. Исследуя процессы секуляризации общества и значение религиозного опыта в идентификации личности, П. Бергер описывает причины когнитивного воздействия на религиозного мыслителя, в результате чего тот вынужден «умерять, если не оставлять вообще сверхъестественные элементы своей традиции... ни религиозный опыт, ни религиозная рефлексия в современной ситуации не возникают с той легкостью, какая была возможна в прежние периоды истории» [3, с. 342–347]. Он считает, что религиозное знание и опыт позволяют человеку преодолеть одиночество в реальном мире повседневности, страх неопределенности, помогают ему встретиться с «целостным миром, противостоящим мирскому опыту».

Религиозная община принадлежит к числу социальных групп, которые формируются в процессе совместной идентификационной деятельности людей, но ее специфика заключается в том, что она возникает на основе совместного отправления религиозных обрядов – символических действий, в которых воплощаются те или иные религиозные представления. Макс Вебер в своем определении исходил из того, что «община» в религиозном смысле является продуктом повседневности, формирующимся на основе того, что пророк и его ученики гарантируют постоянное благовествование и дарование благодати.

Вебер различает общину и епархию, не относя последнюю к общинам. По его мнению, «средневековая, католическая, англиканская, лютеранская, восточно-христианская и мусульманская епархии представляют собой церковные сообщества, несущие определенные повинности и находящиеся в границах компетенции священнослужителей». В этих религиях, по его мнению, объединения мирян не были общинами по своему характеру. В то же время «раннебуддийское монашество и воинство ислама были организованы в общины так же, как верующие в иудаизме и в раннем христианстве, правда, степень строгости правил в этих общинах была различной» [4, с. 126]. К изучению общинных взаимоотношений обращался немецкий социолог Ф. Тённис, считавший, что для взаимоотношений людей, объединенных в общность, характерны такие групповые общинные качества, как сплоченность, солидарность, спаянность, органическая связь субъектов друг с другом, готовность прийти на помощь и т. д. М. Вебер обозначил отличительные особенности религиозной общины (церкви) и секты, сопоставляя их по трем основным группам признаков: 1) отношение к миру; 2) критерий членства; 3) организационная структура. Церковь понимается им как «учреждение по дарованию благодати», принадлежность к которому определяется по факту рождения и представляет собой многочисленную группу верующих, сильно тяготеющую к универсальности и институционализации, т. е. к превращению в социальный институт. Своеобразие секты заключается в том, что она всегда формируется на основе замкнутого локального пространства отдельных местных общин и представляет собой небольшое свободное объединение добровольно вошедших в него индивидов. Данный принцип, по его мнению, действует внутри протестантизма у баптистов, индепендентов, а затем у конгрегационалистов и постепенно ведет к организации, типичной для реформистской церкви, которая даже там, где она является универсальной, ставит принадлежность к ней в зависимость от вступления на основе договора в отдельную общину [4, с. 126–127].

Проблема типологизации религиозных объединений в социологии немаловажна без дальнейших исследований по изучению и определению понятия религиозной общины, которое довольно широко используется в различных науках, но остается практически не определенным. В современной литературе мы сталкиваемся с множеством трактовок данного понятия, каждое из которых заслуживает внимания, а нередко и конкретизации. Российский исследователь П. И. Пучков, например, определяет религиозную общину как «духовную общность людей, имеющую единое происхождение, характеризующуюся определенной догматической и культовой спецификой и не сводимой к более крупным организациям такого же характера» [5]. Данное определение универсально, но недостаточно конкретно. В частности, в нем не обозначены характерные признаки именно религиозной общины. Духовная общность еще не значит религиозная, а догматическая специфика присуща не только религиозным сообществам, но также политическим, нередко и научным. Для них также возможно следование одной и той же идее, цели, теории.

Понятие «религиозная община» нередко употребляется для обозначения всего сообщества последователей определенной религии, конфессии. В христианстве – это община православных, католиков или протестантов определенного направления. В исламе все сообщество мусульман обычно именуется «уммой». Правда, понятие «умма», ранее обозначавшее только арабо-мусульманскую общину, при аббасидах заменяется понятием «джамаа», выражающим единство всех мусульманских народов, независимо от их этнического происхождения и принадлежности к различным направлениям в исламе [6, с. 28–29]. В зависимости от конфессиональной принадлежности религиозные общины обладают как сходными образующими, так и различимыми общностными признаками. В православной литературе, например, религиозная община представлена как объединение верующих, принадлежащих одной конфессии. При этом нередко между понятиями «религиозная община» и «приход» прослеживается тождественность понятий. Отличие состоит лишь в том, что религиозная община понимается как более упрощенная форма самой организации и религиозной деятельности (создается община, назначается священник). Приход же требует как обязательного сбора пакета необходимых документов, так и самой процедуры законного оформления [7, с. 165]. Для обеспечения повседневной жизнедеятельности религиозной общины из числа ее прихожан могут создаваться рабочие органы, органы управления и контроля (в Русской православной церкви – приходское собрание, приходской совет, ревизионная комиссия).

Для религиозных общин протестантского вероисповедания также характерны органы управления и контроля. Об этом убедительно свидетельствует деятельность республиканского объединения – «Конференция церквей христиан адвентистов седьмого дня» в Республике Беларусь, осуществляющая общее руководство и координацию деятельности входящих в это объединение религиозных общин. Проведенное социологическое исследование выявило наличие действующей административной структуры: наличие президента (епископа) и пасторской ассоциации, а также многочисленных отделов: образования, молодежного, женского и детского, издательского, информации, здоровья и воздержания, субботней школы, в рамках функционирования которых совмещается религиозная и социальная жизнедеятельность верующих. Все эти структурные компоненты в своей социальной деятельности руководствуются основными догматическими принципами протестантского вероучения. Высокая консолидация единоверцев, поддерживающих между собой постоянные неформальные связи, предопределяет религиозную активность и идентификационное поведение верующих, создает мировоззренческие и социально-психологические предпосылки интеграции верующих в религиозные общины.

В Законе Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» религиозной общиной признается объединение в пределах территории одного или нескольких населенных пунктов группы граждан Республики Беларусь, являющихся приверженцами единого вероисповедания, для совмест-

ного исповедания веры и удовлетворения иных религиозных потребностей. Общины действуют на добровольных началах и могут образовываться по инициативе не менее двадцати граждан Республики Беларусь, достигших восемнадцатилетнего возраста.

Религиозная община является одной из форм (наряду с религиозным объединением) религиозных организаций, признаками которой признаются: «вероисповедание; разработанная культовая практика; проведение богослужений; религиозное просвещение и воспитание своих последователей» (статья 13). В соответствии с законом религиозная община наделяется рядом прав, которые позволяют ей удовлетворять религиозные потребности своих членов без нанесения ущерба интересам как государства в целом, так и отдельных его граждан [8].

Религиозная община, по нашему мнению, принадлежит к числу социальных групп, которые формируются в процессе совместной идентификационной деятельности людей, но ее специфика заключается в том, что она возникает на основе совместного отправления религиозных обрядов – символических действий, в которых воплощаются те или иные религиозные представления. В процессе реализации религиозных обрядов возникают определенные связи и отношения между людьми, в них участвующими. Исходя из этого, религиозную общину можно определить как группу индивидов, являющихся субъектами совместных действий и сплоченных на основе общих целей, религиозных ценностей, интересов, норм и образцов поведения.

Специфика деятельности и особенности религиозной общины определяются прежде всего конкретной религиозной доктриной, т. е. системой взглядов, включающих в себя представления о Боге, его отношении к миру, будущему мира и человека. Приверженность религиозной доктрине детерминируют цели религиозной общины, которые также выступают в качестве интегративного признака верующих. Именно наличие единых целей и превращает группу верующих людей в общность, поскольку достижение таких целей предполагает осуществление совместной организованной деятельности.

Объединение верующих в общине происходит на основании нескольких параметров: общность доктрины, общность ценностей, культовая практика, наличие трансцендентной цели. Наличие трансцендентной цели является главной особенностью религиозных общин, отличающей их от других видов социальных групп. Исходя из обозначенных выше признаков, предлагается следующая трактовка понятия религиозной общины: *религиозная община – это добровольное объединение индивидов, осуществляющих совместную культовую деятельность на основе общей для них религиозной веры и единой доктрины, направленную на достижение трансцендентной цели и удовлетворения других религиозных потребностей.* Для более детального изучения религиозной идентификации важным является выявление причин объединения верующих в религиозные общины. Почему человек не остается один со своей верой, а ищет единомышленников, единоверцев? Главными причинами этого явля-

ются социальность индивида как его родовое качество, а также несамодостаточность отдельного субъекта религиозной деятельности, ограниченность его сил и способностей.

В социологическом анализе идентификации верующих тщательного изучения заслуживают не только причины объединения верующих в общины, но и функции, выполняемые ими. Важно отметить, что религиозная община наряду с семьей является основной социальной формой воспроизводства религии в новых поколениях.

Первоначально индивид может оказаться в составе общины не столько по причине потребности в общении именно с единоверцами, сколько в силу влияния иных факторов: чувство одиночества, отсутствие психологической опоры и поддержки, потребность в реальном человеческом общении. Религиозные общественные организации нередко используют свойственные им методики для реабилитации алкоголиков, наркоманов и лиц, находящихся в тяжелой жизненной ситуации. Кроме того, в религиозных общинах обычно оказывается реальная помощь в решении насущных житейских проблем: присмотр за детьми, уход за престарелыми гражданами, материальная поддержка малоимущих. В результате религиозная либо социальная деятельность, связанные с функционированием общины, могут стать для личности сферой, в которой она находит себя.

Некоторые исследователи сходятся во мнении, что нередко стимулы, связывающие того или иного человека с религиозной общиной, носят по существу нерелигиозный характер. Так, для некоторых людей религиозная община является местом общения. Слабость социальных связей такие люди стремятся компенсировать участием в деятельности религиозной общины. Церковь, молитвенные собрания становятся для некоторых людей местом проявления их социальной активности. Естественная потребность человека в общении и самореализации удовлетворяется в различных формах, в том числе и в религиозной. Для многих верующих религиозные общины являются средством удовлетворения духовных, эстетических, нравственных потребностей, о чем свидетельствуют результаты проведенного нами социологического исследования среди верующих религиозных общин адвентистов седьмого дня в Брестской области. На вопрос анкеты: «Что для вас является наиболее значимым в вашем пребывании в общине?», среди наиболее многочисленных ответов респондентов следует отметить следующие: 91,8% респондентов подчеркнули возможность своего духовного обогащения; общение со своими единомышленниками особо значимо для 61,2%; возможность получения новых знаний – для 52,2%. Далее следуют варианты ответов, значительно уступающие предыдущим в процентном соотношении, но также имеющие право быть замеченными. Среди них: участие в коллективных культовых молитвах (практиках) – 9,0%; освоение духовных и ритуальных практик – 3,2%.

Общение с единоверцами по взглядам и мироощущениям создает условия для обоснования человеком собственной религиозной веры и убежденности

в ней, а также способствует реализации конкретных факторов, определяющих идентификационное поведение верующих и влияющих на их жизнь, и не только в религиозной сфере. К ним относятся:

Потребность в безопасности. Данное положение реализуется в нескольких аспектах: все члены общины защищают своих братьев независимо от их социального статуса, национальной или расовой принадлежности; потребность в безопасности реализуют по их убеждениям не только земные братья, но и высшие силы.

Потребность в любви и немотивированной заботе. Все лица, входящие в религиозную общину, номинально становятся любящими и заботливыми «братьями» и «сестрами».

Потребность в самореализации. Религиозная община выступает как организация, аккумулирующая способности своих последователей и предоставляющая определенные возможности для самореализации в различных сферах деятельности.

Повышение самооценки. Реализуя собственный потенциал в богоугодных делах, человек не только осознает правильность выбранного им пути, но и чувствует себя лицом, которому доверяют реализацию самого важного дела – Спасения, так как все свои действия и помыслы верующий посвящает Богу.

Таким образом, религиозные общины выполняют ряд неотъемлемо важных функций в жизни своих прихожан, главными из которых являются все более полное удовлетворение разнообразных вероисповедных и других духовных потребностей людей, повышение их социальной активности. Благодаря сосредоточению религиозной жизни преимущественно в религиозных общинах последние превратились в важный элемент социальной структуры общества. Данное обстоятельство обуславливает важность социологического исследования религиозных общин, поскольку исследование религии не может быть абстрактным, ибо на социальные процессы влияет не религия вообще, а конкретные действующие индивиды, имеющие определенные религиозные взгляды и осуществляющие религиозную деятельность в составе религиозных общин.

Социологическое исследование идентификации верующих, по нашему мнению, важно осуществлять с позиции систематизированного подхода, который позволяет выявить деятельность религиозной общины как определенную систему идентификационного процесса. В рамках функционального, структурного, институционального и феноменологического подходов к исследованию религии общностный анализ, пусть и не выделяясь как самостоятельный, носит интегративный характер. Все общепринятые подходы неявно предполагают его, поскольку уделяют значительное внимание характеристике различных религиозных групп.

Нередко научные исследования посвящены изучению влияния религии на различные стороны социальной жизни – анализ действующих религиозных общин сводится лишь к проблематике нетрадиционных культов, выяснению

причин вовлечения сограждан в секты. Между тем от того, к какому типу отнесут ту или иную религиозную организацию, может зависеть отношение к последователям представителей других конфессий и государственных институтов. Термины, которые используются для обозначения определенных типов религиозной организации, не должны говорить о позитивности или негативности означаемого им явления, а лишь соотноситься с присущими им специфическими признаками. Только соответствие или несоответствие этим признакам может быть поводом для отнесения той или иной религиозной организации к определенному типу.

Литература

1. Белла, Р. Религия как символическая модель, формирующая человеческий опыт / Р. Белла // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / В. И. Гараджа [и др.]. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 190–193.
2. Йингер, М. Социология религии как наука: функциональный подход / М. Йингер // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / В. И. Гараджа [и др.]. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 161–169.
3. Бергер, П. Религиозный опыт и традиция / П. Бергер // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / В. И. Гараджа [и др.]. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 339–364.
4. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер; пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 702 с.
5. Пучков, П. И. О классификации религий / П. И. Пучков // Народы и религии мира: энциклопедия [Электронный ресурс]. – М., 1998. – Режим доступа: http://www.cbook.ru/peoples/class/about_cl.shtml. – Дата доступа: 25.06.2009.
6. Емельянов, В. В. Аббасиды / В. В. Емельянов // Ислам: карманный словарь / сост. Ю. Б. Гаврилова, В. В. Емельянов. – СПб., 2002. – С. 28 – 29.
7. Скляревская, Г. Н. Община / Г. Н. Скляревская // Словарь православной церковной культуры / сост. Г. Н. Скляревская. – СПб., 2000. – С. 165.
8. Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях»: принят Палатой представителей 27 июня 2002 г., одобрен Советом Республики 2 октября 2002 г. – Минск, 2006. – 26 с.

N. L. BALITCH

SOCIOLOGICAL STUDY OF IDENTIFICATION OF BELIEVERS IN THE RELIGIOUS COMMUNITIES

Summary

The phenomenon of identification of believers in the religious communities is carried out on the base of the foreign and home scholars. The author explains the reasons and peculiarities of functioning of religious communities, brings to light factors that lie in the base of the personal faith and the unity of beliefs and outlook.

Е. С. БАБОСОВА,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РОЛЬ НАУЧНЫХ ШКОЛ В РАЗВИТИИ МОТИВАЦИОННОЙ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ МОЛОДЕЖИ НА НАУЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В предлагаемой статье характеризуются научные сообщества и их влияние на мотивацию включенности молодежи в научно-исследовательскую деятельность. Подчеркивается, что деятельность коллективов исследовательских институтов, лабораторий, кафедр и научных школ, организуемых и возглавляемых выдающимися учеными, имеет большое значение для активизации вовлечения молодежи в профессиональную сферу науки и развития ее исследовательской активности.

Мотивация включенности молодежи в научную деятельность представляет собой сложноструктурированный и многоступенчатый процесс. Начинаясь еще в студенческие годы (а в некоторых случаях и в школе), он существенно усложняется и усиливается в годы обучения в магистратуре и аспирантуре, получая более четкую кристаллизацию и направленность во время включения молодого человека непосредственно в деятельность определенного научно-исследовательского коллектива.

Используя методологические основания социальной топологии, разработанной П. Бурдьё, этот процесс следует анализировать и интерпретировать в более широком социальном контексте социального поля науки, прежде всего – «в определенном состоянии структуры и функционирования научного поля» [1, с. 473]. Одним из основных структурных компонентов этого поля является исследовательский коллектив, который предписывает каждому новому индивиду, включающемуся в научную деятельность, соответствующие основному направлению его деятельности проблемы, позиции и правила поведения. А это означает, что в усилении или ослаблении мотивации включенности в науку для новичка в ее социальном поле приобретает решающую значимость степень адаптации молодого человека не просто к науке как таковой, а как к специальному виду исследовательской деятельности в определенной области знаний или определенной научной дисциплине, в рамках которой действует данный исследовательский коллектив. В этом процессе своеобразную эвристическую роль выполняет неформальный, складывающийся на добровольных началах исследовательский коллектив – научная школа. Научная школа представляет собой неформальное самодостаточное творческое объединение

исследователей, сформировавшееся под эгидой авторитетного ученого-лидера, сформированных им научных идей, работающее над решением актуальной научной проблемы (или комплекса проблем) и создающее определенную традицию в науке. Основными признаками научной школы являются:

общность научных интересов, определяемых продуктивной исследовательской программой;

единый оригинальный исследовательский подход, отличающийся от других, принятых в данной отрасли науки;

развитие творческого мышления в рамках объединяющей участников научной школы методологической основы и исследовательской парадигмы;

осуществление совместной научной деятельности исследователями нескольких поколений в связках «учитель – ученик», объединяемых общим, ярко выраженным научным лидером, авторитет которого признан научным сообществом;

освоение принципов научной этики и культуры получения, отбора, хранения, воспроизведения, преобразования, передачи и практического использования научной информации;

наличие концентрированной научной коммуникации, способствующей личностному и профессиональному развитию участников школы и активному включению в науку молодежи;

подготовка научных кадров высшей квалификации (докторов и кандидатов наук), установка на их воспроизводство.

Выделенные признаки, оказывающиеся инвариантными, присущи в той или иной степени каждой научной школе и проявляются в выполняемых ею функциях. Среди этих функций наиболее значимой, коррелирующей с самим названием данной научной общности, является высокомотивированная подготовка молодой научной смены, которая должна продолжать и развивать традиции школы. Важным условием успешного осуществления данной функции является социально-психологическая атмосфера творческого научного сотрудничества, взаимной поддержки и заинтересованной работы с молодыми исследователями, создающая благоприятное социальное пространство для их профессионального роста. Если охарактеризованные функции научного сообщества эффективно выполняются (именно так и бывает в успешно функционирующих научных школах), то включение молодежи в научную деятельность происходит. Поэтому адаптационный процесс здесь в решающей степени обусловлен тем, насколько органично молодой человек включается в конкретную исследовательскую программу, выполняемую этим коллективом. Ведь именно такая программа выступает в качестве интегратора, объединяющего научных сотрудников в единую исследовательскую команду, и вместе с тем становится (или не становится) мотиватором научной деятельности новичка в социальном поле науки. К тому же следует учитывать, что молодой специалист, осуществляющий процесс вхождения в новую для себя специальную среду научного поля, действует путем обособления от других людей, как индивид,

обладающий совершенно определенными личностными качествами, ценностными ориентациями и мотивационными установками. Эти мотивационные устремления усиливаются, становятся более четкими, устойчивыми и креативными (если коллектив воспринимает и оценивает его как «своего» и перспективного) либо (в случае неуспешной адаптации) снижаются и ослабляются.

В таком двухстороннем индивидуально-коллективном адаптационном взаимодействии возникает определенная мотивационная нестыковка. Дело в том, что высшая школа ориентировала своих студентов на определенный стандарт в получении знаний, на превращение каждого из них в среднестатистического специалиста, одновременно поощряя индивидуальное творчество, прежде всего участие в научно-исследовательской работе. В научном же коллективе новичок сталкивается с предельно индивидуализированными заданиями, поэтому от него требуется уже не столько усвоение уже имеющихся знаний, сколько формирование и реализация способности и навыков генерирования новой научной информации. Вследствие этого преимущественно генерализованная мотивация к занятию наукой, свойственная успешно занимающимся студентам, должна быть заменена гораздо более конкретной мотивацией молодого исследователя на успешное выполнение совершенно конкретной научной задачи.

В процессе включения молодого исследователя в научную школу, с адаптацией к особенностям функционирования этого специфического исследовательского сообщества важную направляющую роль выполняет руководитель научной школы. Такая роль обусловлена тем, что руководитель научной школы – это, как правило, ученый – личность, генератор новых гипотез и идей, способный создать творческий исследовательский коллектив открытого типа, не замыкающийся в рамках административных границ и шаблонов. Это человек, не только генерирующий новые идеи, проявляющий постоянную заботу о пополнении этого коллектива молодыми способными учениками, о становлении их инновационно мыслящими и действующими исследователями. Он обладает не часто встречающимся талантом исследователя – учителя, который не опасается, что кто-то украдет у него идеи, но легко отдает их своим ученикам и последователям, умеет подсказать, какими путями надо идти, чтобы стать настоящим исследователем, суметь сказать свое слово в науке. Это не просто учитель, преподающий готовые знания, а учитель-новатор, учитель-творец, создающий свою научную школу, идущий впереди нее и вместе с ней по неизведанным путям научного познания.

Именно такими качествами обладают многие руководители научных школ, функционирующих в Беларуси. Среди них следует выделить в первую очередь академика Б. И. Степанова, создавшего научную школу в области теоретической спектроскопии, лазерной физики и оптики рассеивающихся сред. В числе его учеников и последователей не только более полусотни докторов и кандидатов наук, но и академики НАН Беларуси П. А. Апанасевич, В. С. Бураков, А. П. Войтович, А. М. Гончаренко, В. А. Пилипович, А. С. Рубанов, каждый из которых возглавляет собственную научную школу.

Заслуженным авторитетом и большим влиянием в молодежной научной среде пользуется созданная и возглавляемая с конца 60-х годов XX в. академиком А. П. Достанко научная школа, которая развивает оригинальное инновационное научное направление «Программно-управляемый синтез микрогетерогенных многофункциональных слоистых структур радиационными электрофизическими методами». Участниками этой научной школы создано более 300 изобретений и патентов, комплекс из 21 технологического процесса, 16 типов высокопроизводительного оборудования, 17 новых материалов. Кроме того, за период ее функционирования подготовлены 10 докторов и 21 кандидат наук.

Существенное влияние на формирование у вузовской и производственной молодежи мотивационных установок на активное включение в научно-исследовательскую деятельность оказывает функционирующая в Белорусском национальном техническом университете научная школа, созданная под руководством доктора технических наук профессора Р. И. Фурунжиева, которая разрабатывает программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем. В состав этой школы входят 5 докторов наук, которые руководят научными разработками, осуществляемыми большим количеством способной молодежи, в том числе и теми, кто обучается в аспирантуре и готовится к защите диссертации. Исследователями, входящими в состав данной научной школы, разработаны новые концепции, методы и алгоритмы адаптивного компьютерного управления системами, в том числе нелинейными. Ими создан новый класс высокоэффективных унифицированных алгоритмов цифрового управления, обеспечивающих задание многих желаемых свойств движения (критерия качества) управляемых систем при их гарантированной устойчивости, сочетающих высокую точность и быстродействие. Полученные алгоритмы управления ориентированы на компьютерную реализацию и позволяют начать выпуск контроллеров и других электронных компонентов интеллектуальных систем управления нового поколения.

Существенное мотивационное влияние на активное включение молодежи в исследовательскую деятельность оказывают также научная школа в области исследования структурной и химической модификации целлюлозы, функционирующая в Белорусском государственном университете под руководством академика Ф. Н. Капуцкого, алгебраическая научная школа, занимающаяся исследованиями по теории конечных групп, созданная академиком С. А. Чунихиным в Гомельском государственном университете, научная школа по экономической социологии, действующая под руководством профессора Г. Н. Соколовой в Институте социологии НАН Беларуси и Белорусском государственном университете.

Каждая из этих научных школ (равно как и многие другие) представляет своеобразное, четко специализированное и эффективно действующее научное сообщество, в котором органично взаимодействуют опытные и высококвалифицированные специалисты с молодыми исследователями. Организуя вокруг себя научную молодежь, помогая ей выбирать самостоятельные и перспективные пути исследований в определенной области научного знания, проявляются

молодые научные таланты. Формируя в своих сподвижниках и учениках высокую мотивацию к научной деятельности, она становится подлинным научным инкубатором.

Наряду с научными школами важную роль в мотивации молодых людей к научно-исследовательской деятельности выполняют научные фонды, создаваемые выдающимися учеными. Многие одаренные школьники и студенты, а затем и аспиранты Беларуси являются стипендиатами учрежденного в 2008 г. Международного Алферовского фонда поддержки образования и науки. Его учредителем стал уроженец Витебска, бывший ученик Минской средней школы № 42, ставший одним из «отцов» современных информационных технологий, нобелевский лауреат Жорес Иванович Алферов. Не только в России и Беларуси, но и во Франции, Германии и ряде других стран высоким авторитетом обладает созданная им научная школа, действующая в области физики полупроводниковых гетероструктур и их применения, ставшая своеобразным индикатором для нескольких новых научных школ, руководимых учениками Ж. Алферова. За счет своих личных средств этот всемирно известный академик создал фонд поддержки образования и науки, который открыл путь в науку многим школьникам и студентам из разных стран. В марте 2009 г. лауреатами этого престижного фонда стали юноши и девушки из лицея при Белорусском национальном техническом университете, Витебской гимназии, средней школы из райцентра Чашники, Любаньской гимназии. Лауреатами этого фонда стали также талантливые молодые исследователи из Белорусского, Брестского, Полоцкого государственных университетов, Минского университета информатики и радиоэлектроники. Примечательно, что председателем правления Алферовского фонда является академик НАН Беларуси А. А. Достанко, некогда бывший участником Алферовской научной школы и защитивший там докторскую диссертацию по микроэлектронике, а ныне сам являющийся руководителем созданной им научной школы.

Таким образом создается и действует своеобразная научная эстафета различных поколений, помогающая молодежи избрать путь в науку и мотивирующая ее активное участие в области научно-исследовательской деятельности. В результате срабатывает социальный механизм специфического «научного каскада», когда идеи, методологические принципы, приемы исследования и теоретической концептуализации их результатов «каскадируют» от первопроходцев к ученикам и последователям первого поколения, от них – к последователям этих учеников, ставших учителями следующих поколений исследователей данного научного направления. Так создается «вечный двигатель» саморазвития науки, генерирования ее новых и новых научных знаний.

Литература

1. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые. – СПб., 2005. – 576 с.
2. Ваганов, А. А. Неформальное объединение ученых. Ведущие научные школы как инкубаторы новых кадров для науки // Независимая газета – наука. – 2008. – 14 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ng.ru/printed/210407>.

3. Зербино, Д. Д. Научная школа как феномен / Д. Д. Зербино; Акад. наук Украины. – Киев: Наук. думка, 1994. – 134 с.

4. Мирская, Е. З. Научные школы: история, проблемы и перспективы / Е. З. Мирская // Наукоедение и новые тенденции в развитии российской науки / под ред. А. Г. Аллахвердяна [и др.]. – М.: «Логос», 2005. – 308 с.

5. Розов, Н. Х. Понятие «научная школа» и проблема финансирования науки в России / Н. Х. Розов // Педагогика. – 2007. – № 8. – С. 103 – 113.

6. Шестак, Н. В. Роль научных школ в подготовке молодых ученых / Н. В. Шестак, С. Ю. Астанина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.muh.ru/Docs/niipo/30_2006.htm?user=caae910f81eflcb713432f41a19096fa.

E. S. BABOSOVA

**THE ROLE OF SCIENTIFIC SCHOOLS IN DEVELOPMENT
OF MOTIVATION OF THE YOUTH TO SCIENTIFIC ACTIVITY**

Summary

Scientific communities and their effect on the youth's motivation for the research activity are shown. The author emphasizes that activity of collectives of the research institutes, laboratories, chairs and scientific schools headed by the eminent scholars has a great importance for involvement of young people in the sphere of science and for development of their research activity.

М. Н. ХУРС,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

УЧЕНЫЕ СТЕПЕНИ И ЗВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА МОТИВАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется практика присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий в контексте проблем совершенствования механизма мотивации научной деятельности, рекомендуется ряд мер по ее модернизации с учетом задач по инновационному развитию республики.

В настоящее время за счет использования достижений науки в наиболее экономически развитых странах обеспечивается до 70% роста ВВП. Особое значение в общественном развитии этот фактор приобретает для стран с ограниченными собственными энергосырьевыми ресурсами (Япония, США, многие страны Европы, Азии и других континентов). К этим странам с полным основанием можно отнести и Республику Беларусь, находящуюся в схожей с ними ситуации с энергоресурсообеспечением, сделавшую науку основным приоритетом и задекларировавшую инновационный путь как основной механизм реализации целей социально-экономического развития. Лучше представить анализируемую проблемную ситуацию, как нам представляется, поможет беспристрастная сравнительная статистика по наиболее значимым показателям состояния научно-технической сферы и ее вклада в социально-экономическое развитие страны. Это сравнение показывает, что ситуация в научно-технической сфере страны противоречива, неоднозначна и по многим позициям весьма тревожна. Так, по этим данным [1], численность научных работников начиная с 1990 г. ежегодно сокращалась и уменьшилась к 2004 г. в 3,7 раза (со 107,3 тыс. в 1990 г. до 28,8 тыс. в 2004 г.). Принятые экономические меры (увеличение объемов финансирования науки) позволили изменить ситуацию к лучшему. В итоге численность научных работников к концу 2006 г. возросла до 30 544 чел., а в 2007 г. составила 31 200 чел. За последние 2–3 года в 2 раза выросло число выданных патентов на изобретения. Это свидетельствует о том, что любое увеличение вклада в развитие науки окупается сторицей.

Вместе с тем анализ показателей отдачи науки общественному развитию говорит о недостаточном использовании имеющегося в стране (одного из самых высоких в мире по отношению к численности населения) интеллектуаль-

ного потенциала. По одному из важнейших показателей эффективности науки – наукоемкости ВВП Беларусь уступает не только наиболее экономически развитым странам, но и России и Украине, где эти показатели составляют соответственно 1,4 и 1,2%. В нашей республике этот показатель «стабилизировался» в последнее время на уровне 0,7% (для сравнения – в 1990 г. он составлял 2,11%), в экономически развитых странах он находится на уровне 2,3%. Крайне низка (на уровне 5%) в структуре добавленной стоимости доля выпускаемой в стране высокотехнологичной продукции. В США этот показатель составляет 25,8%, в Финляндии – 19,3%. Экспорт высоких технологий у нас в стране находится на уровне 4%, в то время как в наиболее развитых странах он превышает 50% и даже в схожей с нами по масштабам Венгрии составляет 26%. Очевидно, что изменение ситуации в этом вопросе, приведение ее к образцам стран, в число которых мы стремимся попасть, должно быть положено в основу наших планов и намерений по инновационному обновлению страны. Практика убедительно доказала, что для того, чтобы сделать инновационный прорыв, любое поставившее перед собой такую цель общество должно выполнить как минимум три следующих условия:

1. Четко сформулировать стратегию и тактику, определить основные направления, пути и механизмы достижения поставленной цели.

2. Разработать комплексную целевую программу научного обеспечения процесса инновационного развития с постановкой в ней конкретных задач фундаментальной, отраслевой, вузовской и другой науке и включением в нее подпрограммы по подготовке необходимых для этого кадров высшей квалификации.

3. Предусмотреть гарантированное финансовое обеспечение процесса инновационного развития в отношении к объему ВВП на уровне наиболее экономически развитых стран.

Причем, с нашей точки зрения, одним из важнейших аспектов успешного решения этой судьбоносной для страны задачи, наряду с финансовыми, организационными, правовыми и другими, является проблема подготовки кадров высшей квалификации для сфер науки и государственного управления. Как показывает мировая практика, наиболее эффективно в решении этой задачи может помочь постоянное целенаправленное совершенствование практики присуждения и присвоения ученых степеней и званий как завершающего звена в создании соответствующей цели и задачам инновационного прорыва системы обеспечения всех отраслей экономики кадрами высшей квалификации.

Даже общий анализ ситуации в этом вопросе свидетельствует о том, что существующая в нашей стране практика явно устарела. Она не только не способствует достижению целей инновационного развития, но и, что становится все более очевидным, начинает тормозить этот процесс. Попробуем обосновать эту точку зрения на конкретных примерах. По логике целеполагания инновационного прорыва практика присуждения ученых степеней и званий должна была бы не только выступать основным стимулом к занятию тем или

иным видом научной деятельности, но и нацеливать ученого на высокий конечный результат, решение важных прикладных задач: выдвижение и обоснование новых идей, создание прогрессивных производственных и социальных технологий, высокопроизводительных машин и механизмов, наноматериалов; энергоресурсосбережение и импортозамещение и по другим, значимым для развития страны, направлениям. Как же добиться этого? Жизнь давно уже дала ответ на этот вопрос: нужно кардинально модернизировать или даже поменять действующую систему оценки результатов научного труда и практику присвоения ученых степеней и званий. Становится все более очевидным, что система присвоения ученых степеней и званий в ее существующем виде применима, да и то при условии ее значительной модернизации под новые задачи, только лишь для сферы высшего образования. Хотя и здесь проблем много. Например, одним из требований к диссертационному исследованию является опубликование определенного количества статей в научных изданиях, утвержденных перечнем ВАК [2, пункт 18]. При этом научные публикации по теме диссертации в других изданиях являются необязательными и не учитываются при подсчете обязательного объема статей.

Или другой, сам за себя говорящий пример организационного алогизма при защите диссертаций на соискание ученых степеней. Как известно, диссертационные работы проходят предзащиту в профильных проблеме научных структурах (кафедры, центры и отделы научных организаций, вузов, методические и ученые советы и т. д.), рецензируются оппонирующими организациями и официальными оппонентами из числа наиболее известных, профильных работе ученых. Затем они проходят определенную экспертизу в специализированном совете. И наконец, проходят публичную защиту в утверждаемых ВАК специализированных советах, в состав которых входят установленное количество наиболее известных и авторитетных в научном сообществе докторов наук. Все, кто проходил этот путь, знают, как непросто взять эту квалификационную планку. Но оказывается, что взятие ее никаких гарантий соискателю еще не дает. Нужно затем пройти экспертный совет и президиум ВАК, а что происходит там, хорошо иллюстрируют следующие данные.

По статистике присуждения ученых степеней за 2008 г. 10% (а по гуманитарным наукам – почти 20%) успешно защитившихся в специализированных советах соискателей ученых степеней «забракованы» ВАК. Чей же это брак: самих соискателей, их научных руководителей; структур, где они проходили предзащиту, оппонирующих организаций и официальных оппонентов, экспертов и президиума ВАК? Однозначного ответа, на наш взгляд, нет. В каждом отдельном случае пропорции перечисленных виновников данной ситуации будут разными. Вместе с тем независимо от чьей-то доли вины практически – это большое количество полуманых судеб молодых людей, достаточно твердо сориентировавшихся на научную деятельность. Как сложится их дальнейшая судьба, останутся ли они в этой сфере, уйдут ли в другую, куда и с каким настроением? Видимо, идущая в научном сообществе дискуссия о значитель-

ной доле субъективизма в процессе защиты ученых степеней, и в особенности на стадии их утверждения в ВАК, имеет под собой почву. Получается, что много лет занимавшийся изучением той или иной проблемы соискатель ученой степени, его научный руководитель, ученые кафедр, оппонировавшей организации, официальные оппоненты, члены специализированного совета, где проходит защита, так и не разобрались в проблеме, а эксперт ВАК – разобрался.

В практике присвоения ученых степеней за последнее время появилась новая серьезная проблема – присвоение магистра. Суть в том, что к ее введению оказалась практически не подготовлена организационная и правовая база, ее получение на сегодняшний день никак не простимулировано. Предполагается, что магистр – промежуточная ступень к соисканию ученой степени кандидата наук и гарантия для зачисления в аспирантуру. Он, как правило, защищается в мае-июне, прием же в аспирантуру осуществляется в ноябре. Что ему делать в это время, за что жить? Это по части статуса. Такова же ситуация и со стимулированием получения этой степени. Логика подсказывает, что если она уже есть, то почему бы не дать ему за нее две ставки первого разряда по аналогии со стимулированием получения степеней кандидата или доктора наук. Получается что мы, слепо скопировав зарубежный опыт в этом вопросе, никак не адаптировали его к нашей практике.

Так что же делать, чтобы практика присвоения ученых степеней и званий стимулировала высокий результат научного работника, обеспечивала необходимый стране инновационный прорыв, поднимала престиж ученого и укрепляла имидж науки в обществе? Как нам представляется, необходима ее комплексная, глубокая, предметная модернизация с учетом реалий социально-экономической ситуации, намеченных приоритетов развития страны и в первую очередь решения задач ее инновационного прорыва. Эта практика должна в максимально полной степени учитывать специфику академической, отраслевой, производственной и другой науки с учетом их роли и места в ряду целеполагания и задач по обеспечению инновационного обновления страны. Для этого необходимо, чтобы каждая подотрасль науки имела свои критерии оценки результата труда научного работника, а модернизированные положение и регламент присвоения ученых степеней и званий учитывали эту специфику, исходили из этих критериев и значимости полученного научного результата соискателя. Например, ученый совершил открытие. По его подтверждению ему установленным порядком должны быть напрямую присвоены полномочным на то органом (Совет Министров, ВАК) ученая степень доктора в своей отрасли науки и ученое звание академика. Разработал новую технологию, создал не имеющие аналога станок, машину, оборудование, композитный материал, импортозамещающую и энерго- и ресурсосберегающую продукцию – после подтверждения экономического и социального эффекта ему также за эти достижения должны быть присвоены соответствующие ученая степень и звание. Аналогично должна быть перестроена и эта практика в гуманитарной сфере перечисленных выше подотраслей науки. В ее основу необ-

ходимо положить принцип защиты ученой степени по совокупности трудов. Глубоко убеждены, что такой подход лучше всяких лозунгов и директивных критериев сподвигнет ученого к научному поиску, наполнит смыслом его труд, нацелит его на решение реальных проблем развития страны и высокий конечный результат. Очевидно, что он будет способствовать существенному сокращению тернистого и многотрудного пути «От идеи – до ее материализации в инновационном продукте»; быстрее, прочнее и продуктивнее свяжет науку с практикой, повысит ее востребованность и престиж в обществе. При этом следует иметь в виду, что совершенствование практики присуждения ученых степеней и званий является значимым, сущностным, но далеко не единственным механизмом развития научно-технической сферы страны, мотивации к научной деятельности и стимулом ее высокого конечного результата.

Не менее значимы как мотиваторы к научной деятельности престиж и востребованность науки, эффективность системы материального и морального стимулирования труда ученого, его социальная защищенность и ряд других. При нынешней, крайне усложненной и слабо поддающейся логическому объяснению сложившейся системе защиты диссертаций и присвоения ученых званий нам представляется проблемной возможность воспроизводства научных кадров высшей квалификации в требуемых целеполаганием инновационного прорыва объемах. По данным статистики [3], численность работников, выполнявших научные исследования и разработки с учеными степенями, постоянно сокращается. Так, если в 2000 г. число исследователей с учеными степенями составляло 4666 чел., то в 2006 г. – 3925 чел. По этим же данным, средний возраст исследователей с ученой степенью доктора наук на сегодняшний день составляет более 60 лет. Положение складывается критическое. Если не будут приняты экстренные и эффективные меры по исправлению сложившейся ситуации и сохранятся нынешние темпы их воспроизводства (53 чел. за 2008 г.), то через 5–10 лет ученых со степенями, и в первую очередь докторов наук, просто не будет.

Может ли Беларусь позволить себе допустить такую ситуацию в кадровом обеспечении научно-технической сферы, о каком развитии науки и инновационном прорыве тогда пойдет речь, кто их будет обеспечивать? Мировое сообщество, всячески стимулируя исследователя к получению ученой степени и звания, не забывает и о других механизмах мотивации к научной деятельности и ее результативности, и в первую очередь о стимулировании исследователей без этих степеней и званий. Делается это за счет преференций и льгот исследовательским организациям, обеспечения высокого уровня оплаты труда научных работников, повышения их социальной защищенности. Обладая интеллектуальным потенциалом на уровне наиболее развитых стран, Беларусь имеет реальную возможность быстрыми темпами развивать науку и с ее помощью обеспечивать рост и конкурентоспособность своей экономики. Но чтобы отечественная наука смогла успешно выполнять свою высокую миссию, ей нужно соответствующее материально-финансовое обеспечение. Необходимо довести до стандартов передовых стран материальную базу науч-

ных организаций. Чтобы выйти на такой уровень финансирования науки, как в близких к нам по численности населения и по ресурсному обеспечению Чехии или Бельгии, затраты на одного исследователя необходимо повысить как минимум в 4 раза.

Государство не должно экономить на науке. Уже сегодня становится очевидным, что недофинансирование науки является основным тормозом в развитии и конкурентоспособности нашей экономики, ее инновационном обновлении. Как нам представляется, необходимо вернуться к советской практике стимулирования труда ученого, когда было законодательно закреплено положение о том, что зарплата научного работника должна быть в 1,5 раза выше, чем у соответствующего его должностному статусу работника промышленности. Все мы знаем, как это работало на престиж ученого и мотивировало его к занятию этим видом деятельности. Причем эти вопросы необходимо решать продуманно, взвешенно и комплексно. Никто не станет отрицать важность подготовки для науки через аспирантуру кадров высшей квалификации, сочетающих в себе университетскую широту и академическую фундаментальность с высоким уровнем мотивированности к научной, творческой деятельности. Вместе с тем нельзя признать нормальным и положение, когда стипендия аспиранта превышает практически в 2 раза должностной оклад старшего научного сотрудника. К чему это ведет, все прекрасно знают: мотивированный на научную деятельность аспирант, поступив на работу после окончания учебы в научную организацию и столкнувшись с реалиями стимулирования труда, в большинстве случаев «перемотивируется» и уходит в другие сферы деятельности. Сколько это несет экономических потерь и социальных издержек, легко подсчитать соответствующим органам госуправления. Причем в данном случае вопрос должен ставиться не о понижении стипендии аспирантам.

С кадрами науки необходимо работать очень умело, комплексно и бережно. По оценкам экспертов, в любом обществе только 10% его членов способны к творчеству, а к научному, видимо, еще меньше. Их нужно найти, заинтересовать. Кроме того, процесс становления исследователя затратен и длителен; занимает, в зависимости от научной специализации, 5–10 и даже более лет. Понятно, что уход таких специалистов в иные сферы несет серьезные экономические и социальные издержки. В настоящее время в белорусской науке занято около 0,7% трудоспособного населения. Очевидно, что необходимые затраты на социальную поддержку нашего ученого будут не так уж и велики. Тем более, что как показывает практика, вклад в развитие науки является одним из наиболее окупаемых. Думаем, что даже скооперированным «синклитом мудрецов» ведомств, имеющих прямое или косвенное отношение к проблемам развития научно-технической сферы, их не решить. Здесь нужен консолидированный коллективный разум всего научного сообщества, глубокие и предметные правовые, экономические и в первую очередь социологические исследования в мониторинговом режиме по всему спектру основных проблем развития науки, широкое обсуждение их результатов на научных конференциях

регионального, отраслевого, республиканского и международного уровня. Как нам представляется, в тематику этого мониторинга должны быть поставлены следующие проблемы:

1. Изучение в динамике и ранжирование всего спектра проблем развития научно-технической сферы.

2. Исследование мотивации к научному труду, степени удовлетворенности его условиями и материально-технической базой, морально-психологическим климатом в научных коллективах, оценка эффективности существующих критериев результатов труда.

3. Экспертная оценка ведущими учеными, руководителями органов государственного управления инновационной восприимчивости, востребованности практикой научных идей и разработок.

4. Изучение эффективности системы подготовки кадров высшей квалификации и практики присвоения ученых степеней и званий как важнейшего стимула к высокому конечному результату научных работников.

5. Изучение, в исторической ретроспективе, отечественного и зарубежного опыта поддержки науки, развития научно-технической сферы, повышения ее вклада в национальное и мировое социально-экономическое развитие.

Очевидно, что простых решений не будет и понадобится ряд организационных, правовых и социально-экономических экспериментов по внедрению того или иного новшества, в том числе и в практику присвоения ученых званий и степеней. В этом плане в задачи мониторинга необходимо ставить качественное социологическое обеспечение на всех этапах этих экспериментов. Думаем, что более предметная и лучшая задействованность социологической науки в решение проблем развития научно-технической сферы придаст процессу инновационного обновления страны необходимые динамизм, ускорение и результативность.

Литература

1. Статистический ежегодник. Республика Беларусь, 2007 (стат. сб.) – Минск: Минстат РБ, 2007. – 567 с.
2. Положение о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 2006 г. – 2006. – № 142, 1/7843.
3. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2006 года: аналитический доклад / А. Н. Коршунов [и др.] – Минск: ГУ «БелИСА», 2007. – 123 с.

M. N. KHURS

SCIENTIFIC DEGREES AND TITLES IN THE CONTEXT OF PERFECTION OF THE MECHANISM OF MOTIVATION OF SCIENTIFIC ACTIVITY

Summary

The article analyzes the practice of conferring of academic degrees and ranks in the frameworks of problems of improvement of the mechanism of motivation for the research activity, a number of measures for its modernization is recommended taking into consideration the objectives of innovative development of the Republic.

И. Н. ШАРЫЙ,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В НАУКЕ И ЕЕ МОЛОДЕЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье представлены результаты социологического исследования особенностей кадровой политики в науке и ее молодежной составляющей. Выявлены основные тенденции омоложения кадрового состава белорусской науки в условиях становления инновационной экономики. Представлены результаты исследования качественного состава и профессиональных установок аспирантов очной формы обучения НАН Беларуси. Сделан вывод о необходимости уделить повышенное внимание не только уровню подготовки поступающих в аспирантуру, но и вопросам их профессиональной мотивации.

Одним из важнейших направлений современной государственной политики является переход страны к инновационной экономике, в которой создание и использование результатов научной деятельности является главным условием устойчивого экономического роста. Успешность перехода к инновационной экономике во многом зависит от имеющегося кадрового потенциала науки и соответствующей кадровой политики. Кадровая политика в сфере науки является деятельностью по созданию системы формирования, развития и эффективного использования кадрового потенциала науки для эффективного решения актуальных научных, экономических и социальных задач страны. Основные направления государственной кадровой политики, включая направления кадровой политики в научно-инновационной сфере, представлены в Концепции государственной кадровой политики, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь № 399 от 18.07.2001 г., в Концепции развития науки на период до 2015 г. и Государственной программе инновационного развития на 2007–2010 гг. В Государственной программе инновационного развития на 2007–2010 гг. определено, что важнейшими задачами государственной политики в целях сохранения и развития кадрового потенциала научно-инновационного комплекса страны являются следующие: повышение уровня оплаты научного труда, экономической и социальной защищенности ученых, престижа научной деятельности, омоложение кадрового состава науки.

Государственная кадровая политика в сфере науки в последние годы проводится особенно активно – стабилизировалась общая численность научных работников, увеличился приток молодежи в науку, выросли заработная плата

научных работников высшей квалификации и стипендии аспирантов, впервые сформирован перспективный кадровый резерв руководящих работников, повышается роль кадрового резерва, развивается система повышения квалификации руководящих работников науки, введена практика заключения контрактов с научными работниками.

Большое внимание в последние годы уделялось молодежной составляющей кадровой политики в сфере науки. В Беларуси активно формируется система государственной поддержки молодых ученых, которая представляет собой совокупность различных форм поддержки, имеющих свои конкретные цели, ориентированные на определенные категории молодежи. Особое место в системе государственной поддержки молодежи занимает специальный фонд Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов. Программы фонда ориентированы на поддержку студентов, которые достигли наилучших результатов в учебе или стали победителями международных и республиканских олимпиад и конкурсов, учащихся, которые стали победителями международных и республиканских олимпиад и конкурсов, а также творческих коллективов учащихся и студентов. В 1998 г. были учреждены стипендии Президента Республики Беларусь талантливым молодым ученым. В настоящее время молодые ученые, которые достигли наилучших результатов в научной, научно-технической, инновационной деятельности, получают ежегодно 100 стипендий Президента Республики Беларусь. Важное место поддержке творческой активности молодежи уделено в республиканской программе «Молодежь Беларуси». В соответствии с планом мероприятий программы на это направлены подразделы программы – «Развитие творческой инициативы и поддержка талантливой молодежи» и «Поддержка научно-технического творчества молодежи». Система государственной поддержки молодых ученых получила значительный импульс для развития в рамках Государственной программы «Молодые таланты Беларуси», которая принята в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 310 от 10 мая 2006 г. в целях создания условий для выявления, развития, поддержки и социальной защиты талантливой молодежи. Среди направлений программы предусмотрена реализация комплекса мер для более эффективного включения талантливой молодежи в интеллектуальную и творческую деятельность.

Необходимо учитывать происходящие изменения кадрового состава науки. На рис. 1 приведены сравнительные данные об изменении возрастной структуры работников отрасли «Наука и научное обслуживание» за период с 2000 по 2009 г. Представленные данные можно рассматривать как результат кадровой политики в целом, выделив при этом молодежную составляющую. Доля работников в возрасте до 29 лет в общей численности работников отрасли «Наука и научное обслуживание» с 2000 по 2009 г. выросла на 7,4 п. п. В возрастной структуре численности работников отрасли продолжается сокращение доли работников в возрасте от 30 до 39 лет. В отрасли «Наука и научное обслуживание» за рассматриваемый период доля этой возрастной категории

сократилась на 4,9 п. п. В возрастной категории от 40 до 49 лет сокращение доли работников произошло еще интенсивнее. Доля работников отрасли в возрасте 40–49 лет сократилась на 10,4 п. п. Следует отметить, что с 2009 г. впервые численность работников отрасли в возрастной категории 40–49 лет стала меньше, чем в возрастной категории до 29 лет (23,0 и 21,3% соответственно). Таким образом, провал в возрастной структуре работников отрасли «Наука и научное обслуживание» расширился. Доля работников не только в возрасте 30–39 лет, но и в возрасте 40–49 лет стала меньше, чем доля работников в возрасте до 29 лет и в возрасте более 50 лет. В возрастной структуре работников отрасли «Наука и научное обслуживание» доля возрастной категории работников в возрасте старше 50 лет выросла за рассматриваемый период на 7,8 п. п., т. е. больше, чем доля работников в возрасте до 29 лет (рост 7,4 п. п.).

В целом, как следует из представленных данных, изменения носят неоднозначный характер. В возрастной структуре работников отрасли «Наука и научное обслуживание» резко выросла доля молодежи, но еще в большей мере выросла доля работников в возрасте старше 50 лет. Если учесть, что в научной сфере к молодежи относят работников в возрасте до 35 и даже до 40 лет, то, очевидно, что омоложение кадрового состава в рассматриваемой отрасли пока носит односторонний характер, сокращение доли работников в возрасте от 30 до 39 лет явно указывает на остроту проблемы с закреплением кадров. Таким образом, уникальность сложившейся ситуации состоит в том, что быстро увеличивается доля наиболее молодых работников и доля работников старших возрастов, в основном в возрасте старше 55 лет, при этом сокращается доля работников средних возрастов от 30 до 49 лет.

Данные по отрасли «Наука и научное обслуживание» позволяют выявить наиболее общие тенденции изменения возрастной структуры работников. При

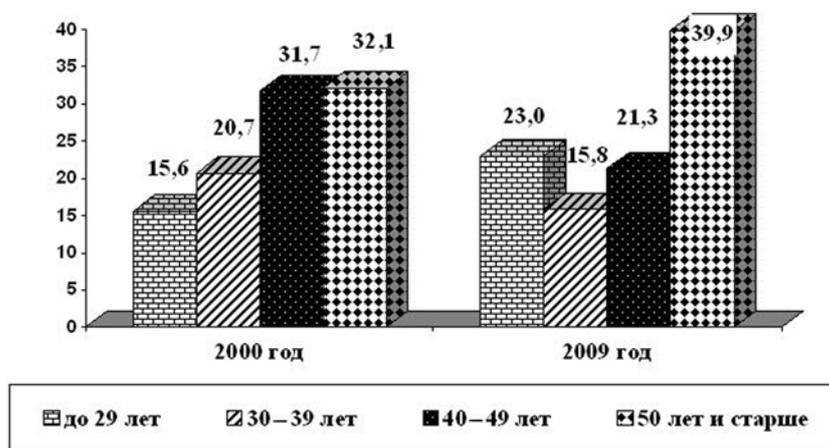

Рис. 1. Изменение возрастной структуры работников отрасли «Наука и научное обслуживание» с 2000 по 2009 г., %

этом в состав работников включаются руководители, специалисты, служащие и рабочие. Для оценки перспектив развития кадрового потенциала науки определяющее значение имеет анализ изменения возрастной структуры исследователей. Исследователи – работники, профессионально занимающиеся научными исследованиями и разработками и непосредственно осуществляющие создание новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также управление этими видами деятельности. Исследователи обычно имеют законченное высшее образование.

В сфере науки, а также в учреждениях высшего образования сконцентрирован основной контингент кадров высшей научной квалификации – кандидатов и докторов наук. Требования к квалификации исследователей являются особенно высокими. Например, из общей численности исследователей НАН Беларуси почти 40% имеют ученую степень доктора или кандидата наук. В целом по республике ученую степень имеют 20% исследователей.

На рис. 2 представлены данные об изменении возрастной структуры кандидатов наук из числа исследователей. В целом общие тенденции, выявленные при анализе изменения возрастной структуры работников отрасли «Наука и научное обслуживание», проявляются и в отношении исследователей, имеющих ученую степень кандидата наук. За рассматриваемый период времени устойчивый рост исследователей был в возрастной категории до 39 лет и старше 60 лет. Доля кандидатов наук в возрасте до 39 лет выросла на 6,4 п. п., а в возрастной категории старше 60 лет – на 9,3 п. п. В наибольшей степени сократилась доля кандидатов наук в возрасте 40–49 лет – на 13,7 п. п. Сокращение кандидатов наук в возрастной категории 50–59 лет было относительно небольшим – на 2,1 п. п.

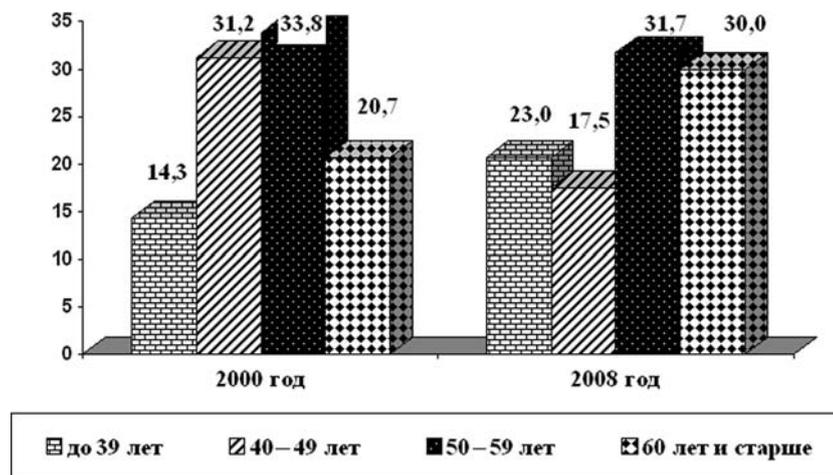

Рис. 2. Динамика возрастной структуры кандидатов наук из числа исследователей в Республике Беларусь за период с 1996 по 2008 г., %

Как следует из данных, представленных на рис. 2, в возрастной структуре кандидатов наук образовался «провал» – доля работников в возрастной категории 40–49 лет стала меньше, чем в возрастной категории до 39 лет и 50–59 лет. При сохранении сложившихся условий велика вероятность того, что описанная тенденция получит развитие – доля кандидатов наук в возрасте от 40 до 49 лет будет сокращаться. Рост доли кандидатов наук в возрастной категории до 39 лет явно свидетельствует о результативности молодежной политики в науке, однако увеличение доли кандидатов наук старших возрастных категорий указывает на продолжающееся в целом старение научных работников высшей научной квалификации.

Для комплексной оценки воспроизводственных процессов в научной сфере необходимо рассмотреть динамику численности докторов наук из числа исследователей с 1996 по 2008 г. с учетом различных возрастных категорий. Соответствующие данные представлены на рис. 3. Изменение численности докторов наук различных возрастных категорий существенно отличается. В целом за период с 1996 по 2008 г. численность докторов наук сократилась незначительно – на 2,3%. В возрастной категории 60 лет и старше численность докторов наук выросла на 55%, в возрастной категории 50–59 лет – сократилась на 20%.

В возрастной категории до 49 лет численность докторов наук сократилась в 3,2 раза. Таким образом, в этой квалификационно-возрастной категории исследователей омоложения состава не произошло. Наоборот, продолжается явно выраженное старение кадрового состава докторов наук из числа исследователей.

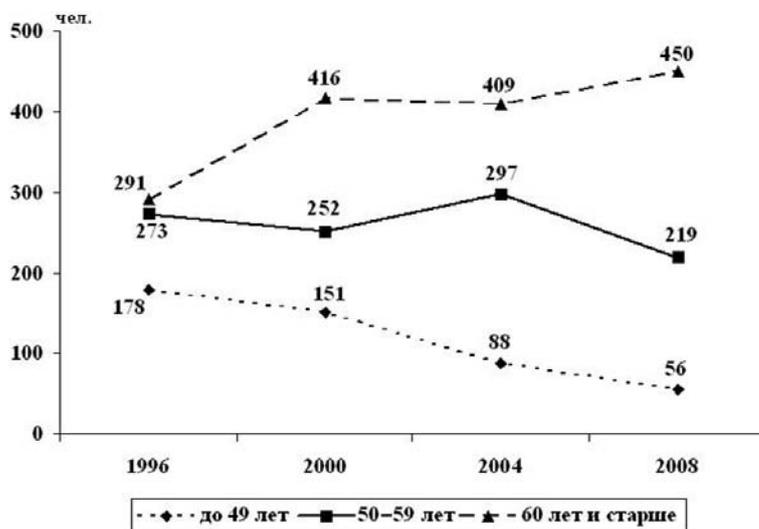

Рис. 3. Динамика численности докторов наук из числа исследователей с 1996 по 2008 г. по возрастным категориям

Если в 1996 г. численность докторов наук в возрастной категории 60 лет и старше в 1,63 раза превышала численность докторов наук в возрастной категории до 49 лет, то в 2008 г. – уже в 4,6 раза, а в 2008 г. – в 8 раз. Наибольшую тревогу вызывает положение молодых докторов наук. Сокращение численности докторов наук в возрасте до 49 лет носило обвальный характер. Следует обратить внимание на то, что за период с 1994 по 2008 г. численность молодых докторов наук в возрасте до 39 лет в Республике Беларусь сократилась в 7,7 раза – с 23 до 3 человек.

В октябре-ноябре 2008 г. сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров Института социологии НАН Беларуси проведено исследование социально-экономических проблем, особенностей мотивации и профессиональных установок аспирантов очной формы обучения НАН Беларуси. Был проведен сплошной анкетный опрос. В результате исследования получены ответы от 328 аспирантов-очников, что составляло 84% от общей численности аспирантов очной формы обучения НАН Беларуси. Из общего числа участвующих в опросе доля мужчин составила 53,8%, доля женщин – 46,2%.

Подавляющее большинство респондентов получили высшее образование за счет бюджетных средств – 90,5%. Анализ ответов аспирантов показал, что 42,8% из них закончили вуз с отличием. Подавляющее большинство опрошенных аспирантов очной формы обучения (72,4%) в студенческие годы занимались научными исследованиями. Одной из объективных характеристик научной активности молодежи является наличие опубликованных научных работ. Респондентам был задан вопрос: «Имели ли Вы научные публикации до поступления в аспирантуру?» Как следует из ответов респондентов, большинство из них – 65,3% от общего числа опрошенных – до поступления в очную аспирантуру НАН Беларуси имели научные публикации.

Как известно, далеко не все аспиранты после окончания аспирантуры продолжают работать в сфере науки. Для того чтобы выяснить, в какой мере респонденты ориентированы на научную карьеру, был задан вопрос: «Считаете ли Вы науку своим окончательным профессиональным выбором?» Из полученных данных следует: 27,4% респондентов считают науку своим профессиональным выбором в жизни, 24,3% – не считают науку своим окончательным выбором в жизни, 48,3% – пока не определились с ответом на вопрос о профессиональном выборе. С учетом полученных данных можно сделать вывод, что в рамках государственной политики в сфере подготовки научных кадров высшей квалификации необходимо уделить повышенное внимание не только уровню подготовки поступающих в аспирантуру, но и вопросам их профессиональной мотивации.

В результате активной государственной поддержки молодых ученых и аспирантов удалось за короткий промежуток времени восстановить высокую долю молодежи (до 23%) в возрастной структуре научных кадров, относительно стабильной остается в последние годы доля научных работников в возрасте старше 50 лет. В последние годы существенно выросло число молодых кандидатов

наук. Однако в целом продолжается старение научных кадров высшей квалификации, продолжает сокращаться доля научных работников средних возрастов, а также численность молодых докторов наук.

Как показывает проведенный анализ, обеспечение оптимального процесса воспроизводства кадрового потенциала науки остается пока проблематичным. В ближайшее время ситуация может обостриться из-за демографических проблем. В 90-е годы произошел большой спад рождаемости, поэтому к 2015 г. приток молодежи во все сферы экономики, в том числе в науку, резко сократится. Важно также учитывать возрастающую международную конкуренцию за наиболее перспективных и квалифицированных молодых ученых.

В современных условиях объективно необходима разработка и реализация новой эффективной государственной кадровой политики в науке, обеспечивающей устойчивое развитие ее кадрового потенциала в условиях перехода к инновационной экономике. Поскольку деформация возрастной структуры научных работников сохраняется, потребуются принятие дополнительных мер по оптимизации воспроизводственной структуры науки.

I. N. SHARY

**SCIENTIFIC STAFF POLICY IN SCIENCE AND ITS YOUTH COMPOSITE
UNDER DEVELOPMENT OF INNOVATIVE ECONOMY**

Summary

The article describes the results of a sociological survey of the peculiarities of personnel policy in the sphere of science and especially towards the youth. The main tendencies of the rejuvenation of scientific cadres of the Belarus science in the context of development of the innovative economy are revealed. The results of the research of the qualitative staff and professional orientations of post-graduate students of the National Academy of Sciences are given. According to the author's conclusion one should pay more attention not only to the level of education of those who enter the post-graduate courses but to their professional motivation.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.728:330.59

В. И. РУСЕЦКАЯ,

*доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ БЕЛОРУСОВ

В статье проанализированы полученные социологическими методами показатели динамики качества жизни населения Беларуси в период с 2004 по 2008 г. Данные исследований убедительно свидетельствуют о том, что в обществе отсутствуют условия для революционных изменений политической обстановки, а стабильность, прежде всего политическая и как следствие экономическая, создает условия для возможностей роста благосостояния людей.

Анализируя проблему исследования качества жизни, следует отметить существование различных концепций, связанных с определением данного понятия. Не вдаваясь в тонкости существования концепций мега- и мезоуровня, остановимся на наиболее существенном в нашем случае прикладном уровне. С этих позиций целесообразно выделить два пласта исследования, касающихся социологии качества жизни. Во-первых, определение статистических показателей качества жизни, так называемых объективных показателей; во-вторых, определение субъективных показателей качества жизни, исследуемых путем социологических опросов населения. Конкретизируя понятие качества жизни, отметим, что оно подразумевает степень удовлетворения потребностей и запросов личности. Сюда входят удовлетворенность материальных запросов, способы организации жизнедеятельности, связанные с социальными и культурными условиями, содержанием труда и досуга, удовлетворенность ими, степень комфортности в быту, удовлетворенность личности знаниями, саморазвитием, реализацией существующих в обществе моральных ценностей, средней продолжительностью жизни, уровнем заболеваемости, демографическими показателями. Для определения отдельных компонентов качества жизни применяется разработанный экспертами ООН интегральный показатель – Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который включает в себя три важнейших аспекта развития человека: показатель долгой и здоровой жизни, выражающийся в увеличении продолжительности жизни; индекс образованности, характеризующийся уровнем грамотности населения, а также количеством учащихся всех ступеней образования; показатель уровня жизни, измеряемый уровнем ВВП в расчете на душу населения.

Объективные показатели качества жизни населения включают 12 основных групп. Это прежде всего демографические характеристики населения, санитарно-гигиенические условия жизни, потребление продуктов питания, жилищные условия и обеспечение потребительскими благами длительного пользования, образование и культура, занятость и условия труда, доходы и расходы населения, стоимость жизни и потребительские цены, транспортные средства, организация отдыха, физкультура и спорт, социальное обеспечение, свобода человека.

Помимо объективных индикаторов качества жизни населения большое значение имеют субъективные, такие как удовлетворенность теми или иными сторонами жизни, удовлетворенность жизнью в целом, социальное самочувствие индивида. Многие исследователи предлагают включать в исследование измерение счастья. Предполагается, что именно ощущение счастья и удовлетворенности от жизни в целом где-то идентичны. Но, как показывают исследования российских социологов (А. Андреев), это далеко не так. Человек может испытывать счастье, находясь в браке или при каких-то иных, в основном эмоциональных, состояниях, но, например, от финансового благополучия он испытывает удовлетворенность. Планирование качества применительно к социальным процессам рассматривается как одна из ведущих задач, поскольку социальная сфера не может формально, по шаблону быть ориентирована на максимальное качество, которого невозможно достигнуть даже в производственной сфере. Главная идея «менеджмента качества жизни» заключается в том, что качество не должно быть стратифицировано, но должно быть адекватно представлениям людей о своей жизни, фактически речь идет об индивидуализации социологического подхода посредством концепции качества жизни.

Набор жизненных позиций, являющихся индикаторами качества жизни, может быть достаточно многочисленным, поэтому нами в данном исследовании был выбран подход, измеряемый с помощью социологического опроса, который в соотнесении с данными статистики даст возможность составить представление об исследуемом феномене. Качество жизни как система включает в себя непосредственную совокупность качеств человека и ряд качеств, отражающих его функционирование как личности: качество образования, качество культуры, качество среды обитания (экологии), качество социальной, экономической и политической организации общества.

К количественным характеристикам качества жизни относятся такие показатели, как степень удовлетворения потребностей и совокупность объективных условий жизнедеятельности, а именно:

материальная (физическая, вещественная) база для существования человека, состояние окружающей среды, материально-технические условия труда, быт, организация досуга, получение образования, а также используемые товары и услуги;

уровень развития здравоохранения;

политические условия существования человека;
 правовая и социальная защищенность, гарантированная конституцией;
 экономические условия существования человека, включающие состояние производства, эффективность экономических институтов, уровень энергетических и сырьевых запасов государства;
 нравственная обстановка в обществе;
 возможность творческого самовыражения, самореализации личности, свобода выбора вида социальной деятельности, жизненной позиции, стиля мышления и поведения, наличие права на собственное мнение.

Одним из основополагающих критериев материальной стороны качества жизни является материальное положение семьи. В мониторинговом исследовании Института социологии НАН Беларуси за 2008 г. хорошим его назвали 9% опрошенных по республиканской выборке людей. Еще 8,3% определили его скорее как хорошее. Однако 60,3% ответивших назвали материальное положение семьи средним, 13,3% – скорее плохим и 5,7% – плохим. Почти 19% считают его плохим. Правда, по сравнению с данными исследования 2004 г. в материальном положении семьи произошли некоторые изменения. В 2004 г. плохим его определяли более 32% респондентов (табл. 1).

Таблица 1. Оценка респондентами материального положения семьи, %

Оценка	2004 г.	2008 г.
Хорошее	4,5	9,0
Скорее хорошее	4,5	8,3
Среднее	54,8	60,3
Скорее плохое	18,0	13,3
Плохое	14,3	5,7
Затруднились ответить	3,9	2,7

Сравнивая данные исследований 2004 и 2008 гг., можно отметить некоторое улучшение материального положения семьи, зафиксированное в ответах респондентов. Так, хорошим и скорее хорошим в 2006 г. его определили вполнине больше ответивших, чем в 2004 г., средним его назвали на 5,5% больше, чем в 2004 г. Увеличение этого показателя, при том, что качество жизни осталось средним, все-таки характеризует некоторое его улучшение. Об улучшении материального положения семьи, а значит и качества ее жизни, свидетельствует и то, что на вопрос о том, как оно изменилось по сравнению с прошлым годом и в 2004 г., и в 2008 г., респонденты отмечают его улучшение (существенное и не очень) в первом случае почти на 29% и на 27% – во втором. Правда, почти 47% опрошенных сказали, что оно не изменилось. Ухудшение материального положения в 2004 г. отмечали более 21%, в 2008 г. этот показатель составил более 15%. Таким образом, можно утверждать, что качество жизни в его материальном выражении улучшается. По данным исследования 2008 г., прослеживается тенденция пусть незначительного, но увеличения доли респондентов, которым хватает средств на необходимые товары и услуги (табл. 2).

Таблица 2. Характеристика материального положения семьи, %

Вариант ответа	Год	
	2007	2008
Семье часто приходится отказываться даже от необходимых продуктов питания и одежды	23,3	21,0
Денег хватает только на необходимые продукты питания, одежду	57,6	56,1
Денег хватает на обеспеченную жизнь (продукты питания, одежду, бытовую технику, мебель, отдых)	17,0	21,1
Семья может позволить себе дорогие приобретения (недвижимость, автомобили), престижный отдых, образование	0,7	0,9

Значительная часть опрошенных отметили еще и то, что многие пункты из предложенного опросника для них неактуальны (например, дети уже выросли и не нужны расходы на обучение и воспитание в дошкольных и учебных учреждениях). Многие не тратят денег на мелкий ремонт и химчистку, так как делают эти работы сами, и это, конечно, невысоко характеризует качество жизни людей. Однако при социологическом анализе материального обеспечения населения важно отметить его положительную в целом динамику.

В качестве еще одного важного индикатора качества жизни людей большое значение имеет такой фактор, как здоровье личности. Показатели состояния здоровья личности в нашей стране нельзя отнести к благополучным. Так, существуют проблемы с экологической безопасностью в связи с проживанием значительного числа людей на радиационно загрязненных территориях, с производством на них продукции и товаров. Поэтому в социологических исследованиях зафиксирован небольшой процент людей, оценивающих состояние своего здоровья как хорошее (табл. 3).

Таблица 3. Оценка населением состояния здоровья, %

Оценка	2004 г.	2008 г.
Хорошее	14,9	14,9
Удовлетворительное	56,6	59,0
Плохое	25,3	20,7
Затруднились ответить	3,2	4,9
Нет ответа	–	0,5
Всего	100	100

В целом, судя по данным нашего исследования, удовлетворенность респондентов состоянием своего здоровья невысока и в течение 4 лет мало изменилась. Также хорошим его считают 14–15%, чуть более половины – удовлетворительным, плохим в 2004 г. – 25,3%, а в 2008 г. – 20,6%. Разница в ответах столь незначительна, что не влияет на общую неудовлетворительную картину состояния здоровья населения республики. Этому есть множество причин как экологического, так и материального порядка, но данный показа-

тель качества жизни людей не вызывает оптимизма. В то время как более трети опрошенных отмечают улучшение своего материального положения за последние три года, состояние здоровья людей не стало лучше, оно почти не изменилось, по крайней мере, более половины респондентов (55,7%) сказали, что оно осталось прежним.

С этим показателем тесно связаны демографические характеристики населения республики, такие как продолжительность жизни людей. По этому показателю республика находится в числе наиболее благополучных стран на пространстве СНГ. Однако он существенно ниже по сравнению со странами Западной Европы и США. Беларусь имеет более высокий показатель средней продолжительности жизни населения, чем другие республики бывшего СССР. Что касается непосредственно Минска, то в минувшем году средняя продолжительность жизни горожан составляла 71 год. В материалах, подготовленных специалистами Института социально-политических исследований со ссылкой на данные доклада Всемирной организации здравоохранения, приводятся следующие цифры. Наиболее высокой средняя продолжительность жизни в нашей республике была в 1964–1969 гг. – 73 года, а в 2003 г. – 68,5 лет. В 2005 г. **средняя продолжительность жизни мужчин составляла 63 года, женщин – 75 лет.** Средняя же продолжительность жизни по сравнению с 2003 г. несколько повысилась и составила 69 лет. В то же время этот показатель выше, чем, например, в России – 66,1 года, Туркменистане – 66,2, Молдове – 66,6, Казахстане – 64,6, Таджикистане – 67,6 года. Но это почти на 10 лет меньше, чем в развитых странах. Следующим важным показателем качества жизни населения является безопасность жизнедеятельности человека. О состоянии безопасности людей можно судить по данным статистики, свидетельствующим об уменьшении количества преступлений против личности, улучшении их раскрываемости. Но в данном случае нам важно отметить субъективное состояние защищенности и безопасности личности. Даже по сравнению с 2007 г. в 2008 г. показатель безопасности в своем жилище или на улицах города несколько вырос, но он еще далек от оптимального, выражающего действительно состояние полной безопасности личности (табл. 4).

Таблица 4. **Чувствуют всегда себя в безопасности, %**

Вариант ответа	2007 г.	2008 г.
В собственном жилище	65,1	68,2
На улицах своего места жительства	37,5	41,5
В общественных местах	29,4	32,4
Нигде	3,3	4,0

По данным мониторинговых опросов, проводимых Институтом социологии НАН Беларуси, более 90% опрошенных не оказывались жертвами каких-либо преступлений. Те же, кто ответил, что сталкивался с преступными действиями, как правило, не обращались в милицию. Так, если в 2004 г. люди не

обращались в органы правопорядка при различных правонарушениях, а почти 10% обращались, но не получили помощи, то в 2006 г. на этот вопрос более 60% просто не ответили, 30,8% не обращались в милицию, а 3,8% помощи не получили. Получили помощь при обращении в органы правопорядка только от 4,4 до 3,1% опрошенных. В то же время граждане достаточно часто сталкиваются с хулиганством (на улице, в подъезде и т. п.). Часто это происходит у 24,3% и у почти половины опрошенных – изредка. Более четверти граждан сталкиваются с насилием в семье, более 40% – с детской безнадзорностью, более пятой части – с наркоманией, уличной проституцией. Почти две трети граждан часто и изредка сталкиваются с пьянством. Так что с безопасностью личности в нашей республике тоже не все обстоит благополучно. Возможно, показатели, характеризующие безопасность личности, в нашей стране значительно лучше, чем, скажем, в России, но они далеки от оптимальных. Качество жизни как интегральный показатель в значительной мере определяется той политической обстановкой, которая существует в стране. Является ли повышение уровня жизни людей как одного из определяющих показателей ее качества стабильным и постоянным, а государство одним из важнейших приоритетов считает улучшение качества жизни своих граждан? Политическую обстановку в стране белорусы в большинстве своем оценивают как спокойную. Только 12% опрошенных назвали ее неопределенной, около 3% – скорее напряженной, а 2,4% – напряженной (табл. 5).

Таблица 5. Динамика оценки белорусами политической обстановки

Оценка	2004 г.	2008 г.
Спокойная	26,6	34,0
Скорее спокойная	25,2	27,1
Неопределенная	19,4	16,6
Скорее напряженная	5,6	4,4
Напряженная	6,0	1,7
Затруднились ответить	17,3	15,4

Данные, приведенные в табл. 5, свидетельствуют об улучшении стабильности политической обстановки и отсутствии каких-либо серьезных политических противостояний различных групп населения. Причем стабильность политической обстановки в стране, отмеченная респондентами, коррелирует с динамикой снижения социальной напряженности в обществе. Так, в 2004 г. считали, что в обществе существует социальная напряженность, 18,4% опрошенных, 27,6% считали, что она «скорее существует». По данным исследования 2008 г., только 9,4% безоговорочно отметили существование социальной напряженности, 13,4% ответили, что таковая «скорее существует, чем нет». Данные исследований убедительно свидетельствуют о том, что в обществе отсутствуют условия для революционных изменений политической обстановки, а стабильность, прежде всего политическая и как следствие экономическая,

создает условия для возможностей роста благосостояния людей, повышения качества их жизни, включая все аспекты – и экономический, и социальный, и демографический, и культурный. В исследовании не затронуты проблемы, связанные с всеобщим кризисом, возможно, потому, что последние опросы населения проводились в 2008 г., когда социальные и экономические последствия кризиса еще не были ощутимы для населения. Последующие опросы, видимо, дадут несколько иные результаты.

V. I. RUSETSKAYA

**DYNAMICS OF INDICES OF THE BELARUS PEOPLE
LIVING STANDARDS**

Summary

The article analyzes the sociological indices of the dynamics of the Belarus people life standards from 2004 to 2008. The sociological data persuade that there are no conditions for the revolutionary changes of the political situation and the political stability, first of all, as its result the economic stability contribute to the growth of people's wealth.

И. В. ЛАШУК,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ДИНАМИКА УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье представлен анализ динамики уровня и качества жизни населения Республики Беларусь. Фокус внимания автора сосредоточен на нескольких основных показателях: во-первых, субъективная оценка населением динамики материального положения собственной семьи; во-вторых, реальная экономическая структура и ее изменения; в-третьих, влияние различных социокультурных факторов на экономическое расслоение в обществе и, в-четвертых, соотношение субъективных и объективных показателей уровня и качества жизни.

На современном этапе развития общества проблемы уровня и качества жизни населения становятся очень важными. От их решения во многом зависит направленность и темпы дальнейших преобразований в стране и в конечном счете политическая и экономическая стабильность в обществе. Уровень жизни – это комплексная социально-экономическая категория, которая отражает уровень развития физических, духовных и социальных потребностей, степень их удовлетворения и условия в обществе для развития и удовлетворения этих потребностей [1, с. 16]. Уровень жизни определяет качество жизни населения и служит критерием при выборе направлений и приоритетов экономической и социальной политики государства. Говоря об этих категориях применительно к белорусской действительности, мы имеем в виду прежде всего те компоненты, которые зависят от материальных возможностей людей.

С социологической точки зрения нас интересует, во-первых, субъективная оценка населением динамики материального положения собственной семьи; во-вторых, реальная экономическая структура и ее изменения; в-третьих, влияние различных социокультурных факторов на экономическое расслоение в обществе и, в-четвертых, соотношение субъективных и объективных показателей уровня и качества жизни. Именно этим вопросам и посвящена данная статья.

Итак, субъективным показателем динамики уровня и качества жизни населения являются оценки самими респондентами изменений в материальном положении собственной семьи. В качестве «реперных точек» были выбраны следующие замеры: самый успешный по всем показателям 2006 г.; осень 2008 г. – перед кризисом и весна 2009 г. – период разворачивающегося мирового финансово-экономического кризиса (по данным мониторинговых исследований, про-

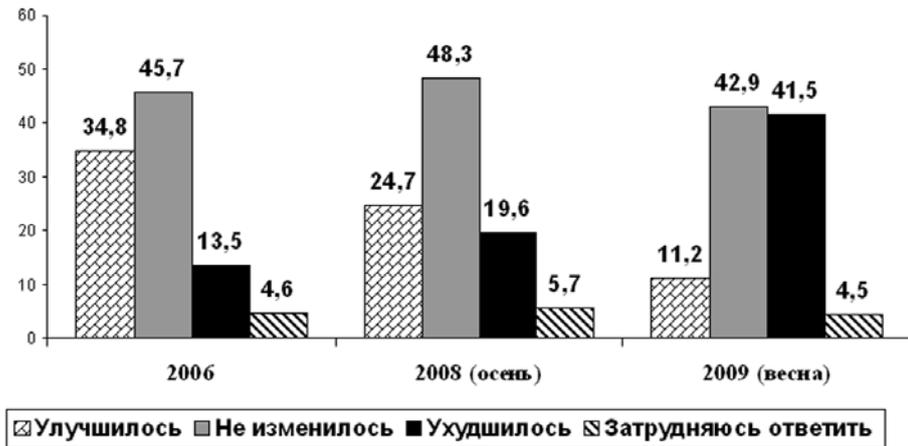

Рис. 1. Динамика оценок изменения материального положения семьи за минувший год, %

водимых Институтом социологии НАН Беларуси ежегодно с 2002 г.). Так, после наиболее удачного 2006 г. наблюдается спад в оценках материального положения в динамике, в течение 2008 г. ситуация остается стабильной. Однако весной 2009 г. зафиксирована резко отрицательная динамика в оценках материального положения семьи за год: увеличилось число лиц, отмечающих ухудшение уровня жизни за минувший год и соответственно уменьшилось количество тех, у кого доходы улучшились за указанный период (рис. 1).

Среди тех, кто отмечает ухудшение материального положения, больше женщин, однако с 2006 г. наблюдается тенденция к увеличению числа мужчин, отмечающих снижение уровня доходов своей семьи (табл. 1).

Таблица 1. Гендерное распределение и средний возраст группы респондентов, отмечающих ухудшение материального положения семьи за минувший год, %

Пол	2006 г.	2008 г. (осень)	2009 г. (весна)
Мужской	40,4	44,1	45,1
Женский	59,6	55,9	54,9
Возраст (среднее количество лет)	45,5	44,4	42,7

Среди социально-демографических характеристик статистически значимо выделяется возраст и семейное положение. Так, по социологическим замерам мы фиксируем снижение возраста респондентов, отмечающих отрицательную динамику уровня жизни семьи. Что касается семейного положения, то в структуре отмечающих ухудшение в 2009 г. увеличилось число женатых (замужних) респондентов (табл. 2).

Итак, по данным социологических исследований, мы фиксируем увеличение числа лиц, отмечающих ухудшение материального положения семьи за минувший год. Среди них больше женщин, однако наблюдается тенденция

к увеличению и числа мужчин; более молодого возраста; состоящих в браке. Необходимо отметить, что здесь представлены данные субъективной оценки респондентами уровня и качества жизни своей семьи, что не всегда соответствует реальному экономическому положению опрошенных.

Таблица 2. Распределение группы респондентов, отмечающих ухудшение материального положения в зависимости от семейного положения, %

Семейное положение	2006 г.	2008 г. (осень)	2009 г. (весна)
Женат (замужем)	47,7	56,0	58,5
Холост (не замужем)	17,9	17,4	20,2
Разведен (разведена)	19,1	14,0	11,3
Вдовец (вдова)	15,3	12,5	10,0

В связи с этим возникают серьезные и теоретические, и методические проблемы измерения и изучения реальной стратификационной структуры общества вообще и белорусского общества в частности.

В современной научной традиции существуют два основных подхода к исследованию социальной стратификации, один из которых – классовый – основан на объективных показателях принадлежности к социальному классу или слою, второй – статусный – на субъективных оценках престижа индивидов, социальных групп, профессий. Первая традиция является по преимуществу европейской, вторая – американской [2, с. 957].

Классовый и статусный подходы не являются взаимоисключающими; оба они нередко применяются к одним и тем же данным, особенно на Западе. Однако советская и постсоветская картина имеет свою специфику, которая накладывает отпечаток и на стратификационную модель общества.

Сегодня большинство исследователей сходятся на том, что главным критерием социальной стратификации в советском обществе являлось место во властной иерархии, которое определялось не только должностью, но и ведомственной принадлежностью. Сложная система льгот и привилегий в значительно большей мере, чем доходы (при фактическом отсутствии частной собственности), определяла материальное благосостояние индивида.

В постсоветском обществе властная иерархия продолжает оставаться ведущим критерием социальной стратификации. При этом, на что обратила внимание Т. Заславская [3, с. 297–350], произошло сращивание политического и экономического капитала социальных групп, которое выражается в контроле над важнейшими экономическими ресурсами и процессами распределения и перераспределения общественного богатства. Таким образом, для постсоветских стран характерны скорее европейские, чем американские модели социальной стратификации, ориентированные на замер «объективных» показателей (уровень дохода, объем власти и т. д.).

Основная проблема, с которой сталкиваются исследователи, заключается в том, что именно следует рассматривать в качестве критериев реального уровня

благополучия людей. В современной постсоветской социологии акцент делается на замер уровня доходов, собственности и др. Однако объективно оценить эти показатели в конкретном эмпирическом исследовании достаточно сложно, поскольку некоторые респонденты склонны занижать уровень своих доходов, а некоторые иногда называют случайные цифры. В связи с этим для построения экономической стратификации измеряют индексы уровня жизни, показатели взвешенного (нормированного) среднего дохода на одного человека в месяц и т. д.

В частности, российскими учеными был разработан депривационный подход в исследовании стратификационной структуры общества, в основе которого лежит гипотеза, что рассмотрение реального уровня жизни включает не только оценку уровня благополучия, но и оценку уровня депривации, т. е. испытываемых населением лишений и ограничений в общепринятом наборе потребительских благ. Суммируя признаки испытываемой депривации и материального благополучия, конструируется индекс уровня жизни каждого конкретного человека, исходя из чего выстраивается стратификационная структура [4, с. 1–11].

Основной посылкой исследовательского мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, является утверждение, что уровень и качество жизни определяются не только и не столько субъективной оценкой, а их потребительскими возможностями. Иными словами, человек, обладающий большими возможностями приобретения различных товаров и услуг, является более обеспеченным, и наоборот. Исходя из этого, группировку по шкале «бедный – богатый» необходимо выстраивать на основе реального потребительского поведения респондентов.

В разработанной инструментальной исследовались следующие виды товаров и услуг, на которые тратят (или не могут себе позволить тратить) деньги респонденты: продукты питания; одежда и обувь; товары текущего пользования; товары длительного пользования; квартплата, оплата коммунальных услуг; оплата бытовых услуг; содержание детей в дошкольных учреждениях; платное образование (профессиональное обучение) свое и детей; оплата лечения, медикаментов; погашение займов, долгов; спиртное, табак; строительство и содержание гаража, дачи; строительство дома, квартиры; посещение дискотек, ресторанов; отдых, путешествия; концерты, театры, выставки и т. д.; содержание автомобиля. Учитывались при этом следующие характеристики по каждому из перечисленных благ: хватает средств на приобретение, не хватает средств, статья расходов отсутствует по двум причинам: «Я не трачу на это денег» и «У меня никогда не хватит на это денег». Таким образом, мы фиксируем по каждому товару или услуге потребительские возможности (хватает средств) и уровень депривации (не хватает и никогда не хватит), а также имеем возможность выстроить иерархию потребительских запросов – отсутствие статьи расходов по убеждению («Я не трачу на это денег») [5, с. 80–94]. Применение математических методов группировки дало возможность выделить основные экономические страты белорусского общества (табл. 3):

Таблица 3. Экономическая дифференциация белорусского общества, %

Экономические страты	2006 г.	Осень 2008 г.	Весна 2009 г.
Бедные	13,8	14,1	14,4
Малообеспеченные	29,8	33,3	33,7
Среднеобеспеченные	40,8	41,8	40,7
Обеспеченные выше среднего	15,5	10,8	11,2

Данные, представленные в табл. 3, свидетельствуют о том, что общая стратификационная структура белорусского общества значимо не изменилась, что свидетельствует о сохранении социального порядка и стабильности социума в современных условиях. Отметим также, что субъективное восприятие изменений материального положения семьи в худшую сторону не отразилось на реальных потребительских возможностях респондентов.

Среди социально-демографических характеристик страты статистически значимо различаются по половой принадлежности. Так, к бедным и малообеспеченным относятся по большей части женщины; обеспеченными выше среднего оказались в основном мужчины (табл. 4).

Таблица 4. Распределение экономических страт белорусского общества в зависимости от пола, %

Пол	Бедные			Малообеспеченные			Среднеобеспеченные			Обеспеченные выше среднего		
	2006 г.	осень 2008 г.	весна 2009 г.	2006 г.	осень 2008 г.	весна 2009 г.	2006 г.	осень 2008 г.	весна 2009 г.	2006 г.	осень 2008 г.	весна 2009 г.
Мужчины	42,5	38,4	37,4	41,3	42,3	43,8	47,7	48,6	48,5	52,8	55,3	53,0
Женщины	57,5	61,6	62,6	58,7	57,7	56,2	52,3	51,4	51,5	47,2	44,7	47,0

Методологической основой представляемой статьи является утверждение, что стратификационная структура является результатом и следствием влияния других, прежде всего социокультурных факторов. В нашей терминологии экономический капитал является следствием конвертации других форм и видов капиталов.

Под капиталом в исходном политико-экономическом содержании понимается накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм. Все формы и виды капитала тем или иным образом конвертируются в экономический [6, с. 7].

Степень конвертации капитала определяется тем, в какой степени он помогает (или не помогает) справляться с проблемными жизненными ситуациями. Выбор в качестве единицы анализа понятия «жизненная ситуация» конкретного человека объясняется тем, что именно она (ситуация) оказывает непосредственное или опосредованное влияние на его (человека) мировосприятие и поведение в каждый конкретный период жизненного цикла. Из этих жиз-

ненных ситуаций вытекают социокультурные, а затем и конкретно-исторические ситуации.

Различают «устоявшиеся» и «проблемные» жизненные ситуации. Проблемная жизненная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни. Необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. С другой стороны, тип проблем, стоящих перед человеком, несет на себе печать политического, экономического и культурного контекста, в котором они возникают, а также социального окружения. Следовательно, разные общества различаются между собой типом проблем, стоящими перед людьми.

В данном исследовании фокус внимания сосредоточен на проблемах повседневной жизни или жизненных проблемах. Индивиды вырабатывают стратегии для их решения, основанные на мобилизации тех капиталов, которыми располагают. Так как природа проблем различается в обществах разного типа, то и специфические комбинации видов капитала, используемых при их решении, также различаются. При этом внутри одного общества разные социальные группы также будут различны по этому признаку.

Итак, попытаемся определить, какие капиталы и в какой степени помогают респондентам различных страт справляться с жизненными проблемами. Иными словами, какие из социокультурных ресурсов в большей степени конвертируются в экономическую форму. Среди социокультурных капиталов исследовались следующие: административные, профессионально-квалификационные, социально-сетевые, личностно-духовные и личностно-гражданские (табл. 5).

Таблица 5. **Операциональное определение понятия «нематериальные капиталы»**

Показатель	Индикатор
Административные	Занимаемая должность
Профессионально-квалификационные	Профессиональные знания, умения Престиж профессии Личный авторитет Деловые качества
Информационно-образовательные	Образование Информированность
Социально-сетевые	Семья Друзья Наличие нужных связей, знакомств
Личностно-духовные	Вера в Бога Нравственные качества Жизненный опыт
Личностно-гражданские	Участие в политической жизни Обращение к закону

Следует отметить, что в целом по выборке в 2009 г. по сравнению с 2006 г. увеличилась включенность всех социокультурных капиталов, т. е. в большей степени они помогают справляться с жизненными проблемами. Это также свидетельствует о том, что в трудных условиях мирового экономического кризиса актуализируются имеющиеся ресурсы и становятся более востребованными посредством «втягивания» в повседневную практику. На рис. 2 представлены индексы включенности, находящиеся в пределах от 1 до 4, где 1 – не помогает вообще справиться с жизненными проблемами; 2 – помогает только в некоторых ситуациях; 3 – помогает в большинстве ситуаций; 4 – помогает во всех ситуациях.

Представленные данные свидетельствуют о том, что первую тройку лидеров стабильно занимают семья, жизненный опыт, друзья. Соответственно наименее востребованным остается участие в политической жизни. Как уже отмечалось, все ресурсы в 2009 г. оказались более востребованными по сравнению с успешным 2006 г. Однако наибольшие различия наблюдаются по таким капиталам, как обращение к закону; деловые качества; профессиональные знания, умения; хорошее образование; вера в Бога. В целом по группам наиболее востребованными стабильно остаются социально-сетевые капиталы, затем – личностно-духовные. На рис. 3 представлены нормированные порядковые индексы по каждой группе капиталов, находящиеся в пределах от 1 до 4, где 1 – не помогает вообще справиться с жизненными проблемами; 2 – помогает только в некоторых ситуациях; 3 – помогает в большинстве ситуаций; 4 – помогает во всех ситуациях.

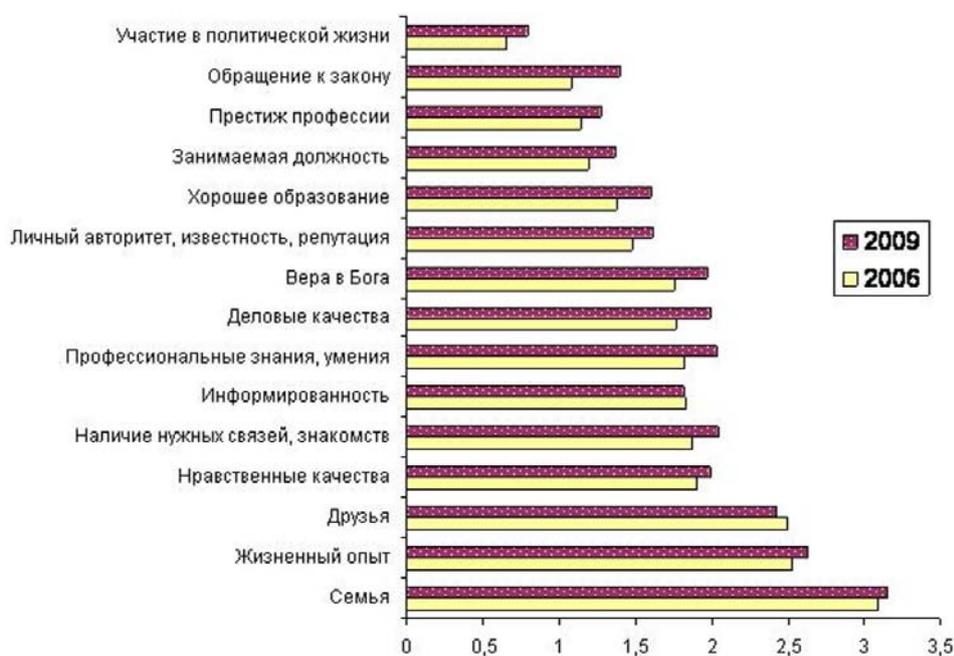

Рис. 2. Включенность различных капиталов в повседневную практику

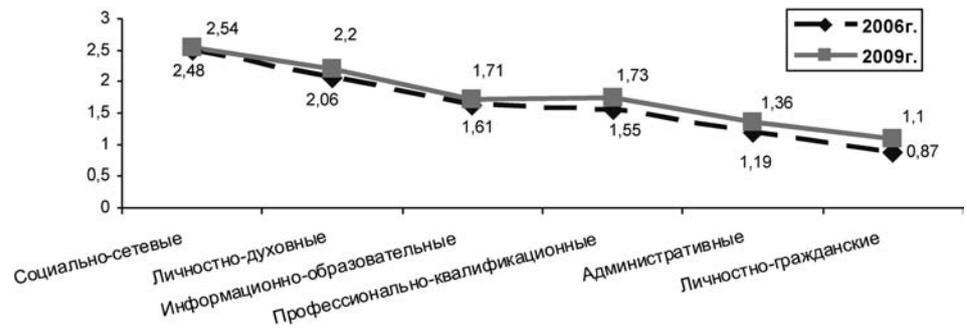

Рис. 3. Степень включенности капиталов в повседневную практику

По результатам оказывается, что в 2009 г. группа профессионально-квалификационных капиталов оказалась более востребованной по сравнению с информационно-образовательными в отличие от 2006 г. Включенность различных капиталов значительно различается в зависимости от экономического статуса респондента. Данные, представленные в табл. 6, свидетельствуют о том, что в 2009 г. по сравнению с 2006 г. достаточно часто все выделенные экономические страты обращаются в проблемных жизненных ситуациях к друзьям (в 2006 г. обращались чаще более обеспеченные слои). Та же тенденция наблюдается в отношении семьи и жизненного опыта. С другой стороны, в 2009 г. по сравнению с 2006 г. страты более дифференцированы в зависимости от степени включенности такого капитала, как «обращение к закону»: зафиксирована достаточно сильная положительно направленная корреляция (в 2006 г. данный ресурс во всех группах был одинаково достаточно низко востребован).

По показателям наиболее «включенными» и в 2006 г., и в 2009 г. являются социально-сетевые капиталы. Именно они в большей степени помогают респондентам различных страт справляться с возникающими жизненными проблемными ситуациями (табл. 7).

Данные, представленные в табл. 7, свидетельствуют также о наличии некоторых различий между стратами. Так, в малообеспеченных группах снизилась востребованность информационно-образовательного блока за счет падения значимости такого ресурса, как «информированность». То же зафиксировано и в высокодоходных группах. Одновременно в группах обеспеченных выше среднего наблюдается падение показателей (в 2009 г. по сравнению с 2006 г.) социально-сетевых ресурсов, прежде всего это касается семьи и друзей. Отметим здесь, что при этом указанный блок ресурсов сохраняет лидирующее положение по сравнению с остальными. Наибольшие различия по годам наблюдаются в группе наименее доходных, поскольку именно они оказываются уязвимыми во время разворачивающегося мирового экономического кризиса. По нашим представлениям, именно у этих людей возникает множество проблемных жизненных ситуаций, для решения которых необходимо актуализи-

ровать и использовать максимально возможное количество ресурсов. Об этом и свидетельствуют данные проведенных социологических исследований: по всем блокам капиталов в группе «бедных» зафиксирована положительная динамика в 2009 г. по сравнению с успешным 2006 г.

Таблица 6. Включенность капиталов в различных экономических стратах (индексы включенности)

Капитал	Бедные		Малообеспеченные		Среднеобеспеченные		Обеспеченные выше среднего		Коэффициент корреляции Спирмена	
	2006 г.	2009 г.	2006 г.	2009 г.	2006 г.	2009 г.	2006 г.	2009 г.	2006 г.	2009 г.
Вера в Бога	1,68	1,91	1,73	1,93	1,83	2,01	1,65	2,04	0,01	0,03
Деловые качества	1,40	1,93	1,76	1,84	1,67	2,01	2,39	2,43	0,15	0,11
Друзья	2,14	2,41	2,43	2,34	2,42	2,44	3,06	2,66	0,18	0,06
Жизненный опыт	2,21	2,65	2,53	2,56	2,47	2,60	2,87	2,91	0,12	0,05
Занимаемая должность	0,94	1,23	1,14	1,26	1,06	1,33	1,82	1,88	0,18	0,14
Информированность	1,60	1,73	1,84	1,71	1,69	1,82	2,35	2,26	0,12	0,1
Личный авторитет, известность, репутация	1,21	1,46	1,44	1,48	1,36	1,63	2,13	2,16	0,17	0,14
Наличие нужных связей, знакомств	1,59	1,94	1,81	1,94	1,79	2,04	2,47	2,48	0,17	0,11
Нравственные качества	1,48	1,88	1,96	1,85	1,80	2,05	2,42	2,36	0,1	0,14
Обращение к закону	1,01	1,35	1,10	1,22	0,99	1,46	1,33	1,80	0,03	0,22
Престиж профессии	0,88	1,17	1,14	1,17	1,00	1,28	1,70	1,70	0,16	0,11
Профессиональные знания, умения	1,49	1,89	1,83	1,90	1,67	2,06	2,43	2,49	0,15	0,12
Семья	2,81	3,03	3,01	3,16	3,14	3,16	3,36	3,20	0,13	0,03
Участие в политической жизни	0,63	0,71	0,67	0,73	0,61	0,81	0,81	1,02	0,05	0,09
Хорошее образование	1,06	1,48	1,43	1,44	1,20	1,64	2,02	2,09	0,12	0,12

Таблица 7. Включенность капиталов в различных стратах (порядковые индексы)

Показатель	Бедные		Малообеспеченные		Среднеобеспеченные		Обеспеченные выше среднего	
	2006 г.	2009 г.	2006 г.	2009 г.	2006 г.	2009 г.	2006 г.	2009 г.
Административные	0,94	1,23	1,14	1,26	1,06	1,33	1,82	1,88
Профессионально-квалификационные	1,25	1,61	1,54	1,60	1,43	1,75	2,16	2,20
Информационно-образовательные	1,33	1,61	1,64	1,58	1,45	1,73	2,19	2,18
Социально-сетевые	2,18	2,46	2,42	2,48	2,45	2,55	2,96	2,78
Личностно-духовные	1,79	2,15	2,07	2,11	2,03	2,22	2,31	2,44
Личностно-гражданские	0,82	1,03	0,89	0,98	0,80	1,14	1,07	1,41

Итак, в ходе анализа социологических данных мы пришли к следующим выводам:

1. В оценках изменения материального положения семьи за минувший год зафиксирована отрицательная динамика весной 2009 г. По социально-демо-

графическим характеристикам в группе отмечающих ухудшение с 2006 по 2009 г. растет число мужчин, более молодого возраста, состоящих в браке.

2. Отмеченная отрицательная динамика субъективного восприятия уровня и качества жизни своей семьи не соответствует реальной экономической структуре. Общая стратификационная структура белорусского общества значимо не изменилась, что свидетельствует о сохранении социального порядка и стабильности социума в современных условиях. Среди социально-демографических характеристик страты статистически значимо различаются по гендерному основанию: к бедным и малообеспеченным относятся по большей части женщины; обеспеченными выше среднего оказались в основном мужчины.

3. Обнаружено, что все изучаемые социокультурные факторы в 2009 г. по сравнению с 2006 г. являются более востребованными, т. е. в большей степени помогают справляться с жизненными проблемами. Это также свидетельствует о том, что в трудных условиях мирового экономического кризиса актуализируются имеющиеся ресурсы и становятся более востребованными посредством «втягивания» в повседневную практику.

4. Наиболее востребованными стабильно являются социально-сетевые капиталы, затем – личностно-духовные, соответственно наименее «включенными» – личностно-гражданские ресурсы.

5. По группам в 2009 г. по сравнению с 2006 г. в малообеспеченных группах снизилась востребованность информационно-образовательного блока за счет падения значимости такого ресурса, как «информированность». То же зафиксировано и в высокодоходных группах. Одновременно в группах обеспеченных выше среднего наблюдается падение показателей социально-сетевых ресурсов, прежде всего это касается семьи и друзей. Однако данный блок ресурсов сохраняет лидирующее положение по сравнению с остальными.

6. Наиболее значимая положительная динамика востребованности социокультурных ресурсов по годам наблюдается в группе наименее доходных, поскольку именно у них в период мирового финансово-экономического кризиса возникает наибольшее количество проблемных жизненных ситуаций, для решения которых необходимо актуализировать и использовать максимально возможное количество ресурсов.

Литература

1. Абакумова, Н. Н. Политика доходов и заработной платы: Учеб. пособие / Н. Н. Абакумова, Р. Я. Подовалова. – Новосибирск: НГАЭиУ, 1999. – С. 16.
2. Терещенко, О. В. Социальная стратификация / О. В. Терещенко, С. В. Сивуха // Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.] – Минск: Книжный Дом, 2003. – 957 с.
3. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2002. – С. 297–350.
4. Тихонова, Н. Е. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества / Н. Е. Тихонова, Н. М. Давыдова, И. П. Попова // Социс. – 2004. – № 6. – С. 1–11.

5. Лашук, И. В. Специфика стратификационного расслоения в современном белорусском обществе / И. В. Лашук // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: социологический анализ. – Минск: Белорус. наука, 2006. – С. 80–94.

6. Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Общественные науки и современность. – М.: Наука, 2003. – № 2. – С. 7.

I. V. LASHUK

**DYNAMICS OF STANDARD OF LIVING AND QUALITY OF LIFE
OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Summary

In this article the analysis of the dynamics of the standart and quality of the life of the population of the Republic of Belarus is represented. Attention of the author is focused on several basic factors: firstly, the people's subjective estimation of the dynamics of their families' material welfare; secondly, the real economic structure and its changes; thirdly, the influence of various sociocultural factors of economic stratification of the society and fourthly, the ratio of subjective and objective factors of the standart and quality of life.

Н. Н. СЕЧКО,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ДИНАМИКА ТРУДОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассмотрена динамика трудовых ценностей населения Беларуси на основе данных статистики и социологических мониторингов Института социологии НАН Беларуси за период с 1991 по 2008 г. Выявляются основные тенденции и социально-экономические последствия изменения трудовой мотивации. Осуществляется сравнительный анализ с ситуацией на российском рынке труда.

Обзор социальной ситуации в Беларуси свидетельствует о происходящей с 1991 г. социальной трансформации – радикальном и относительно быстром изменении социетального типа общества, обусловленном внешними факторами и внутренней необходимостью [1, с. 445–446]. **Прямым результатом трансформационного процесса** служит качественное преобразование институтов власти, собственности, прав и свобод, ценностных ориентаций человека. Ценностные ориентации – предпочтения или отвержения определенных смыслов как жизнеорганизующих начал и готовность или неготовность социальных субъектов вести себя в соответствии с ними. По сферам жизнедеятельности выделяют ценностные ориентации в области труда, досуга и др. В рамках социологии труда выделяют определенный аспект трудового поведения, характеризующийся особенностями саморегуляции (инициативность, самостоятельность действий и т. д.) и внешней регуляции (дисциплинированность, исполнительность и т. п.), что также связано с ценностными ориентациями работника [2, с. 393–394]. **Однако социальные изменения в неравной степени затрагивают** разные социально-экономические сегменты; скорость и темпы социальных изменений неодинаковы в разных областях социальной жизни.

Основные изменения, повлиявшие на трудовые ценности населения, были обусловлены двумя ключевыми процессами: либерализацией экономических отношений и приватизацией государственной собственности. До начала трансформационных процессов более 90% занятых составляли наемные работники, для которых основным источником денежных доходов являлась заработная плата по основному месту работы. Тип занятости индивида в советские времена обуславливал его социальное положение, уровень дохода и жизни в целом. Разрушение сложившихся социально-трудовых отношений начало происходить в 1991 г. в условиях обретения бывшими советскими республи-

ками суверенитета. На *первом этапе* (1991–1995 гг.) происходил разрыв социально-экономических связей в рамках бывшего СССР, что обусловило резкий экономический спад, в результате которого ВВП в Республике Беларусь сократился вдвое, и только в 2000 г. достиг 2/3 от уровня 1989 г. На этом этапе произошли либерализация цен и легитимизация частной собственности, введена национальная валюта и начата приватизация, т. е. были начаты радикальные экономические преобразования, однако они происходили на фоне сокращения государственного регулирования.

Различия в осуществлении трансформационных процессов в Республике Беларусь и Российской Федерации начали проявляться уже на первоначальном этапе, и наиболее ярко – в процессах приватизации. Приватизация государственных предприятий является необходимым фактором структурно-собственнических изменений и перехода от плановой к рыночной экономике, однако соотношение экономических и социальных целей и издержек при перераспределении собственности определяет специфику приватизационных процессов. В Российской Федерации приватизация носила стихийный характер, не управляемый и не контролируемый в должной мере государством, что нашло отражение в появлении терминов «дикая приватизация» и «шоковая терапия». На данном этапе в Российской Федерации произошел рост безработицы: уровень безработицы по методологии МОТ составил в 1995 г. – 6,7%, а в 1999 г. – 9,2% от численности экономически активного населения (рис. 1). Динамика уровня регистрируемой безработицы в России и Беларуси была примерно одинаковой, максимальная разница показателей за 1991–2009 гг. не превышала 2 раз.

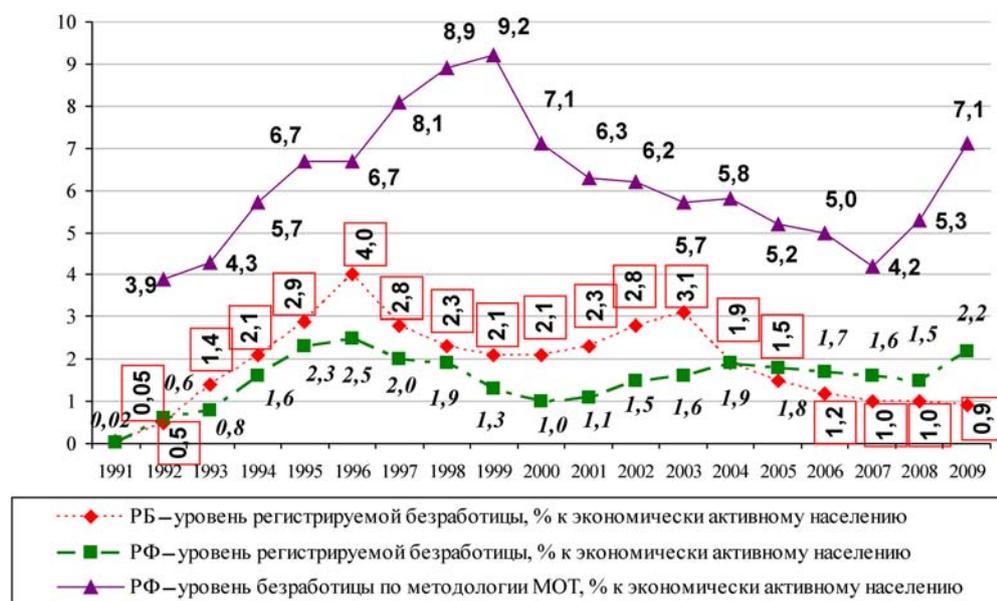

Рис. 1. Динамика уровня безработицы в России и Беларуси в 1991–2009 гг., %

Беларусь предпочла эволюционный путь рыночных преобразований, а не «шоковый» вариант. Государство отказалось от масштабной приватизации государственных предприятий, сохранив над ними административный контроль. Вопреки предсказаниям западных экономистов, не произошло обвального роста безработицы (максимальным уровень регистрируемой безработицы был в 1996 г. и составлял 4,0%). Государственные предприятия получали поддержку, что позволяло им сохранять численность занятых; управление трудовыми ресурсами было ориентировано на их консервацию за счет уменьшения реальной заработной платы, применения режимов неполной занятости в надежде на то, что кризисные времена пройдут, предприятиям удастся быстро найти новые рыночные ниши и восстановить экономическую эффективность.

Приватизация была проведена в отношении незначительной части предприятий в сфере торговли, оказания услуг населению и др., характеризующихся малой численностью занятых и не оказывающих существенного влияния на экономику и рынок труда. Поэтому на первом этапе (1991–1995 гг.) в Беларуси стала возрастать численность малых частных предприятий, однако в отраслевой структуре сектора преобладали предприятия торговли и общественного питания – 45,8%, в промышленности было сосредоточено всего 16,5% предприятий, в сфере связи – 0,2%; кредитования и страхования – 0,8% [3, с. 57, 76]. Доля занятых на данных предприятиях составляла около 10% трудовых ресурсов, происходил быстрый рост занятых индивидуальной предпринимательской деятельностью (рис. 2).

Рис. 2. Динамика развития субъектов малого предпринимательства в Беларуси*

* С 2006 г. в численности малых предприятий начали учитываться фермерские (крестьянские) хозяйства, ранее не подлежавшие обследованию как малые.

По характеру регулирования в переходной экономике Республики Беларусь данный период характеризуется преимущественно прямым регулированием социально-трудовых отношений в государственном секторе и косвенным регулированием экономических процессов. В результате либерализации обменного курса, цен и внешней торговли отечественный рынок был открыт для международной конкуренции. Имея изношенные основные фонды (износ ОППС составлял около 70–80%) и устаревшие технологии, белорусские предприятия не выдерживали конкуренции со стороны зарубежных товаропроизводителей. В результате падение производства в этот период достигло 28%, инвестиционная активность упала на 48%, реальные доходы населения – на 23%, среднемесячный темп инфляции достигал 25% [4, с. 1–3].

Таким образом, несмотря на то, что Беларусь избежала роста социальной напряженности и безработицы, занятость населения не была экономически эффективной и не могла обеспечить поддержание достойного уровня жизни населения.

Второй этап реформирования (1996–1999 гг.) характеризовался попытками стабилизации внутри- и внешнеэкономической ситуации: разработкой механизмов антиинфляционного регулирования, введением в действие «валютного коридора», продолжением либеральных реформ. Существенный спад производства, инвестиций и жизненного уровня населения заставил правительство изменить характер экономической политики и методы регулирования. Была разработана законодательная база, регулирующая отношения в области налогообложения, внешнеэкономической деятельности и таможенной системе. Многие решения и действия государственной власти, принимаемые в те годы, имели не долгосрочный характер, а скорее характер антикризисных мер, попытки найти «ответы» на серьезные «вызовы».

Начиная с 1996 г. в Беларуси управление государственными предприятиями осуществлялось преимущественно через льготные кредиты и государственные субсидии, в рамках социальной защиты населения расширилась номенклатура продукции, на которую цены контролировались государством, был зафиксирован официальный обменный курс, среднемесячный темп инфляции снизился до 5%. Такая политика в краткосрочном периоде 1996–1998 гг. поддержала неэффективные предприятия, однако в плане развития реального сектора в долгосрочной перспективе была достаточно бесперспективной, так как возможности государства по поддержанию хозяйственной деятельности не безграничны, а развитие частного сектора и освоение новых рыночных ниш происходило очень медленно. Установление государственного регулирования предпринимательской деятельности в 1996 г. за год вызвало сокращение численности малых предприятий с 35,8 до 23,8 тыс. (см. рис. 2). За данный период удельный вес убыточных малых предприятий возрос до 21,9%, а вклад в ВВП снизился до 6,7%. Качественного изменения отраслевой структуры сектора не произошло, доминирующими остались предприятия торговли и общественного питания – 42,7%, численность малых предприятий в сфере «наука и научное обслуживание» сократилась в 2 раза [5, с. 88; 6, с. 7–9].

Особенностью проводимой в Республике Беларусь экономической политики является ее социальная направленность, что выражается в относительно мягком характере кредитно-денежной политики, обеспечивающей опережающий в сравнении с объемами производства рост реальной заработной платы. «Сопоставление динамики ставок реальной заработной платы в бюджетной и внебюджетной сферах позволяет заключить, что повышение ставки заработной платы государственных служащих опережает во времени повышение ставок во внебюджетной сфере. Однако прирост заработной платы не был обусловлен ростом производительности труда. Экономисты отмечают наличие тесной корреляции между динамикой заработной платы и кредитно-денежной политикой: колебания роста реальной рублевой денежной массы и реальной заработной платы обнаруживают синхронность движения и имеют коэффициент корреляции 0,97» [4, с. 3]. Как показывает ситуация 1996–1997 гг., в краткосрочном периоде опережающий рост заработной платы в определенной степени стимулирует рост производства посредством расширения потребления и конечного спроса. Однако не подкрепленная соответствующим ростом производительности труда в долгосрочной перспективе такая динамика не может быть устойчивой и эффект от увеличения заработной платы все больше смещается не в сторону производства, а в сторону усиления интенсивности инфляционных процессов (ситуация 1998–1999 гг. и последующий дефолт).

Результаты социологических мониторингов Института социологии НАН Беларуси свидетельствуют, что в начале трансформационных процессов в Беларуси уровень общего напряжения был очень высок (от 67,6 до 93,4% населения волновали различные проблемы), фактически все происходившие трансформации воспринимались как значимые и непосредственно отражались на жизни населения, причем как на финансовом, материальном благосостоянии (инфляция, цены на продукты и товары первой необходимости, уровень оплаты труда были одними из самых острых проблем), так и на внутрисемейных, межличностных отношениях (характер взаимоотношений, складывающихся в семье, в 2002 г. волновал 4/5 населения!), обуславливая общую тревогу за будущее. По ходу стабилизации ситуации уровень тревоги падает, обеспокоенность белорусского населения смещается в сторону поддержания достигнутого уровня жизни (табл. 1).

На начальных этапах социально-экономической трансформации жизненная ситуация оценивалась белорусским населением достаточно тяжело: в 2002 г., согласно данным республиканских мониторингов Института социологии НАН Беларуси, более половины населения считало, что «жить трудно, но можно терпеть», около 1/10 – что «положение бедственное, терпеть невозможно», и только 1/3 удалось достаточно быстро адаптироваться, что позволяло им оценивать свою жизненную ситуацию как «нормальную». По мере стабилизации социально-экономической ситуации уровень оценок населением жизненной ситуации вырос: в 2 раза увеличилась доля тех, у кого «все более чем нормально», и в 3 раза снизилась доля тех, кто оценивает свое положение как

весьма «бедственное». После 2006 г. «ножницы оценок» опять начинают сжиматься, так как рост цен на газ и нефть, обострение конкуренции на мировом рынке сказываются на эффективности функционирования экономики и соответственно жизненной ситуации людей, происходит незначительное, но снижение оценок «жизненной ситуации в целом» (рис. 3).

Таблица 1. Проблемы, волнующие белорусское население, %

Проблема	Год						
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
1. Уровень профессионализма и компетентности властей	69,3	65,9	17,7	–	–	–	–
2. Инфляция	85,7	87,2	28,1	–	–	29,6	35,7
3. Цены на продукты и товары первой необходимости	93,4	96,5	71,8	62,1	51,4	60,5	59,1
4. Цены на коммунальные услуги	–	–	–	–	45,4	39,4	33,3
5. Уровень оплаты труда (уровень жизни)	85,5	86,0	61,4	66,6	49,2	42,3	45,9
6. Своевременность выплаты зарплаты	79,8	80,0	17,3	–	–	33,0	29,3
7. Уровень пенсионного обеспечения	72,6	79,3	29,4	32,8	–	22,5	21,9
8. Качество и доступность медицинского обслуживания	89,5	91,5	24,2	–	15,0	40,6	47,8
9. Жилищные проблемы	67,6	70,8	26,6	19,4	21,3	38,1	35,7
10. Взаимоотношения в семье, падение семейных ценностей	82,8	78,4	10,6	–	–	20,5	17,2

Оценка перспектив дальнейшего изменения жизненной ситуации свидетельствует о достаточно высоком уровне социального оптимизма среди белорусского населения: в 2002 г. считали, что их жизнь изменится к лучшему 26,7%, в 2008 г. – 38,2%; практически в 2 раза снизилась доля так называемых

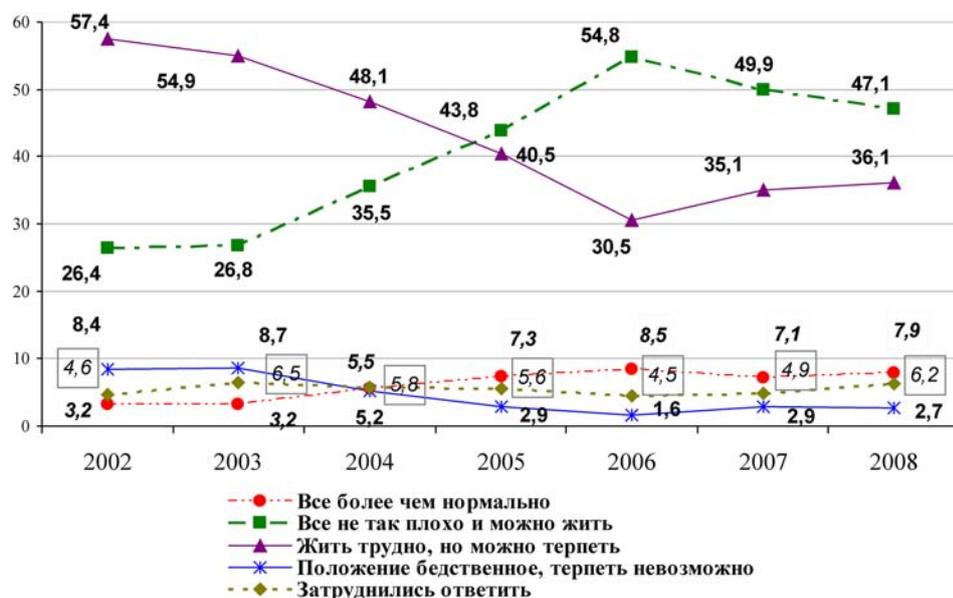

Рис. 3. Оценка жизненной ситуации населением Беларуси, %

пессимистов, полагающих, что их жизнь ухудшится. Однако на протяжении последних 5 лет доля тех, кто затрудняется оценить ожидаемые изменения в их жизненной ситуации, составляет более 1/3, данная часть населения осознает определенную незавершенность трансформационных процессов, их значительную зависимость от социально-экономических обстоятельств (табл. 2).

Таблица 2. Оценка белорусским населением перспектив изменения жизненной ситуации в ближайшем будущем, %

Вариант ответа	Год					
	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Изменится к лучшему	26,7	34,0	34,7	40,7	30,6	38,2
Останется без изменений	24,4	26,6	25,2	21,4	24,3	20,8
Изменится к худшему	13,7	7,8	6,6	4,7	8,9	6,5
Затрудняюсь ответить	35,1	31,5	33,5	33,1	36,1	34,5
Всего	100	100	100	100	100	100

Особое внимание хотелось бы уделить тому, как происходящие изменения повлияли на отношение к труду и экономическое поведение населения. На первом этапе институциональные изменения (снятие ограничений на формы и способы приложения человеком своего труда, свобода предпринимательской инициативы, отказ от всяческих «потолков» заработка и уравнительной оплаты труда) по замыслу реформаторов должны были раскрепостить людей, разбудить в них инициативу, желание больше и лучше работать, усилить мотивацию достижения и повысить уровень жизненных притязаний. Ставка, таким образом, делалась на стимулирование рыночного типа экономического поведения, выражаемого формулой «максимум дохода ценой максимума трудовых затрат», на побуждение людей к инициативному, творческому труду, развитию предпринимательства, инновационных видов приложения трудовой активности. Статистические данные об изменении численности индивидуальных предпринимателей и частных предприятий за этот период, а также данные социологических исследований свидетельствуют, что около 1/4 населения приняла данные ценностные ориентации и в качестве наиболее подходящего для Беларуси типа экономики считали «рыночный тип экономики» (табл. 3).

Таблица 3. Оценка населением наиболее эффективного для Беларуси типа экономики, %

Тип экономики	Год		
	2002	2003	2004
Рыночная	25,8	23,9	10,8
Смешанная (рыночная с элементами госрегулирувания)	32,2	33,7	34,5
Централизованная плановая экономика	8,9	11,9	8,4
Затрудняюсь ответить	33,0	30,4	46,3
Всего	100	100	100

Для сравнительного анализа изменения трудовых ценностей в Беларуси обратимся к данным республиканских социологических мониторингов Института социологии НАН Беларуси, а также к результатам российских социологических мониторингов и исследованиям, проведенным в рамках Всемирного исследования ценностей [7, с. 1–13] (табл. 4). В начале 1991 г., т. е. в канун радикальных общественных перемен, главной в России была ценность высокого заработка, что же касается ценностей активной самоотдачи, трудовых и статусных достижений, ответственности, то они занимали места в нижней части списка. В Беларуси к 2002 г. наравне с ценностью высокого заработка были развиты ценности «инициативности, относительной независимости», соответствия работы способностям (на 10–20% выше, чем в странах «большой восьмерки»), однако ценность «интересной, содержательной работы» была практически в 2 раза ниже, чем в Российской Федерации и данных странах. О чем говорят эти цифры?

Таблица 4. Трудовые ценности экономически активного населения Беларуси и России, %

Трудовые ценности	Беларусь						Россия				Семь стран «большой восьмерки» (кроме РФ)	
	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	1991 г.	1995 г.	1999 г.	2004 г.	1990–1991 гг.	1999–2000 гг.
Хороший заработок	95,9	61,1	86,4	84,0	83,9	86,9	85	92	92	96	74	82
Интересная, содержательная работа	38,8	6,1	6,1	5,7	5,8	9,7	68	73	71	72	65	72
Хорошие условия труда	36,7	12,8	64,8	63,7	63,9	69,0	49	46	42	57	46	56
Возможность чего-то достичь, продвигаться по службе	24,3	–	17,1	14,9	16,6	20,2	28	41	40	44	61	67
Престижная работа	–	6,8	23,6	19,3	16,4	13,5	40	49	46	36	32	39
Соответствие работы способностям	73,2	7,6	20,4	19,9	20,0	17,5	57	57	56	34	57	61
Инициативность, относительная независимость	74,0	–	30,3	26,5	27,3	27,9	30	30	32	24	52	54
Работа без перегрузок	63,9	–	31,7	39,5	30,8	27,8	20	18	17	18	28	38

Проведение либерализации экономики на первом этапе способствовало уходу от ценностей патернализма (пассивности, надежды на опеку и помощь государства и т. д.), стимулировало рост значимости достижений и ответственности, повышения общей готовности трудиться. Но частичность приватизационных процессов, административное регулирование экономической деятельности большинства предприятий привели к тому, что радикальных инновационных преобразований их хозяйственной деятельности не происходило, а, следовательно, частичные модернизационные преобразования не стимулировали рост инновационной восприимчивости и активности занятого населения. Ценность «интересной, содержательной работы», работы над сложными проблемами и вопросами не стала более привлекательной для белорусов. У россиян в силу более радикальных экономических преобразований, изменения отраслевой структуры экономики готовность к риску, новациям оказалась более высокой.

Еще одной значимой характеристикой изменения трудовых ценностей на первом этапе является оценка «угрозы безработицы». Социологические исследования выявляют, что с 1991 г. статистически значимо возросла частота упоминания надежности рабочего места в качестве трудовой ценности, а среди проблем, вызывающих беспокойство, – «угроза потери работы» (табл. 5). Возникновение открытой и скрытой безработицы, деградация многих рабочих мест (низкая зарплата, ее задержки, неполная загруженность, вынужденные отпуска и обусловленное всем этим снижение престижа соответствующих видов занятости) и приближение занятых на них к положению, близкому к положению безработного, заставили население задумываться не только о возможности «зарабатывать хорошие деньги», но и о стабильности занятости, рабочего места.

Таблица 5. Обеспокоенность населения Беларуси и России угрозой потери работы, %

Беларусь							Россия							Страны «большой восьмерки»	
2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	1991 г.	1995 г.	1999 г.	2004 г.	2006 г.	2008 г.	2009 г.	1990–1991 гг.	1999–2000 гг.
59,6	63,3	22,4	13,9	13,3	13,3	12,6	40	67	73	80	31	10	21	58	70

Примечание. Приведены данные республиканских социологических мониторингов Института социологии НАН Беларуси и Института социологии РАН, за 2006 г. по России приведены данные ВЦИОМ.

На втором этапе трансформации (1995–1996 гг.) в силу рассмотренных различий государственного регулирования происходят значительные различия в трудовых ценностях и преобладающих типах экономического поведения населения в Беларуси и России. Если сравнить российские трудовые ценности и обеспокоенность потерей работы с показателями семи стран «большой восьмерки» за период 1991–1999 гг., то догнать страны «семерки» по значимости страха

безработицы, связанного с мотивацией избегания, России оказалось гораздо легче, чем приблизиться к ним по таким параметрам, как стремление к достижениям и новациям.

В последние годы в Российской Федерации еще важнее стал заработок – его назвал теперь практически каждый опрошенный, продолжился рост значимости надежного места работы (80% респондентов). Показатель «возможности чего-то достичь» не претерпел статистически значимых изменений, но те достигательные ценности, которые непосредственно связаны с ростом статуса и заработка, за эти годы стали для россиян более важными, среди ценностей, значимость которых снизилась – «соответствие работы способностям» (на 1/3). Социально негативным показателем является снижение значимости двух трудовых ценностей, развитие которых входило в исходный замысел реформ, – меньшее число людей отметили пункты «инициатива» и «ответственность в работе» (на протяжении 90-х годов первый из этих показателей не менялся, а второй к 1999 г. несколько повысился, но к 2004 г. вернулся к исходному уровню).

В Беларуси на втором этапе самой высокой осталась значимость возможности получать хороший заработок, практически в 2 раза возросла ценность «хороших условий труда», при этом более чем в 3 раза снизилась значимость соответствия работы способностям, возможности проявлять инициативу и быть относительно независимым в своей трудовой деятельности. Заинтересованы в интересной, инновационной, творческой работе мене 1/10 занятых. Таким образом, результаты исследования выявили, что в экономическом мышлении людей две группы ценностей вытесняют одна другую: если в качестве значимых воспринимаются такие параметры, как хорошие, комфортные условия работы, отсутствие чрезмерных нагрузок, высокий заработок, надежность места работы, то возможность проявить инициативу, чего-то достичь, престижность работы (уважение к ней со стороны окружающих) и необходимость проявления личной ответственности за результаты работы обычно не кажутся важными. И наоборот, если важны инициатива, достижения и ответственность, то ценностям противоположной группы большого значения не придается.

Таким образом, различие применяемых социально-экономических механизмов в России и Беларуси в ходе трансформационных процессов в сфере занятости проявилось в том, что в России радикальный, «шоковый» вариант трансформации обусловил более значительный рост безработицы и социальной напряженности, однако либерализация экономики позволила в дальнейшем повысить эффективность экономической деятельности предприятий и занятости. Для российского населения в большей мере характерна ориентированность на интенсивные, содержательные, инновационные виды занятости, активный тип экономического поведения. В Беларуси замедленность трансформационных процессов, преобладание эволюционирующего пути развития и улучшающих, а не базисных инноваций позволили избежать резкого роста безработицы, однако снизили значимость трудовых ценностей «активной ини-

циативной и инновационной занятости», привели к росту патерналистских ценностей (население ориентировано на получение высокого заработка и при этом на хорошие, комфортные условия труда, работу без перегрузок, т. е. на работу, не требующую инициативы и ответственности). Слабая выраженность этих ценностей резко отличает белорусов от работников экономически развитых стран «большой восьмерки», а также проявляется в низкой ориентированности на активизацию индивидуальной трудовой деятельности.

Литература

1. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2002. – С. 445–446.
2. Соколова, Г. Н. Ценностные ориентации / Г. Н. Соколова, В. А. Ядов // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В. А. Ядов. – СПб.: Наука, 2006. – С. 393–394.
3. Статистический ежегодник. Народное хозяйство Республики Беларусь 1995: стат. сб. / Минстат Республики Беларусь. – Минск: Информстат Минстата Республики Беларусь, 1996. – С. 57, 76.
4. Миксюк, С. Ф. Опыт разработки и использования комплексной макро модели переходной экономики Республики Беларусь / С. Ф. Миксюк. – М., 2007. – С. 1–3. – Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2007/03/29/0000305966/019_Miksyuk_S.pdf. – Дата доступа: 14.07.2009.
5. Статистический ежегодник Республики Беларусь 1997: стат. сб. / Минстат Республики Беларусь. – Минск: Информстат Минстата Республики Беларусь, 1997. – С. 88.
6. Малое предпринимательство Республики Беларусь, 2006: стат. сб. / Минстат Республики Беларусь; редкол.: И. А. Костевич [и др.]. – Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2006. – С. 7–9.
7. Магун, В. С. Как меняются российские трудовые ценности / В. С. Магун // Отечественные записки. – 2007. – № 3 (37). – С. 1–13.

N. N. SETCHKO

DYNAMICS OF LABOUR VALUES OF THE BELARUS PEOPLE

Summary

The article describes the dynamic of labor values of the Belarusian population in 1991–2008 years on the basis statistical and sociological data of the Institute of sociology of the NAS of Belarus. Social and economic results and main trends of the working motivation changing are revealed. Comparative analysis of the rusian labor market is realized.

Е. В. ТАРАНОВА,

кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Рассматриваются факторы социальной дифференциации населения и проблема малообеспеченности, анализируются социально-экономическая структура, экономическое неравенство и социальная конкуренция в белорусском обществе.

В соответствии с Основными положениями Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития на ближайший период (до 2010 г.) важнейшими задачами являются повышение реальных денежных доходов и снижение уровня малообеспеченности населения, создание условий и предоставление гражданам равных возможностей для достижения материального и социального благополучия [1]. Проанализируем, в какой степени выполняются данные задачи, чем характеризуется экономическое неравенство населения, что представляет собой социальная структура белорусского общества на современном этапе социально-экономического развития республики.

Социально-экономическое расслоение в рамках конкретного государства можно представить в виде его социальной структуры, определяемой социальной дифференциацией и экономическим неравенством на основе различных критериев, в том числе так называемого ресурсного критерия. При стратификации общества по ресурсному критерию будем использовать данные государственной статистики, характеризующие доходную и имущественную дифференциацию населения, а также материалы социологических мониторингов (проводимых Институтом социологии НАН Беларуси). При всех известных недостатках *статистическая* информация обладает такими достоинствами, как сплошной охват территории страны, а также единообразие методологии и методики получения данных. Материалы *социологических* опросов дают возможность для анализа «субъективной» социальной стратификации на основе отнесения респондентов к определенным социальным слоям, а также стратификации по уровню жизни на основе самооценок и специфики расходов респондентов.

Структура доходов населения Беларуси, по данным Государственной статистики, представлена следующими статьями: оплата труда (56,1%), трансферты населению (20,1%), доходы от собственности (2,6%), прочие доходы (21,2%) (рис. 1).

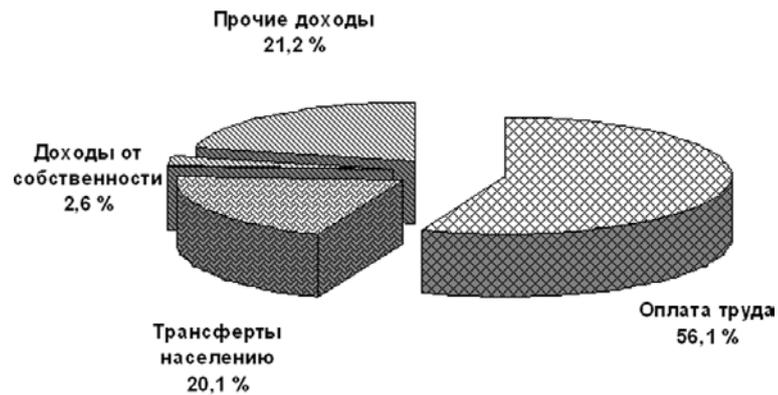

Рис. 1. Структура денежных доходов населения в 2009 г. (январь-июль), %

Специфическая структура доходов населения может выступать как *структура факторов дифференциации* населения. Первый фактор – степень неравенства в объемах *заработной платы*. Межотраслевая дифференциация в оплате труда работников в различных отраслях экономики (с учетом подотраслей) имеет тенденцию к снижению и в 2009 г. (январь-июль) она составила 3,7 раза, что в 1,8 раза меньше, чем в 2000 г. (рис. 2) [2].

Анализ уровня оплаты труда по отраслям экономики (за 2000–2008 гг.) свидетельствует о некотором повышении уровня заработной платы в производственных отраслях материальной и нематериальной сферы (такие, как торговля и общественное питание, здравоохранение, образование, культура, искусство и др.), однако уровень оплаты труда здесь ниже, чем средний по республике. Среднемесячная заработная плата по отраслям экономики Беларуси представлена в табл. 1. и на рис. 3 [3].

Несмотря на положительную динамику показателей уровня оплаты труда в таких непроизводственных отраслях, как наука и научное обслуживание, физкультура и спорт, связь и транспорт, «социальные» отрасли, такие как со-

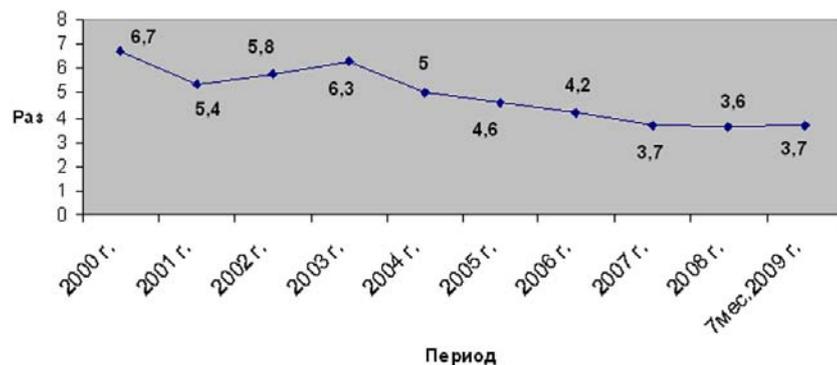

Рис. 2. Коэффициент межотраслевой дифференциации в оплате труда (2000–2009 гг.)

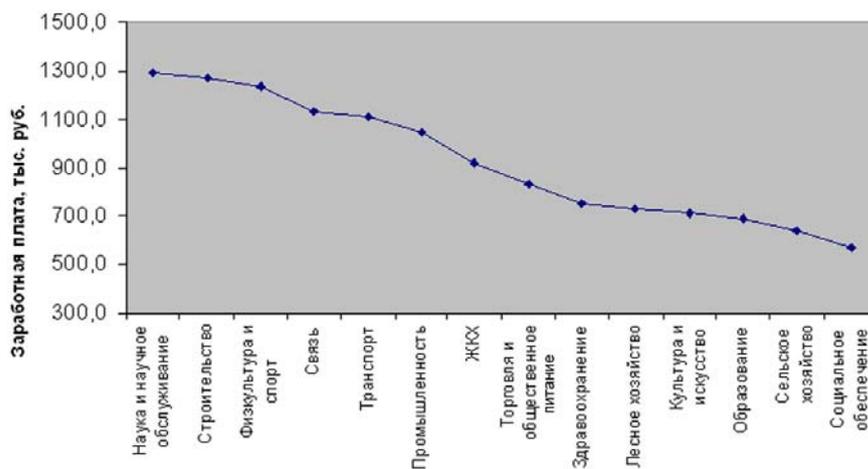

Рис. 3. Зарботная плата по отраслям экономики (I полугодие 2009 г.)

циальное обеспечение, образование, культура и искусство, здравоохранение, характеризуются низким уровнем оплаты труда, что отрицательно сказывается на мотивации трудовой деятельности работников в сферах, где требуется квалифицированный труд.

Таблица 1. Зарботная плата по отраслям экономики (I полугодие 2009 г.)

Отрасль экономики	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата в июне 2009 г. в % к среднереспубликанскому уровню
Всего	957,2	100
Промышленность	1045,5	106,5
Сельское хозяйство	640,3	69,0
Лесное хозяйство	728,6	74,7
Транспорт	1108,6	114,6
Связь	1130,0	116,0
Строительство	1272,5	138,1
Торговля и общественное питание	834,9	86,2
ЖКХ	918,5	92,8
Здравоохранение	753,9	81,3
Физкультура и спорт	1234,8	114,1
Социальное обеспечение	568,3	58,5
Образование	692,3	73,5
Культура и искусство	715,7	73,9
Наука и научное обслуживание	1291,4	138,1

Согласно концепции американского социального психолога Ф. Херцберга, существуют два набора потребностей в работе: *мотивирующие*, связанные с содержанием работы, и *гигиенические*, связанные с условиями труда (к которым относится и заработная плата) [4, с. 201–222]. **Повышение производитель-**

ности труда и удовлетворенность работой зависят от удовлетворения этих потребностей в профессионально-трудовой деятельности индивида. Эмпирическими индикаторами данных потребностей (предложены профессором Г. Н. Соколовой) в социологических исследованиях (2002–2007 гг.) выступали ответы на вопрос: «Что для Вас наиболее важно в работе?», основные из которых приведены в табл. 2.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос:
«Что для Вас наиболее важно в работе?», %

Фактор	2002 г.	2007 г.
<i>Мотивационные</i>		
1. Полно реализовывать свои знания, опыт, квалификацию	40,2	20,0
2. Работать над сложными интересными проблемами	21,4	9,6
3. Работать с квалифицированными коллегами	44,4	21,6
<i>Гигиенические</i>		
1. Зарабатывать хорошие деньги	54,2	86,5
2. Работать без перегрузок	35,5	27,7
3. Иметь хорошие условия труда	36,7	68,7

По данным социологических исследований, главным мотиватором к труду для большинства респондентов остается заработная плата (в 2002 г. – 54,2%, в 2007 г. – 86,5%). Очевидно, что разрыв между уровнем заработной платы (которая имеет положительную динамику) и уровнем жизни ведет к тому, что «баланс» факторов смещается в сторону одного из главных гигиенических факторов – заработной платы, причем если в 2002 г. этот разрыв был незначительный (чуть более 10%), то к 2007 г. заработная плата по уровню значимости более чем в 3 раза опережала другие, в том числе гигиенические, факторы (см. табл. 2, рис. 4). Очевидно, пока «разрыв» между заработной платой и уровнем жизни не уменьшится, мотивационные факторы (связанные с содержанием и качеством работы) не будут играть какой-либо значимой роли.

Второй фактор дифференциации (рис. 5) – это объем трансфертов населению, которые включают пенсии, пособия и стипендии. *Социальные трансферты* занимают значительное место в доходах населения, при этом их объем за 10 лет практически не изменился, а их доля в 2009 г. (январь-июль) составила 20,1%. Это связано с сохранением (наряду с переходом на принцип субсидиарности) социального патернализма. Так, пенсии являются вторым по значимости источником доходов населения. В настоящее время программами пенсионного обеспечения органов социальной защиты охвачены более 2,4 млн чел., из них 79,3% получают трудовые пенсии по возрасту, 11,7 – по инвалидности, 5,7 – по случаю потери кормильца и 2,1% получают социальные пенсии [5, с. 56]. В августе 2009 г. средний размер пенсии, назначенной органами по труду, занятости и социальной защите, составил 392,6 тыс. руб. (114% от величины среднедушевого минимального потребительского бюджета семьи пен-

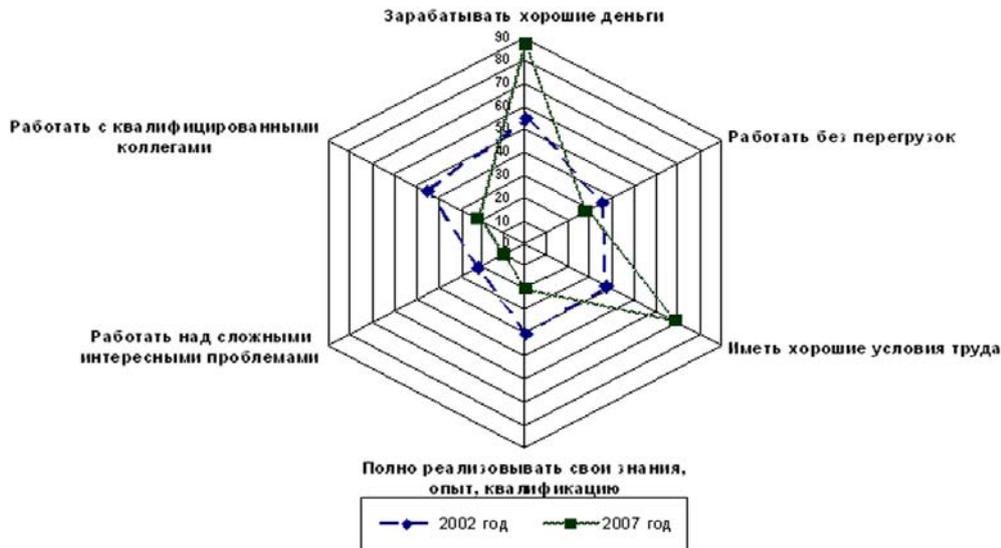

Рис. 4. Мотивационные и гигиенические факторы в сфере труда, %

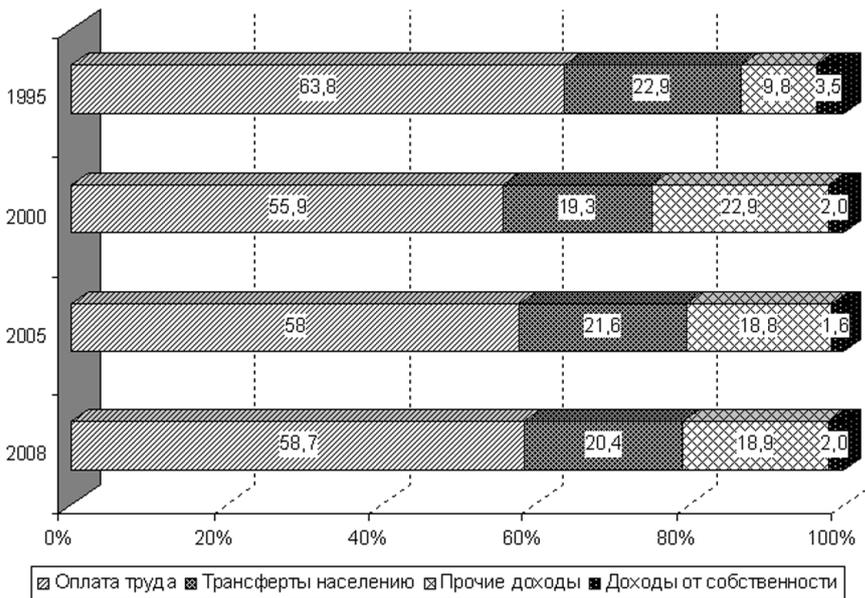

Рис. 5. Структура доходов населения в 1995–2008 гг., %

сионеров). Средний размер пенсии по возрасту составил 409,7 тыс. руб., по инвалидности – 363,3 тыс. руб., по случаю потери кормильца – 247,2 тыс. руб., социальной пенсии – 185,7 тыс. руб. [6, с. 8].

Такие факторы дифференциации, как *доходы от собственности* и *прочие доходы* (в том числе доходы от *предпринимательской деятельности*) в сумме

(январь-июль 2009 г.) составили 23,8% в структуре доходов населения. Если доходы от собственности (проценты по депозитам, дивиденды и пр.) можно отнести к ресурсам высокодоходных слоев населения, то «прочие доходы» включают (помимо предпринимательской деятельности) поступления от продажи сельскохозяйственной продукции и доходы от иной деятельности, приносящей доход.

Динамика *экономического неравенства* может быть представлена посредством изменений *социальной структуры* общества, определяемой на основе ресурсного (доходного) критерия. Придерживаясь классификации социальных страт, определяемых экономическим благосостоянием населения, исходя из располагаемых ресурсов (доходов) в сравнении с бюджетом прожиточного минимума (БПМ) и минимальным потребительским бюджетом (МПБ), можно выделить следующие основные слои общества: *нижний слой* – с денежным доходом ниже БПМ; *базовый слой* – с денежным доходом от БПМ до 1 МПБ; *средний слой* – с денежным доходом от 1 до 2 МПБ; *верхний слой* – с денежным доходом от 2 до 3 МПБ; *элита* – с денежным доходом свыше 3 МПБ. Роль такого расчетного показателя, как величина прожиточного минимума, состоит в том, что с ним соотносятся многие другие – уровень доходов, заработной платы, пенсии, социального пособия и т. д. Этот показатель представляет собой некий эталон для измерения уровня жизни и дифференциации населения.

Т а б л и ц а 3. Динамика социальной структуры белорусского общества по критериям БПМ и МПБ, %

Страта с уровнем денежных доходов	2002 г.	2005 г.	2008 г.
1. Нижний слой (денежный доход ниже БПМ)	32,1	13,1	5,6
2. Базовый слой (от БПМ до 1 МПБ)	40,0	29,3	17,8
3. Средний слой (от 1 до 2 МПБ)	21,6	49,5	53,2
4. Верхний слой (от 2 до 3 МПБ)	5,0	6,3	17,3
5. Элита (денежный доход свыше 3 МПБ)	1,3	1,8	6,1
Итого	100,0	100,0	100,0

П р и м е ч а н и е. Рассчитано по: Статистический ежегодник Республики Беларусь. Минстат Республики Беларусь. Минск, 2003, 2006, 2009.

На основе приведенных данных можно отметить, что белорусская социально-экономическая политика обеспечивает позитивно-эволюционный процесс улучшения материального положения белорусского населения за счет повышения уровня доходов населения, в том числе его малообеспеченных слоев. Белорусской государственной политике присущ (наряду с переходом на принцип субсидиарности) социальный патернализм, заимствованный из советской модели государственного регулирования социальной сферы, которая была направлена на охват социальной защитой практически всего населения. Так, доля нижнего слоя за 6 лет (2002–2008 гг.) снизилась более чем в 5 раз, базового слоя – более чем в 2 раза. Соответственно вырос удельный вес среднего слоя (с 21,6%

в 2002 г. до 53,2% в 2008 г.), верхнего слоя (с 5,0 до 17,3% соответственно) и «элиты» (с 1,3 до 6,1%). Это произошло как за счет повышения заработной платы, так и за счет перераспределения доходов различных слоев общества с целью нивелирования экономического неравенства.

Проанализируем также результаты социологических исследований (мониторингов) в контексте оценки респондентами материального положения своих семей (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?»

Материальное положение	2002 г.	2005 г.	2008 г.
1. Хорошее	5,1	7,5	9,3
2. Скорее хорошее	6,7	6,7	8,6
3. Среднее	52,6	60,0	62,4
4. Скорее плохое	22,3	14,8	13,8
5. Плохое	13,3	11,0	5,9
Всего	100,0	100,0	100,0

Здесь прослеживается тенденция, сходная с динамикой социальной структуры (по критериям БПМ и МПБ), – снижение удельного веса семей с «плохим и скорее плохим» материальным положением (с 35,6% в 2002 г. до 19,7% в 2008 г.) и увеличением доли семей со «средним» (с 52,6% в 2002 г. до 62,4% в 2008 г.) и «хорошим и скорее хорошим» (с 11,8% в 2002 г. до 17,9% в 2008 г.) материальным положением. Сопоставив статистические и социологические структуры по основным пропорциям, мы получим относительное совпадение пропорций (с разбежкой до 10%) по всем слоям, кроме «верхнего» (табл. 5). Качественно нижний слой (ниже БПМ) оценивает свое положение как «плохое», базовый (от БПМ до 1 МПБ) – как «скорее плохое», средний (от 1 до 2 МПБ) – как «среднее», верхний слой (от 2 до 3 МПБ) – как «скорее хорошее», элита (свыше 3 МПБ) – как «хорошее». Данная *качественная* оценка подтверждается *количественной* распространенностью дохода в пределах 1100–1300 тыс. руб., просматриваемой в сферах науки и научного обслуживания, строительства, связи и др. (см. рис. 3). Очевидно, что в контексте качественной оценки доход свыше 3 МПБ оценивается просто как «хорошее» материальное положение. Качественную оценку «плохое и скорее плохое» материальное положение семьи можно соотнести с ситуацией, когда семье приходится отказываться от необходимых вещей и продуктов; оценку «среднее» материальное положение, – когда денег хватает на приобретение необходимых вещей; оценку – «скорее хорошее и хорошее», – когда денег достаточно на обеспеченную жизнь, что может себе позволить чуть более 20% семей.

Конечно, дифференциация по доходам не исчерпывает всего диапазона имущественного расслоения общества. Значение имеет также возможность досту-

па индивида к социальным возможностям в различных сферах жизни, прежде всего в потреблении, отдыхе, образовании и т. д. Так, обратившись к данным социологических мониторингов (2005, 2008 гг.), мы видим, что, несмотря на положительную динамику доходов населения, только немногим более 20% респондентов могут позволить себе обеспеченную жизнь (табл. 6).

Таблица 5. Сравнение социальной структуры по критериям БПМ и МПБ и оценок населением материального положения своих семей (2008 г.)

Социальная структура по критериям БПМ и МПБ	%	Субъективная оценка материального положения	%
Элита	6,1	Хорошее	9,3
Верхний слой	17,3	Скорее хорошее	8,6
Средний слой	53,2	Среднее	62,4
Базовый слой	17,8	Скорее плохое	13,8
Нижний слой	5,6	Плохое	5,9
Итого	100,0	Итого	100,0

Примечание. В 2008 г. в Республике Беларусь МПБ составлял 340,1 тыс. руб., БПМ – 220,0 тыс. руб.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного лучше всего характеризует материальное положение Вашей семьи?», %

Вариант ответа	2005 г.	2008 г.
1. Семье часто приходится отказываться даже от необходимых продуктов питания и одежды; из домашнего имущества есть только необходимый минимум (холодильник, телевизор, мебель)	32,1	21,2
2. Денег хватает только на необходимые продукты питания, одежду; хозяйство обеспечено необходимой бытовой, аудио- и видеотехникой, мебелью	51,5	56,6
3. Денег хватает на обеспеченную жизнь (продукты питания, одежду, бытовую, аудио- и видеотехнику, мебель, отдых), но на дорогие приобретения приходится копить	16,1	21,3
4. Семья может позволить себе дорогие приобретения (недвижимость, автомобили и пр.), престижный отдых, образование	0,3	0,9

Таким образом, анализ статистических и социологических данных показывает, что белорусская социально-экономическая политика обеспечивает эволюционно-позитивный процесс улучшения материального положения белорусского населения и нивелирование экономического неравенства. Вместе с тем дифференцирующая функция социального расслоения очевидна и интерес представляет проблема социальной значимости уровня дифференциации – стимулирует ли он развитие социальной конкуренции и динамику развития экономики или при определенном значении консервирует экономическое неравенство. Так, для белорусского общества все еще актуальна проблема малообеспеченности, когда около 80% населения может позволить себе лишь необходимый

уровень потребления (оплата продуктов питания и одежды, коммунальные платежи), связанный с простым воспроизводством своей производительной силы и не ориентированный на расширенное ее воспроизводство, связанное с поворотом к инновационной социально ориентированной экономике.

Литература

1. Основные положения национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Н. П. Зайченко и др. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bem.bseu.by/index.php?s=on&lang=ru&ot=article&ar_id=907. – Дата доступа: 09.09.2009.
2. Оплата труда // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты населения Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.mintrud.gov.by/ru/trud/new_url_358565190. – Дата доступа: 19.09.2009.
3. Заработная плата // Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе-июле 2009 г. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/july/pril/8.pdf>. – С. 2–3. – Дата доступа: 09.09.2009.
4. Соколова, Г. Н. Возможности мотивации и стимулирования труда в контексте теории Ф. Херцберга // Рынок труда Республики Беларусь: экономические вызовы и социальные ответы / Г. Н. Соколова. – Минск : Белорус. наука, 2006. – С. 201–222.
5. Об изменении уровня жизни населения Республики Беларусь // Статистика Беларуси. – 2009. – № 2. – С. 56.
6. Доходы и расходы населения // Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Официальный сайт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/aug/13.pdf>. – С. 8. – Дата доступа: 20.09.2009.

E. V. TARANOVA

ECONOMIC INEQUALITY AND SOCIAL STRUCTURE OF THE BELARUS SOCIETY: ANALYSIS OF THE PRESENT STATE

Summary

The factors of population social differentiation and the problem of poverty are under review; social-economic structure, economic inequality and social competition in Byelorussian society are analyzed.

О. Н. ОБРАЖЕЙ, В. С. ПОДВАЛЬСКАЯ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассмотрены различные теоретические подходы к изучению самосохранительного поведения. Проведен социологический анализ особенностей самосохранительного поведения населения Республики Беларусь. Проанализированы факторы, влияющие на сохранение здоровья и определяющие субъективные оценки его состояния. Изучены меры, предпринимаемые населением по сохранению и укреплению своего здоровья.

В условиях современного общества с присущими ему особенностями социально-экономического, научно-технического развития и с учетом существенной модификации ценностных установок проблема укрепления здоровья населения приобретает первостепенное значение. В процессе адаптации к новым условиям жизнедеятельности существенно изменился образ жизни населения; с одной стороны, произошел вынужденный отказ от привычных форм активности, с другой – появились новые возможности и сферы реализации личности. Поэтому здоровье становится более востребованным как человеческий и социальный капитал. До сих пор не существует общепринятого унифицированного понятия «здоровья». Из множества определений здоровья наибольшее распространение (по количеству ссылок и цитирования) получило определение, данное ВОЗ: «Здоровье – состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [1].

На здоровье человека оказывают влияние различные факторы, среди которых следует выделить прежде всего образ жизни человека как «устойчивый, сложившийся в конкретных общественно-экологических условиях способ жизнедеятельности человека» [2, с. 18]. Всемирная организация здравоохранения констатирует, что здоровье каждого индивида на половину зависит от него самого, т. е. 50% факторов, влияющих на состояние здоровья человека, – управляемые. И проблема состоит в том, насколько хорошо каждый человек управляет собственным здоровьем, заботится о его сохранении и укреплении.

В настоящее время нет ни общего термина в обозначении поведения, направленного на сохранение и укрепление здоровья, ни широко принятого его определения. В отечественной науке чаще всего используется понятие «самосохранительное поведение», в западной – «здоровое поведение», «поведение,

связанное со здоровьем», «здоровые стили жизни». Впервые термин «самосохранительное поведение» был введен в демографии в связи с осознанием того, что в современных условиях все большую роль в детерминации заболеваемости и смертности начинает играть поведенческий фактор, отношение людей к собственному здоровью. Демографы рассматривают самосохранительное поведение как систему действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление сроков жизни в пределах этого цикла [3, с. 358]. В социологии самосохранительное поведение трактуется как «система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни» [4, с. 24].

Современные теоретические представления о самосохранительном поведении в значительной степени опираются на наследие классиков социологии XIX–XX вв. М. Вебер в своей теории социального действия указывал на диалектическую взаимосвязь индивидуальных выборов и жизненных шансов. Э. Дюркгейм в концепциях разделения труда, социальной солидарности и социальной аномии рассматривал вопросы взаимосвязи индивидуального поведения человека и социальных процессов. Вопросы поведения, связанного со здоровьем, рассматривались в различных теоретических парадигмах. Основной для понятия «здоровья» является парадигма структурного функционализма, изложенная Т. Парсонсом. Важное место он уделял роли медицины в обществе и взаимоотношениям врач – пациент. Болезнь рассматривалась им как форма девиантного поведения, а индивиду предписывалась пассивная роль. В парадигме символического интеракционизма (Г. Беккер, Э. Гоффман, Дж. Пьеррет, А. Страус) были заложены теоретические основы исследования психического здоровья и объяснения поведения человека как активного субъекта в стрессовых ситуациях при взаимодействии с социальной средой. Представители конфликтной парадигмы (И. Зола, К. Маркс, В. Наварро, Э. Фридсон) подвергли критике экспансию медицины в обществе, когда здравоохранение берет на себя функции социального контроля и возлагает на индивида основную ответственность за возникновение болезни. Заслуга данной теории – в смещении акцента с исследования болезней и медицины на изучение здоровья и формирующих его социальных институтов. Наибольший вклад внесли труды П. Бурдье. С помощью введенного им понятия «habitus» он объясняет поведение, в котором воспроизводятся социально-культурные правила, стили жизни различных социальных групп, формируется то или иное отношение к здоровью. Впервые исследования самосохранительного поведения начались на Западе в начале 1970-х годов и проводились в русле политики обеспечения здоровья, которая была ориентирована на формирование у граждан осознания собственной активной позиции в создании условий, способствующих сохранению здоровья. Таким образом, в политике здравоохранения был осуществлен радикальный концептуальный переход от рассмотрения граждан как пассивных потребителей медицинских услуг к осознанию ими собственной активной позиции в создании условий, которые способствовали бы сохранению здоровья.

В отечественной науке поведение в сфере здоровья первоначально изучалось здравоохранением, социальной гигиеной, медицинской демографией, психологией. В 70–80-х годах XX в. началось изучение здоровья и соответствующего поведения социологами и философами (Ю. И. Бородин, Д. Д. Венедиктов, А. М. Изуткин, Е. Н. Кудрявцева, Ю. П. Лисицын, Г. И. Царегородцев и др.). Собственно социологическая парадигма изучения здоровья, ценностно-мотивационный подход к его изучению нашли отражение в публикациях А. И. Антонова, М. С. Бедного, В. М. Медкова и др. Термин «самосохранительное поведение» впервые стал употреблять А. И. Антонов для «описания готовности личности к сохранению собственной жизни и здоровья» [5, с. 33]. Среди российских социологов больших результатов в данной области добились И. В. Журавлева, Л. С. Шилова. Ими была разработана концепция самосохранительного поведения, система его показателей, комплекс факторов, влияющих на него. Вопросы структуры самосохранительного поведения, взаимосвязи ее элементов, классификации самосохранительного поведения личности рассматривали Е. М. Андреев, В. М. Школьников, В. А. Бирюков.

В Беларуси изучением проблем сохранения здоровья занимаются В. Р. Шухатович (актуальные проблемы социологии здоровья в Беларуси, ориентации населения на здоровый образ жизни), Т. Н. Шушунова (самосохранительное поведение студенческой молодежи), Н. А. Барановский (практики саморазрушительного поведения – алкоголизм, табакокурение, наркомания), А. А. Злотников (самосохранительное поведение на территориях, пострадавших от ЧАЭС).

Между тем проблему самосохранительного поведения нельзя считать исчерпанной или не представляющей научного интереса. До сих пор остаются неразработанными вопросы структуры самосохранительного поведения личности, взаимосвязи ее элементов, вопросы взаимосвязи самосохранительного поведения индивидов с состоянием здоровья, заболеваемости и продолжительности жизни различных групп населения. Актуальность изучения существующего сегодня самосохранительного поведения обуславливается рядом причин.

Во-первых, процессы усложнения общественной жизни, изменение ее ритма, резкое возрастание социальных взаимодействий привели к изменению характера заболеваний и преобладанию в их числе не инфекционных, а «болезней цивилизации», развитие которых в основном определяется образом жизни и поведением в отношении здоровья. Так, первое место среди причин смертности (55,4%) и второе в структуре общей заболеваемости (12,8%) занимают болезни системы кровообращения. Второе место занимают новообразования (13,3%). На третье место вышла смертность от несчастных случаев, травм и отравлений (11,5%). Произошедшие социально-экономические перемены поставили население перед необходимостью изменить отношение к здоровью, взяв на себя ответственность за собственное здоровье, выражаемое в соответствующих поведенческих практиках. Но в силу инертности психологических механизмов индивидуального и общественного сознания, отсутствия у насе-

ления знаний о возможных способах адаптации к новой ситуации население оказалось не способным адекватно реагировать на новые реалии изменением поведения в сфере здоровья, что привело к формированию уровня культуры самосохранительного поведения населения намного ниже стандартов развитых стран.

Во-вторых, в результате изменений условий и норм жизни возросла роль личного выбора (ценностей, норм, стиля жизни и поведения), образ жизни людей стал более закрытым, индивидуальным, предполагающим широкий спектр возможностей управления своей жизнью [6, с. 2]. **Произшедшие перемены** в образе жизни населения обусловили высокую распространенность саморазрушающих видов поведения – пьянства, наркомании, токсикомании. Согласно статистическим данным, распространенность табакокурения составляет 29,6% населения в возрасте старше 16 лет. Уровень потребления абсолютного алкоголя на душу населения составляет 12,4 л в год (предельно критический мировой показатель – 8 л), количество больных наркоманией в 2008 г. составило 7376 чел. [7].

В-третьих, ценность здоровья для подавляющего большинства населения, согласно данным республиканского социологического исследования «Поведенческие факторы риска населения Республики Беларусь», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси совместно с Республиканским центром гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья (2009 г.), является бесспорной – наибольшее число опрошенных (81,9%) отмечают здоровье в числе важнейших жизненных ценностей. Однако необходимо отметить, что ценность здоровья носит скорее не фундаментальный, а инструментальный характер: для многих людей показателями жизненного успеха являются уровень материального благосостояния, карьера, власть, а здоровье является лишь дополнительным источником жизненных ресурсов, средством для достижения более значимых целей. В результате в индивидуальном и массовом сознании стремление к сохранению и укреплению здоровья не входит в число главных жизненных приоритетов.

В-четвертых, созданная система бесплатного и доступного медицинского обслуживания, бывшая огромным достижением социалистического общества, явилась вместе с тем и фактором, негативно влияющим на формирование индивидуальной ответственности каждого человека за здоровье, – функция ответственности перекладывалась на систему здравоохранения. В результате иждивенческий подход в отношении здоровья глубоко укоренился в сознании людей. Лишь незначительная часть населения республики проявляет способность к эффективной, без потерь для здоровья, самоорганизации повседневной жизни. Мотивация самосохранения населения остается крайне низкой, отношение к здоровью является несбалансированным, сочетающим в себе практики саморазрушающего поведения, что подтверждают результаты исследований, проведенных за период 2002–2008 гг. Институтом социологии НАН Беларуси совместно с Республиканским центром гигиены, эпидемиологии и обще-

ственного здоровья под руководством В. Р. Шухатович совместно с авторами. С целью мониторинга самосохранительного поведения населения Республики Беларусь в 2009 г. этими же учреждениями было проведено республиканское социологическое исследование «Поведенческие факторы риска населения Республики Беларусь». Объектом исследования стало взрослое (от 16 лет и старше) население Республики Беларусь. Всего было опрошено 2059 чел. В исследовании рассматривались следующие аспекты самосохранительного поведения: самооценка здоровья; представления о факторах, влияющих на здоровье; самооценка того, насколько образ жизни индивида является здоровым; меры, предпринимаемые по сохранению и укреплению здоровья.

В результате исследования были получены следующие данные. Половина опрошенных (50,6%) оценивают состояние своего здоровья как «удовлетворительное», 13,8% – как «плохое» и «скорее плохое», и только треть респондентов оценивают состояние своего здоровья как «хорошее» и «скорее хорошее». Анализ данных позволил выявить как благоприятные факторы для сохранения здоровья человека, так и негативно влияющие на состояние здоровья. По мнению опрошенных, к главным факторам, *благоприятно влияющим на здоровье человека*, относятся: правильное питание (61,5%), полноценный отдых (58,9%), хорошие экологические условия (45,5%); далее по мере убывания – материальное благополучие (40,2%), отказ от вредных привычек (38,2%), взаимопонимание в семье и на работе (37,9%), качественное медицинское обслуживание (35,6%), хорошие условия труда, учебы (34,5%). Важность физической активности в сохранении и укреплении здоровья признают только треть опрошенных. Главными факторами ухудшения состояния своего здоровья респонденты считают экологические условия (56,3% опрошенных) и материальное положение (36,7%); далее по мере убывания значимости – качество питания (30,2%), качество медицинской помощи (23,9%), условия труда и учебы, биологическая наследственность (20,3%), отношения на работе (14,9%), условия отдыха (14,2%), отношения в семье (13,7%), жилищные условия (13,2%), собственное поведение (11,7%). Таким образом, полученные данные подтвердили недооценку самосохранительных усилий самого человека в плане сохранения и укрепления своего здоровья.

В современных условиях для здоровья особенно важно, чтобы каждый человек осознавал необходимость заботы о своем здоровье, учитывал значимость здоровья при формировании жизненных стратегий, укоренял нормы самосохранительного поведения в практику повседневной жизни. По данным исследования, 14,1% опрошенных уделяют достаточно внимания своему здоровью, 24,5% смогли организовать свою жизнь так, чтобы она стала более благоприятной для своего здоровья. Около половины опрошенных (44%) признают, что недостаточно внимания уделяют своему здоровью, 13,4% стали меньше заботиться о своем здоровье.

В результате исследования были выявлены меры самосохранительной активности, предпринимаемые населением для сохранения и укрепления своего здоровья. Анализируя структуру и уровни самосохранительной активности

населения, можно отметить ряд позитивных и негативных аспектов. К числу выявленных негативных аспектов необходимо отнести прежде всего низкую долю респондентов, занимающихся физической культурой (14,1%) и спортом (8,7%). Следует отметить, что не все респонденты (лишь 68,4%) в своей повседневной жизни соблюдают правила личной гигиены. Уровень участия респондентов в массовых профилактических мероприятиях (акциях, выставках по здоровому образу жизни и т. д.) является крайне низким (7,1% опрошенных). Интерес к информации о сохранении и укреплении здоровья выявлен только у трети респондентов: читают литературу о здоровье – 28,7% опрошенных, смотрят телепрограммы о здоровье – 25,5%. К положительному аспекту можно отнести тот факт, что часть респондентов стремится избавиться от вредных привычек: это проявляется в ограничении приема алкоголя (22,3% опрошенных), курения (14,9%).

Результаты исследования показали, что активность респондентов, ориентированная на улучшение здоровья, проявляется в попытках изменить свой образ жизни, чтобы сделать его более благоприятным для здоровья – увеличить физическую активность, привести в норму свой вес, уменьшить употребление жиров, соли, сахара, алкоголя, а также бросить курить. В целом по республике доля активных респондентов составляет две трети опрошенных. Наиболее часто люди пытались снизить потребление жиров (37,7% опрошенных), соли, сахара (36,7%), увеличить свою физическую активность (34,9%); далее по мере убывания – похудеть (34,4%), уменьшить потребление алкоголя (20,7%), бросить курить (20,3%), пополнить (6,3%). Самый высокий уровень результативности выявлен в попытках уменьшить потребление алкогольных напитков (75% удачных попыток), снизить потребление жиров, сахара и соли (по 66% удачных попыток).

Таким образом, результативность активности можно оценить как достаточно высокую, поскольку предпринимаемые респондентами попытки связаны с преодолением норм и привычек, глубоко укорененных в повседневную жизнь людей, и для своего осуществления требуют от индивидов проявления значительных волевых усилий. Согласно данным, в свободное время для большинства опрошенных характерна физическая «неактивность». Наиболее распространенными ежедневными формами проведения свободного времени являются просмотр ТВ (65,1%) и хозяйственные заботы (46,7%). Ежедневные прогулки на свежем воздухе совершают только 20,9% опрошенных, занимаются физическими упражнениями и спортом – всего лишь 9,4%. Весьма негативен тот факт, что более половины (52,3%) опрошенных редко уделяют внимание занятиям физическими упражнениями и спортом.

Самосохранительное поведение включает в себя владение минимальными, необходимыми в повседневной жизни навыками самоконтроля за состоянием своего здоровья и оказания первой медицинской помощи. Результаты исследования показали, что навыки самоконтроля за здоровьем в своей повседневной жизни используют более чем две трети опрошенных, чаще всего это измерение температуры тела (57,9%) и артериального давления (57%). Менее всего

владеют навыком измерения частоты пульса (24,9%). Навыками первой медицинской помощи владеют более половины опрошенных. Большинство респондентов владеют следующими навыками: остановка кровотечений (59,6%), искусственное дыхание (47,1%), оказание помощи при переломах, вывихах (44,8%), при ожогах (44,3%). Ускорение ритма современной жизни привело к существенному повышению стрессовой нагрузки на человека. Согласно полученным данным, очень часто испытывают стрессы в своей повседневной жизни 13,8% опрошенных, часто – 23,2, иногда – 38,2, редко – 19,7%. Не подвержены стрессам 3,9% опрошенных. Основными способами поддержки психического здоровья для многих респондентов являются следующие: сон (66,8%), просмотр ТВ, прослушивание музыки (49,6%), общение (37,1%). К разрушающим формам борьбы со стрессом прибегают 9,3% опрошенных, из них употребляют алкоголь 8,6%, наркотики – 0,7% опрошенных.

Несмотря на это, наибольшее число опрошенных отмечают здоровье в числе важнейших жизненных ценностей, практики саморазрушительного поведения все еще широко распространены в Беларуси. Согласно полученным данным, в настоящее время среди населения республики курят 29,6%, из них постоянно курят 19,8% (от менее 1 пачки до более 1 пачки в день), от случая к случаю – 9,8%. Курили ранее, но бросили – 16,9%, никогда не пробовали – 51,2%. Среди опрошенных выявлен достаточно высокий уровень употребления алкогольных напитков. Большинство опрошенных регулярно или эпизодически распивают алкогольные напитки различной степени крепости: легкие вина употребляют 78,9% респондентов, пиво – 71,1%, крепкие алкогольные напитки – 68,7%. Наряду с проблемой распространенности употребления алкогольных напитков в последние годы отмечается рост наркомании. Согласно полученным данным, наркотические вещества пробовали 6% опрошенных.

Анализ приведенных данных показал: несмотря на то что принцип ответственности за собственное здоровье постепенно укореняется в повседневную жизнь людей, однако он еще не стал всеобщей нормой. Для значительной части опрошенных все еще характерно пассивное отношение к своему здоровью, перекладывание ответственности за состояние своего здоровья на внешние факторы, а не на собственные усилия. В самосохранительном поведении опрошенных значительную долю занимает негативный аспект, проявляющийся в курении, употреблении алкоголя и наркотических веществ. Полученные результаты свидетельствуют об актуальности проблемы самосохранительного поведения для современного общества и необходимости дальнейшего его изучения.

Литература

1. Устав ВОЗ, 1946.
2. Рубцов, А. В. Здоровье как социальная ценность / А. В. Рубцов // Экономика здравоохранения. – 2005. – № 1. – С. 18.
3. Демографический энциклопедический словарь. – М., 1985. – С. 358.
4. Журавлева, И. В. Отношение к здоровью индивида и общества / И. В. Журавлева. – М.: Наука, 2006. – С. 24.

5. Социология семьи: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. А. И. Антонова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 33.
6. Шухатович, В. Р. Здоровый образ жизни: обоснование концептуальной модели исследования / В. Р. Шухатович. – Минск, 2007. – С. 2.
7. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2009 г. (стат. сб.). – Минск: Минстат РБ, 2008. – 567 с.

O. N. OBRAJEI, V. S. PODVALSKAYA

**ACTUAL CHARACTER OF THE STUDY
OF PEOPLE'S SELF-PROTECTIVE BEHAVIOR**

Summary

Different theoretical approaches to the research of self-preservation are examined in the article. The sociological analysis of the peculiarities of self-preservation of the Belarussian population is carried out. The factors influencing health preservation and defining subjective estimation of its state are analysed. The measures taking by the population for preservation and promotion of their health are studied.

Ю. В. НИКУЛИНА,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье рассмотрены актуальные вопросы специфики урбанизационных процессов в современном мире. Показаны особенности протекания процесса урбанизации в социальном пространстве и времени. Проанализировано влияние урбанизации на социальное развитие.

Урбанизация – объективный процесс, затрагивающий все народы, нации и типы культуры. В наши дни проблема глобальной урбанизации становится одной из наиболее актуальных. Это происходит как в силу существенных трансформаций в самом урбанизационном процессе и росте значения города, так и в связи с усложнением структуры современного общества. Современная урбанизация – важная составляющая и одна из фундаментальных движущих сил мирового социоисторического процесса Нового времени, глобализации человеческого сообщества.

Традиционно урбанизация определяется как конкретно-исторический этап развития общества, характеризующийся интенсивным формированием городов как особого типа поселений, с большим количеством населения, сосредоточенным на относительно небольшом пространстве. Урбанизация также понимается как исторический процесс развития механизма городского устройства, который заключается в росте городов, увеличении доли городского населения и расширенном воспроизводстве городского образа жизни [1, с. 55]. Однако сегодня понимание этого процесса лишь как изменения доли городского населения относительно сельского и распространения городского образа жизни не может быть признано удовлетворительным. Процесс этот много сложнее, глубже по своей социальной сути и носит многоаспектный характер по перспективам развития в глобальном масштабе.

Современные глобальные города – это центры национальной и мировой жизни; места концентрации и интеграции производства, финансов и управления. Сущностью этого феномена является территориальная концентрация глобального контроля над социальными процессами и жизнью целых регионов. Это достигается не путем концентрации какого-либо вида ресурсов, а путем интеграции, взаимоперехода ресурсов всех видов, появления особого системного качества – способности к глобальному контролю. Это качество возникает не только в результате концентрации экономического, демографического и по-

литического потенциала, но главным образом в результате процесса одновременной реализации таких феноменов, как концентрация финансов и контроль над финансовыми потоками; организация мировой экономической жизни, главным образом через создание новых организационно-управленческих технологий; создание новых видов услуг: консультативных, информационных, маркетинговых, финансовых услуг; сосредоточение всех видов инноваций, новых технологий и организационно-управленческих систем. Основной «товар» глобального города – посреднические услуги всех видов и в глобальном масштабе [2, с. 134]. **Но самым главным результатом современного урбанизационного процесса становится формирование урбано-индустриального гражданско-правового общества и государства, а в целом современной урбанистической цивилизации.**

Безусловно, рост городов и урбанизация находятся в тесной взаимосвязи. Урбогенез играет роль основополагающей структурообразующей части процесса урбанизации. Он становится необходимым фактором развития общества. Однако количественный рост городов был и остается лишь предпосылкой качественных изменений в характере городских поселений. В англо-американской литературе уже в 1950-е гг. урбанизация (как процесс и состояние) прежде всего связывалась с человеком, его социопсихологическим состоянием, образом жизни, изменением социальных контактов, видов деятельности. В таких определениях урбанизация трактуется как процесс «постепенного перехода от сельского к городскому социопсихологическому состоянию, от немногих постоянных первичных социальных контактов ко многим непостоянным вторичным контактам» [3, с. 24].

Следует отметить, что в Европе в эпоху Нового времени градостроительство стало формой выражения новой социальности, зародившейся именно в это время, а потому город здесь демонстрирует переход на новый уровень развития общества. Поэтому и урбанизация может быть интерпретирована как сложное понятие, которое включает несколько составляющих. Характерными чертами урбанизации сегодня становятся повышенная степень экономической и социальной мобильности населения, обезличенный характер человеческих взаимоотношений, т. е. анонимность, подвижность, прагматизм, постоянно усиливающийся функционализм и профессионализм.

Происходит формирование новой социокультурной системы, противоположной традиционной малой общине. Во-первых, родственные связи, межличностные отношения в целом, характерные для традиционной социальной организации, заменяются формальными, отчужденными отношениями, дающими индивиду новую степень свободы. Во-вторых, размеры, плотность и разнообразность городского населения обеспечивают основу для сложного современного разделения труда. В-третьих, город становится средоточием современных политических, образовательных, культурных институтов и т. д. Как отмечается во многих исследованиях, такой урбанизм охватил и покорил не только крупные и большие города, но и малые городки, изолированные посе-

ления и деревушки. Другими словами, сближение условий жизни в городе и деревне, внедрение в сельские районы элементов городской жизни и городских систем, услуг привело к разрастанию урбанизма, укреплению его воздействия и конкретных проявлений на всей территории высокоразвитых стран [4, с. 186]. Урбанизация приводит к принципиальным изменениям в структуре занятости, в образе жизни, в характере социальных отношений.

Если рассматривать данный вопрос во временном разрезе, то следует отметить, что в разные времена урбанизация одного типа может резко отличаться по внешнему виду от урбанизации другого типа. Исторически процесс урбанизации имел несколько стадий и различных по своему социальному содержанию форм. Как отмечает Э. Гидденс, «несмотря на то, что фактически везде города играли ключевую роль в процессе становления крупномасштабных обществ, город в классово разделенных обществах не равносителен городу современной эпохи... Поскольку современный урбанизм представляет собой новый тип организации пространства и времени, постольку он отличается от урбанизма традиционного, а его корни соседствуют с корнями капиталистического индустриального общества» [5, с. 245].

Понятие урбанизационного процесса включает возникновение и формирование новой поселенческой структуры, опирающейся на новую, индустриальную, основу. Однако не этот критерий является основополагающим. Под «урбанизацией» в первую очередь понимают возникновение и развитие новых социально-экономических, политических, идеологических, психологических взаимосвязей. В городах получают оформление различные социальные институты – право, государство, религия, культура и др. Кроме того, в рассматриваемое понятие входит и формирование городского человека, члена новой городской общины, выполняющего ряд новых по сравнению с сельской функций, вырабатывающего новую ментальность. В городских условиях формируются новые типы взаимоотношений между людьми, теряющие личностный характер. Отношения становятся безличными: соседскими, правовыми, экономическими, социально-неравноправными, религиозно-идеологическими, административно-управленческими и др. [6].

Урбанизационный процесс, таким образом, можно понимать как проявление определенного этапа социопро пространственной организации общества, основными признаками которого выступают преобладание центростремительной тенденции в размещении производства и расселения людей, что приводит к концентрации экономической и социальной жизни в крупных городах; нарастающая замена природных компонентов среды обитания техногенными, «второй природой»; гетерогенность среды, где сосуществуют различные этнические, религиозные, статусные группы; особые формы взаимодействий, мультикультурализм и т. д.

Итак, урбанизация как цивилизационный процесс характеризуется не только как перемена места жительства людей, но и как глубокие изменения во всех без исключения сторонах жизни человека и общества в целом. Урбаниза-

ция активно воздействует на все социальное пространство, преобразованию подвергаются и материальные субстраты географического пространства. Преобразуется также духовная сфера общества. Идеи и сложившиеся в городе формы общения, взаимодействия людей оказывают глубинное влияние на все общество. Таким образом, урбанизация выступает как продукт сложных преобразований, «выводящих за рамки» определенного типа обществ на исторически новый уровень функционирования. Этот уровень, предполагающий новые принципы и формы организации жизнедеятельности нового урбанизированного общества, характеризует принципиально новое состояние цивилизации [6].

Следует также подчеркнуть, что в основе изучения урбанизационных процессов лежат процессы городские. Город выступает «измерительной конструкцией» в изучении, объяснении, понимании почти всех сфер жизнедеятельности общества. Город связан с общей динамикой урбанизационного процесса и его развитие определяется местоположением в глобализированной среде, отношением к новым технологиям. Вместе с тем все более четко выделяется задача раскрытия социокультурного единства города и процессов урбанизации как феноменов, имеющих единую субстанциональную сущность и историческую обусловленность, и как явлений, находящихся не только в сложной связи и глубокой взаимозависимости, но и не существующих отдельно в своем реальном бытии. Город создает внутри и вокруг себя особую урбанизационную среду, которая выступает в качестве определяющего компонента развития общества. Эта среда, возникающая в процессе урбанизации, становится основанием и одновременно условием развертывания урбанизационного процесса. Урбанизация является порождением города, а город в свою очередь предстает как исторически определенный феномен, воспроизводимый системой отношений этого конкретно-исторического общества [7, с. 19].

Город – сложный социокультурный организм, постоянно развивающийся и интегрирующий системы отношений представляемого им общества. Он выступает сложной социопрограммой, кодирующей и транслирующей смыслы и содержание урбанизированных форм жизни. Именно благодаря этому свойству город способен накапливать, сохранять и развивать системы отношений урбанизированного общества, сохранять и воспроизводить культурный потенциал цивилизации. Современные мегаполисы и города, быстро догоняющие их по инфраструктуре, вовлечены в иерархию глобального урбанизационного процесса, и городская жизнь во всем мире, по сути, имеет ту форму, которая в существенной степени определяется местоположением в ней [8, с. 134].

Решающим фактором в новых урбанизационных процессах является то, что городское пространство все больше дифференцируется в социальном отношении, одновременно становясь функционально взаимосвязанным. Кумулируя культурный, экономический, производственный, технологический, интеллектуальный потенциал общества, город организует структурно-содержательные поля всего общественного организма (в данном случае определенного

общества как особой целостности). В этом плане город осуществляет системообразующие функции в воспроизводстве социокультурной целостности общества [9, с. 278].

В городе возникают и апробируются различные формы взаимодействия людей, вырабатываются правила поведения в частной и общественной жизни, возникают все более опосредованные взаимозависимости, складываются новые формы общения. В процессе урбанизации кристаллизуется городской образ жизни с особой структурой общения, спецификой развития личности, семейных отношений. Его признаки: мобильность, повышение роли социально-профессионального общения, преодоление «локального» типа культуры [10, с. 87]. Контрастность социокультурного пространства носит здесь такой же объективный характер, как и неоднородность природной среды. Она органически свойственна урбанизированному обществу.

Итак, ареной влияния урбанизационных процессов на организацию социального пространства является город как сложнейший организм особой синтетической природы и модель всех современных социальных процессов. В процессах урбанизации возникают новые формы институализации и идентификации общества в целом и отдельного человека в частности. Современные города связаны с важными проблемами, сложившимися на рубеже нового третьего тысячелетия. Они проистекают из пересечения основных макротенденций и их специфических пространственных форм. Город является узловым пунктом, центром, где эти макросоциальные тенденции осуществляются. Среди этих тенденций – глобализация социального пространства, повышение роли телекоммуникаций и сетевых технологий, усиление культурных и политических инноваций. Каждая из этих доминирующих сил, конфигурирующих современные экономико-политические и социокультурные процессы, имеет свою обусловленность, оказывая влияние на жизнь города. Выступая мощной исторически преобразующей силой, урбанизация приобретает в наши дни не только особую действенность в структурировании новых социокультурных, экономических, геополитических пространств, но и становится условием формирования новых структур, новых систем отношений.

Проведенный анализ исследуемых категорий делает правомерным вывод о том, что в своем развитии урбанизация реализуется как состояние и процесс, активно воздействующие на все общество, выступающие в роли его преобразователя. Выступая мощной исторически преобразующей силой, урбанизация приобретает в наши дни не только особую действенность в структурировании новых социокультурных, экономических, геополитических пространств, но и становится условием формирования новых структур, новых систем отношений в сложном глобальном переходе в исторически новое состояние. А это значит, что сквозь призму урбанизации можно рассматривать комплекс наиболее значимых и универсальных тенденций жизнедеятельности общества: социальных, психологических, технических, экономических, коммуникационных, духовных и т. д., а следовательно, – особенности протекания социальных процессов в современном мире.

Литература

1. Лопатенко, В. М. Урбанизация как глобальный процесс современности: специфика и формы / В. М. Лопатенко // Ломоносовские чтения 2004: сб. ст. / МГУ, ф-т социологии. – М., 2004. – С. 54–60.
2. Пирогов, С. В. Социология города. Конспект лекций / С. В. Пирогов. – Томск, 2003. – 211 с.
3. Красовский, К. К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ / К. К. Красовский. – Брест: Изд-во БрГУ, 2004. – 203 с.
4. Галич, З. Н. Особенности урбанизации на рубеже XX–XXI вв. Запад. Восток. Россия / З. Н. Галич // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Э. В. Сайко [и др.]; под ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.
5. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2005. – С. 489.
6. Тыхеева, Ю. Ц. Человек в городском пространстве (философско-антропологические основания урбанографии) / Ю. Ц. Тыхеева // Московский гуманитарный ун-т [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/> – Дата доступа: 09.12.2007.
7. Сайко, Э. В. Урбанизация – явление и процесс исторического развития / Э. В. Сайко // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Э. В. Сайко [и др.]; под ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.
8. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
9. Сайко, Э. В. Урбанизация – организующий фактор исторического развития / Э. В. Сайко // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Э. В. Сайко [и др.]; под ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.
10. Вагин, В. В. Городская социология / В. В. Вагин. – М., 2000. – 169 с.

Y. V. NIKULINA

URBANIZATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF THE SYSTEM SOCIAL TRANSFORMATION

Summary

The article includes analysis of the actuality questions of the specification of the urbanization in the modern world. There you can see process of the urbanization in the social space in details. In this article described influence of the urbanization to the social development.

А. Л. ПУШКИН,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ И ТЕХНОГЕННЫХ РИСКОВ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются глобальные проблемы современной техногенной цивилизации, без решения которых невозможно успешное решение существующих проблем на мезо- и микроуровне и обеспечение устойчивого развития общества. Предложены альтернативы современного развития общества.

В XX веке современная модель человеческого развития трансформировалась в техногенную цивилизацию, основным содержанием которой стало производство материальных благ и их потребление. Термин «техногенный» определяет важнейшие компоненты цивилизации: научно-технический прогресс, науку и технику, при помощи которых человек стремится реализовать свои цели, преобразуя при этом природу, самого себя и общество. За короткий исторический период научный прогресс достиг впечатляющих результатов в различных сферах деятельности. Научные достижения, обеспечившие высокоэффективные средства приспособления, значительный прогресс в улучшении материальной жизни людей индустриального общества, при ускорении процессов глобализации обеспечили внедрение ценностей западного общества на большей части современного мира. Хотя современный мир значительно изменился в материальном аспекте своего бытия, стал материально богаче, но в духовной жизни не произошло значительных изменений, сущность человеческой природы не изменилась. Наоборот, доминирующая в западной цивилизации технократическая идеология детерминирует поведение человека во всех сферах его деятельности, что в свою очередь обуславливает моральный регресс. «Потому что технический принцип: цель требует применения всех необходимых средств – переносится в сферу морали, права, политики и утверждает здесь, что цель оправдывает средства» [3, с. 561].

К. Маркс, Ф. Ницше, В. Соловьев, М. Хайдеггер, З. Фрейд отмечали негативное воздействие технического прогресса на физическую и нравственную природу человека, выразившееся в усилении его эгоизма, духовной надломленности, развитии негативных наклонностей, усилении моральной деградации и индифферентности, отсутствии возможностей в сложившихся условиях относиться друг к другу по-человечески («как человек к человеку»). В XX в.

критику современного техногенного общества продолжили такие ученые, как Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, А. Швейцер, А. Турен, Д. Гэлбрейт, Д. Белл, Г. Маркузе, Т. Адорно, Э. Фромм. Эпоха «позднего капитализма» критически представлена в работах У. Бека, З. Баумана, И. Валлерстайна, Ф. Фукуямы, Э. Тоффлера. Ученые критически оценивают современное развитие западного общества, показывают существующие угрозы в рамках западной, техногенной модели развития, отмечают усиление процессов атомизации и социальной патологии в западном обществе, в котором индивидуализм и конкуренция являются высшими культурными ценностями. «Большие надежды, связанные с техногенной цивилизацией, не оправдались, а человечество оказалось перед лицом самоуничтожения», – считает Э. Фромм.

Развитие современных технологий и рост экологических опасностей сделали западное общество «обществом риска». Тот факт, что за последние десятилетия понятие «риска» стало одним из основных терминов как в научной, так и в публицистической литературе, свидетельствует о возникновении новых угроз, обусловленных снижением надежности и стабильности современного общества. Научные достижения фундаментальных научных направлений, нашедшие воплощение в атомной, химической промышленности, современной биотехнологии, несут в себе потенциальную опасность, обусловленную, во-первых, значительным масштабом возможных катастроф во времени и пространстве; во-вторых, невозможно предусмотреть все последствия развития фундаментальных исследований, просчитать все плюсы и минусы новейших научных открытий. По мнению сотрудника Института оценки техники и системного анализа (Германия) доктора философии Г. Бехмана: «Сегодня все более и более многие опасности, связанные с деятельностью цивилизации, рассматриваются в качестве рисков, которые приписываются деятельности человека и за которые он должен нести ответственность, что обусловлено ростом могущества техники. В результате мир сегодня более «случаен» и более зависим от принятия решений, а это значит, что он сильнее зависит от расчетов тех, кто принимает решение» [4, с. 42].

Немецкий социолог Ульрих Бек считает, что глобализация и технологический прогресс способствуют формированию глобального общества риска: в нем отсутствуют территориальные, временные или социальные границы, которые могли бы служить препятствием для современных угроз. При этом ученый рассматривает не только техногенный риск (риск, детерминированный производством научных знаний и современных технологий), но относит к риску целый ряд изменений в социальной жизни: снижение степени влияния традиций и обычаев при формировании личности, снижение степени уверенности и гарантии в завтрашнем дне, трансформацию семейных отношений, усиливающийся разрыв между развитой и развивающейся частью земного шара.

Ответом международного сообщества на существующие угрозы является концепция «устойчивого развития». В докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию (Брундтланд, 1987 г.) это развитие определя-

лось условием, при котором удовлетворение потребностей нынешнего поколения оставляло возможности для развития будущих поколений. Если мы рассмотрим этимологию слов «устойчивое развитие», то увидим определенное противоречие, заключающееся в том, что слово «устойчивый» определяется как «не подверженный колебаниям, постоянный, стойкий, твердый», в то же время слово «развитие» определяется как «процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное, переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, от простого к сложному, от низшего к высшему» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984). При этом понятие «устойчивость» в основном характеризуется как состояние, а понятие «развитие» – в первую очередь как процесс. Таким образом, процесс перехода от старого к новому, как правило, нарушает устойчивость и постоянство. Следовательно, концепцию устойчивого развития целесообразно рассматривать как безопасное, самодостаточное функционирование, состояние общества.

Это положение нашло отражение в одном из докладов Генерального секретаря ООН, отметившего, что «справедливое и устойчивое развитие является одним из необходимых условий обеспечения безопасности, однако обеспечение минимальных стандартов безопасности в свою очередь является одной из предпосылок развития. Стремление решить одну задачу в отрыве от другой не имеет большого смысла» [1, с. 17].

Возникшие экологические проблемы в отличие от тех же проблем 70-х годов (алармизм) с периферии общественного сознания переместились в центр внимания многих ученых, политиков, общественного сознания, что связано с ухудшением окружающей природной среды, с численным ростом и увеличением масштабов катастроф в современном мире. Главным оппонентом технократическому мировоззрению, связанному с ним перманентному научно-техническому прогрессу выступает природная среда, которая напоминает об ограниченности любых ресурсов и необходимости ограничения технократической экспансии.

Современная эпоха характеризуется определенным парадоксом, заключающимся в том, что чем выше уровень научно-технического прогресса, тем уязвимее и менее устойчивым является современный мир. Использование форм постнеклассических и, в частности, синергетических подходов позволяет рассматривать данную проблему с точки зрения закона техно-гуманитарного баланса (или закона эволюционных корреляций): чем выше потенциал производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для выживания общества. С увеличением диспропорций между производством и защитой начинается кризис с подрывом природных и социальных основ собственного существования. Глобализация технических систем значительно увеличивает вероятность и масштаб экологических и техногенных катастроф.

Искусственная техносфера представляет собой Вавилонскую башню, разрушение которой тем вероятней, чем выше уровень научно-технического прогресса и чем ниже уровень духовного развития человека, так как «всякий про-

гресс познания и практики оказывает в конце концов роковое влияние, если им не овладевает сила соответствующего прогресса духовности» [11, с. 334].

Конференция ООН (1992 г.) определила три стратегические задачи, стоящие перед международным сообществом. Ограничение роста производства и потребления в индустриально развитых странах мира, ограничение роста населения, ликвидация неравенства между богатыми и бедными странами. На Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (Южная Африка, 2002 г.) было отмечено, что нынешняя модель развития не может быть устойчивой даже для индустриально развитых стран. Хотя экологический кризис, выражающийся в деградации окружающей среды, продолжается около 100 лет и в последнее десятилетие приобрел угрожающие масштабы, так как предел несущей емкости биосферы превышен современным человечеством примерно в 10 раз, к сожалению, до сих пор нет единой концепции устойчивого развития с критериями социально-экономического развития, четко не обозначены «пределы роста» человеческой экспансии [2, с. 55].

Несмотря на принятые Международным сообществом многочисленные декларации, заявления, конвенции, итоговые документы, планы мероприятий, использование больших материальных ресурсов, – экологическая, экономическая, социальная ситуация в мире продолжает ухудшаться. За 20 лет, прошедших между двумя межправительственными конференциями (Стокгольм, 1972 г.; Рио-де-Жанейро, 1992 г.), международное сообщество истратило 12 трлн долл. на мероприятия по организации экологически более «чистого» производства. Однако несмотря на принимаемые меры, экологическая ситуация продолжает ухудшаться. Это свидетельствует или о недостаточности затраченных средств, или о неверности выбранного направления, или о том и другом вместе [13, с. 780].

Во-первых, основным фактором техногенной цивилизации является наука и техника, научно-технический прогресс, направленный на преобразование мира и подчинение человеком окружающей природы. Социально-экологический кризис – это, в определенной мере, показатель эффективности существующей политической системы, показатель развития науки и техники. По мере углубления социально-экологических проблем, усиления существующих рисков, увеличения частоты и масштабов социально-экологических и техногенных и природных катастроф, возникает жизненная необходимость в смене парадигм общественного развития с экономического на экологическое, внедрение в общественное сознание экологического императива.

Сложность перехода заключается в том, что переход к новой модели социального развития связан не только со сменой типа производства и характера потребления, но и радикальным сдвигом в общественном сознании в отношении к окружающему миру, преодолении стереотипов антропо- и социоцентризма. При существующем противоречии между развитием общества и естественными законами природы возникает дилемма – изменение парадигмы развития западной цивилизации, или тотальный кризис.

Во-вторых, наука как форма познания окружающего мира имеет ограниченную способность к познанию природного и социального окружения. Кван-

товая механика доказывает, что наше познание микрокосма всегда будет неточным, теорема Курта Геделя отрицает возможность создания полного математического описания реальности. В 30-е годы К. Гедель доказал теорему о неполноте, которая утверждает, что любая содержательная теория включает утверждения, принципиально недоказуемые, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты в ее собственных рамках и поэтому их следует принять на веру или строить новую теорию с новыми недоказуемыми в ее рамках постулатами [10, с. 282]. Иначе говоря, если последовательно задавать вопрос: «Почему?», то рано или поздно мы упираемся в дно аксиоматики. Как утверждает профессор Н. Н. Слонов: «Наука осознала свою ограниченность и необходимость взаимодействовать с другими формами постижения мира...» [5, с. 104]. **Философ В. С. Степин считает: «Функции науки и религии внешне выступают как противоположные, но при более внимательном анализе они предстают как дополнительные»** [7, с. 6]. Некоторые ученые считают, что «каждый источник познания, будь то чувства, разум или интуиция, представляют валидное знание многосторонней действительности [6, с. 479]. Они призывают для познания природы, преобразования окружающего мира использовать все идеи, все существующие методы. «Утверждение же о том, что вне науки не существует познания (*extra scientiam nulla salus*), представляет собой не более чем еще одну очень удобную басню», – утверждает Пол Фейерабенд [9, с. 463].

По нашему мнению, без синтеза различных источников познания (научного, мифологического, религиозного, художественного, с присущими этим направлениям методами, основывающимися на разуме, вере или интуиции), без усиления нравственных начал дальнейшее развитие науки становится непрогнозируемым и опасным для общества. При определенных условиях само развитие науки является значительным риском для существующей цивилизации, что детерминирует контроль за развитием науки как со стороны государственных структур, так и со стороны общества.

В-третьих, общество потребления создало потребляющего человека – *Nomo consumens* (от лат. *consumo* – потреблять, растрачивать, истощать, умертвлять), который сегодня является самой серьезной угрозой окружающему миру. Стремление потреблять как можно больше товаров и услуг охватывает практически все слои общества как индустриально развитых, так и развивающихся стран в соответствии с основным принципом потребительского общества: «Чем больше вы потребляете, тем лучше вы живете». Таким образом, процесс потребления для удовлетворения своих потребностей трансформировался для многих в самоцель, так как сам процесс потребления чего-либо, неважно, чего конкретно, становится насущной потребностью. Философия вещиизма и культ потребления несут угрозу самому существованию человеческой цивилизации. Сегодня никто не готов ограничить свои потребности, но без разумного ограничения, без изменения базовых ценностей невозможно остановить процесс уничтожения природы и общества.

В-четвертых, ускорение темпа жизни, усиление ее многообразия и связанные с этим новации приводят к тому, что индивид не успевает за темпом про-

исходящих перемен. Человечество может погибнуть не только от экологического кризиса, глобального ядерного конфликта, исчерпания энергетических и минеральных ресурсов, но еще ранее оно может погибнуть потому, что не сможет адаптироваться к темпу и характеру происходящих социально-экономических изменений.

Для устранения всей бессмыслицы современной жизни русский философ XIX в. Н. Ф. Федоров предлагал найти «потерянный смысл жизни, понять цель, для которой существует человек, и устроить жизнь сообразно с ней» [8, с. 237]. Философ-гуманист XX в. А. Швейцер отмечал, что «задача нашего поколения продолжить углубленные поиски истинного и полноценного мировоззрения и положить конец прозябанию человечества, лишенного мировоззрения» [15, с. 272]. **Творцы нового сознания, новой парадигмы цивилизационного развития** А. Печчеи, А. Швейцер, Э. Фромм, Т. Рошак, Дж. Фергюсон, Дж. Робертсон, Э. Ласло, И. Т. Фролов, Моисеев и другие считают, что только при выработке и усвоении новой мировоззренческой парадигмы человечество может гарантировать себе перспективу устойчивого существования. При этом необходимо осуществить разумное ограничение потребления природных ресурсов, что в свою очередь возможно при отказе населения от определенных материальных благ и представляет наибольшую трудность при существующих социально-политических условиях, широком распространении типа человека потребляющего (*Homo consumens*).

Обнадеживающей тенденцией в изменении взаимоотношений человека и природы является концепция «коэволюции», согласно которой человечество перестает бороться и покорять природу, а найдет пути коадаптации с ней. Те же ценности утверждает инвайроментальный (окружение, среда) подход, который признает определяющую роль в существовании и развитии человечества за окружающей средой. Основатели данного направления У. Кэтон, Р. Даплэн обосновали свою концепцию четырьмя утверждениями: 1) человек *Homo sapiens* является только одним из множества видов биосферы, формирующей нашу социальную жизнь; 2) воздействие окружающей природной среды на общество приводит к непредсказуемым последствиям, независимым от сознательной человеческой деятельности; 3) природные ресурсы планеты ограничены, и это ограничивает человеческую деятельность, социально-технический прогресс; 4) хотя технические достижения увеличивают несущие возможности природной среды, они не могут окончательно преодолеть экологические закономерности. Превышение антропогенной нагрузки на окружающую естественную среду приводит к экологическому дефициту, создающему угрозу существования человека. Радикальные гуманисты Торо, Эмерсон, А. Швейцер, Э. Блох, И. Иллич, М. Маркович, С. Супек, экономист Э. Ф. Шумахер, Э. Эпплер при всем разнообразии своих точек зрения сходятся в следующем:

производство должно служить человеку, а не экономике;

отношения между человеком и природой должны строиться не на эксплуатации, а на кооперации;

антагонизмы должны быть заменены отношениями солидарности;

высшая цель социальных преобразований заключается в человеческом благе и предотвращении человеческих страданий;
не максимальное, а лишь разумное потребление;
направленность человеческой деятельности на благо других людей.

Таким образом, мы видим, что человечеству предложен целый ряд альтернатив, предполагающих при условии их осуществления устойчивое, стабильное развитие человеческого социума. Однако за последние две тысячи лет нравственное, духовное развитие не изменилось, чтобы это произошло, необходимо осознание всеобщей опасности, присущей всей жизни современного человечества. На наш взгляд, значительную роль в изменении массового сознания приобретают социальные и техногенные риски современной цивилизации; социальные, природные, техногенные катастрофы выступают в качестве своеобразных «учителей», предупреждающих человечество и подталкивающих его к изменению его мировоззрения, прекращению деятельности, разрушающей дом человечества – окружающую природу.

Литература

1. Кофи, А. Предотвращение войн и бедствий: Глобальный вызов растущих масштабов. Годовой доклад о работе ООН за 1999 год / А. Кофи. – Нью-Йорк, 2000. – С. 17.
2. Бганба, В. Р. Социальная экология: учеб. пособие / В. Р. Бганба. – М.: Высш. шк., 2004. – 309 с.
3. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 605 с.
4. Бехман, Г. Современное общество как общество риска / Г. Бехман // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 26–47.
5. Слонов, Н. Н. Системный разум: Бейтсон и Ильенков / Н. Н. Слонов // Философские науки. – 2009. – № 5. – С. 104.
6. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
7. Степин, В. С. Философия религии в социокультурном контексте (памяти Л. Н. Митрохина) / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 6.
8. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела / Н. Ф. Федоров. – М.: Наука, 2000. – Т. 2. – 357 с.
9. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки. Против методологического принуждения очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
10. Хорган, Дж. Конец науки / Дж. Хорган. – СПб.: Амфора, 2001. – 478 с.
11. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1973. – 342 с.
12. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–17.
13. Экологический энциклопедический словарь. – М.: Наука, 2000. – 1999 с.

A. L. PUSHKIN

PROBLEM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF A SOCIETY WHILE THE SOCIAL AND TECHNOLOGICAL RISKS OF THE MODERN CIVILIZATION

Summary

Author of article examined global problems of a modern technogenic civilization. Without decision of these problems it is impossible to solve existing problems on mezolevel and microlevel and to maintain social steady development. Alternatives of modern development of a society are offered.

**ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ И ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

УДК 314.74(476)

М. И. АРТЮХИН,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ
НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЗА 2000–2008 ГГ.**

В статье исследуются особенности внешней миграции населения в Республике Беларусь за период 2000–2008 гг. Показывается, что она претерпела довольно значительную трансформацию и продолжает изменяться под воздействием политической и экономической глобализации. Отмечено, что миграция сегодня превращается в постоянную составляющую политического, социально-экономического и культурного развития белорусского общества и является почти единственным источником пополнения численности населения и трудовых ресурсов страны. Миграционный прирост населения сейчас играет ту роль, которая прежде принадлежала приросту естественному. В свете понимания этого факта особое внимание должно быть уделено разработке селективной миграционной политики.

Миграционные процессы в Республике Беларусь за последние 15 лет претерпели довольно значительную трансформацию и продолжают изменяться под воздействием политической и экономической глобализации. Последнее отразилось на объемах, интенсивности и направленности потоков внешней миграции населения Республики Беларусь. Долгосрочный многовариантный прогноз демографического развития Беларуси, учитывающий различные сценарии эволюции рождаемости, смертности, внутренней и внешней миграции населения, показывает, что ключевой проблемой демографического развития Беларуси остается проблема преодоления последствий начавшегося процесса депопуляции, который несет следующие угрозы: старение, абсолютное сокращение трудового потенциала, потеря его качества, наконец, резкое увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население за счет пенсионеров. Крайне негативными представляются геополитические последствия депопуляции, поскольку потеря населения, утрата трудового потенциала будут означать безвозвратные потери в сфере экономики, обороноспособности, в социальной сфере.

В связи с естественной убылью населения Беларуси миграция сегодня является почти единственным источником пополнения численности населения и трудовых ресурсов страны. Влияя на общую численность населения и на его социально-экономическую структуру, миграция превращается в постоянную составляющую политического, социально-экономического и культурного раз-

вития общества, в одну из причин изменения самого типа общества. Поэтому миграционные процессы и их последствия являются важным фактором для оценки перспектив развития белорусского общества. Динамика внешней миграции населения Республики Беларусь за период 2000–2008 гг. представлена в табл. 1.

Таблица 1. Общие итоги внешней миграции населения Республики Беларусь за период 2000–2008 гг.

Мигранты	Общая численность мигрантов, 2000–2008 гг., чел.	Год								
		2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность прибывших мигрантов	159748	25943	23355	18939	18146	14642	13031	14124	14155	17413
Численность выбывших мигрантов	105283	13812	14270	13378	12986	12510	11082	8498	9479	9268
Сальдо миграции	54465	12131	9085	5561	5160	2132	1949	5626	4676	8145

Источники: Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2008 года. Стат. сб. Минск: Нац. стат. комитет РБ, 2009.

Сальдо миграции населения Республики Беларусь на протяжении 2000–2008 гг. оставалось положительным и составило 54 465 чел. Последнее позволяет, с точки зрения демографических интересов страны, рассматривать внешнюю миграцию как необходимый канал, возмещающий естественную убыль населения. Это обусловлено тем, что за последние пятнадцать лет эмиграционный поток из Республики Беларусь сократился в 6,6 раза, а по сравнению с 2000 г. – на 32,9%.

В 2008 г. численность прибывших на постоянное место жительства в Беларусь составила 17 413 чел. (рост по сравнению с 2007 г. – на 18,7%). Численность выбывших – 9268 чел. (уменьшение по сравнению с 2007 г. – на 2,2%). Сальдо миграции в 2008 г. было положительным и составило 8145 чел. (рост по сравнению с 2007 г. – на 42,6%). Однако этого оказалось недостаточно, чтобы сыграть решающую роль в возмещении естественной убыли населения, которая составила в 2008 г. 26 484 чел. Общий прирост населения наблюдался в Минске – на 14 115 чел. Это позволило несколько снизить показатели процесса депопуляции в Беларуси по сравнению с предыдущими годами. Все остальные регионы имели общую убыль населения. В 2008 г. в целом по республике степень компенсации естественной убыли населения за счет положительного сальдо миграции составила всего 30,7% (табл. 2).

Республика Беларусь в 2008 г. имела положительное сальдо миграции со странами СНГ – 7364 чел., странами Балтии – 566 чел. Отметим, что в 2008 г. впервые за последние годы Беларусь имела положительное сальдо миграции и со странами дальнего зарубежья – 215 чел. Это положительный результат по сравнению с 2007 г., когда отрицательное сальдо миграции со странами дальнего зарубежья составило 612 чел. Наибольшее количество граждан Беларуси

выехало на постоянное место жительства в 2008 г. в страны СНГ – 6856 чел. (74,0% от общей численности эмигрантов). В страны дальнего зарубежья эмигрировали 2215 чел. (23,9%), в страны Балтии – 197 чел. (2,1% от общей численности эмигрантов) (табл. 3).

Таблица 2. **Итоги влияния внешней миграции населения на общий прирост (убыль) населения Республики Беларусь**

Население	Всего	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост	Сальдо миграции	Общий прирост
Республика Беларусь	9671,4	107,910	134,394	-26484	8145	-18339
Брестская	1433,0	17,200	19,340	-2140	112	-2028
Витебская	1265,2	12,281	19,790	-7509	-569	-8078
Гомельская	1464,5	16,832	21,282	-4450	384	-4066
Гродненская	1102,8	12,483	16,152	-3669	-201	-3870
г. Минск	1828,9	20,806	17,747	3059	11056	14115
Минская	1453,9	16,033	23,059	-7026	-850	-7876
Могилевская	1123,1	12,275	17,024	-4749	-1787	-6536

Источник: Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь-декабрь 2008 года. Стат. сб. Минск: Нац. стат. комитет РБ, 2009.

Таблица 3. **Внешняя миграция населения по странам выезда, чел.**

Вид миграции	Число прибывших			Число выбывших			Сальдо миграции		
	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Республика Беларусь, всего	14124	14155	17413	8498	9479	9268	5626	4676	8145
Со странами СНГ	12390	11938	14220	6165	7142	6856	6225	4796	7364
Со странами Балтии	610	628	763	125	136	197	485	492	566
С другими странами	1124	1589	2430	2208	2201	2215	-1084	-612	215

Источник: Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь-декабрь 2008 года. Стат. сб. Минск: Нац. стат. комитет РБ, 2009.

В 2008 г. в Беларусь на постоянное место жительства из стран СНГ прибыли 14 220 чел. (81,7% от общей численности иммигрантов), из стран дальнего зарубежья – 2430 чел. (14,0%), из стран Балтии – 763 чел. (4,4% от общей численности иммигрантов). Основные государства, имевшие наибольшую долю в эмиграционном потоке в 2008 г., представлены на рис. 1. Основные государства, имевшие наибольшую долю в иммиграционном потоке в 2008 г., представлены на рис. 2.

Пополнение населения Беларуси и большинства ее регионов за счет его собственного воспроизводства в ближайшей перспективе маловероятно. Это обстоятельство резко повышает значение внешних миграционных процессов, которые всегда играли очень важную роль в формировании населения республики. Имеющиеся прогнозы естественного прироста населения Беларуси за-

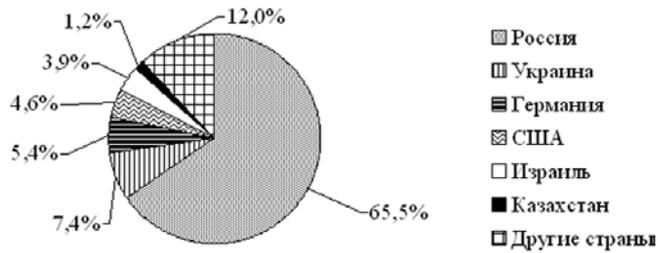

Рис. 1. Структура эмиграционного потока по странам выезда, 2008 г.

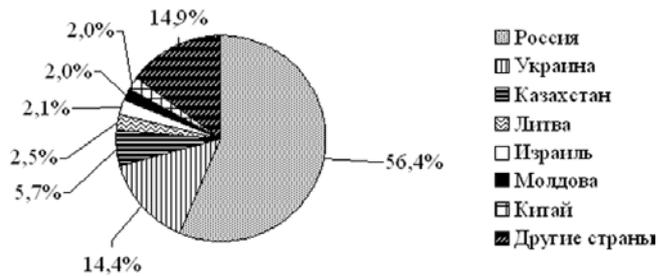

Рис. 2. Структура иммиграционного потока по странам выезда, 2008 г.

ставляют обратить большее внимание на второй компонент роста его численности – миграцию, тем более что миграционный прирост уже сейчас до известной степени играет ту роль, которая прежде принадлежала приросту естественному. Судя по долговременным тенденциям, свойственным Беларуси и опыту большинства стран, изменение соотношения между естественным и миграционным приростом является поворотным пунктом в демографическом развитии нашей страны. Как показывают анализ и прогноз процессов воспроизводства

населения Беларуси, даже при самой благоприятной динамике естественного прироста, какую можно предположить в рамках реалистических гипотез, только приток иммигрантов – в большей или меньшей степени, в зависимости от объема и состава миграционных потоков – способен противодействовать сокращению численности и старению населения нашей страны. В свете понимания того факта, что в ближайшем будущем иммиграция станет одним из источников пополнения населения Беларуси, особое внимание должно быть уделено разработке мер селективной миграционной политики (по отдельным странам, профессиям, вероисповеданию), определению пропорций привлечения мигрантов на временной и постоянной основе.

M. I. ARTUKHIN

THE MAIN TRENDS OF DEVELOPMENT OF EMIGRATION OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS FROM 2000 to 2008

Summary

In article features of an external migration of the population in Byelorussia during 2000–2008 are investigated. It is shown that it has undergone considerable enough transformation and continue to change under the influence of political and economic globalization. It is noticed that migration turns today to a constant component of political, social and economic and cultural development of the Belarus society and is almost unique source of replenishment of a population and a country manpower. The migratory increase in population now plays that role which belonged before to a gain natural. In the light of understanding of this fact the special attention should be given working out of a selective migratory policy.

П. П. ДИМИТРУК,

кандидат экономических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск;

Т. А. АНТОНОВА,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ВНУТРИРЕСПУБЛИКАНСКАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: АНАЛИЗ ПО ИТОГАМ 2008 г.

Анализируются состояние и основные тенденции внутриреспубликанской миграции населения Республики Беларусь. Приведены данные о миграционных перемещениях населения по регионам Беларуси. Освещены основные меры государственного регулирования миграционных процессов внутри республики.

Внутриреспубликанская миграция занимает основное место в структуре миграции населения Беларуси. В 2008 г. миграционный оборот (суммарная численность прибывших и выбывших мигрантов) в рамках внутриреспубликанской миграции превышал миграционный оборот в рамках международной миграции более чем в 16 раз. Причем при уменьшении в 2008 г. по сравнению с 2002 г. миграционного оборота в рамках международной миграции на 5,6 тыс. чел. (17,4%) миграционный оборот в рамках внутриреспубликанской миграции увеличился на 41,5 тыс. чел. (10,5%). Растет и доля миграционных перемещений в рамках внутриреспубликанской миграции в общем миграционном обороте: например, если в 2002 г. она составляла 92,5% (396,8 тыс. чел.), то в 2008 г. – 94,3% (438,3 тыс. чел.) (табл. 1).

Таблица 1. Миграционный оборот населения Республики Беларусь в 2002 и 2008 гг.

Вид миграции	Миграционный оборот					
	2002 г.		2008 г.		изменение миграционного оборота в 2002–2008 гг.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего	429101	100,0	464961	100,0	+35860	+8,4
Международная	32317	7,5	26681	5,7	–5636	–17,4
Внутриреспубликанская	396784	92,5	438280	94,3	+41496	+10,5
Всего	429101	100,0	464961	100,0	+35860	+8,4
Международная	32317	7,5	26681	5,7	–5636	–17,4
Внутриреспубликанская	396784	92,5	438280	94,3	+41496	+10,5

Р а с с ч и т а н о п о: Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь-декабрь 2002 года. Стат. сб. Минск: Минстат, 2003. С. 11; Основные итоги миграции населения Республики Беларусь за январь-декабрь 2008 года. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. С. 13.

Анализ структуры внутриреспубликанской миграции показывает, что ведущее место в ней занимают перемещения населения внутри областей республики. Так, доля внутриобластной миграции в общем миграционном обороте составляла в 2008 г. 53,6% (235,0 тыс. чел.). При этом во внутриобластной миграции преобладают перемещения населения между районами одной области. Доля межрайонной миграции населения в пределах одной области составляла в 2008 г. 80,7% (189,7 тыс. чел.), в то время как доля внутрирайонной – 19,3% (45,4 тыс. чел.) (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Миграция населения Республики Беларусь в 2008 г.

Вид миграции	Число прибывших		Число выбывших		Миграционный оборот		Сальдо миграции	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего	236553	100,0	228408	100,0	464961	100,0	8145	100,0
Международная	17413	7,4*	9268	4,1*	26681	5,7*	8145	100,0
Внутриреспубликанская	219140	92,6*	219140	95,9*	438280	94,3*	–	–
Межобластная	101620	46,4**	101620	46,4**	203240	46,4**	–	–
Внутриобластная	117520	53,6**	117520	53,6**	235040	53,6**	–	–
Межрайонная	94829	80,7***	94829	80,7***	189658	80,7***	–	–
Внутрирайонная	22691	19,3***	22691	19,3***	45382	19,3***	–	–

Р а с с ч и т а н о п о: Основные итоги миграции населения Республики Беларусь за январь-декабрь 2008 года. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. С. 13; * – рассчитывается как удельный вес в общей миграции; ** – рассчитывается как удельный вес во внутриреспубликанской миграции; *** – рассчитывается как удельный вес во внутриобластной миграции.

В межпоселенных миграционных потоках во внутриреспубликанской миграции выделяются четыре направления перемещений: *из села в город*, в этом случае миграция представляет собой существенный источник формирования городского населения республики; *из города в село*, что наблюдается значительно реже; *из города в город*, главное направление в данном случае – движение людей из мелких городов и поселков городского типа в крупные, экономически развитые города со сложной инфраструктурой; *из села в село*, главным образом из мелких сельских поселений в крупные. Сведения о внутриреспубликанской миграции населения по направлениям перемещений в 2002, 2007 и 2008 г. приведены в табл. 3. Почти треть объема внутриреспубликанской миграции населения составляет миграционный поток в направлении «село–город». В 2008 г. число таких мигрантов составило 67,0 тыс. чел., или 30,6% от их общего числа. Увеличение числа мигрантов в 2008 г. по сравнению с 2002 г. по этому миграционному потоку составило 7,2 тыс. чел., или 12,0%. Гораздо меньшим по объему оказался в 2008 г. миграционный поток в обратном направлении, т. е. из городов в села – 48,7 тыс. чел., или 22,2% от общего объема внутриреспубликанской миграции. Тем не менее по сравнению с 2002 г. число мигрантов направления «город–село» увеличилось на 5,5 тыс. чел., или на 12,9%.

Таблица 3. Внутриреспубликанская миграция населения Республики Беларусь по направлениям миграционных потоков в 2002, 2007 и 2008 гг.

Направление миграции	2002 г.		2007 г.		2008 г.		Изменение числа мигрантов в 2008 г. по сравнению с 2002 г.		Изменение числа мигрантов в 2008 г. по сравнению с 2007 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего	198392	100,0	224350	100,0	219140	100,0	+20748	+10,5	-5210	-2,3
Село–город	59812	30,2	68979	30,7	66973	30,6	+7161	+12,0	-2006	-2,9
Город–село	43136	21,7	50789	22,6	48681	22,2	+5545	+12,9	-2108	-4,2
Город–город	79414	40,0	84045	37,5	86683	39,5	+7269	+9,2	+2638	+3,1
Село–село	16030	8,1	20537	9,2	16803	7,7	+773	+4,8	-3734	-18,2

Р а с с ч и т а н о п о: Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2002 года. Стат. сб. Минск: Минстат, 2003. С. 11; Основные итоги миграции населения Республики Беларусь. Стат. сб. Минск: Минстат., 2008. С. 53, 55; Основные итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2008 года. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. С. 13.

Наибольшее число мигрантов во внутриреспубликанской миграции переезжают из одних городов республики в другие. В 2008 г. число таких мигрантов составило 86,7 тыс. чел., или 39,5% от общего объема миграции. По сравнению с 2002 г. число мигрантов в направлении «город – город» увеличилось на 7,3 тыс. чел., или на 9,2%. Менее всего мигрантов переезжают из сел в села: в 2008 г. – 16,8 тыс. чел., или 7,7% от общего объема внутриреспубликанской миграции. По сравнению с 2002 г. число таких мигрантов увеличилось на 0,8 тыс. чел., или на 4,8%.

Анализ изменений числа мигрантов в 2008 г. по сравнению с 2007 г. показывает, что в 2008 г. наблюдалось некоторое замедление темпов внутриреспубликанской миграции. Так, общее число мигрантов уменьшилось на 5,2 тыс. чел. (2,3%), в том числе по направлениям миграций: «село – город» – на 2,0 тыс. чел. (2,9%), «город – село» – на 2,1 тыс. чел. (4,2%), «село – село» – на 3,7 тыс. чел. (18,2%). Увеличение числа мигрантов имело место только в направлении «город – город» – на 2,6 тыс. чел. (3,1%). Что касается доли числа мигрантов в направлении «село – город», то в 2008 г. по сравнению с 2007 г. она практически не изменилась и составляла более 30,0% от общего числа мигрантов по всем направлениям миграций. Сравнительный анализ миграционных перемещений населения в разрезе регионов Беларуси показывает, что в направлении «село – город» более всего мигрантов в 2008 г. переехали в г. Минск – 14,3 тыс. чел., или 21,3% от общей численности мигрантов этого направления в целом по республике. Менее всего жителей оставили села и переехали в городскую местность в Могилевской области – 6,3 тыс. чел., или 9,4%. По сравнению с 2002 г. наиболее значительное увеличение численности мигрантов из сельской местности в городскую в процентном выражении отмечено в Брестской области – на 61,6% (4,4 тыс. чел.) и в Гродненской – на 61,7% (3,2 тыс. чел.) (табл. 4).

Таблица 4. Внутривнутриреспубликанская миграция населения в направлении «село – город» по регионам Беларуси в 2002 и 2008 гг.

Регион	2002 г.		2008 г.		Изменение числа мигрантов в 2008 г. по сравнению с 2002 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Республика Беларусь, всего	49814	100,0	66973	100,0	+17159	+34,4
Брестская	7194	14,4	11627	17,4	+4433	+61,6
Витебская	8004	16,1	9180	13,7	+1176	+14,7
Гомельская	6420	12,9	9534	14,2	+3114	+48,5
Гродненская	5165	10,4	8352	12,5	+3187	+61,7
г. Минск	10758	21,6	14273	21,3	+3515	+32,7
Минская	6078	12,2	7711	11,5	+1633	+26,9
Могилевская	6195	12,4	6296	9,4	+101	+1,6

Р а с с ч и т а н о п о: Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь-декабрь 2002 года. Стат. сб. Минск: Минстат, 2003. С. 11–18; Основные итоги миграции населения Республики Беларусь за январь-декабрь 2008 года. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. С. 13.

Сведения о внутривнутриреспубликанской миграции населения в направлении «город–село» по регионам Беларуси в 2002 и 2008 гг. приведены в табл. 5.

Таблица 5. Внутривнутриреспубликанская миграция населения в направлении «город–село» по регионам Республики Беларусь в 2002 и 2008 гг.

Регион	2002 г.		2008 г.		Изменение числа мигрантов в 2008 г. по сравнению с 2002 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Республика Беларусь, всего	36798	100,0	48681	100,0	+11883	+32,3
Брестская	6468	17,6	9117	18,7	+2649	+41,0
Витебская	5568	15,1	6503	13,4	+935	+16,8
Гомельская	5330	14,5	6874	14,1	+1544	+29,0
Гродненская	3993	10,9	5146	10,6	+1153	+28,9
г. Минск	–	–	–	–	–	–
Минская	11675	31,7	16586	34,1	+4911	+42,1
Могилевская	3764	10,2	4455	9,1	+691	+18,4

Р а с с ч и т а н о п о: Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь-декабрь 2002 года. Стат. сб. Минск: Минстат, 2003. С. 11–18; Основные итоги миграции населения Республики Беларусь за январь-декабрь 2008 года. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. С. 13–20.

Как видим, наиболее значительные миграционные перемещения населения из городов республики в сельскую местность отмечены в 2008 г. в Минской области. В этом направлении здесь переехали 16,6 тыс. чел., или 34,1% от общей численности мигрантов, переехавших из городской местности в сельскую в целом по республике. Мигрировавших в сельскую местность жителей

г. Минска в 2008 г. не отмечено. Сравнение миграционных потоков в направлении «город–село» в 2008 и 2002 гг. показывает, что наиболее значительное увеличение численности мигрантов, переехавших из городской местности в сельскую, в процентном выражении, произошло в Брестской области – на 41,0% (2,6 тыс. чел.) и в Минской – на 42,1% (4,9 тыс. чел.). Довольно значительное увеличение за указанный период числа мигрантов, переехавших из города в сельскую местность, является результатом реализации мер, предусмотренных Государственной программой возрождения и развития села на 2005–2010 гг. При анализе миграционных перемещений из сельской местности в городскую и в обратном направлении особое значение имеет конечный результат таких перемещений, т. е. сальдо миграции. Данные о сальдо внутриреспубликанской миграции населения Республики Беларусь между городскими и сельскими поселениями в 2008 г. приведены в табл. 6.

Таблица 6. Сальдо внутриреспубликанской миграции населения Республики Беларусь между городскими и сельскими поселениями в 2008 г.

Регион	Число прибывших в городские поселения из сельской местности		Число выбывших из городских поселений в сельскую местность		Сальдо миграции	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Республика Беларусь, всего	66973	100,0	48681	100,0	+18292	+37,6
Брестская	11627	17,4	9117	18,7	+2510	+27,5
Витебская	9180	13,7	6503	13,4	+2677	+41,2
Гомельская	9534	14,2	6874	14,1	+2660	+38,7
Гродненская	8352	12,5	5146	10,6	+3207	+ в 1,6 р.
г. Минск	14273	21,3	–	–	+14273	+100,0
Минская	7711	11,5	16586	34,1	–8875	– в 2,2 р.
Могилевская	6296	9,4	4455	9,1	+1841	+41,3

Р а с с ч и т а н о п о: Основные итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2008 года. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. С. 13–20.

Из приведенных данных видно, что сальдо внутриреспубликанской миграции населения между городскими и сельскими поселениями республики составляло в 2008 г. 18,3 тыс. чел. Именно таким был миграционный прирост населения городов за счет переезда в них жителей села. Такой миграционный прирост обусловлен превышением числа прибывших в города из сел республики над числом выбывших в обратном направлении на 18,3 тыс. чел. (37,6%). Наиболее значительное превышение числа прибывших в города из сел над числом выбывших из городов в села отмечалось в Гродненской области – на 3,2 тыс. чел. (в 1,6 раза). Миграционный прирост городского населения за счет сельского имел место в 2008 г. во всех регионах республики за исключением Минской области, где наблюдалась миграционная убыль городского населения в размере 8,9 тыс. чел. Число выбывших из городов в села превышало

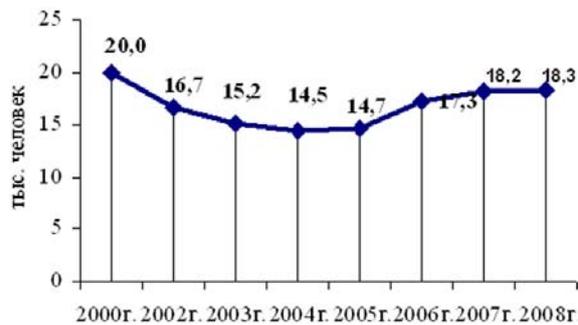
здесь число выбывших в обратном направлении в 2,2 раза. Динамика миграционного прироста городского населения за счет сельского в рамках внутриреспубликанской миграции в областях Беларуси и г. Минске в 2000, 2002–2008 гг. представлена в табл. 7.

Таблица 7. Динамика миграционного прироста городского населения за счет сельского в рамках внутриреспубликанской миграции в 2000, 2002–2008 гг., тыс. чел.

Регион	Год								среднегодовой миграционный прирост городского населения за счет сельского за 2002–2008 гг.
	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	
Республика Беларусь, всего	20,0	16,7	15,2	14,5	14,7	17,3	18,2	18,3	+16,4
Брестская	1,3	0,1	-0,7	-0,4	-0,9	0,7	1,6	2,5	+0,4
Витебская	1,9	1,6	0,8	0,5	1,0	1,5	1,1	2,7	+1,3
Гомельская	2,5	-0,3	-0,2	-0,3	-0,1	-0,2	0,7	2,7	+0,3
Гродненская	1,5	0,7	-0,5	-1,1	-0,8	0,1	0,7	3,2	+0,2
г. Минск	10,9	14,8	15,6	15,5	16,0	15,5	14,6	14,3	+15,2
Минская	0,4	-0,3	-0,2	-0,8	-0,7	-0,9	-0,1	-8,9	-1,7
Могилевская	1,5	0,1	0,4	1,1	0,2	0,6	-0,4	1,8	+0,5

Таким образом, среднегодовой прирост городского населения за счет сельского за период 2002–2008 гг. в целом по республике составил 16,4 тыс. чел. Как и следовало ожидать, самый значительный прирост городского населения за счет сельского происходил в г. Минске. В среднем за год городское население г. Минска за счет переезда сюда жителей села пополнялось на 15,2 тыс. чел. Среднегодовой отрицательный миграционный прирост городского населения за указанный период имел место только в Минской области, села которой пополнялись за счет переезда в них жителей городов на 1,7 тыс. чел. (см. рисунок).

Сведения о внутриреспубликанской миграции населения в направлении «город–город» по регионам Республики Беларусь в 2002 и 2008 гг. приведены в табл. 8.

Динамика миграционного прироста городского населения за счет сельского в рамках внутриреспубликанской миграции в 2000, 2002–2008 гг.

Более всего мигрантов из городов республики переехали в 2008 г. в г. Минск – 21,9 тыс. чел., что составляет 25,3% от общей численности мигрантов направления «город–город». Наименьшее число мигрантов, переехавших из одних городов республики в другие, отмечено в Могилевской области – 8,4 тыс. чел. (9,7%). По сравнению с 2002 г. самое заметное

увеличение миграционных передвижений населения в направлении «город–город» произошло в 2008 г. в Гомельской области – на 2,5 тыс. чел., или на 23,6%. Уменьшение числа мигрантов этого направления в 2008 г. по сравнению с 2002 г. произошло только в Могилевской области – на 0,8 тыс. чел., или на 8,5%. Сведения о внутриреспубликанской миграции населения в направлении «село–село» по регионам Республики Беларусь в 2002 и 2008 гг. приведены в табл. 9.

Таблица 8. **Внутриреспубликанская миграция населения в направлении «город – город» по регионам Республики Беларусь в 2002 и 2008 гг.**

Регион	2002 г.		2008 г.		Изменение числа мигрантов в 2008 г. по сравнению с 2002 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Республика Беларусь, всего	78409	100,0	86683	100,0	+8274	+10,6
Брестская	8636	11,0	11326	13,1	+2690	+31,1
Витебская	11196	14,3	11974	13,8	+778	+6,9
Гомельская	10777	13,8	13320	15,4	+2543	+23,6
Гродненская	8252	10,5	9904	11,4	+1652	+20,0
г. Минск	20816	26,5	21946	25,3	+1130	+5,4
Минская	9554	12,2	9816	11,3	+262	+2,7
Могилевская	9178	11,7	8397	9,7	-781	-8,5

Р а с с ч и т а н о п о: Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2002 года. Стат. сб. Минск: Минстат, 2003. С. 11–18; Основные итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2008 года. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. С. 13–20.

Таблица 9. **Внутриреспубликанская миграция населения в направлении «село–село» по регионам Республики Беларусь в 2002 и 2008 гг.**

Регион	2002 г.		2008 г.		Изменение числа мигрантов в 2008 г. по сравнению с 2002 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Республика Беларусь, всего	16030	100,0	16803	100,0	+773	+4,8
Брестская	2395	14,9	2626	15,6	+231	+9,6
Витебская	2692	16,8	2276	13,5	-416	-15,5
Гомельская	2319	14,5	2222	13,2	-97	-4,2
Гродненская	2031	12,7	1941	11,6	-90	-4,4
г. Минск	–	–	–	–	–	–
Минская	4826	30,1	6215	37,0	+1389	+28,8
Могилевская	1767	11,0	1529	9,1	-238	-13,5

Р а с с ч и т а н о п о: Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2002 года. Стат. сб. Минск: Минстат, 2003. С. 11–18; Основные итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2008 года. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. С. 13–20.

Как видим, более трети всех миграционных перемещений населения Республики Беларусь в направлении «село–село» приходилось в 2008 г. на Минскую область. Здесь из одних сел в другие переехали 6,2 тыс. чел., или 37,0% от общей численности мигрантов этого направления. Менее всего жителей села переехали в другие села в Могилевской области – 1,5 тыс. чел. (9,1%). По сравнению с 2002 г. наиболее значительное увеличение числа мигрантов, переехавших из одних сел в другие, отмечено в Минской области – на 1,4 тыс. чел., или на 28,8%. Самое заметное уменьшение численности мигрантов этого направления в 2008 г. по сравнению с 2002 г. отмечено в Витебской области – на 0,4 тыс. чел., или на 15,5%. Таким образом, проведенный анализ внутривнутриреспубликанской миграции населения Беларуси в 2008 г. показал, что в республике сохраняется тенденция перетока населения из сельской местности в городскую. Причем начиная с 2004 г. прирост городского населения за счет сельского увеличивается. В 2008 г. миграционный прирост городов за счет сел составил 18,3 тыс. чел., из которых 14,3 тыс. чел. (78,1%) переехали в г. Минск. Очевидно, что сложившаяся ситуация требует принятия мер для оптимизации процесса внутривнутриреспубликанской миграции населения, в частности для сокращения масштабов перемещений населения из сельской местности в города республики и создания необходимых социально-экономических условий для привлечения в село жителей городов. Однако это возможно лишь в контексте дальнейшего повышения уровня и качества жизни сельского населения. Здесь нужны социально-экономические мероприятия, прежде всего направленные на оздоровление демографической ситуации в сельской местности путем разработки государственных мер по содействию занятости сельского населения, устранению диспропорций в оплате труда и укреплению социальной инфраструктуры села. Следует отметить, что эти задачи сегодня решаются в рамках реализации мер, предусмотренных Государственной программой возрождения и развития села на 2005–2010 гг. На основе указанной программы предстоит создать устойчивую аграрную экономику, гарантирующую продовольственную безопасность Беларуси, обеспечение более высокого уровня жизни сельского населения. В результате реализации программы будут созданы предпосылки для уменьшения оттока населения из сельской местности, активизации территориальной мобильности населения для удовлетворения потребностей экономики Беларуси в рабочей силе; улучшится демографическая структура населения в сельской местности посредством привлечения и закрепления молодежи.

Литература

1. Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2002 года. Стат. сб. – Минск: Минстат, 2003. – С. 11.
2. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2008 г. Стат. сб. – Минск: Минстат, 2009.
3. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь. Стат. сб. – Минск: Минстат, 2008.

P. P. DIMITRUK, T. A. ANTONOVA

**HOME MIGRATION OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC
OF BELARUS: ANALYSIS OF THE STATISTICAL DATA OF 2008**

Summary

The condition and the main tendencies of intrarepublican migration of the population of the Republic of Belarus are analyzed. The data on migratory movements of the population in the regions of Belarus are cited. Main measures of state regulation of migratory processes in the republic are mentioned.

УДК 314.74:331.556(476)

А. В. ЗАЙЦЕВ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗА 1999–2008 гг.

На основе данных статистического мониторингового исследования анализируются основные особенности, направления и структура внешней трудовой миграции в Беларуси за период 2000–2008 гг. Проводится краткий сравнительный анализ динамики импорта и экспорта рабочей силы в Республике Беларусь за 1999–2008 гг.

Становление Беларуси как независимого, демократического государства сопровождалось либерализацией процедур въезда и выезда граждан Республики Беларусь. Это способствовало активному включению страны в мировые миграционные процессы, в том числе и в мировой рынок труда. С начала 1990-х гг. в Республике Беларусь произошли кардинальные изменения в объемах, интенсивности и направленности миграционных потоков. Если в 1992 г. из республики выбыли 60,6 тыс. чел., то в 2008 г. – 6,2 тыс. чел. Таким образом, за последние 16 лет общий миграционный поток из Республики Беларусь сократился в 9,8 раза. Статистические данные о числе трудящихся-мигрантов по Беларуси свидетельствуют о том, что наша республика включена в мировой рынок труда. В связи с этим созрела необходимость в изучении структуры и закономерностей современных миграционных процессов на рынке труда, в их диагностике и прогнозировании, а на этой базе – формировании и реализации адекватной государственной политики в области трудовой миграции, отвечающей долгосрочным тенденциям и целям социально-экономического развития Беларуси. Анализ данных государственной миграционной статистики показывает, что в 2007 г. произошел резкий рост количества выездов белорусских граждан за границу с целью работы по контракту. По сравнению с 2006 г. количество трудящихся-мигрантов выросло на 38,6%. Однако в 2008 г. наблюдается существенное уменьшение количества трудящихся-мигрантов на 15,4% (рис. 1).

Можно констатировать, что экспорт рабочей силы за период 1999–2008 гг. составил 49 992 чел. и превысил импорт рабочей силы (13 987 чел.) в 3,6 раза. Вместе с тем следует отметить, что с 2004 г. в Республике Беларусь наблюдается устойчивый рост количества официально регистрируемых трудящихся-мигрантов. По сравнению с 2004 г. в 2008 г. количество трудящихся-мигрантов, прибывших в Республику Беларусь для работы по контракту, выросло в 4,6 раза.

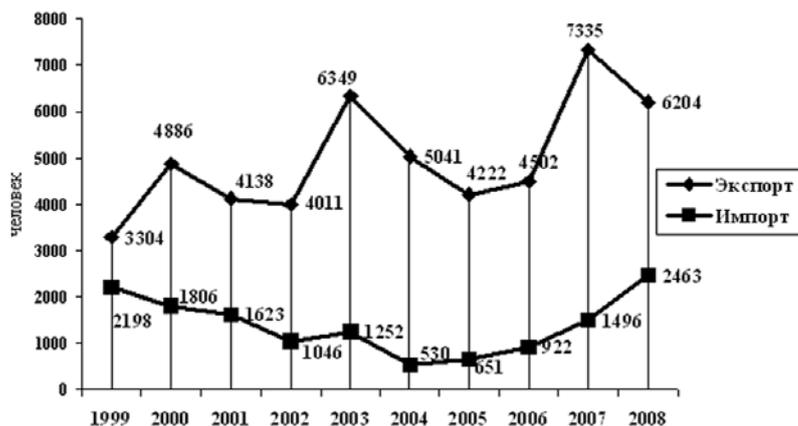

Рис. 1. Динамика экспорта из Беларуси и импорта в Беларусь рабочей силы за период 1999–2008 гг.

В 2008 г. в Беларусь въехали 2463 трудящихся-мигранта для работы на основе подписанных договоров и контрактов. Самая большая доля выездов за границу в 2008 г. была совершена жителями г. Минска (56,3% от общего количества выездов в 2008 г.) и Минской области (13,7%). В совокупности они составили более 2/3 всех выездов за границу для работы на основе договоров и контрактов в 2008 г. (70,0%). Наименьшее количество выездов совершено жителями Витебской области – 2,2% (рис. 2).

Распределение трудящихся-мигрантов, выехавших для работы за границу на основе подписанных договоров и контрактов, по источнику средств существования за период 2000–2008 гг. представлено в табл. 1. В 2008 г. по сравнению с 2007 г. произошло сокращение более чем в 1,3 раза числа молодых белорусских граждан, выезжающих за рубеж с целью трудоустройства по договорам и контрактам, имеющих такой источник существования, как стипендия.

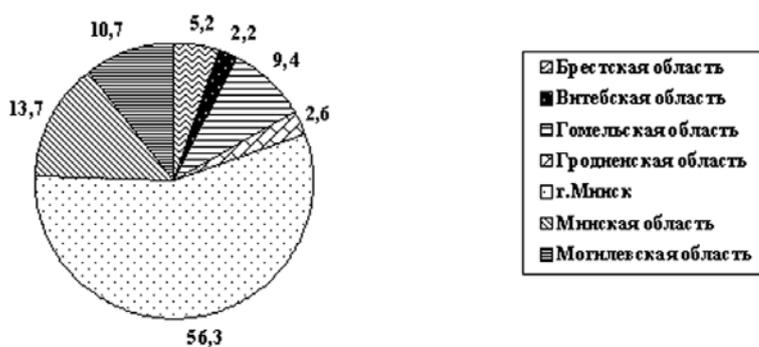

Рис. 2. Распределение общей численности трудящихся-мигрантов по областям Республики Беларусь в 2008 г., %

Их количество в 2008 г. является одним из самых низких показателей за 10 лет, превышая лишь показатель 2006 г. (970 чел.). В большинстве своем это студенты вузов, ссузов, а также аспиранты-очники.

Таблица 1. Распределение трудящихся-мигрантов, выехавших для работы за границу на основе подписанных договоров и контрактов, по источнику средств существования в 2000–2008 гг.

Вид источников средств существования	Год									
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	всего, 2000–2007
Всего выехали	4886	4138	4011	6349	5041	4222	4502	7335	6204	46688
Оплачиваемая работа	1505	1513	900	1382	746	1282	1880	3380	3191	15779
На иждивении	978	791	1183	1962	1148	835	1116	2063	1595	11671
Стипендия	2176	1630	1602	2614	2865	1945	970	1363	1040	16205
Другой вид государственного обеспечения	24	12	27	24	3	27	62	37	3	219
Пенсия, пособие	11	3	13	22	15	3	13	27	29	136
Пособие по безработице	9	4	25	7	12	15	2	8	6	88
Иной источник	182	183	258	338	252	115	459	457	340	2584

Анализ возрастной структуры внешней трудовой миграции показывает, что в основном трудящиеся-мигранты представлены молодыми людьми в возрасте до 29 лет. Их доля среди мигрантов, выезжавших за границу в целях трудоустройства на основе договоров и контрактов, составляла в разные годы от 62,2% (2008 г.) до 91,9% (2004 г.). Наряду с этим необходимо отметить, что после 2004 г. доля молодежи (до 29 лет) среди трудящихся-мигрантов постоянно сокращается. Соответственно растет доля выездов более старших возрастных групп. В 2008 г. другие возрастные группы в процентном отношении к общей численности трудящихся-мигрантов составили: от 30 до 39 лет – 16,8%, от 40 до 49 лет – 16,0%, 50 лет и старше – 5,0% (табл. 2). В 2008 г. география выездов трудящихся-мигрантов представлена 11 странами (табл. 3). Анализ данных табл. 3 показывает, что за период 2000–2008 гг. наиболее привлекательными странами внешней трудовой миграции для граждан Беларуси стали Россия и США. Доля этих стран в общей численности миграционного потока за период 2000–2008 гг. составила 74,1%. Всего за период 2000–2008 гг. в России работали 20 057 чел., или 43,0% от общего количества мигрантов-трудящихся; в США – 14 546 чел. (31,2%); в Великобритании – 4417 чел. (9,5%); в Германии – 1085 чел. (2,3%); в Молдове – 1082 чел. (2,3%); в Чехии – 837 чел. (1,8%); в Польше – 720 чел. (1,5%); в Украине – 637 чел. (1,4%) (рис. 3).

Следует отметить, что возможности Российской Федерации для реализации планов белорусских трудовых мигрантов в последние годы становятся более привлекательными по сравнению с США и странами Западной Европы. Так, в 2008 г. по сравнению с 2000 г. значительно (более чем в 2,8 раза) увели-

чилось число мигрантов-трудящихся, выезжавших в Россию (с 1493 чел. в 2000 г. до 4192 чел. в 2008 г.). В то же время число тех, кто выезжал в США, осталось практически на том же уровне (1438 чел. в 2000 г. и 1512 чел. в 2008 г.).

Т а б л и ц а 2. **Возрастная структура мигрантов, выехавших за границу в целях трудоустройства на основе договоров и контрактов в 2000–2008 гг., %**

Возрастные группы	В том числе по годам									
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	всего за 2000–2008 гг.
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
До 24 лет	71,9	68,1	78,3	78,5	86,1	78,0	56,8	55,7	51,9	68,4
25–29 лет	7,2	9,3	7,9	7,1	5,8	9,5	10,8	8,4	10,3	8,4
30–39 лет	9,6	10,9	7,2	7,7	3,9	6,2	13,2	14,8	16,8	10,5
40–49 лет	8,6	9,4	5,5	5,3	3,1	5,0	14,8	16,7	16,0	9,9
50 лет и старше	2,7	2,3	1,1	1,2	1,2	1,4	4,4	4,4	5,0	2,8

Т а б л и ц а 3. **Численность трудящихся-мигрантов, выехавших для работы за границу на основе подписанных договоров и контрактов, по странам приема за период 2000–2008 гг.**

Страна выезда	Год									
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	всего за 2000–2008 гг.
Всего	4886	4138	4011	6349	5041	4222	4502	7335	6204	46688
Россия	1493	1382	1147	1560	916	1367	3086	4914	4192	20057
США	1438	1089	1574	3476	2026	1391	574	1466	1512	14546
Великобритания	100	217	322	432	1200	987	603	556	–	4417
Польша	28	98	90	76	11	–	–	184	233	720
Литва	–	–	–	–	1	–	91	44	38	174
Швеция	17	20	9	–	131	52	32	39	27	327
Молдова	247	345	80	78	206	49	41	36	–	1082
Украина	557	8	4	–	–	–	34	34	34	671
Чехия	134	90	171	162	78	57	25	34	86	837
Германия	147	152	178	190	238	150	–	8	22	1085
ОАЭ	–	–	–	–	–	–	–	3	55	58
Другие страны	725	737	436	375	234	169	16	17	5	2714

Структура внешней трудовой миграции в Республике Беларусь за период 1999–2008 гг. характеризуется превышением экспорта рабочей силы (49 992 чел.) над ее импортом (13 987 чел.) более чем в 3,6 раза. Вместе с тем начиная с 2004 г., наблюдается постоянный рост количества импортируемой рабочей силы в Республику Беларусь. Как результат в 2008 г. (впервые за 10 лет) количество официально регистрируемой импортируемой рабочей силы (2463 чел.) превысило уровень 1999 г. (2198 чел.). В разрезе региональной структуры внешней трудовой миграции за период 2000–2008 гг. выделяется г. Минск и Минская область. На их долю пришлось 72,1% выездов белорусов за рубеж для работы.

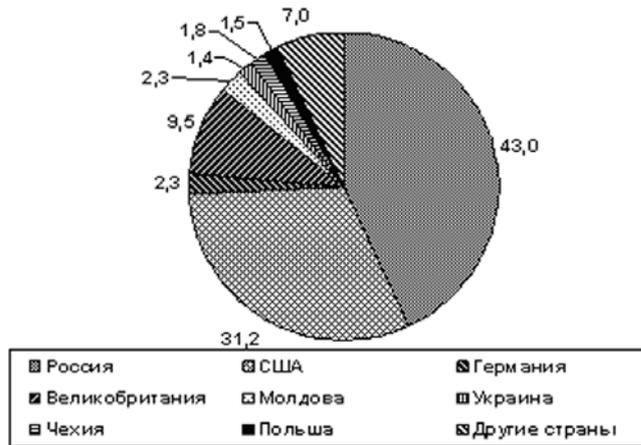

Рис. 3. Доля основных стран – реципиентов белорусской рабочей силы за период 2000–2008 гг.

Анализ возрастной структуры внешней трудовой миграции показывает, что в основном за период 2000–2008 гг. трудящиеся-мигранты представлены молодежью в возрасте до 29 лет. Их доля среди мигрантов, выезжавших за границу в целях трудоустройства на основе договоров и контрактов, составляла в разные годы от 62,2% (в 2008 г.) до 91,9% (в 2004 г.). Наряду с этим необходимо отметить,

что после 2004 г. доля молодежи (до 29 лет) среди трудящихся-мигрантов постоянно сокращается. Для географии выездов граждан Республики Беларусь на протяжении периода характерно сохранение направленности выезда белорусской рабочей силы на страны СНГ (Российская Федерация – 20 057 чел.), а также на страны дальнего зарубежья (США (14 546 чел.), Великобритания (4417 чел.), Германия (1085 чел.)). Основными импортерами рабочей силы являются страны СНГ, и в первую очередь Украина.

A. V. ZAITSEV

THE EXTERNAL LABOUR MIGRATION OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS: STRUCTURE AND MAIN TRENDS OF DEVELOPMENT FROM 1999 to 2008

Summary

On the basis of the data of statistical monitoring research the basic features, directions and structure of external labour migration in Republic of Belarus during 2000–2008 are analyzed. The short comparative analysis of dynamics of import and export of labour force in Belarus during 1999–2008 is carried out.

Т. С. БАЛАКИРЕВА,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ СЕЛЬЧАН В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В АГРОСФЕРЕ

Рассматривается проблема миграции трудовых ресурсов. На основе социологических данных выявлены и проанализированы факторы, влияющие на миграционную активность сельского населения.

В последние годы в аграрной сфере происходят социально-экономические преобразования, формируется многоукладная экономика на основе развития различных форм собственности и рыночных отношений, создаются акционерные общества, фермерские хозяйства, кооперативы, другие формирования, что позитивно отражается на менталитете современного крестьянина. Произошло постепенное изменение традиционных ценностей в сторону их расширения и обогащения новыми элементами, принципиально важными в современных условиях. Однако консерватизм крестьян сохранился до наших дней. Дело в том, что специфические черты ментальности крестьянства связаны с материальной жизнью этого общественного слоя, и прежде всего с характером его производственной деятельности, с хозяйствованием на земле в тесном и непосредственном общении с природой. Но не сами по себе хозяйственные занятия или окружающая природа, а возникавшие на их основе социальные структуры и отношения, которые определяли менталитет крестьянства. Главной социальной ячейкой, где исторически складывалось мировоззрение крестьянина, его представления об окружающем мире, природе и обществе, о своем предназначении и социальной справедливости, была община. Ментальность крестьянства – это общинная ментальность, сформированная в рамках замкнутого локального сообщества. Конечно, на ментальность крестьянства влияло и общество в целом, но его значение в этом плане несравнимо со всеобъемлющим влиянием общины. Ведь живут они обычно в сообществе, в котором большинство основных контактов осуществляется с такими же людьми, как они сами, разделяющими их взгляды и убеждения и не желающими разрывать привычный круг общения.

Поэтому особенности общинного менталитета крестьянства, его системно-центризм, приоритеты коллективных ценностей над индивидуальными и другие архетипы на протяжении всей истории использовались модернизаторами в основном для достижения целей, не всегда способствующих интересам раз-

вития самого крестьянина, его внутренним потребностям, естественному раскрытию его потенциальных возможностей. Условия, в которые было поставлено крестьянство на протяжении всей истории, сделало его заложником общинного менталитета, наследие которого проявляется в условиях сегодняшней модернизации. С одной стороны, традиционный консерватизм крестьян несколько тормозит рыночные преобразования, с другой – позволяет более спокойно переживать трудные времена.

Процессы, связанные с урбанизацией, индустриализацией, а также экологическими катастрофами (засуха, голод, наводнения и т. п.) всегда вынуждали крестьян сдвигаться с обжитых мест в поисках лучшей доли. Поэтому включенность сельского населения в миграционные процессы всегда играла важную стратегическую роль в социально-экономическом развитии общества и личной судьбе крестьянина. Миграция является одной из форм активной реакции людей на те или иные социально-экономические, политические или межэтнические изменения в обществе. Это сложный социальный процесс, тесно связанный с изменением экономической структуры и размещением производительных сил, с ростом социальной и трудовой мобильности населения. Если говорить о современных миграционных процессах в Беларуси, то в последнее десятилетие они определялись как под влиянием демократизации общественно-политической жизни, реализации конституционного принципа свободы передвижений, так и в связи с развитием рыночных отношений.

Миграция как форма адаптации к среде может быть вызвана изменениями в условиях жизни адаптанта (обострением положения на рынке труда, возникновением этнического напряжения, ухудшением экологической обстановки и пр.), а может быть связана с качественными характеристиками самого мигранта: его материального (имущественного), профессионального, образовательного или семейного статуса, системы его ценностей и жизненных ориентиров под влиянием жизненного опыта [1, с. 125].

Поэтому встает вопрос о выяснении факторов, влияющих на изменение миграционного поведения белорусского крестьянства и соответственно управления миграционными потоками. Дело в том, что миграция из села в город происходит уже не одно десятилетие, но она носит односторонний характер: молодежь в большинстве своем уезжает из села в город. Потоки становятся неуправляемыми, в результате чего село «обезлюдивает», а города «разбухают». В этом плане на вопросы миграционной активности необходимо посмотреть не только с точки зрения личного интереса сельчанина, но и общественной пользы. Рыночные отношения в агросфере требуют мобильности рабочей силы, связанной с переливом капиталов, а также в связи с решением проблемы трудовых ресурсов на территориях, нуждающихся в этих ресурсах (пострадавшие от аварии на ЧАЭС, Белорусское Полесье и др.). В этом плане проблема миграционного поведения становится чрезвычайно актуальной. С целью изучения динамики миграционного поведения в исследовании, проведенном сектором социологии села Института социологии НАН Беларуси в 2009 г.

(N = 727 чел. трудоспособного возраста), использовался вопрос «Как часто вы меняли место жительства?» (см. таблицу).

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о преимущественно оседлом образе жизни сельских жителей: 43,5% респондентов никогда не меняли места жительства, 52% – редко переезжали из одного населенного пункта в другой и только 3,4% активно участвовали в миграционном процессе. Как видим, миграционная активность выражена достаточно слабо, что отразилось также и на миграционных намерениях респондентов. Так, 70,8% респондентов не желают переезжать не только в другое село (агрогородок), но даже в город (58,7%). Заграница также не особенно прельщает сельских жителей. Нежелание переезжать туда на постоянное место жительства высказали 73,5%, а временно подработать и улучшить свое материальное положение изъявили желание только 18,0% опрошенных.

**Распределение ответов на вопрос:
«Как часто вы меняли место жительства?», %**

Вариант ответа	Частота
Часто	3,4
Редко	52,0
Никогда	43,5
Нет ответа	1,1
Итого	100,0

В возрастной структуре наибольшей подвижностью в общих миграционных потоках отличаются мигранты молодого возраста – 18–30 лет. Большая часть сельской молодежи (37,8%) ориентируется преимущественно на урбанистические настроения. В основном это происходит из-за непрестижности и малого выбора профессий в агросфере. Наиболее обеспокоена этой проблемой молодежь в возрасте 18–30 лет (15,8%), так как после окончания учебы они не всегда могут найти работу в своем селе (агрогородке). Главной причиной нежелания жить и работать в селе являются, по мнению большей половины опрошенной молодежи (54,8%), низкая заработная плата, тяжелые условия труда (25,3%), необходимость работать сверхурочно (13,7%). Данные факторы оказывают влияние на миграционное настроение сельского населения всех остальных возрастных групп.

Большую значимость в управлении миграционными процессами имеет решение жилищного вопроса. Несмотря на интенсивное строительство жилья на селе, 28,6% респондентов волнует эта проблема, и они готовы переехать в другой населенный пункт, чтобы ее разрешить. Семейные отношения также оказывают влияние на миграционное настроение, особенно волнует проблема создания семьи, поиска любимого человека, что из-за диспропорции в сфере пола сделать иногда затруднительно (невест в деревне меньше, чем женихов). Предпринимательская активность сельского населения хотя и слабо развита,

однако из-за того, что нет возможности заняться бизнесом, 4,3% респондентов готовы покинуть свой населенный пункт в поисках более привлекательных условий для осуществления предпринимательской деятельности. В процессе анализа были рассмотрены условия, при которых сельские жители согласились бы на переезд (см. рисунок).

Как видно из данных, приведенных на рисунке, среди подавляющей части населения с миграционными настроениями наиболее распространенным является желание найти более оплачиваемую работу. Это подтверждается ответами 55,9% респондентов. Существенными факторами, влияющими на миграционное настроение, являются: возможность получения жилья на новом месте (32,3%), подходящая работа (28,8%), возможность дать детям хорошее образование (25,9%), гарантии трудоустройства членов семьи (15,8%). А вот полная оплата расходов на переезд и обустройство на новом месте для тех, кто уже решился на такой шаг, не имеет большого значения (7,3%). То же выявляется при анализе ценностных ориентаций: работа, достаток, семья, здоровье и дети – главные ценности в жизни селян. Развлечения оказались не так важны, как дружба и добрососедские отношения с односельчанами. Поэтому главной причиной, сдерживающей миграционные намерения, является, по словам 37,1% сельчан, нежелание разрывать привычный круг общения, связи, знакомства. Реформы, осуществляемые в аграрном секторе, вынуждают белорусских крестьян приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам, менять устоявшийся образ жизни, но несмотря на это, крестьяне в большинстве своем придерживаются традиционных ценностей в жизни.

Еще одним значимым сдерживающим фактором миграционных намерений сельского населения выступают боязнь всего нового (такой ответ дали

Распределение ответов на вопрос: «При каких условиях Вы бы согласились на переезд?»

30,2% опрошенных); отсутствие средств и сбережений (29,7%); а также – «привязанность» к личному подсобному хозяйству (21,4%). Конечно, мобильность различается у разных возрастных групп, так как с возрастом респонденты обычно не хотят менять устоявшийся образ жизни. Все перечисленные выше факторы замедляют развитие миграционных процессов. Однако активизация рыночных отношений как следствие диверсификации производства, перелива капиталов, строительства агрокомплексов и агрофирм влияют на менталитет сельчан, побуждая менять миграционное поведение.

Особенностью менталитета крестьянства является то, что он не поддается резкому изменению под влиянием социально-экономических и политических преобразований. Это подтвердили результаты опроса сельских жителей, на основе которых можно сказать, что с развитием рыночных отношений в крестьянском сообществе идет медленный процесс усвоения и принятия рыночных ценностей. И наряду с традиционным жизненным укладом (коллективистским) постепенно укореняется индивидуалистический уклад. У сельских жителей появились такие качества, как предприимчивость, инициативность, ответственность, а самое главное – это личная заинтересованность в результатах труда, готовность самосовершенствоваться, так как от этого зависят их благосостояние и социальный статус, что также немаловажно. А поскольку на селе очень ограничена сфера приложения труда, практически нет возможности сменить профессию, заняться любимым интересным делом, бизнесом, дать детям хорошее образование, самые активные и целеустремленные респонденты стремятся поменять среду обитания, которая не способна предоставить им эти возможности для удовлетворения потребностей, на среду, более предпочтительную (другое село, агрогородок, город, за рубежом).

В ходе анализа влияния уровня образования на формирование миграционного поведения выявлено, что для групп респондентов с образованием ниже среднего в качестве доминирующей характерна консервативная стратегия. Работники со средним специальным образованием в большей мере склонны к мобильности и скорее готовы действовать с инициативой, даже идти на риск ради улучшения своего материального положения. Среди мигрантов большинство – квалифицированные работники, получившие или получающие среднее профессиональное и высшее образование. Это говорит о том, что чем выше уровень образования, тем мобильнее работник, тем сильнее стремление к поиску более благоприятных условий труда, интересной работы и благополучного быта.

Результаты опроса дают основание считать, что лишь небольшая часть сельских жителей включилась в миграционные процессы, и это в основном молодежь. Однако, согласно ответам респондентов, только 24,9% из них связывают миграционное настроение с внутренними перемещениями: в другое село или агрогородок хотели бы переехать только 7,0%, в город – 24,2% респондентов. Пятая часть молодежи (24,7%) изъявила желание уехать за границу: 18% временно и только 6,7% на ПМЖ.

Миграционная активность молодой динамичной и образованной части населения выдвигает на первый план проблему качества рабочей силы, в то время как на селе растет доля людей предпенсионного и пенсионного возраста. Сохранение данной тенденции в перспективе может привести к необратимым процессам в развитии села и его воспроизводстве. В связи с этим встает вопрос о перспективах развития агрогородков. Ведь создание агрогородков в качестве сельских поселений нового типа связано прежде всего с необходимостью совершенствования производственной и социальной инфраструктуры с целью улучшения условий труда и быта сельских жителей, повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Это дало толчок активизации включенности сельчан в рыночные отношения и распространению новых сфер приложения труда в сфере несельскохозяйственного производства, развитию предпринимательства в таких областях, как бытовое обслуживание населения, торговля, агроэкотуризм.

Согласно данным социологического опроса учащейся молодежи, проведенного сектором социологии села Института социологии НАН Беларуси в 2007 г. (N = 400 чел. учащейся молодежи), 65,0% опрошенных считают, что жизнь в их селе (агрогородке) за последние два года улучшилась. Тем более, что жить в сельской местности большинству опрошенных нравится: 83,0% респондентов привлекает близость к природе и чистая окружающая среда; 38,4 – более спокойный, размеренный, нежели в городах, ритм жизни; 25,0 – возможность жить в частном доме, а не в квартире; 20,6 – нравится работать на земле; 20,6% – более доброжелательное, чем в городе, отношение людей друг к другу. Но, несмотря на существенные позитивные сдвиги в жизни сельчан, развитие производств, строительство агрогородков и складывающийся на их основе образ жизни не привлекают молодежь. Агрогородки не смогли пока обеспечить такую диверсификацию производства, которая обеспечила бы занятость и мобильность трудовых ресурсов на селе, остановила отток молодежи в город, разрешила проблему «обезлюдения» села. Социологический опрос учащейся молодежи показал, что 46,1% опрошенных школьников 9–11-х классов и учащихся ПТУ планируют после окончания учебы уехать из агрогородка, 31,8% – пока не определились. При этом 24,8% хотят уехать работать в город; 6,3% – за границу; 16,3% – заняться самостоятельным бизнесом. Всего лишь 20,3% респондентов останутся в своем селе, но работать в агросфере собираются только 12,5%.

Для того чтобы выяснить факторы, делающие жизнь в селе привлекательной для молодежи, в исследовании был задан вопрос: «Если бы Вы были председателем сельсовета или директором СПК, то что бы Вы сделали для того, чтобы молодежь оставалась в Вашем селе?» Половина опрошенных молодых людей в первую очередь обратили бы внимание на сферу досуга, культуры и спорта, затем на строительство жилья и работу. Основными мерами по привлечению квалифицированных кадров и молодежи в агросферу, по мнению экспертов – руководителей и специалистов сельхозпредприятий (по данным

экспертного опроса 2008 г.), являются прежде всего повышение оплаты труда, нормированный 8-часовой рабочий день, обеспечение достойных социально-бытовых условий.

Повышение эффективности АПК и оживление национальной экономики вызывает неизбежные территориальные и отраслевые диспропорции, что требует более активного перераспределения населения и трудовых ресурсов в пределах страны. Это обуславливает необходимость разработки, с одной стороны, управляемых механизмов стимулирования трудовой миграции граждан, а с другой – формирования менталитета, соответствующего новым рыночным реалиям, требующего мобильности и трудовой активности, способности рисковать и адаптироваться к социально-экономическим инновациям в агросфере.

Таким образом, можно сделать вывод, что время реализации Программы возрождения и развития села 2005–2010 гг. – это новый этап в развитии рыночных отношений. Развитие и модернизация АПК позволили интегрировать технические достижения и культурный рост крестьян с личным интересом, с развитием установок, ориентирующих на предприимчивость, инициативность, самосовершенствование, личную самостоятельность и заинтересованность в результатах труда. Однако, как показали результаты исследования, такие качества сформировались лишь у незначительной части сельского населения, в то время как рыночные реформы в аграрной сфере требуют от белорусского крестьянина более активно перестраиваться, изменять традиции, обычаи и стереотипы экономической деятельности.

Так как основную часть внутренней миграции составляет молодежь, выезжающая на учебу, а также специалисты, то обостряется проблема обеспечения сельскохозяйственных отраслей экономики квалифицированными работниками, т. е. проблема трудовых ресурсов. Можно предположить, что в будущем на селе еще больше повысится доля людей предпенсионного и пенсионного возраста, что может привести к необратимым процессам в воспроизводстве рабочих мест и развитии села в целом. В связи с этим крайне остро стоит проблема создания предпосылок для уменьшения оттока населения из сельской местности, привлечения туда трудоспособного населения и квалифицированных кадров в рамках реализации Государственной программы возрождения и развития села. Чтобы миграционные процессы в Беларуси стали позитивным фактором, способствующим развитию экономики, улучшению демографической ситуации и обеспечению национальной безопасности страны, необходимо также развивать более разнообразную производственную и непроизводственную инфраструктуру на селе, способную предложить рабочие места всему трудоспособному населению, а не только занятому в агросфере. В современных условиях основным принципом в реформировании агросектора может стать переход от стратегии моноразвития сельскохозяйственной отрасли к стратегии комплексного развития сельских территорий. При таком подходе замедлятся миграционные процессы из села в город, но активизируются – из села в село, из города в село, что позитивно скажется на решении социально-

экономических проблем и города, и села. Возвращение престижа профессии работника сельского хозяйства за счет морального и материального стимулирования, улучшения условий труда и быта способно изменить менталитет сельских тружеников в направлении социально-экономической и миграционной активности.

Литература

1. Корель, Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 125.

T. S. BALAKIREVA

MIGRATION BEHAVIOR OF RURAL PEOPLE WHILE THE MARKET TRANSFORMATIONS IN AGROSPHERE

Summary

The problem of the manpower resources' migration is examined. On the basis of sociological data the factors influencing migratory activity of the rural population are revealed and analysed.

С. В. РЫБЧАК,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются основные направления социально-психологической адаптации личности. Сделан обобщающий вывод о построении теории адаптации личности путем разрешения конфликтов. Описываются две адаптивные стратегии ликвидации диссонанса.

При построении психологической теории нельзя резко разграничивать, тем более, противопоставлять объективный (внешний) и субъективный (внутренний) подходы или системы соотнесения. Понятие психической ситуации, детерминирующей актуальное поведение и включающей как восприятие актуальной объективной ситуации, так и сознательные и подсознательные процессы актуализации интериоризованных восприятий прошлого, является результатом синтеза двух подходов. Поскольку в теории социально-психологической адаптации личности мы исходим из идеи, что адаптация имеет место в проблемных социальных ситуациях, то отсюда можно прийти к выводу, что социально-психическая адаптация личности, осуществляемая, например, путем разрешения возникшего конфликта, тоже есть процесс переструктурирования проблемных ситуаций и нахождения новых структурных целостностей.

Если адаптация имеет место в результате разрешения проблемной ситуации, то в этом случае, на наш взгляд, используются преимущественно незащитные адаптивные механизмы и процессы (в том числе продуктивное мышление, приводящее к открытию новой целостной структуры). Когда же адаптация имеет место с сохранением проблемной ситуации (например, конфликта личности с лидером ее эталонной группы), тогда преимущественно используются защитно-адаптивные механизмы. Причем в этом случае структурные изменения самой личности должны быть более значительными: личность меняется для приспособления к ситуации, которую не может разрешить, трансформировать или ликвидировать исходя из своей внутренней мотивации.

В тех случаях, когда адаптация осуществляется с использованием как защитных, так и незащитных адаптивных механизмов, нередко ассоциированных в защитно-незащитные адаптивные комплексы, подвергаются частичным изменениям как личность, так и объективная социальная ситуация.

Анализ примеров когнитивного диссонанса показывает, что для освобождения от этой своеобразной проблемной ситуации люди спонтанно используют

те же основные адаптивные стратегии, что и при разрешении других проблемных ситуаций.

Второй из описанных выше путей уменьшения диссонанса – это адаптация с сохранением проблемной ситуации. Эта общая адаптация весьма распространена и получает многообразные конкретные формы в зависимости от типа проблемных ситуаций, от особенностей личности и ее взаимоотношений с референтной группой. Эта адаптивная стратегия может иметь две возможные конкретизации, но они – лишь варианты общей стратегии, поскольку в обоих случаях объективное положение вещей сохраняется, однако довольно глубокие изменения происходят в представлениях, в восприятиях и установках личности. Как уже было сказано, при адаптации с сохранением проблемной ситуации (т. е. при приспособлении в собственном смысле слова) личность претерпевает значительно более глубокие изменения, чем при применении стратегии, направленной на ликвидацию объективной проблемной ситуации. Вторая стратегия в лучшем случае приводит к «ликвидации» проблемной ситуации субъективно, на уровне сознания личности.

Поскольку когнитивный диссонанс является специфической разновидностью проблемных ситуаций, следует, конечно, выяснить, с помощью каких конкретных защитных и незащитных адаптивных механизмов осуществляется каждая из этих адаптивных стратегий в случае, когда они используются для освобождения личности от диссонансов.

Описанные две адаптивные стратегии являются такими попытками ликвидации диссонанса, которые не обязательно приводят к успеху. Они могут быть неудачными, вследствие чего диссонанс даже усиливается, порождая новые фрустрации. Кроме того, есть силы, оказывающие сопротивление смягчению диссонанса при использовании каждого из способов его уменьшения. Например, изменение поведения и знания об этом поведении часто меняется, но встречаются также случаи, когда это трудно или связано с потерями. Трудно, например, отказаться от привычных действий, поскольку они приятны для личности. Изменение других форм привычного поведения, порождающих диссонанс, может быть связано с материальными и финансовыми потерями, череватыми новыми диссонансами и фрустрациями. Такие действия могут удовлетворять какие-либо важные потребности, поэтому прекращение действия привело бы к депривации. Есть такие порождающие диссонанс формы поведения, которые человек просто не в состоянии изменить (например, фобические реакции, не контролируемые сознанием). В некоторых случаях человек не в состоянии выполнять новые действия, поэтому переход от старых к новым формам поведения невозможен: новые формы поведения не соответствуют его личностным особенностям или не являются частью репертуара его социального поведения. В других случаях диссонанс порождается такими действиями человека, которые необратимы, и он уже не может вернуться к первоначальному положению вещей.

Диссонанс могут вызывать некоторые знания, касающиеся внешнего мира. Если они касаются четко воспринимаемых реальностей, тогда эти когниции

практически изменить нельзя. Однако внешняя реальность не всегда воспринимается ясно и недвусмысленно. Что касается социальной реальности, то ее понимание во многих случаях установлено путем согласия между людьми. Поэтому то, как легко человек может изменить свои взгляды на социальные явления, во многих случаях зависит от того, найдет ли он людей, разделяющих его новые взгляды.

Сильным фактором, вызывающим сопротивление к изменению данной когниции, вызывающей диссонанс, является вхождение этого знания в более широкую систему знаний: если оно консонантно с большим числом других знаний, тогда его изменение привело бы к новым диссонансам. Именно поэтому возникает сильное сопротивление попыткам его изменения. Считается, что максимальная сила диссонанса между двумя когнитивными элементами равна силе сопротивления изменениям, которые оказывает самый слабый из этих элементов, поскольку при большем давлении этот элемент начал бы изменяться и вследствие этого диссонанс бы уменьшился.

Предвидение возможной фрустрации уже вызывает какие-то защитные реакции, в частности действия избегания или предотвращения фрустрирующих ситуаций. То же самое явление обнаружено при изучении когнитивного диссонанса. Такое избегание, которое можно назвать стратегией предварительной адаптации, в области изучения когнитивного диссонанса выражается в различных вариантах. Во-первых, если диссонанс уже возник, человек старается предотвратить его усиление. Для этого осуществляется, например, селективное восприятие новой информации, новых когнитивных элементов, способствующих усилению принятой им позиции и консонанса. Он постарается избегать тех источников информации, которые могут способствовать усилению диссонанса. Однако встречаются также случаи, когда люди, исходя из своего прошлого опыта, вообще избегают возможности возникновения диссонанса. В таких случаях человек становится весьма предусмотрительным, старается не совершать необдуманных действий, особенно необратимых. Страх перед диссонансом может привести к нерешительности и отсутствию инициативности. Если же тем не менее принятие решения и совершение действия неотвратимы и не могут больше откладываться, тогда осуществление этих действий сопровождается их когнитивным отрицанием. Это явление иллюстрируется следующим примером: если человек совершает покупку автомобиля и очень боится пережить диссонанс, он может немедленно заявить, что совершает ошибку. Это уже, конечно, не предварительная защита, но она могла быть подготовлена до принятия решения.

Согласно теории диссонанса, когда человек совершает выбор между двумя или большим числом альтернатив, он избирательно воспринимает или создает такие когнитивные элементы, которые подтверждают положительные стороны выбранного варианта и отрицательные аспекты отвергаемого. Происходит процесс оправдания совершенного выбора и, следовательно, самооправдание.

Такое поведение носит адаптивный характер. Если бы человек после совершенного выбора начал поиск и создание аргументов, свидетельствующих о том, что отвергаемый объект (цель, психическое состояние, линия поведения, установка, идея и т. п.) привлекательнее, то такое поведение можно было бы квалифицировать как дезадаптивное, поскольку оно усугубило бы возникшую проблемную ситуацию, в частности – состояние диссонанса. А когнитивный диссонанс, пусть неглубокий и скоропроходящий, возникает каждый раз, когда человек осуществляет выбор между двумя ценностями, обладающими (каждая) как положительными, так и отрицательными особенностями (с точки зрения данной личности).

Таким образом, после осуществления выбора возникает специфическая проблемная ситуация, получившая название «когнитивного диссонанса». Она мотивирует и направляет процессы мышления, функционально предназначенные для оправдания выбора и поведения личности. Поэтому в таких адаптивных процессах заметное место должны занимать рационализации, что и подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями. Человек, стремящийся к редукции диссонанса, ищет также социальной поддержки: людей, которые считают правильным произведенный им выбор или в сходных ситуациях поступают так же, как и он.

Другим механизмом, используемым для уменьшения когнитивного диссонанса, является проекция: другие, в поддержке которых человек нуждается, воспринимаются как люди одинаковой с субъектом судьбы. Этот механизм чаще всего используется тогда, когда диссонанс включает когнитивные элементы, относящиеся к собственной личности, ее Я-концепции и самооценки.

Мы полагаем, что для освобождения от диссонансов такого типа (включающих элементы, касающиеся собственной личности) используется адаптивный комплекс, состоящий из проекции (или атрибуции), рационализации, осуществляемой на основе проекции и других механизмов, принимающих характер поиска внешней (социальной) поддержки.

Между подлинной проекцией и поиском внешней поддержки, по мнению некоторых исследователей, есть различие. Это различие в следующем: с помощью проекции человек может подсознательно избавиться от запретных импульсов, приписывая их другим, тогда как при освобождении от когнитивного диссонанса используется несколько иной механизм – субъект рассуждает о том, что другие находятся в таком же состоянии, как и он сам.

Мы считаем, что данный вопрос можно понять при условии различения двух видов проекции: а) проекции, при которой человек приписывает другим свои отрицательные черты и неприемлемые импульсы, одновременно сознавая, что они имеются и у него самого; б) более крайней формы проекции, процесс использования которой в основном протекает подсознательно и приводит к тому, что, приписывая другому или другим свои отрицательные черты, импульсы, неблагоприятные представления о себе и т. п., человек на уровне

сознания освобождается от них, считает, что ими обладают только другие, но не он. Это довольно существенные различия, и вторая разновидность проекции, систематически используя, может придавать личности патологические черты.

S. V. RIBTCHAK

**THE MAIN MODES OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION
OF A PERSONALITY**

Summary

The basic directions of socio-psychological adaptation of the person are considered in offered article. Generalizing conclusion on construction of the theory of personal adaptation by the resolution of conflicts is drawn in this article. Also author described two adaptive strategy of liquidation of a discord.

Т. В. КУЗЬМЕНКО,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси

ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ К РЫНОЧНЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ

Статья посвящена проблеме влияния на поведение сельчан таких особенностей крестьянского менталитета, как осторожность, отсутствие склонности к риску, консерватизм и коллективизм. Рассмотрена роль социальных сетей и личных подсобных хозяйств в адаптации жителей села к рыночным реформам.

Успешность экономических реформ в значительной мере определяется тем, как быстро разные социальные группы научатся действовать в новых экономических условиях, как растет материальное благосостояние населения, его социально-экономическая активность. Внедрение рыночных отношений, повлекшее за собой изменения во всех сферах жизнедеятельности сельского социума, произошло за сравнительно короткий временной интервал, что актуализировало проблему адаптации сельчан к рыночному механизму жизни. Задача достижения наибольшего удовлетворения путем рационального использования ограниченных ресурсов вовсе не исчерпывается лишь экономической деятельностью человека. Решение этой задачи базируется на всем социально-культурном опыте субъекта, зависит от него. В этом плане проблема адаптации к новым экономическим условиям связана с выявлением того, в какой степени система взглядов, оценок, норм, ценностей, убеждений, идеалов, склонностей и интересов белорусского крестьянства – всего, что можно объединить понятием менталитет, – совместимы с рыночной экономикой.

Как любой социальный феномен, менталитет исторически изменчив, но изменения в нем происходят очень медленно. Складывающийся на протяжении столетий менталитет выступает как консервативный противовес любому значительному социальному изменению, в том числе и рыночному реформированию. Жизнь в крестьянском сообществе движется по накатанной веками колее, вдали от неожиданностей. В то же время существование неопределенно и зависимо от капризов погоды, неурожая, указаний «сверху». «Решения начальства почти всегда непонятны и чужды. Угроза голода почти постоянна. Отсюда – феномен моральной экономики как этики выживания. Приемы жизни вместе перед лицом постоянной опасности прежде всего способствуют выживанию. Крестьянская община напрямую и постоянно сталкивается с про-

блемой минимального дохода и снижения риска сохранения культурно зафиксированного уровня существования» [1, с. 129]. Этот опыт неоднократно помогал выживать не только крестьянам, но и обществу в целом. Но точно так же он заставляет крестьян противиться нововведениям, реформам, указаниям руководства. Тяжелый труд на земле, зависимость от природных и социальных сил, необходимость преодолевать трудности и лишения сформировали специфическую крестьянскую культуру, отличающуюся консерватизмом, приверженностью традициям, настороженным отношением ко всему новому, взаимопомощью и солидарностью, общинной поддержкой.

В быстро меняющихся условиях неформальные институты поддержки – семейная и соседская взаимопомощь – выступают одним из важнейших ресурсов адаптации и источников жизнеспособности сельского социума, фактором формирования эффективных стратегий адаптации сельчан к новым условиям жизни. Устойчивые, взаимопользные контакты, оказываемые на неформальной основе, формируют сеть, являющуюся структурной основой разнообразных социальных процессов. В связи с этим социальные отношения между людьми являются не просто компонентами социальной структуры общества, они имеют свой вес, свое значение и могут рассматриваться в качестве ресурсов как для лиц, участвующих во взаимодействии, так и для общества в целом. Семейные, родственные, соседские связи и отношения традиционно помогали селянам выживать в трудные времена. Будучи исторически обусловленной, укорененной в традициях общества и экономической культуре, сетевая взаимопомощь и сегодня служит гарантией успешных адаптаций, а участие людей в социальных отношениях становится способом получения каких-либо выгод или благ, социальные отношения приобретают инструментальный характер.

Вступая во взаимодействия с другими людьми, каждый человек попадает в круговорот оказания – получения помощи, в реальность сетевых коммуникаций, плетет и расширяет свою «паутину социальных связей». Нарботанные социальные сети дают шанс «...более широко использовать «случай», вовремя получить нужную информацию, ресурсы, реализовать задуманное, не утонуть в бурном море перемен. В противном случае, без надежных социальных опор, личностные затраты на адаптацию многократно возрастают, а нередко оказываются для адаптанта и вовсе непомерными» [2, с. 378].

Главной особенностью сетевых взаимодействий является нерыночный, безвозмездный характер. Их основой обычно выступают устные договоренности, которые не фиксируются документально. В качестве основных ресурсов обмена между домохозяйствами рассматриваются обмен продуктами (материальную базу таких обменов обеспечивают личные подсобные хозяйства), помощь трудом, передача денег в долг или безвозмездно. По сетям также курсируют ресурсы, не сводимые к материальной форме, но включающие информацию, совет, готовность поделиться успехом, повышенную доверительность отношений и лояльность к участникам сети. Несмотря на то что участники сетевых обменов в сельском социуме, как правило, не руководствуются сооб-

ражениями экономической эффективности и выгоды, такие взаимодействия, по оценкам российских исследователей, позволяют организовать поток ресурсов, мощность которого, выраженная в денежной форме, достигает 45–55% бюджета среднестатистической сельской семьи [3, с. 130–144]. Наиболее интенсивны и весомы по объему обмена между кровными родственниками – родителями, детьми, внуками, немалую роль играет межсоседское общение.

Теснота и интенсивность взаимодействий в сельской общине во многом обусловили формирование такой черты крестьянского менталитета, как отсутствие установки на индивидуализм, на развитие своей личности ради победы в жизненной конкуренции. Нам несвойственно стремление догнать ушедшего вперед конкурента с тем, чтобы превзойти его, об этом свидетельствует и склонность больше использовать категорию «мы», чем понятие «я». Так, согласно результатам республиканского опроса сельского населения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в августе 2009 г. (было опрошено 800 работников сельхозпредприятий), в решении материальных проблем большинство тружеников села (64,1%) руководствуются принципом «Хочу быть не хуже других, жить как все», лишь 4,3% заявили, что хотят быть богаче других. А на вопрос: «Что мешает Вам открыть свое дело, заняться бизнесом?» 16,1% респондентов ответили, что предпочитают отстаивать коллективные интересы (седьмое место в рейтинге причин). Предпочтение коллективных интересов в менталитете крестьян во многом связано с тем, что на протяжении длительного времени почти весь цикл сельскохозяйственных работ был (а отчасти остается и сегодня) объектом совокупных трудовых усилий семьи-двора, а некоторые наиболее сложные моменты – соответственно крестьянской общины.

Переход к новым условиям существования испытывает сельские социальные сети на прочность. Так, согласно результатам опроса, треть работающих жителей агрогородков и сел (33,3%) испытывают чувство страха и тревоги в связи с возможностью разрушения дружеских связей и отношений взаимной поддержки и взаимопомощи между соседями, односельчанами, еще 7,3% респондентов указали на то, что пребывают в постоянном напряжении по этому поводу.

Сравнение результатов опроса с данными республиканского опроса сельского населения, проведенного в 2007 г., свидетельствует о некотором ухудшении взаимоотношений в сельском сообществе. Так, по сравнению с 2007 г. несколько снизилось количество сельчан, характеризующих взаимоотношения между жителями своего села как доброжелательные (49,5% в 2007 г. и 41,0% – в 2009 г.), в то же время увеличилось число тех, кто считает, что отношения односельчан не всегда доброжелательные, а иногда даже возникают конфликты (20,8% в 2007 г. и 35,6% в 2009 г.), пятая часть респондентов (20,6%) описывают взаимоотношения в сельской общине как безразличные. Вместе с тем абсолютное большинство сельчан утверждают, что в их селе (агрогородке) есть люди, к которым всегда можно обратиться за помощью в трудную мину-

ту, которым они доверяют: 25,2% считают, что таких довольно много, у 28,7% респондентов есть несколько (4–5) человек, а для 36,3% опрошенных это 1–2 надежных товарища.

Поддержание социальных сетей требует определенных инвестиций. Это может быть как передача материальных благ и денег, так и предоставление тех или иных услуг, например помощь трудом. Однако в функционировании сетей произошли серьезные перемены. Эта помощь может не распространяться на всех нуждающихся членов сельского сообщества, потому что не каждая семья может встроиться в нее на принципах возвратности и взаимности обмена благами. На вопрос анкеты: «Помогают ли Ваши односельчане друг другу в ведении ЛПХ, выполнении работ, требующих больших физических усилий?» лишь 8,8% сельчан дали отрицательный ответ. В то же время только 22,4% респондентов заявили, что жители села всегда оказывают помощь совершенно бесплатно, остальные же заявили, что такая помощь оказывается за определенные взаимные услуги, за еду, спиртное и т. п. (39,5%) или за денежную плату (25,2%). Несмотря на подобные трансформации в быстро меняющихся условиях, неформальные институты поддержки – семейная и соседская взаимопомощь – выступают одним из важнейших факторов формирования эффективных стратегий адаптации сельчан к новым условиям жизни. Центром деловой активности в таких отношениях становится личное подворье.

Разразившийся мировой экономической и финансовый кризис поставил перед обществом новые угрозы и вызовы. Опасения и страхи о возможных его последствиях для Беларуси не обошли стороной и сельское население: более половины опрошенных жителей села (53,8%) заявили, что испытывают некоторое опасение по этому поводу, еще 13,8% – пребывают в постоянном напряжении в связи с возможными последствиями кризиса для Беларуси. Более половины опрошенных (56,4%) высказывают некоторое опасение, а 20,8% испытывают постоянное напряжение в связи с возможностью снижения доходов. Возможность неполучения или задержки зарплаты также беспокоит значительную часть сельского населения: 46,9% заявили, что испытывают по этому поводу некоторое опасение, а 16,9% – постоянное напряжение.

В связи с этим значимым ресурсом преодоления материальных затруднений для сельчан становится личное подсобное хозяйство. Согласно результатам опроса, большинство опрошенных сельчан (72,1%) рассматривают наличие собственного подворья как необходимость, 69,5% респондентов имеют свое хозяйство. О том, что ЛПХ может стать средством выживания в случае ухудшения благосостояния, например потери работы, невыплат или снижения зарплаты, заявили более половины опрошенных жителей села (31,2% респондентов ответили «да», 25,7% – «скорее да»). Для сельского населения всегда было свойственно производить часть продуктов питания в собственном хозяйстве, а семейное хозяйство оценивается как источник надежности существования. Крестьянская семья, какой бы статус она ни занимала, даже при относительно неплохой оплате труда в общественном производстве «...связи-

вала стратегию надежности выживания и реализацию жизненных принципов своих членов семьи с семейным хозяйством. Однако формы экономической деятельности в рамках такого хозяйства не отличались рациональностью, редко были ориентированы на прибыль. Они остаются «растворенными» в широком контексте неформальных взаимодействий, часто поддаваясь логике «Как все, так и мы». Тем не менее это выражение факта автономного приспособления к любым, не всегда предсказуемым событиям» [4, с. 56].

Одним из показателей рыночности менталитета жителей села является товарность личного подсобного хозяйства, его ориентация на прибыль. Однако результаты исследования показывают, что, высоко оценивая роль личного подсобного хозяйства как средства выживания в тяжелой экономической ситуации, лишь немногие рассматривают работу в собственном подворье как способ максимизации своих денежных доходов. Так, если потребление из своего хозяйства в качестве одного из источников доходов указали 28,8% респондентов, то продажу продуктов со своего подворья – 19,4%. В тяжелой материальной ситуации продажа продукции ЛПХ выручает десятую часть опрошенных: 9,3% продают сельхозпродукцию собственного производства в случае нехватки денег.

Немногие участники опроса хотели бы сделать ведение подсобного хозяйства своим главным занятием. Жители села не видят в собственном подворье источника решения материальных проблем своей семьи в случае потери работы. В подобной ситуации только 2,4% респондентов способны заняться фермерством, 3,6% могли бы ничего не предпринимать, жить доходами с личного подсобного хозяйства, а 4,6% – расширить ЛПХ, завести крестьянское хозяйство для производства продукции на продажу.

Являясь наиболее распространенной сферой приложения труда на селе, ЛПХ в силу небольшого объема производства, разрозненности, отсутствия технических средств и т. п. не обеспечивает перехода от натурального к мелкотоварному производству. Основная часть хозяйств населения обладает весьма ограниченными возможностями автономного развития, хозяйствуя в одиночку, крестьянин не способен стать реальным субъектом аграрного рынка. Повышение эффективности работы в сельском подворье, увеличение доходов от производства и продажи собственной продукции могут быть достигнуты путем объединения усилий крестьянских хозяйств, их включения в кооперативное движение. Вместе с тем, как показывают результаты исследования, лишь 1,1% сельчан способны объединиться с другими владельцами ЛПХ и создать кооператив по производству или продаже сельхозпродукции в случае потери работы.

Расширить объем своего личного подсобного хозяйства желает пятая часть опрошенного сельского населения (18,4%), примерно столько же (19,8%) ответили, что хотели бы, но не имеют такой возможности, 41,8% жителей села не хотели бы расширять свои личные хозяйства. Для работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, довольно сложно совмещать и без того высо-

кие нагрузки на работе с не менее тяжелым трудом в собственном хозяйстве, отнимающим значительную часть временных ресурсов крестьян. Для 53,5% респондентов препятствием расширения подсобного хозяйства является отсутствие свободного времени. В качестве других факторов, влияющих на отсутствие желания или возможности увеличить объем подсобного хозяйства, были названы отсутствие денежных средств и низкие закупочные цены на сельхозпродукцию (по 28,1% респондентов дали такие ответы), а также нехватка рабочих рук (27,5%) и плохое здоровье (24,9%).

Полученные данные свидетельствуют о том, что личное подсобное хозяйство не носит товарного характера, а ориентировано в основном на потребление внутри семьи и рассматривается как источник выживания в тяжелой жизненной ситуации, дополнительный ресурс для преодоления материальных трудностей. Для такого хозяйства характерны не погоня за прибылью, а поддержание жизнедеятельности семьи, использование при этом всех доступных ресурсов, которые делают ее независимой от нестабильной внешней экономической среды, помогают сохранить материальный и социальный статус.

Отмеченные черты – высокая натурализация и слабая ориентация на рынок – создают предпосылки для привлечения теории трудового крестьянского хозяйства А. В. Чаянова при рассмотрении современных ЛПХ. В таких хозяйствах не ставится цели увеличения дохода путем эффективного использования имеющихся трудовых и иных ресурсов, что свойственно фермерскому хозяйству. В трудные для семьи периоды крестьянское хозяйство такого типа способно на высшую меру эксплуатации, максимальное напряжение трудовых усилий. Когда трудный этап пройден, это же хозяйство автоматически снижает свою трудовую нагрузку, не стремясь максимизировать свой доход.

Спектр выполняемых подсобными хозяйствами функций не ограничивается экономической сферой. Являясь неотъемлемой чертой сельского уклада жизни, крестьянское подворье оказывает существенное влияние на формирование социальных качеств сельского населения, на его отношение к труду. Среди социально значимых функций ЛПХ – трудовое воспитание и профессиональная ориентация сельской молодежи, формирование у молодого поколения хозяйского отношения к земле и природе, воспитание бережного отношения к ним, любви к сельскохозяйственному труду, возможность проявления творческих, деловых и хозяйственных способностей крестьян. Работа в собственном подворье прививает навыки экономного и эффективного ведения хозяйства, является формой проведения досуга. Экологические функции подсобных хозяйств заключаются в производстве и потреблении экологически чистых продуктов питания, сохранении разнообразия генофонда животных и растений, введении в оборот и повышении качества земельных ресурсов. Личное подсобное хозяйство зачастую становится центром и поводом для общения односельчан, предпосылкой для развития сетей взаимной поддержки и взаимопомощи в сельской общине.

Социальные сети и личные подсобные хозяйства можно рассматривать и в качестве механизмов, сдерживающих миграцию сельского населения. Так, согласно результатам проведенного исследования, четверть опрошенного сельского населения (24,2%) хотели бы переехать в город. Основными причинами возникновения такого желания являются низкая заработная плата (так ответили 54,6% респондентов), тяжелые условия труда (27,6%), невозможность дать детям хорошее образование (24,4%). В то же время основной причиной, препятствующей переезду, по словам 37,1% сельчан, является нежелание разрывать привычный круг общения, связи, знакомства. Еще одним значимым сдерживающим фактором наряду с присущей белорусскому крестьянству боязнью всего нового, опасениями, связанными с изменением устоявшегося образа жизни (такой ответ дали 30,2% опрошенных), и отсутствием средств и сбережений (29,7%) является нежелание покидать, оставлять свое личное подсобное хозяйство (эта причина значима для 21,4% жителей села).

Рыночные преобразования оказывают неоднозначное влияние на ситуацию в аграрном секторе, более отчетливым стало выделение лидеров и аутсайдеров, сильных и слабых, выигравших и проигравших на уровне регионов, хозяйств, семей. Понимание многих рыночных процессов становится более полным, если при анализе учитывать особенности психологии, менталитета жителей села, определяющие способы адаптации и модели поведения в новых экономических и социальных условиях.

Такие исторически и генетически обусловленные особенности менталитета, как настороженное отношение ко всему новому, отсутствие склонности к риску, зависимость от внешних обстоятельств, стремление руководствоваться принципом «Жить как все», отстаивать коллективные интересы, и сегодня во многом определяют стратегии поведения сельчан. Указанные черты во многом предопределяют и натурально-потребительский характер большинства ЛПХ. Высокая трудоемкость и физическая тяжесть труда, необходимость значительных временных затрат, недостаток у сельчан материально-технических ресурсов для расширения ЛПХ, низкие закупочные цены на продукцию в совокупности с исторически сложившимися особенностями крестьянского менталитета формируют отношение к личному подсобному хозяйству как к дополнительному ресурсу в преодолении материальных затруднений. Лишь небольшая часть сельчан ведут устойчивое мелкотоварное хозяйство и рассматривают ЛПХ как дополнительный источник денежных доходов.

Несмотря на то что хозяйства населения ориентированы в основном на потребление внутри семьи и не столь значительно повышают уровень материального благосостояния работников села, они являются способом передачи традиционного образа жизни и ментальности сельских жителей. В личных подсобных хозяйствах происходит накопление адаптационных ресурсов к нынешним и будущим переменам. Социальные сети и личные подсобные хозяйства являются важнейшими источниками жизнеспособности села, выживания в тяжелой жизненной ситуации.

Литература

1. Козлова, Н. Н. Заложники слова / Н. Н. Козлова // Социологические исследования. – 1995. – № 3. – С. 129.
2. Корель, Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 378.
3. Виноградский, В. Г. Вне системы: крестьянское семейное хозяйство / В. Г. Виноградский // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 130–144.
4. Великий, П. П. Адаптивный потенциал сельского социума / П. П. Великий, М. Ю. Морехина // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 56.

T. V. KUZMENKO

PECULIARITIES OF THE PEASANT MENTALITY AS A FACTOR OF ADAPTATION TO THE MARKET TRANSFORMATIONS

Summary

The article deals with the problem of the influence of such mentality features as prudence, absence of inclination to risk, conservatism, and collectivism on peasant behavior. The role of social networks and privately owned farms in peasant adaptation to the market reforms has been concerned.

В. С. ТАРАСОВ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР ПРОФИЛАКТИКИ И БОРЬБЫ С КУРЕНИЕМ В БЕЛАРУСИ

В статье рассматривается ситуация и различные методы предупреждения и борьбы с курением в Беларуси. На основе анализа официальных источников, экспертных оценок и мнений опрошенных показывается, что наиболее эффективным средством является предупреждение курения с широкой общественной антитабачной информацией.

Курение является одним из основных факторов риска для здоровья курящих и некурящих людей и негативно влияет на динамику демографических процессов. В течение ряда лет в республике сокращается численность населения, снижается рождаемость, растет смертность от онкологических, сердечно-сосудистых и других заболеваний, которые вызваны злоупотреблением спиртными напитками и курением. Ежегодно увеличиваются расходы государства на лечение и реабилитацию пациентов с различными зависимостями. Наиболее высокие показатели смертности населения зафиксированы среди мужчин среднего и старшего трудоспособного возраста, злоупотребляющих спиртными напитками и курением. По официальным данным, только от заболеваний, связанных с курением, в республике ежегодно умирают более 15 тыс. чел., или 42 чел. в день. Среди курящих мужчины составляют 64,1%, женщины – 19,7%.

Мониторинговые социологические исследования Института социологии НАН Беларуси за период с 2004 по 2007 г. свидетельствуют о некотором уменьшении количества курящих, хотя ситуация с курением в республике существенным образом не меняется. По сравнению с 2005 г. количество курящих в 2007 г. уменьшилось с 35,4 до 32,4%, при этом количество курящих мужчин и женщин осталось на прежнем уровне. Если в 2005 г. количество курящих мужчин составляло 75,1 против 75,9% в 2007 г., то среди женщин показатель курящих составил соответственно 24,9 против 23,9%. Колебание в рамках 1% свидетельствует о достаточно стабильной ситуации с курением среди респондентов мужского и женского пола.

Курение высокими темпами распространяется в младших социально-демографических группах. Особую опасность курение представляет для подростков и несовершеннолетних в период взросления, когда формируется вредная привычка к курению. В России курят 35% мальчиков в возрасте до 15 лет. В Украине и Беларуси от 20 до 30% школьников знакомятся с курением в млад-

шем школьном возрасте – до 10 лет. Среди подростков 13–15 лет регулярно курит каждый третий мальчик и каждая пятая девочка. В последние десятилетия наблюдается тенденция к снижению возраста начала курения, который для мальчиков составляет 12–14 лет, для девочек – 15–16 лет. Зафиксирован рост случаев курения среди детей младшего возраста.

Данные социологических исследований Института социологии НАН Беларуси свидетельствуют о том, что абсолютное большинство подростков и несовершеннолетних начинают курить в возрасте от 10 до 18 лет. Количество курящих прогрессивно растет от 10 до 16 лет, а затем начинает снижаться. В 2007 г. по сравнению с 2005 г. отмечается уменьшение числа курящих в группе от 20 до 29 лет с 10,6 до 7,6% и увеличение числа курящих в группе от 20 до 29 лет с 21,4 до 22,2%. В группе от 30 до 39 лет количество курящих уменьшилось с 28,2 до 23,0% и увеличилось в группах от 40 до 49 лет и от 50 до 59 лет.

Согласно данными социологического исследования (2007 г.), в возрастной группе до 20 лет 12,4% опрошенных курят до 6 сигарет в день, 6,9% – от 6 до 20, 3,3% – более 20 сигарет в день. В возрастной группе от 20 до 29 лет 28,3% респондентов курят до 6 сигарет в день, 22,6% – от 6 до 20, 12% – более пачки в день. Таким образом, в возрастной группе 20–29 лет наблюдается последовательное увеличение числа курящих, которые регулярно выкуривают от 6 до 20 сигарет и более пачки в день. Регулярность курения является показателем сформировавшейся никотиновой зависимости.

Наиболее высокий показатель регулярно курящих от 11 до 20 сигарет в день выявлен среди респондентов со средним общим и средним специальным образованием и составляет соответственно 20,6 и 16,4%. В группе с незаконченным высшим и высшим регулярно курят соответственно 12,5 и 7,9% респондентов. В группах со средним общим и незаконченным высшим образованием 4,8% опрошенных курят более 20 сигарет в день. Распространение курения связано с уровнем образования, сферой и характером профессиональной деятельности.

В последние десятилетия отмечается тенденция к росту курения среди девушек и молодых женщин. Для женщин курение представляет более серьезную опасность в связи с более высоким, чем у мужчин, риском формирования никотиновой зависимости. Многие девушки рассматривают курение как средство самоутверждения, не задумываясь о его вредных последствиях для здоровья.

Профилактика и борьба с табакокурением являются важнейшими направлениями государственной политики в области укрепления здоровья нации и улучшения демографической ситуации. С 2002 г. в республике был принят ряд нормативно-правовых документов, регулирующих деятельности в области контроля над распространением табачных изделий, которые предусматривают как ограничение, так и запрет прямой и косвенной рекламы, продвижение и сбыт табачных изделий. К ним относятся следующие: Декрет Президента Республики Беларусь от 17.12.2002 г. № 28 «О государственном регулировании

производства, оборота, рекламы и потребления табачного сырья и табачных изделий»; Положение о порядке размещения рекламы спиртных напитков и табачных изделий в средствах массовой информации и наружной рекламы спиртных напитков и табачных изделий, утвержденное Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17.03.2003 г. № 349; Постановление Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 22.04.2003 г. № 23/21 «О требованиях к специально предназначенным местам для курения»; план мероприятий по реализации положений Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака от 30.11.2005 и др., в которых определяются основные направления государственной деятельности и комплекс мер в области профилактики и борьбы с курением.

В частности, решением Мингорисполкома от 24.12.2003 г. № 2311 запрещается курение: во всех учреждениях здравоохранения, культуры, образования, спорта, на объектах торговли и бытового обслуживания; на объектах общественного питания за исключением объектов, которые реализуют табачные изделия и имеют специально оборудованные места для курения с действующей системой вентиляции; в помещениях органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов власти; на всех автовокзалах, в подземных переходах и в метро; во всех видах общественного транспорта, в вагонах поездов за исключением поездов дальнего следования.

Более того, индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам, в собственности или хозяйственном ведении которых находятся объекты (помещения), вменяется в обязанность выделить на этих объектах специальные места для курения, оснащенные соответствующими вытяжными и вентиляционными системами. Медицинским и образовательным учреждениям рекомендуется распространять и пропагандировать эффективные методы прекращения курения, вести среди населения, в первую очередь среди подростков и молодежи, курящих родителей и беременных женщин, активную разъяснительную работу о вреде курения для здоровья.

Органами исполнительной власти в различных областях республики был принят ряд строгих мер по борьбе с табакокурением. Было запрещено курение в организациях здравоохранения, образования, на рабочих местах, в гостиницах, помещениях железнодорожных и автовокзалов, парках, спортивных сооружениях, ресторанах, кафе и др. В учреждениях, на предприятиях, в гостиницах, барах, ресторанах и др. были оборудованы специальные места для курения, оснащенные вытяжными и вентиляционными системами. Эти меры создают определенные неудобства курильщикам, которые вынуждены соблюдать правила курения в общественных местах и пользоваться специальными местами для курения, что, безусловно, оказывает влияние на регулярность курения. Однако они существенным образом не повлияли на уменьшение числа курящих.

Благодаря усилению государственного контроля над производством, оборотом и потреблением табачных изделий в республике практически исчезла

уличная торговля табачными изделиями, которой занимались частные распространители. Торговля табачными изделиями осуществляется государственными и частными магазинами, которые имеют государственную лицензию.

Уменьшение потребления населением табачных изделий зависит от эффективности мер профилактики и борьбы с курением, которые используют государственные учреждения здравоохранения, образования, культуры, общественные организации, добровольные общества. Эти меры можно условно разделить на три группы. В первую группу входят информационно-просветительские, образовательные и воспитательные, а также социально-профилактические меры, важнейшей целью которых является распространение среди населения всесторонней информации о вреде курения для здоровья и формирование негативного отношения к курению. Информационно-просветительские меры направлены на предупреждение курения посредством информирования населения об опасности курения и его последствиях для здоровья. Основная цель образовательных и воспитательных мер – сформировать у населения негативное общественное мнение и отношение к курению. Ими широко пользуются социальные работники, учителя, медицинский персонал в практической работе с подростками, несовершеннолетними и молодыми людьми при разъяснении опасности курения и его последствий для здоровья. Вторую группу составляют медицинские и реабилитационные меры, которые непосредственно связаны с профилактикой и лечением пациентов от различных заболеваний, связанных со злоупотреблением спиртными напитками, наркотиками и табачными изделиями. Их целью является оказание медицинской помощи пациентам, которые хотят избавиться от различного рода зависимостей и вернуться к здоровому образу жизни. В третью группу входят административные меры. Они являются прерогативой законодательных и исполнительных органов власти и призваны обеспечить контроль над производством и продажей алкоголя и табачных изделий, ограничить их доступ несовершеннолетним, а также предусматривают административную и уголовную ответственность лиц, которые занимаются контрабандой и распространением табачных изделий. Административные и наказательные меры применяются по отношению к лицам, нарушающим действующие правила торговли табачными изделиями, и за курение в общественных местах.

Согласно данным экспертного опроса, который был проведен Институтом социологии НАН Беларуси в 2008 г., наиболее эффективными методами борьбы с курением 18,6% опрошенных назвали социально-профилактические и 18,1% – образовательные и воспитательные меры, отчасти эффективными их соответственно считают 53,6 и 65,2%, неэффективными – 15,5 и 12,8%. Медицинские меры назвали очень эффективными 15,2% опрошенных, отчасти эффективными – 61,8%, неэффективными – 15,2%. Причем респонденты оценивают эффективность реабилитационных мер выше, чем медицинских. Так, очень эффективными реабилитационные меры считают 26,5% опрошенных, частично эффективными – 51,8%, неэффективными – 9,7%. Менее эффективными эксперты

считают регулятивные и административные методы борьбы с табакокурением. На их высокую эффективность соответственно указали 8,9 и 9,1% респондентов, на частичную эффективность – 43,6 и 43,4%, неэффективными их считают 33,9 и 38,9%. По мнению экспертов, наиболее эффективными мерами профилактики и борьбы с курением большинство опрошенных считают социально-профилактические, образовательные и воспитательные. Опыт борьбы с курением, накопленный медицинским персоналом, социальными работниками, учителями и другими, свидетельствует о том, что повседневная профилактическая работа с населением по разъяснению опасности курения для здоровья, трудностей избавления от этой вредной привычки, риска заболевания и другого является наиболее эффективным средством предупреждения курения и отказа людей от курения. Вместе с тем для успешной борьбы с курением необходимо использовать весь комплекс мер, которые призваны оказать влияние на поведение и отношение человека к курению.

Только 1,3% экспертов считают меры профилактики и борьбы с курением, которые предусмотрены национальными и региональными программами, высокоэффективными. Такого же мнения придерживаются 1,9% экспертов из государственных органов и менее 1% экспертов из общественных организаций, союзов и движений. Считают эти меры малоэффективными 48,6% экспертов из государственных органов, 48,7% – из научных организаций, учреждений образования и культуры, 41,5% – из общественных организаций, союзов и движений против 47,9% экспертов по республике в целом. Абсолютно неэффективными их считают 37,4% экспертов из государственных органов, 39,1% – из учреждений науки, образования и культуры и 46,3 против 38,4% экспертов по всей республике. Затруднились ответить на вопрос 11,3% экспертов в целом. Таким образом, более 86% опрошенных отметили низкую эффективность мер профилактики табакокурения и только 1,3% полагают, что они приносят результаты.

Основной причиной низкой эффективности мер профилактики и борьбы с курением 46% опрошенных в целом считают отсутствие в республике экономических, социальных и культурных условий для решения этой проблемы. Такую точку зрения разделяют 50,4% экспертов из учреждений науки, образования и культуры, 43,9% – из общественных организаций, союзов и движений и 39,7% – из государственных органов. По мнению 36,6% респондентов, эту проблему невозможно решить в ближайшие годы. Этот показатель несколько выше в группе экспертов из государственных органов (37,4%) и научных, образовательных и культурных учреждений (37,4%) и ниже в группе общественных организаций (22%). Государственные служащие и эксперты из учреждений науки, образования и культуры более объективно оценивают масштабы и сложность решения этой проблемы, которая затрагивает интересы государства, общества и личности.

Эффективность мер профилактики курения зависит от социальных, экономических и культурных условий, на основе которых формируется образ жизни.

Необходимо преодолеть массовые стереотипы мышления и поведения, связанные с недооценкой важности таких социальных ценностей, как здоровье и здоровый образ жизни, которые способствуют развитию личности, успешной карьере и достижению жизненных целей. Более 27% экспертов по республике связывают невысокую эффективность этих мер с тем, что государственными структурами и общественностью недооценивается важность борьбы с курением. Этот показатель выше среди экспертов из общественных организаций и движений и составляет 34,1%, среди экспертов из учреждений науки, образования и культуры – 26,1%, среди экспертов из государственных органов – 25,2%. Более 25% опрошенных полагают, что недостаточная эффективность мер связана с отсутствием комплексного подхода в практической реализации антиалкогольной и антинаркотической политики. Эту точку зрения разделяют 36,6% экспертов из группы общественных организаций и союзов, 27,8% – из группы экспертов из учреждений науки, образования и культуры и 21,5% – из представителей группы государственных органов. Причину невысокой эффективности методов профилактики и борьбы с курением 23,2% экспертов по республике видят в ошибках и недостатках в выборе стратегии и тактических средств. Такого же мнения придерживаются 22,4% опрошенных из группы государственных органов, 22% – из группы общественных организаций и союзов и 26,1% – из группы экспертов из учреждений науки, образования и культуры.

Таким образом, основными причинами невысокой эффективности мер борьбы с курением эксперты считают следующие: отсутствие в стране экономических, социальных и культурных условий борьбы с этим явлением, недооценку государственными органами и общественностью важности борьбы с курением, отсутствие комплексного подхода в антитабачной и антиалкогольной политике.

При разработке стратегических направлений борьбы с курением необходимо учитывать совокупность объективных и субъективных факторов, которые влияют на распространение курения среди населения. К объективным факторам относятся: социальный статус, материальное положение, уровень образования, социальные условия жизни, окружение и другие, которые оказывают сильное влияние на мировоззрение, культурные и духовно-нравственные ценности, социальные ориентации и образ жизни людей. В его основе лежит субъективное отношение людей к важнейшим жизненным ценностям: здоровью, работе, семье, друзьям, окружающим людям и др. Большинство людей начинают курить в подростковом или юношеском возрасте, когда у них еще не сформировалось рациональное отношение к собственному здоровью. Многие задумываются о том, что, закуривая первую сигарету просто из любопытства, желая казаться взрослым или выделиться среди своих сверстников, они на всю жизнь рискуют приобрести одну из самых опасных для здоровья вредных привычек.

Согласно данным социологического исследования, 45,5% респондентов считали, что избавиться от вредных привычек и зависимостей может помочь обретение индивидами своего места в обществе и смысла жизни, 37,4 – эф-

эффективная медицинская помощь, 34,2 – любовь, супружество, семья, 33,9 – социальные условия для самореализации личности, 33,4 – нормальная человеческая жизнь, 31,3 – интересная работа, 21,8 – социальная помощь в решении сложных жизненных проблем, 22,1 – отсутствие в семье, на работе и досуге лиц с вредными привычками, 20 – поддержка со стороны приятелей и друзей, 18,2 – интересный досуг, 17,4 – занятия спортом и туризмом, 15% – активное участие в общественной и культурной жизни. Следует обратить внимание на различие мнений экспертов в группах о важности обстоятельств, которые могут помочь людям избавиться от вредных привычек и зависимостей. Так, 38,3% опрошенных из группы научных организаций, учреждений образования и культуры против 29,9% – из группы государственных органов считают таким условием интересную работу. На эффективность медицинской помощи обратили внимание 41,5% опрошенных из группы общественных организаций и движений, 40% – из группы научных, образовательных и культурных учреждений против 34,1% – из группы государственных органов. Так, 29,9% опрошенных из группы государственных органов против 38,3% – из группы научных, образовательных и культурных учреждений полагают, что это – интересная работа. Только 12,2% опрошенных из группы общественных организаций и движений считают, что интересный досуг может помочь людям избавиться от различных зависимостей. Этот показатель на порядок выше в группе респондентов из государственных органов и учреждений науки, образования и культуры и составляет соответственно 18,2 и 19,1%. Таким образом, большинство опрошенных считают, что определение ими места в обществе и смысла жизни, оказание эффективной медицинской помощи, любовь, семья, наличие условий для самореализации личности и другое могут помочь людям избавиться от различных зависимостей.

Наиболее эффективной мерой уменьшения потребления спиртных напитков и сигарет 56,8% опрошенных считают повышение уровня и качества жизни населения. Такого мнения придерживаются 61,2% опрошенных из группы государственных органов, 51,2% – из группы общественных организаций и движений и 49,6% – из группы представителей научных, образовательных и культурных учреждений. Эксперты из всех групп единодушны в том, что повышение уровня и качества жизни населения является наиболее эффективным средством уменьшения потребления алкоголя и табачных изделий.

По мнению 49,7% экспертов, эффективной мерой борьбы с курением является повсеместный запрет рекламы табачных изделий, 47,6 – запрет курения в общественных местах, 47,3 – пропаганда и приобщение людей к здоровому образу жизни, 35,7 – развитие культуры и нравственности, 35,7 – создание центров социально-медицинской и реабилитационной помощи, 21,3 – увеличение и улучшение антитабачной рекламы, 21 – улучшение условий и доступность проведения свободного времени в трудовом коллективе и по месту жительства, 16,5% – распространение информации о вреде курения. Следует обратить внимание на существенное расхождение в мнениях респондентов из

различных групп относительно эффективности распространения информации о вреде курения. Так, 22% опрошенных из группы общественных организаций и движений против 16,8% – из группы государственных органов и 10,4% – из группы учреждений науки, образования и культуры считают эффективным распространение знаний о вреде курения. Несмотря на необходимость распространения знаний о вреде курения, эта мера является далеко не самым эффективным средством профилактической работы среди населения. Эксперты достаточно объективны в оценке эффективности мер предупреждения и борьбы с курением. Таким образом, важнейшим экономическим условием уменьшения курения является повышение уровня и качества жизни, которое должно сопровождаться принятием административных мер по полному запрету рекламы табачных изделий и запрету курения в общественных местах.

По мнению 56% опрошенных, наиболее эффективными мерами профилактики и борьбы с курением являются запрет рекламы табачных изделий в печати и СМИ и крупные штрафы за продажу табачных изделий несовершеннолетним. Далее следуют: увеличение возраста продажи табачных и алкогольных изделий до 21 года – 47,8%; запрет уличной рекламы табака и алкоголя – 43,1; запрет продажи табачных и алкогольных изделий в магазинах и киосках, расположенных рядом с учреждениями образования, и расширение антитабачного и антиалкогольного просвещения в школе – 38; существенное повышение цен на табак и алкоголь – 28,4; размещение информации о вреде курения и алкоголя на пачке или бутылке – 13,1; отказ от прежней маркировки сигарет (легкие, экстралегкие, мягкие и др.) – 7,3; увеличение акцизов на табачные и спиртные изделия – 7,1%. Следует обратить внимание, что 67,8% экспертов из группы учреждений образования, науки и культуры и 61% – из общественных организаций считают наиболее эффективным средством уменьшения курения запрет рекламы табачных изделий в печати и СМИ. За увеличение возраста продажи табачных изделий до 21 года выступают 57% экспертов из группы учреждений образования, науки и культуры.

Вопреки мнению экспертов ВОЗ, которые считают, что повышение акцизов на табачные изделия является важнейшим средством борьбы с курением, белорусские эксперты придерживаются иного мнения. Более эффективными средствами уменьшения курения в Беларуси являются, по мнению экспертов, запрет рекламы на табачные изделия в печати, СМИ и на улицах и введение крупных штрафов за продажу табачных изделий несовершеннолетним.

Главную ответственность за формирование физически здорового и нравственно богатого ребенка несут семья и школа. Ухудшение уровня жизни, бытовых и материальных условий жизни многих семей способствовало ослаблению роли семьи в воспитании ребенка и росту девиантного поведения среди различных категорий молодежи. Это преимущественно подростки и несовершеннолетние из неполных и социально неблагополучных семей, в которых родители имеют невысокий уровень образования, злоупотребляют спиртными напитками, были судимы, плохо материально обеспечены. Среди них наи-

более сильно распространены асоциальные ценности и девиантные формы поведения. На эту социальную группу должна быть направлена профилактическая работа по предупреждению развития вредных привычек и девиантного поведения. Учителя общеобразовательных школ, врачи, психологи, социальные работники должны постоянно работать с подростками и несовершеннолетними и разъяснять им, к каким последствиям может привести употребление алкоголя, наркотиков, летучих токсических веществ и курение. Их следует регулярно привлекать к участию в различных спортивных, культурных и оздоровительных мероприятиях, поручать подготовку выступлений и сообщений перед классом, подбирать материалы для оформления наглядных пособий и информационных стендов по профилактике курения и формированию здорового образа жизни.

Учителя должны тесно взаимодействовать с родителями, прямой обязанностью которых является формирование у ребенка негативного отношения к курению, употреблению спиртных напитков и другим вредным привычкам. Они должны объяснять своему ребенку, что не следует подражать вредным привычкам взрослых и начинать курить. Курение может привести к потере здоровья, серьезным заболеваниям, утрате трудоспособности и др. Необходимо ориентировать детей на занятия физкультурой, спортом, туризмом и такими видами деятельности, которые укрепляют здоровье и способствуют развитию физических и интеллектуальных способностей. Негативное отношение семьи к курению позволит вовремя предупредить развитие этой вредной привычки у ребенка. Эффективной мерой предупреждения курения является категорический запрет родителей на курение в семье. В некурящих семьях дети в меньшей степени, чем в курящих семьях, подвержены риску курения. В значительной степени курение несовершеннолетних зависит от отношения родителей к проблемам ребенка. Они либо не замечают появления этой вредной привычки у своего ребенка, либо недостаточно строги, чтобы вовремя ее пресечь.

Важным объектом профилактической работы по предупреждению курения должны стать родители, дети которых курят или имеют другие вредные привычки. Работой с родителями должны заниматься представители администрации образовательных учреждений, преподаватели, работники социальных служб по месту жительства. В случае необходимости следует обращаться за помощью к участковым. Важными формами работы с родителями являются следующие: приглашение родителей в школу для индивидуальной беседы; посещение семьи для знакомства с родителями и условиями жизни подростков; приглашение родителей на родительское собрание; вызов родителей на заседание педагогического совета.

Несмотря на невысокую эффективность названных форм работы с родителями из социально неблагополучных семей, они необходимы, так как лишний раз позволяют привлечь внимание родителей к вредным привычкам подростков, выявить их отношение к успеваемости, поведению и организации досуга детей. Необходимо выявлять среди учащихся младшего и среднего возраста

детей с дурными наклонностями, у которых еще не сформировались вредные привычки. Важнейшей задачей классных руководителей и медицинских работников в школе должно стать предупреждение и пресечение развития вредной привычки курения среди учащихся. Предупредить развитие вредной привычки курения в подростковом возрасте можно путем изменения социального окружения подростка и вовлечения его в культурные, спортивные и иные виды деятельности, которые вызывают интерес.

Важным условием формирования среди молодежи ориентации на здоровый образ жизни является улучшение материально-технической базы учебных заведений, оснащение их компьютерной техникой, оборудование спортивных залов, теннисных кортов, футбольных и волейбольных площадок необходимым инвентарем, открытие спортивных секций и кружков, приглашение квалифицированных тренеров и педагогов. Участие молодежи в кружках художественного творчества, самодеятельности, спортивных секциях и мероприятиях способствует развитию у нее таких качеств, как целеустремленность, художественный и эстетический вкус, сила воли, выносливость и др. Следует обратить внимание на опыт зарубежных стран и проводить среди учреждений образования районные, региональные и республиканские спортивные соревнования. Администрация образовательных учреждений республики должна поощрять участие молодежи в таких соревнованиях, которые позволяют молодым людям самоутвердиться и завоевать авторитет у преподавателей и сверстников. Таким образом, важным условием формирования здорового образа жизни и предупреждения вредных привычек является улучшение материальной базы образовательных, спортивных, культурных и развлекательных учреждений, их доступность для различных категорий населения, которые стремятся укрепить свое здоровье, заниматься в спортивных кружках, секциях, группах. Занятие молодежи физической культурой и спортом, ее участие в различных кружках, соревнованиях, культурных мероприятиях и другое будет способствовать уменьшению риска формирования вредных привычек и девиантного поведения.

Курение и другие вредные привычки являются более распространенными среди молодежи из детских домов, школ-интернатов и учащихся ПТУ, чем среди других категорий молодежи. В школах, профессионально-технических училищах и технических колледжах необходимо организовать стационарные наркологические службы по профилактике вредных привычек и помощи желающим избавиться от них. Одной из основных обязанностей наркологов является профилактическая и реабилитационная работа среди учащихся, а также консультативная помощь педагогическому и медицинскому персоналу по подготовке антитабачных мероприятий, оформлению наглядных пособий, стендов и компьютерных сайтов о вреде курения. Наркологические службы должны уделять особое внимание профилактике табакокурения среди девушек. Своевременное выявление курящих среди школьниц и молодых девушек, оказание им консультативной и медицинской помощи позволят предупредить формирование у них табачной зависимости и помочь им избавиться от курения.

Профилактическая работа в учреждениях здравоохранения по предупреждению среди населения распространения наркотиков, спиртных напитков и курения имеет важнейшее значение. Для повышения эффективности профилактической работы по предупреждению курения необходимо как можно чаще приглашать врачей – наркологов, психиатров и неврологов к участию в публичных лекциях, беседах, радио- и телепрограммах по проблемам формирования здорового образа жизни и борьбы с курением. Среди различных форм информационной и культурно-просветительной работы (лекции, групповые беседы, брошюры, плакаты и др.) советы и рекомендации врачей являются наиболее эффективными.

Большую помощь профилактической работе среди различных категорий молодежи должны оказать врачи образовательных учреждений и отделений медико-социальной помощи детских поликлиник. Систематическая и целенаправленная работа медицинского персонала, педагогов, социальных работников, представителей добровольных обществ, общественных, международных организаций по антитабачному просвещению и образованию населения, в особенности подростков, несовершеннолетних и молодежи, может оказать сильное влияние на формирование в обществе негативного отношения к курению и способствовать уменьшению потребления табачных изделий.

Необходимо активизировать деятельность районных, городских и республиканских центров гигиены и эпидемиологии по профилактике курения. Основными направлениями деятельности центров гигиены и эпидемиологии и центров медицинской профилактики должны стать планирование, организация и проведение среди населения, особенно среди несовершеннолетних и молодежи, профилактической работы по предупреждению вредных привычек и формированию здорового образа жизни. Широкая информация о вреде курения, а также координация деятельности государственных и общественных организаций по профилактике и борьбе с табакокурением являются важными вехами на пути формирования в обществе здорового образа жизни.

V. S. TARASOV

EFFICIENCY OF MEASURES OF PREVENTION AND STRUGGLE WITH SMOKING IN BELARUS

Summary

The article deals with the situation and different methods of prevention and struggle with smoking in Belarus. On the base of analysis of official sources, experts evaluations and public opinion it is shown that the most efficacious way is a smoking prevention combined with a large public antitobacco information.

Научное издание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 1

Редактор *И. Л. Дмитриенко*

Художественный редактор *Т. Д. Царева*

Технический редактор *М. В. Савицкая*

Компьютерная верстка *Л. И. Кудерко*

Подписано в печать 29.03.2010. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,14.
Уч.-изд. л. 22,9. Тираж 120 экз. Заказ 150.

Издатель и полиграфическое оформление:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
ЛИ № 02330/0494405 от 27.03.2009. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.